

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ДОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Акмуллы

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

*Материалы
VI Международной научно-практической конференции,
приуроченной к 180-летию со дня рождения М. Акмуллы
16 декабря 2011 года*

II Том

Уфа 2011

УДК 821.512
ББК 83.3(2Рос=Баш)
Г 94

*Печатается по решению функционально-научного совета
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы*

Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 180-летию со дня рождения М. Акмуллы, 16 декабря 2011 г. – Уфа: Издательство БГПУ, 2011. – 300 с.

В сборник вошли материалы, представленные участниками Шестых Акмуллинских чтений, приуроченных к 180-летию со дня рождения выдающегося поэта и просветителя тюркских народов. В 2011 году в конференции приняли участие более 100 ученых из России, стран ближнего и дальнего зарубежья: Индии, Китая, США, Венгрии, Болгарии, Казахстана, Узбекистана и других стран.

В издание включены материалы секции «Язык, литература, культура в развитии идей просветительства».

Редакционная коллегия: А.Ф. Мустаев (отв. ред.)
Х.Х. Галимова
Н.У. Халиуллина
О.С. Тарасенко

ISBN 978-5-87978-589-0
ISBN 978-5-87978-590-6

© Издательство БГПУ, 2011

Содержание

СЕКЦИЯ «Язык, литература, культура в развитии идей просветительства»

<i>Ф.А. Абдуллина</i> МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЕКСИКИ РЫБОЛОВСТВА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	7
<i>М.В. Аблин</i> ЮРИСЛИНГВИСТИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	10
<i>Р.А. Абуталипова</i> СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	13
<i>Р.М. Акбашева</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ БАЙРОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ..	17
<i>М.К. Амангазиева</i> ЛЕКСИКОГРАФИЯДАҒЫ ӘЛЕМНИҢ ТІЛДІК БЕЙНЕСІ.....	19
<i>М.К. Амангазиева</i> ҚҰС ЖОЛЫ ТІРКЕСІНІҢ ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕГІ КӨРІНІСІ	24
<i>Л.Ш. Арсланов</i> АНТРОПОНИМИЯ МАРИЙЦЕВ ДЕРЕВНИ МАРИ СУКСЫ (ЙУШТО ПАМАШ) АКТАНЫШСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	28
<i>М.Ф. Ахмадиев</i> ТЕРРИТОРИЯ ВЕСТЕРНА	32
<i>И.И. Ахтамьянова</i> О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДУХОВНОСТЬ» И «КОГНИТИВНАЯ КУЛЬТУРА»	34
<i>С.Б. Аюпова</i> ФУНКЦИИ ДЕТЕРМИНАНТА ВРЕМЕНИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И.С. ТУРГЕНЕВА.....	38
<i>М.А. Баркова</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО КАК МЕТОД ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. М. ШУКШИНА).....	42
<i>А.М. Борамбаева</i> ЭПОС ЖАНРЫНДАҒЫ «БАТЫР» КОНЦЕПТИСІНІҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ ..	46
<i>Д.А. Борисов</i> О СИНКРЕТИЗМЕ ПЕРВЫХ СЛОВ.....	49
<i>Е.А. Бурцева</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР В.Г. РАСПУТИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	51
<i>А.И. Валиева</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО КОРНЯ *БЛЕСК.....	54
<i>Г.Р. Галиева</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА (на примере фразеологизмов русского, немецкого и башкирского языков).....	57
<i>Х.Х. Галимова, Н.Р. Галимова</i> «СЧАСТЬЕ» КАК ТЕЛЕОНОМНЫЙ КОНЦЕПТ	62
<i>К.И. Галишина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «ТӘРӘЗӘ» («ОКНО») В РАССКАЗЕ А. ГИЛЯЗОВА «ТӘРӘЗӘЛӘР» («ОКНА»).....	64
<i>Ф.Г. Галлямов</i> ТАТАР ТЕЛЕ ДӘРЕСЛӘРЕНДӘ КАБАТЛАУЛАРНЫҢ БӘЙЛӘҮ ФУНКЦИЯЛӘРЕН АЧЫКЛАУ	68
<i>Р.К. Гарипов</i> ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ КОМПЕТЕНЦИЙ	71

<i>Ravil Garipov, Damaris Manuchi</i>	
LES PROBLÉMES DU DIAGNOSTIC LINGUISTIQUE POSÉS PAR LA TRADUCTION MÉDICALE	74
<i>А.Р. Гарипова</i>	
РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КЛИШЕ	79
<i>С.Д. Егинова</i>	
К СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА <i>КӨРСҮӨ</i> 'СКРОМНЫЙ, СМИРНЫЙ'	82
<i>Қ.Е. Есенова, Ш.С. Баядилова</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЗМ НЕГІЗІНДЕ ОЙЛАУДЫҢ АССОЦИАТИВТІ СИПАТЫ	85
<i>А.Б. Есказина</i>	
ҚАЗАҚ ФРАЗЕОЛОГИЯСЫ МЕН МӘТІН ҚҰРУДЫҢ АРАҚАТЫСЫ	89
<i>О.Н. Ефимова</i>	
«ROOTS AND WINGS» («КОРНИ И КРЫЛЬЯ»)	93
<i>Л.М. Зиннатуллина</i>	
ТАТАР ХАЛЫК ЖЫРЛАРЫНДА РУС АЛЫНМАЛАРЫ	95
<i>Г.А. Зулкашева, Н.З. Турғалиева</i>	
СӨЗ ҚАДІРІ – ӨЗ ҚАДІРІҢ	98
<i>Р.М. Иксанова</i>	
АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	102
<i>И.В. Имаева</i>	
БАСЕННОЕ НАЧАЛО В СКАЗКАХ О ЛИСЕ-ИСПОВЕДНИЦЕ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ПОВЕСТЯХ	105
<i>Э.Н. Ирнараров</i>	
НАИМЕНОВАНИЯ ТАНКОВ И АРТИЛЛЕРИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1918 гг.)	108
<i>А.С. Исакова</i>	
ТІЛДІК ТҮЛҒАНЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ШЕТЕЛ ӘДЕБИЕТІНІҢ РӨЛІ	111
<i>С.С. Исакова</i>	
ТЕРМИНДЕР АРҚЫЛЫ АҚПАРАТТЫҢ БЕРІЛУІ	115
<i>Б. Қалиұлы</i>	
ӨСІМДІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ ТІЛДІК ПЕРИФРАЗДАР	120
<i>Г.У. Калимуллина</i>	
О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕПОЛНЫХ И ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	123
<i>А.Ж. Калыбаева</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ МАҢЫЗЫ БАР ДЕРЕКТЕРІ	127
<i>М.А. Кальметьева</i>	
РЕЦЕПЦИЯ ДРАМАТУРГИИ Т. СТОППАРДА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «ROCK 'N' ROLL»)	131
<i>Б.С. Карагулова</i>	
ПРОБЛЕМА НЕОЛОГИЗАЦИИ УСТАРЕВШИХ СЛОВ	134
<i>З.С. Каримова</i>	
КЕШЕНЕҢ ФИЗИК ХАЛӘТЕН БЕЛДЕРГӘН ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР (Аяз Гыйләжәв прозасы материалында)	138
<i>А.С. Кобыскан</i>	
ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ	141
<i>А.Г. Косов</i>	
ЛОКАЛЬНАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ВУЗОВСКОГО КУРСА «ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ»	145
<i>М.А. Кулак</i>	
МОТИВЫ ФИЛОСОФИИ А.ШОПЕНГАУЭРА В РОМАНАХ ТОМАСА ГАРДИ	150

<i>И.Д. Кулмуринова</i>	АҒЫЛШЫН ФРАЗЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ	152
<i>Р.И. Латыпов</i>	РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИН ХЕЗМӘТЛӘРЕ – ИДАРӘ ИТҮ ПРОЦЕССЫНДА ЯРДӘМЧЕ.....	156
<i>А.В. Леднева</i>	ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	160
<i>М.В. Лобода</i>	ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ В РАЗГОВОРНОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	163
<i>Ю.В. Маскаева</i>	ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОДНОГО ЯЗЫКА	167
<i>Т.И. Матвеева</i>	ЮРИСЛИНГВИСТИКА НА СЛУЖБЕ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «НАГРАДНОЙ ДОКУМЕНТ»).....	170
<i>С.В. Мотин</i>	ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА В 1850-Е ГОДЫ	174
<i>А.К. Никулина</i>	«ЛОТЕРЕЯ» К. ПРИСТА И «ЭГИПЕТ» Д. КРАУЛИ: МОТИВ «НЕНАПИСАННОЙ КНИГИ»	181
<i>Г.У. Нурфайзова</i>	ОРЫС ТІЛІНЕН ЕНГЕН СӨЗДЕРДІҢ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ ҚЫСҚАРТЫЛЫП ҚОЛДАНЫЛУЫ	185
<i>В.А. Петишева, А.А. Петишев</i>	МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПОЖАР»	189
<i>И.О. Прокофьева</i>	ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ ИГОРЯ ФРОЛОВА «НАША МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА» (ИЗ ЦИКЛА «ТЕОРИЯ ТАНЦА»)	197
<i>Ю.В. Псянчин</i>	ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА	201
<i>В.И. Рогачев, Е.Н. Ваганова</i>	МИРОВОЕ ДРЕВО КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ФИННО-УГОРСКОЙ МИФОЛОГИИ (на примере мордовского фольклора)	207
<i>Ф.С. Сайфулина</i>	ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЖАН РӘХӘТЕ» ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ	211
<i>А.А. Саяхов</i>	СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ	215
<i>Т.Л. Селитрина</i>	ЕДИНСТВО МИРА И МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР (АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ).....	219
<i>Т.Л. Селитрина</i>	ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК КОМПОНЕНТ ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ	221
<i>Т.Л. Селитрина</i>	«УФАВЕДЕНИЕ» КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.....	223
<i>Т.Л. Селитрина</i>	СИСТЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	226
<i>Е.В. Сергеева</i>	ПОВСЕДНЕВНЫЙ ЗАСТОЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ ЧУВАШЕЙ.....	229
<i>Х.Х. Сулайманова</i>	УКУЧЫЛАРНЫҢ ЯЗМА ЭШЛӘРЕНДӘ ОЧРЫЙ ТОРГАН ХАТАЛАР ҺӘМ АЛАРНЫ БЕТЕРҮ ЮЛЛАРЫ	231

<i>Р.Ф. Сулейманов</i>	БАШКОРТСТАН ТАТАР ПРОЗАСЫНДА КЫРЫС РЕАЛИЗМ ЧАЛЫМНАРЫ.....	235
<i>Zh. I. Sultan</i>	ANALYSIS OF ARGUMENTS CONCERNING THE RACE-PHYSIOLOGICAL CONDITIONS OF SYNHARMONIZM.....	241
<i>Л.И. Султанова</i>	САБЛУКОВ ГОРДИЙ СЕМЕНОВИЧ – ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК КОРАНА	243
<i>Т.А. Терентьева</i>	ТРАДИЦИИ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ АКСАКОВЫХ)	246
<i>Л.Н. Фаттахова</i>	БЕЛЕМ ЁМ ТӘРБИЯ БИРҮДӘ Р. ФӘХРЕДДИН МИРАСЫ.....	249
<i>Л.Г. Хабибов</i>	ПРИЧИНЫ НЕВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМЫ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НА -АУ, -ӘУ ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ВОСЕМЬ (8) И ДЕВЯТЬ (9) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	252
<i>Д.Г. Халикова</i>	НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ	255
<i>А.Г. Хәлиуллина</i>	К.КАРА ПРОЗАСЫНДА ТӨП МОТИВЛАР.....	260
<i>Н.У. Халиуллина</i>	МӨНӘСӘБӘТ БЕЛДЕРҮЧЕ ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ СЕМАНТИК КЫРЫНДА “ЯРАТУ” КОНЦЕПТЫ.....	264
<i>Э.У. Халиуллина</i>	СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ КАК КУЛЬТУРООРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ .	270
<i>Л.Т. Хамидова</i>	ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КУХНИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Т. АКСАКОВА.....	272
<i>А.Ф. Ханова</i>	НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СЛОВА ЮК.....	279
<i>А.Г. Шайхулов</i>	КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	281
<i>Р.М. Юнусова</i>	ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПСАЛМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА.....	284
<i>И.Н. Ющенко</i>	ОБРАЗЫ И МОТИВЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В ПОЭМЕ А.АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ».....	289

СЕКЦИЯ
«Язык, литература,
культура в развитии идей просветительства»

Ф.А. Абдуллина,
к.ф.н., доцент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ
ЛЕКСИКИ РЫБОЛОВСТВА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В лексике рыболовства значительное место занимают многокомпонентные названия. Самое большое количество многокомпонентных названий зафиксировано в «Русско-татарском, татарско-русском словаре биологических терминов» (2001). В словаре из 623 названий лексики рыболовства около 140 многокомпонентны. Многокомпонентные названия зафиксированы и в диалекталогиических словарях. Так, в «Словаре диалектов сибирских татар» Д.Г.Тумашевой (1992) их два.

Названия, состоящие из трех и более компонентов, встречаются в научных и научно-популярных изданиях. Хотя в трудах конца XIX века таких названий нет. Но, уже начиная с 1932 года фиксируются трех- и четырехкомпонентные названия рыб: *көмешсыман амур каракәсе* 'карась амурский трубковидный' [5; 32]. В научно-популярной книге В.Б. Сабунаева «Интересная ихтиология» (1970) встречаем трехкомпонентные названия: *сөялле усал балык* 'бородавчатка страшная', *капчыксаңаклы жәен* 'сом мешкожаберный'.

В татарском языке такие названия являются составными терминами. Они, в основном, состоят из трех, реже четырех, а иногда из пяти знаменательных слов. И чем больше компонентов в составе таких названий, тем конкретнее раскрывается их семантика. Например, *кыртыш* 'ерш', *диңгез кыртышы* 'ерш морской' и *буй-буй диңгез кыртышы* 'трехполосый морской ерш'. Итак, для многокомпонентных названий характерна способность деривации: из составных терминов, имеющих видовое понятие, образуются названия подвидов рыб данного семейства: *киңмаңгай* 'широколобка' – *бөкре киңмаңгай* 'широколобка горбатая', или же *ташбааш* 'бычок' – *түгәрәк ташбааш* 'бычок-кругляк', *чапкын ташбааш* 'бычок-гонец', *жәирән ташбааш* 'бычок-рыжик', *өч тешле карасу ташбааш* 'бычок черный трехзубый', *акканатлы амур ташбашы* 'пескарь амурский белоперый', *буй-буйлы өчтешле ташбааш* 'бычок полосатый трехзубый'.

Многокомпонентные названия лексики рыболовства в татарском языке образуются по следующим моделям:

Прилагательное + сложное существительное. В таких названиях первый компонент конкретизирует второй по цвету : *алтын табан балык*

‘карась золотой’, *көмөш табан балык* ‘карась серебряный’, диал. *кызыл күзчабак* ‘сорога’, *жүрөн ташбааш* ‘бычок рыжик’, *кара амур балыгы* ‘черный амур’, *тимгелле атбалык* ‘конь пятнистый’; по форме тела: *йомры ташбааш* ‘бычок-кругляк’, *бөкре киңмаңгай* ‘широколобка горбатая’, *түгэрэк ташбааш* ‘бычок кругляк’; по характерным особенностям того или иного органа: *йолдызлы карачкыбалык* ‘звездчатая пуголовка’, *панцирьлы жүөн балык* ‘сом панцирный’, *панцирьлы төлке балык* ‘акула лисья панцирная’, *тәңкәле госман балык* ‘осман чешуйчатый’, *электрлы елан балык* ‘угорь электрический’, *электрлы жүөн балык* ‘сом электрический’. Среди многокомпонентных названий, образованных по модели прилагательное + сложное существительное, встречаются символические названия (*гади ташбааш* ‘пескарь обыкновенный’, *гади еланбалык* ‘угорь обыкновенный’) и названия, где первый компонент указывает на характерную повадку рыбы (*чапкын ташбааш* ‘бычок-голец’), либо на наличие того или иного органа рыбы (*мыеклач карп балык* ‘барбус’, *мыеклы кушбааш* ‘голавль’).

Как видно, в качестве первого компонента выступают прилагательные и корневые, и образованные с помощью суффиксации, причем корнем может быть и заимствованное слово.

Существительное + сложное существительное с суффиксом принадлежности. В названиях, входящих в эту группу, первый компонент выступает в роли конкретизирующего. Он может указывать на цель: *ау кирәк-яраклары* ‘снасти’; на фамилию ученого, впервые зарегистрировавшего данный вид: *Кларк сөләйман балыгы* ‘лосось Кларка’, *Коротнев киңмаңгае* ‘широколобка Коротнева’; на место обитания рыбы: *Амур эт балыгы* ‘вьюн амурский’, *Арал майбалыгы* ‘шемая аральская’, *Арал чәнечкеле балыгы* ‘колюшка аральская’, *Днестр комкорсагы* ‘пескарь днестровский’, *Кырым майбалыгы* ‘шемая крымская’, *Лена комкорсагы* ‘пескарь ленинский’, *Маньчжурия комкорсагы* ‘пескарь маньчжурский’, *Кура жүлем балыгы* ‘уклейка курунская’, *Сахалин чәнечкеле балыгы* ‘колюшка сахалинская’, *Фарсы жүлембалыгы* ‘уклейка персидская’, *Себер йомры чабагы* ‘елец сибирский’, *Төркестан комкорсагы* ‘пескарь туркестанский’, *ком киңмаңгае* ‘широколобка песчаная’, *ком ташбаашы* ‘бычок песчаник’, *күл сөләйман балыгы* ‘лосось озерный’, *елга еланбалыгы* ‘угорь речной’, *таш киңмаңгае* ‘широколобка каменная’, *диңгез телбалыгы* ‘морской язык’, *диңгез корбан балыгы* ‘морской лещ’.

Сложное прилагательное + существительное. Эту группу многокомпонентных названий составляют ихтионимы *нәзеккойрыклы жумба* ‘налим тонкохвостый’, *күпчәнечкеле кыртыш* ‘ерш многоиглый’, *озынчәнечкеле кыртыш* ‘ерш длинноиглый’, *мөгезтешле балык* ‘рогозуб’, *зуркорсаклы балык* ‘пузанка’, *катыяпмалы чуртан* ‘панцирная щука’, *киңмаңгайлы кефаль* ‘кефаль-лобан’, *кызылиренле опты* ‘жерех красногубый’, *кабырчыктәңкәле карп* ‘карп чашуйчатый’, *ыржыктешле балык* ‘скалозуб’, *сусиптергеч балык* ‘брызгун’, *тарактешле акула* ‘акула греб-

незубая', *хәнжәркойрыклы скат/ чәнечкекойрыклы скат* 'скат-хвосток', *капчыксаңаклы жәен* 'сом мешкожаберный', *яктырта торган анчоус* 'анчоус светящийся'. В вышеперечисленных названиях определяемым компонентом является название *балык* 'рыба' либо название основного представителя данного подвида.

Сложное существительное + существительное с суффиксом принадлежности. В названиях, составляющих эту группу, первый компонент – сложное существительное, как правило, название рек и т. п., выступает в роли определителя, а второй компонент – либо слово *балык*, либо название основного представителя данного вида. Например, *Ерак Көнчыгыш сардинасы* 'сардина дальневосточная', *Тын океан кыртышы* 'ерш тихоокеанский', *Кара диңгез шыртракасы* 'ерш черноморский'.

Сложное существительное + сложное существительное с суффиксом принадлежности. В таких названиях средством связи между сложными существительными выступает изафет второго типа. Обычно первое сложное существительное конкретизирует второе по месту обитания: *Ак диңгез сөләйман балыгы* 'лосось беломорский', *Днепр-Азов майбалыгы* 'шемая днепровско-азовская', *Кара диңгез майбалыгы* 'шемая черноморская', *Кара диңгез энә балыгы* 'игла-рыба черноморская', *Көнъяк елгыр балыгы* 'быстрянка южная', *Көнчыгыш корбан балыгы* 'лещ восточный', *Көнчыгыш елгыр балыгы* 'быстрянка восточная'; в единичных случаях конкретизирует со стороны какого-либо органа рыбы: *корычбаи сөләйман балыгы* 'стальноголовый лосось'.

Сложное прилагательное + сложное существительное: *торбасыман еланбалык* 'угорь трубовидный', *акканатлы комкорсак* 'пескарь белоперый', *буй-буйлы елгыр балык* 'быстрянка полосатая', *буй-буйлы тәңкәсез балык* 'голец полосатый', *ясыбашлы киңмаңгай* 'широколобка плоскоголовая', *очлыкүкрәкле амур балыгы* 'острогрудка амурская', *зурбашлы киңмаңгай* 'широколобка большеголовая', *сигезмыеклы тәңкәсез балык* 'голец восьмиусый', *өчәнәле чәнечкеле балык* 'колючка трехиглая', *буй-буй диңгез кыртышы* 'ерш полосатый морской'.

Существительное (фамилия ученого) + сложное существительное + сложное существительное на -ы/-е: *Солдатов итләчирен комкорсагы* 'пескарь-губач Солдатова', *Черский итләчирен комкорсагы* 'пескарь-губач Черского'.

Как показывает анализ изученного материала, по некоторым моделям образованы по одному названию.

Сложное прилагательное на -лы + существительное + сложное существительное: *акканатлы Амур ташбашы* 'бычок амурский белоперый'.

Сложное прилагательное на -ле + прилагательное + сложное существительное: *өчтешле карасу ташбаш* 'бычок темный трехзубый'.

Существительное + прилагательное + сложное существительное: *Амур кара корбан балыгы* ‘лещ черный амурский’.

Сложное прилагательное + сложное прилагательное + сложное существительное: *өчтешле буй-буй ташбаш* ‘бычок трехзубый полосатый’.

Сложное существительное + существительное + сложное существительное: *Көнъяк Каспий аккузе* ‘белоглазка южнокаспийская’.

Таким образом, наиболее продуктивными способами образования названий лексики рыболовства являются словосложение, суффиксация. А наиболее продуктивными типами образования сложных слов по праву считаются: тип существительное + существительное и тип существительное + существительное с суффиксом принадлежности. В образовании названий участвуют около 20 суффиксов. Многокомпонентные названия чаще всего образуются по моделям прилагательное + сложное существительное, существительное + сложное существительное с суффиксом принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 192с.

2. Нафиков Ш.В. К определению семантической структуры названий рыб в башкирском языке// Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа, 1983. – С.55-59.

3. Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов/ Сост.: Халидов А.Б., Гаранин В.И. – Казань: Магариф, 2001. – 79с.

4. Сабунаев В.Б. Кызыклы ихтиология. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1970. – 276б.

5. Тужилин Н.А. Кызыклы дөнъя/ Тәржемәче Ф.Шәрифүллин. – Казан, 1969. – 225б.

*М.В. Аблин,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ЮРИСЛИНГВИСТИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

Юрислингвистика – сравнительно молодая прикладная наука, предметом изучения которой является область пересечения лингвистики и права. Судебная лингвистическая экспертиза, которая рассматривается как отрасль юридической лингвистики [1; 31], – одна из центральных проблем данного направления научных знаний. Исследованиями в этой области занимаются А.Н. Баранов, Н.Д. Голев, К.И. Бринев (следует упомянуть Сибирскую ассоциацию лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС)). Практические рекомендации к проведению лингвистической экспертизы содержатся в работах представителей Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) под руководством

М.В. Горбаневского, расположенной в Москве (среди данных исследований особо отметим труды Е.И. Галяшиной).

В гражданском, уголовном и арбитражном процессе часто возникает потребность в специальных познаниях в области лингвистики (при производстве экспертиз): по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, в рамках расследования уголовных дел об оскорблении, клевете, распространении материалов противоправного содержания, возбуждающих национальную, расовую, религиозную вражду, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам, насилию и пр. При этом в юрислингвистике отсутствует единообразный подход к определению лингвистической экспертизы: используются формулировки *судебная лингвистическая экспертиза*, *заключение эксперта*, *заключение специалиста*, *судебная лингвистическая экспертиза в широком и узком смысле*. На наш взгляд, это вызвано тем, что определение лингвистической экспертизы зафиксировано как в федеральных законах, так и в многочисленных теоретических исследованиях лингвистов. Учитывая пограничный характер юрислингвистики, мы попытаемся провести разграничение категорий *лингвистическая экспертиза* и *заключение специалиста* (иногда используется термин *лингвистическое исследование*) с позиций не только юрислингвистики, но и требований нормативно-правовых актов.

Приведем определения лингвистической экспертизы текста в широком смысле. Е.И. Галяшина рассматривает термин экспертиза очень широко, относит к нему исследования, проводимые сведущими лицами при решении вопросов, касающихся интересов государства, общественных организаций, отдельных граждан. Экспертизы проводятся практически во всех сферах человеческой деятельности. Е.И. Галяшина отмечает, что экспертизы могут быть как судебными, так и внесудебными (например, лингвистическая экспертиза законопроекта, патентная экспертиза и т.д.) [2]. Е.А. Колтунова определяет лингвистическую экспертизу как особый вид языковедческого исследования, в котором объединяются различные лингвистические и экстралингвистические параметры; при этом часто в одном заключении требуется рассмотреть лексико-семантические и лексико-грамматические параметры, особенности синтаксиса, специфику организации и структурирования текста, особенности стилистики, дать исторический комментарий [3].

В узком смысле под лингвистической экспертизой текста понимается судебная лингвистическая экспертиза (т.е. проводимая в соответствующих правоохранительных и судебных органах).

А.Н. Баранов при классификации лингвистических экспертиз выделяет *официальные экспертизы*, которые выполняются по постановлению суда или органов дознания и имеют статус доказательств, и *инициативные* (неофициальные) *экспертизы*, которые выполняются по инициативе лю-

бых заинтересованных физических и юридических лиц (ответчиков, истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций и т.д.) [4; 13]. Инициативные экспертизы, утверждает А.Н. Баранов, чаще называются *заключением специалиста*. Определение экспертизы А.Н. Баранова соотносится с определением судебной экспертизы, закрепленным в нормативно-правовых актах. В нем уже отражен инициатор проведения экспертизы (суд или органы дознания, следствия).

Рассмотрим определения рассматриваемых категорий, сформулированные в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. (далее – ФЗ) [5] и Уголовно-процессуальном кодексе РФ от 18 декабря 2001 г. (далее – УПК РФ) (именно в данных нормативно-правовых актах проводится разграничение между *судебной экспертизой*, *заключением эксперта* и *заключением специалиста*, статья 9 ФЗ от 31 мая 2001 г. и статья 80 УПК РФ):

1) *судебная экспертиза* – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу;

2) *заключение эксперта* – письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. Под заключением эксперта также принято понимать представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами;

3) *заключение специалиста* – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Таким образом, основные отличия *заключения эксперта* от *заключения специалиста* заключаются, во-первых, в субъекте-инициаторе проведения данного процессуального действия (вопросы для дачи заключения специалиста ставятся, как правило, не представителями правоохранительных органов (например, адвокатами), в то время как основным инициатором проведения судебной экспертизы являются суд, орган дознания или следователь), во-вторых, в детальной регламентации производства судебной экспертизы: требования к данному процессуальному действию в рамках уголовного процесса закреплены в УПК РФ и ФЗ от 31 мая 2001 года.

Итак, понятия *судебная экспертиза*, *заключение эксперта* и *заключение специалиста* четко разграничиваются только на уровне соответствующих законодательных актов. На наш взгляд, термин *лингвистическое исследование* не совсем корректен, так как под ним может пониматься и заключение эксперта-лингвиста (которое также представляет собой исследо-

вание (исследовательская часть экспертизы), и заключение специалиста-лингвиста (как отдельный документ).

Сформулируем определения рассматриваемых понятий с позиций юрлингвистики. *Судебная лингвистическая экспертиза* – это особый вид языковедческого исследования, в котором объединяются различные лингвистические и экстралингвистические параметры, проводимого экспертом в области лингвистики по постановлению суда или органов дознания, следователя. Это исследование выполняется в соответствии с процессуальными правилами, закрепленными в законодательстве, и имеет статус доказательства по гражданскому или уголовному делу. *Заключение эксперта* – это письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом-лингвистом. *Лингвистическое заключение специалиста* – это представленное в письменном виде суждение по вопросам лингвистического характера, поставленным перед специалистом в области лингвистики любыми заинтересованными физическими и юридическими лицами (ответчиками, истцами, адвокатами, и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

2. Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=147>.

3. Колтунова Е.А. К вопросу о юридическом статусе лингвистической экспертизы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=132>.

4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 592 с.

5. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. [Электронный ресурс – ГАРАНТ]. – Режим доступа: <http://iv2.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.

*Р.А. Абуталипова,
д.ф.н., профессор СГПА им. Зайнаб Бишиевой (г. Стерлитамак)*

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Системно-структурная организация разноуровневых языковых средств, взаимодействующих на семантико-функциональной основе, называется функционально-семантическим полем. Морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексико-грамматические, лексические,

контекстуальные и др. средства, объединенные общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений, составляют функционально-семантическое поле (далее ФСП) аспектуальности.

Полевой подход при анализе грамматических явлений в отечественном языкознании разработан во второй половине XIX в. в трудах В.Г. Адмони, М.М. Гухман, Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельса, А.В. Бондарко и др.

В интерпретации В.Г. Адмони типическим случаем структуры поля грамматической единицы является такое построение, при котором она обладает центром и периферией. Ее центр (сердцевина) образуется оптимальной концентрацией всех совмещающихся в данной единице признаков. Периферия состоит из большего или меньшего числа образований разной емкости (иногда сводящихся к отдельному слову или к отдельной форме слова) с некомплектным числом этих признаков [1].

Система же ФСП охватывает поля, значительно отличающиеся друг от друга по своей структуре и состоящие из «частных» полей, которые в зависимости от наличия или отсутствия целостного грамматического ядра размещаются в два структурных типа: *«моноцентрические (сильно централизованные) поля (иерархические группировки) с явно выраженным центром, опирающиеся на грамматическую категорию; полицентрические (слабо централизованные) поля, базирующиеся на некоторой совокупности различных языковых средств (морфологических, синтаксических, лексикограмматических, лексических), не образующих единой гомогенной системы форм»* [2].

Например, в языках флективного строя, в том числе и в русском языке, грамматическая категория глагольного вида, образующая посредством аффиксов лексически тождественные видовые пары (*делать-сделать, писать-написать*), занимает центр поля аспектуальности, так как представляет собой «наиболее специализированное и регулярное грамматическое средство, интегрирующее и консолидирующее другие компоненты данного поля – способы действия, разряды предельных и неопредельных глаголов, аспектуально специализированные синтаксические конструкции, лексические показатели аспектуальности, все аспектуальные элементы контекста» [Там же, с. 42]. Остальные средства, служащие для выражения аспектуальной семантики, являются его периферийными компонентами. Следовательно, ФСП аспектуальности в русском языке – *поле моноцентрическое*.

Свое видение структуры данного типа ФСП мы попытались передать через рисунок. Термин *‘поле’* ассоциируется с магнитными или электрическими полями, имеющими трехмерную шарообразную структуру, вследствие этого ФСП аспектуальности в русском языке мы представили в «разрезе» в виде рисунка *1а*, где наглядно видно, что категория вида является ядром, консолидирующим вокруг себя остальные компоненты данного ФСП. Получается своеобразное поле сложной структуры типа матрешки.

Разную степень концентрации специфических признаков центральных и периферийных компонентов мы изобразили в виде градиентных кругов.

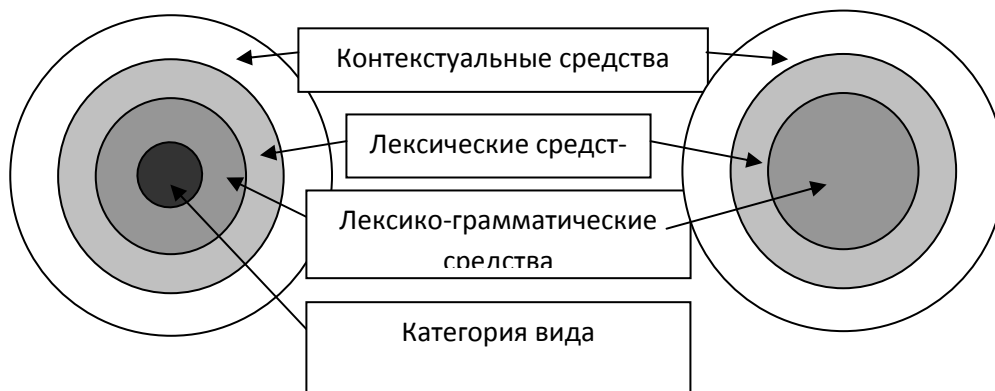

Рис. 1а. Структура ФСП аспектуальности в русском языке

Рис. 1б. Структура ФСП аспектуальности в башкирском языке

В языках, в которых грамматическая категория глагольного вида отсутствует, функционально-семантическое поле аспектуальности представляет собой поле без грамматического ядра. Так, по мнению Р.З. Мурясова, аспектуальность в английском, французском, немецком и татарском языках относится к функционально-семантическому полю без грамматического ядра и при описании категории аспектуальности в них следует дифференцировать специфические для каждого языка явления [3].

Исходя из факта отсутствия в башкирском языке грамматической категории глагольного вида, мы придерживаемся той же точки зрения и считаем, что ФСП аспектуальности в башкирском языке грамматического ядра не имеет (см. рис. 1 б).

Позднее отечественные аспектологи пришли к выводу о возможности иного подхода к проблеме, заключающегося в расчленении сферы аспектуальности на ряд полей и объединении их в составе группировки ФСП, при котором учитываются «особенности семантики и структурной организации отдельных подсистем в пределах широкой зоны аспектуальных отношений» [4].

Согласно данной теории каждое ФСП входит в более широкую систему, элементы которой играют роль среды по отношению к данному полю как исходной системе. Таким образом ФСП включается в целый комплекс пересекающихся систем, которые взаимодействуют, взаимопроникают в сферу друг друга и образуют диффузные сегменты аспектуально-темпорального, аспектуально-темпорально-таксисного, аспектуально-таксисного, аспектуально-темпорально-локативного и др. типов.

При этом каждое ФСП само состоит из нескольких компонентов, имеющих полевую структуру. Они объединяются в «частные» ФСП и размещаются в сфере поля-основы по принципу «центр – периферия». Бондар-

ко А.В. в составе ФСП аспектуальности выделяет следующие «частные» ФСП: лимитативность (ограниченность/неограниченность действия пределом), длительность, кратность, фазовость, перфектность, поле действия (акциональность), поле состояния (статальность), поле отношения (реляционность) [5].

Явление взаимодействия разноуровневых ФСП универсально и, при условии учета специфических особенностей и внутренних законов каждого изучаемого языка, релевантно при описании аналогичных явлений языка любой системы. Оно наиболее существенно при изучении функционально-семантической категории аспектуальности башкирского языка, так как отсутствие в нем «сильного» грамматического ядра предполагает акцентирование внимания на языковых категориях иных уровней языковой иерархии – на взаимодействующих ФСП.

Так, например, в башкирском языке имеются специализированные аффиксы *-кыла(-кла)*, *-(ы)штыр/-(е)штер*, *-(ы)ңкыра/-(е)ңкерә*, *-(ы)мһыра/-(е)мһерә*, *-(ы)н*, *-л/-ла/-ала*, посредством которых создаются особые оппозиции с аспектуальными значениями – «многократность действия, осложненная признаком интенсивности: однократность действия» и «интенсивность действия ниже нормы: норма», «интенсивность действия выше нормы: норма». Примеры: *Уктар тыкылдашып түмәрзе тишкеләне* (Р. Низамов). *Аяктары ла, аркалары ла сәнсештерә башланы* (З. Бишева). *Айбулат көләмһөрәне лә өндәшмәне. Нисек итеп өйгә алып кайтырға, тип уйланды* (Гөлйөзәм). *Тимергәле агай алдан ашыгып китһә лә, Исхактың артынан кыуып етеуен көтөңкөрәй ине* (Х. Давлетишина). На основе данного фактического материала мы считаем возможным выделить в башкирском языке две особые формообразующие категории глагола – категории кратности и интенсивности.

В башкирском языке значения кратности и интенсивности действия могут выражаться средствами и иных уровней языка – аналитическими, лексическими, контекстуальными и др. Они размещаются вокруг формообразующих категорий кратности, интенсивности и образуют две взаимодействующие «частные» ФСП – ФСП кратности и интенсивности, которые и являются доминирующими компонентами ФСП аспектуальности.

Остальные «частные» ФСП (лимитативности, длительности, фазовости и др.), не имеющие специализированных для их репрезентации аффиксов, занимают в сфере ФСП аспектуальности периферийную зону.

На основе вышеизложенного структуру поля аспектуальности в башкирском языке можно представить в «разрезе» в виде *рис. 2*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М.-Л.: АН СССР, 1964. – С. 48-49.

2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис; отв. ред. А.В. Бондарко. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 34.

3. Мурысов, Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р.З. Мурысов // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 97.

4. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии; отв. ред. В.Н. Ярцева / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.; Изд. 3-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 41.

5. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис; отв. ред. А.В. Бондарко. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 42.

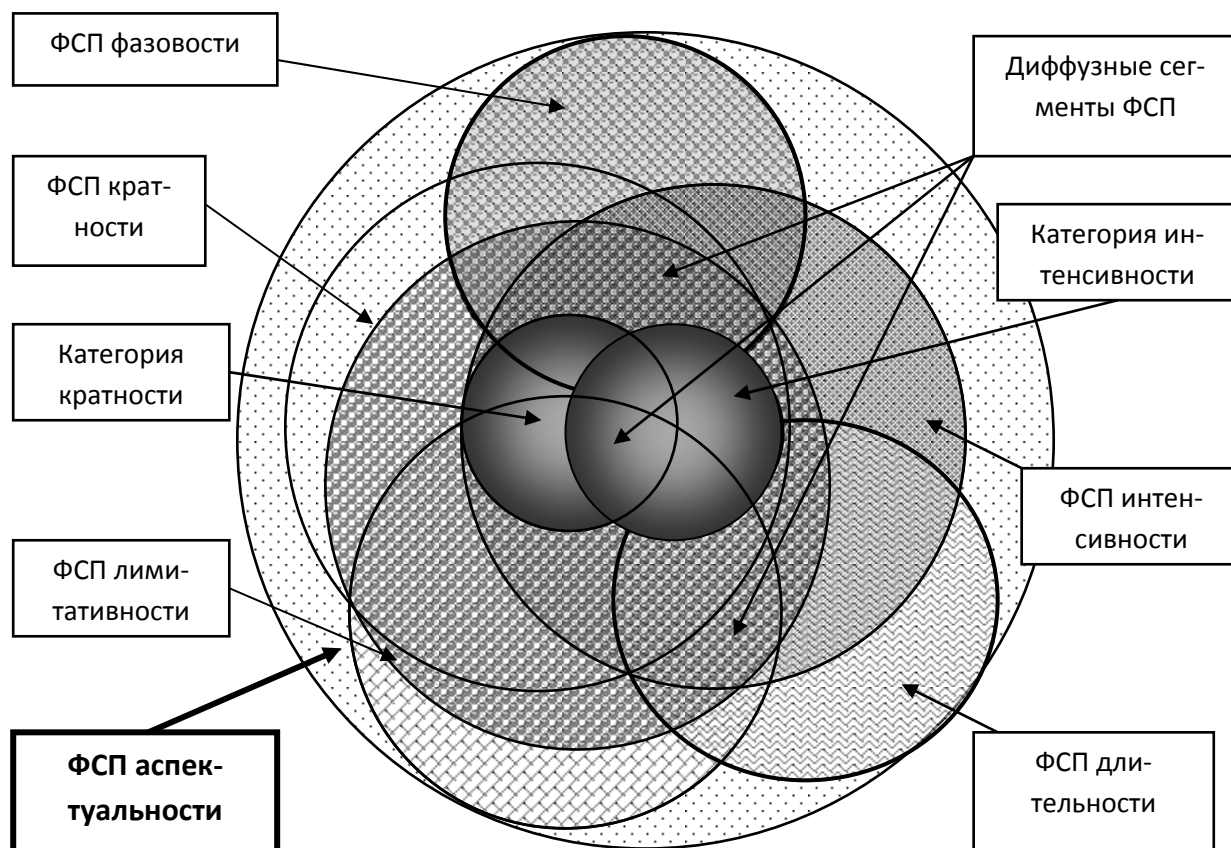

Рис. 2. Структура поля аспектуальности в башкирском языке

*Р.М. Акбашева,
магистрант БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ БАЙРОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод прозаических произведений – это очень серьезная и ответственная работа, которая требует тщательной подготовки переводчика.

Вне всяких сомнений, изучение языка и культуры способствует формированию индивидуальности, яркой мыслящей личности. Основная зада-

ча переводчика – донести факты чужой культуры, внести вклад в становления современного поликультурного сообщества.

Не секрет, что перевод стихотворных произведений является самым сложным, так как переводчик обязан передать не только семантику произведения, но и по возможности – особенности его строфики, размера, модальности. И важна здесь не только техника, но и своеобразная поэтическая интуиция, «чутье». В силу своей специфичности, перевод поэзии – это процесс, вызывающий ряд трудностей и проблем, основные из которых являются несколько противоречивыми: сохранение национального своеобразия; сохранение духа и времени произведения; выбор между точностью и красотой перевода.

По мнению Я.С.Рулевой, адекватный перевод должен быть полноценным литературным произведением: оказывать то же эмоциональное воздействие, что и оригинал; отражать саму сущность индивидуального стиля автора; выражать неразрывную связь формы и содержания [2; 26].

Таким образом, для адекватного перевода переводчику необходимо сделать предельно эквивалентными наибольшее число сторон обоих текстов и так сбалансировать формальные и смысловые элементы в своем переводе, чтобы получить максимально верное воссоздание подлинника.

Особую сложность для перевода составляют оригинальные авторские метафоры. От переводчика требуется поистине творческий подход! Хорошим примером может служить многообразие переводов знаменитого стихотворения Дж. Г. Байрона «Sun of the sleepless». Всего существует 11 вариантов его перевода на русский язык, наиболее широко известным из которых является перевод А.К. Толстого. В оригинале метафора звучит так: «sun of the sleepless». Рассмотрим некоторые варианты ее перевода на русский язык:

1. Неспящих солнце (А. К. Толстой)
2. Бессонное солнце (И. Козлов)
3. Солнце глаз бессонных (А. Фет)
4. Бессонных солнце (С. Маршак)
5. О солнце тех, кто бодрствует в ночи (А. Ибрагимов).

По моему мнению, наиболее точен вариант С. Маршака, так как он практически дословно передает метафору. Однако русский вариант метафоры А.К. Толстого передает особенности ономастопии произведения Байрона. Повторение шелестящего звука «с» создает атмосферу таинства ночи, загадки. То же самое мы видим у Толстого, поэтому с точки зрения психоэмоционального воздействия конгениален оригиналу перевод Алексея Константиновича.

Рассмотрим еще один яркий пример. В оригинале: *So gleams the past, the light of other days*. Здесь мы находим следующие варианты перевода:

1. Так светит прошлое нам в жизненной ночи (А. К. Толстой)
2. Минувшее блещет меж горестных туч (И. Козлов)

3. Еще дрожит былого смутный свет (С. Маршак)
4. Так светит нам блаженство давних лет (А. Фет)
5. Не такова ли память прежних лет? (А. Ибрагимов).

Здесь прослеживаются некоторые тенденции: вариант перевода не метафорой, замена метафоры другим тропом, перевод метафоры другой метафорой. Такие функциональные замены не удивительны. Метафора, являясь неотъемлемой частью индивидуального стиля автора, с трудом поддается перекодировке. Зачастую при точной передаче смысла произведения теряется его ритмический рисунок и наоборот, попытка передать ритм и строфику произведения оборачивается потерей смысла.

Таким образом, переводчик должен постараться отыскать некую золотую середину, возможно это и есть истинное мастерство!

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон Дж.Г. Избранная лирика. Сборник сост. А.М.Зверев. – М.: Радуга, 1988.
2. Рулева Я.С. Особенности адекватного перевода стихотворений. Передача метафоры на русский язык при переводе поэтических произведений Дж.Г.Байрона // Вестник КАСУ, №2, 2006

*М.К. Амангазиева,
ф.э.к, С.Бәйішев ат.Ақтөбе университеті,
(Қазақстан, Ақтөбе)*

ЛЕКСИКОГРАФИЯДАҒЫ ӘЛЕМНІҢ ТІЛДІК БЕЙНЕСІ

Дүниенің белгісі деген ұғым адамның қоршаған дүние жайлы көзқарастарын зерттеуге құрылады. Қоршаған дүние – адам мен оның ортасының өзара байланысы, ал дүние белгісі – адам мен оның ортасы жайлы ақпараттарды өңдеудің нәтижесі. Дүние бейнесі «тұрақсыз, үнемі өзгермелі құбылыс». Қазіргі таңда әлемнің тілдік бейнесі мәселесі Ю.М. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, Э.Д. Сулейменова, А.А. Уфимцева және т.б. еңбектерінде қарастырылып жүр.

Қоғам мен мәдениеттің, тілдің өзара қарым-қатынасы жайлы мәселені таразылау үшін, ұғымдарда қалыптасқан мағлұматтардың көмегімен белгілі бір қоғамға тән құндылықтарды сипаттау қажет. Олар әлеуметтік-тарихи жағдайларға, қоғамдық құрылыстарға байланысты өзгерістерге ұшырап отырады.

Сөздіктердегі қазақша атауларда да дүниетанымдық информациялар айқын беріліп отырады. Олардың сипатын негізінен мағыналық талдау арқылы анықтауға болар еді. Әр ұлт тілінде дүние, әлем туралы түсініктерін түрлі тілдік фактілер арқылы кесіп-пішеді, қоршаған әлемнің тілдік бейнесі, негізінен алғанда, адамдар санасындағы дүниенің

логикалық бейнеленуі жағынан ұқсас болып келеді. Құбылыстар арасындағы ұқсастықтар ұғым категорияларын жасайтын лексемалардың толығына әсер етеді. Сол ұғым түрлерінің тұтастай алғандағы атаулары тілдің негізін құраса, әлемнің ондағы құбылыстардың тілдегі бейнесінен ұлт ерекшеліктерін танып-білуге болады.

Профессор Э.Д. Сүлейменованың пайымдауынша, әлемнің тілдік бейнесі жайлы мәселе, көбінесе, түрлі дүниетаным мәселесі ретінде қарастырылады. Бүгінгі таңда дүниенің тілдік бейнесі ұғымында екі түрлі сипат бар. Оның алғашқысында нақты тілдерге және олардың арасындағы айырмашылықтарға қатысы жоқ болса, екіншісі нақты ұлт тілдерінің қатысуымен қалыптасқан және лексикалық номинациялар жүйесі тәрізді тілдер арасындағы айырмашылықтарға бағыт-бағдар жасаушы әлемнің тілдік бейнесімен байланысты болады.

Автор былай деп жазады: ”Языковая картина мира понимается также как “общезыковая картина мира” в отличие от частноязыковой, с которой может быть отождествлена “национальная картина мира”. Кроме того языковая картина мира получает уточнение как форма и способ существования картины мира” [1; 136].

Яғни, ғалым бұл жерде әлем бейнесінің тілдегі көрінісіндегі әмбебаптық құбылысты жан-жақты талдап көрсетеді. Түркі (қазақ) тіліндегі атаулардың орыс тіліндегі түсінігі мен олардың аударылу жүйесін ғылыми тұрғыдан саралағанда, жалпы ойлау жүйесінің ортақтығына байланысты, сөздердің уәждеделуінің жақындығын байқауға болатындығын аңғартады. Демек, тілдік деректерді зерделеу барысы автор ойының дұрыстығын тағы да дәлелдей түседі.

Әлемнің тілдік бейнесінде болмыс құбылыстарының дәл суреттелетіні, ал дүниенің тілдік бейнесінде шындық болмыс жайлы стихиялы түрде қалыптасқан көзқарастар қарастырылатыны түсінікті. Профессор Э.Д. Сүлейменованың пікірінше, дүниенің тілдік бейнесі негізгі екі қызмет арқылы айқындалады: а) дүниенің ғылыми бейнесін негізгі элементтер білдіреді; ә) тілдік тәсілдердің көмегімен әлемнің ғылыми бейнесі түсіндіріледі [1; 131].

Түрлі тілдерде дүниенің тілдік бейнесі өзгеріп отырады. Бұл тек адамға ғана қатысты экспрессия, модальдылық, эмоция және т.б. құбылыстар болып көрінгенімен, оны айнала қоршаған дүниенің әр ұлт өкілінің өзіне тән ерекшеліктерімен қабылдайтынын түсіндіруге болады.

Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева т.б. ғалымдардың бір тобы әлемнің концептуальдылық бейнесін тілдік бейнеге қарағанда бай деп есептейді. Олардың ойынша, әлемнің ғылыми бейнесін құруға ойлаудың түрлі типтері, тіпті, вербальдық емес түрі де қатысады.

Әлемнің тілдік бейнесі тақырыбы Т.В. Цивьян, Е.С. Яковлевалардың еңбектерінде лингвомәдениеттанымдық сипатта танылады. Олар бұл мәселені қарастыруда тіл мен мәдениет негізіне сүйенеді.

Әлемнің ғылыми бейнесі мен тілдік бейнесі арасында айырмашылықтар ретінде В.А. Воробьев ұсынған төмендегідей тұжырым бар:

а) когнитивтік жүйе әмбебап сипатта болады, оның көлемі мен тұтастығындағы айырмашылық түрлі ұлт өкілдерінің өркениетінің деңгейіне байланысты, ал лексикалық жүйе ұлттық сипатта болады, түрлі тілдердің лексикалық жүйелері арасындағы айырмашылық, алдымен ішкі бөліктерге бөлінуіне байланысты;

ә) функционалдық айырмашылықтарға келсек, когнитивтік жүйе тану процесі мен еңбек әрекетіне бағытталған болса, лексикалық жүйе коммуникацияға бағытталған.

б) генетикалық тұрғыдан, когнитивтік жүйе лексикалық жүйеге қарағанда алғашқы болып табылады және табиғатынан консервативтік саналатын лексикалық жүйеге қарағанда тезірек қарқынмен жетіліп, дамып отырады;

в) когнитивтік жүйе лексикалық жүйеге және жалпы тілдік жүйеге қарағанда толығырақ, байырақ болып көрінеді, лексикалық жүйе когнитивтік жүйенің құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады.

Осылайша, когнитивтік жүйе арқылы адам дүниені танып, өз көзқарасын лексикалық жүйенің көмегімен суреттей алады В.В. Воробьевтің пікірінше: «дүниенің әлдебір тұрақты ұлттық моделін айқындау үшін, ұлттық өмір элементтерінің өзара қарым-қатынасын, құрылысын білуге тырысу қажет» [2; 56].

Әлемнің тілдік бейнесіне «тілдің ішкі формасы, сөйлем, сөздің мағыналық жағының өзгеруі, оның ауыспалы мағынада қолданылуы, эмоционалды-экспрессивтік реңктер» және т.б. жатады.

В.А. Маслова шындықты танудағы тілдің рөлін тым асырып жібермеу жайлы ескертіп, «дүниенің тілдік бейнесі» деген ұғымды метафора деп қабылдауды ұсынады.

Белгілі орыс ғалымдары В.А. Воробьев, В.А. Маслова, В.Н. Тельяның ғылыми тұжырымдарына арқау болған мәдениет пен тіл арасындағы байланыстың сыры туралы теориялар американдық ғалымдар Э. Сепир мен Уорфтың лингвистикалық ықтималдық теориясының негізін танытқан «этнос дүниетанымдағы ерекшеліктің ізі халық тілінде сақталады» деген қағидамен астасып жатқандығы белгілі. Бұл лингвомәдениеттану пәнінің этнолингвистика ғылымымен де туыстығынан туындайтын жайт. Осымен байланысты этнолингвистика мен лингвомәдениеттану пәндерінің ортақтығы және ұқсас жақтары анықталады.

Бұл саладағы зерттеушілер этнолингвистика ғылымының өзіндік ерекшеліктерін де атап көрсетеді. Ә. Қайдаровтың анықтамасына сүйенсек «этнолингвистиканың зерттеу нысаны – этнос болмысын тұтастай танытатын тіл әлемі» [3; 18-22]. Осы орайда ұлттық мәдениеттің және

рухани құндылықтардың тілдегі көрінісі екі тілдік аударма сөздіктерде көрсетілетінін атап өтеміз.

«Тіл мен таным процестерінің арақатынасын көрсету тіл қолданысының когнитивтік жүйесіне сүйенеді. Тіл мен ойлаудың, тіл мен танымның арақатысы адам баласының интеллектуалды өмірінде құндылықтар қаншалықты роль атқаратынын белгілеп береді. Тіл мен таным арақатысын сипаттайтын ұғымдар белгілі бір құрылымға түседі» [4; 130].

Әлемнің тілдік бейнесі әр этноста әртүрлі болуы этностың тәжірибесі мен біліміне байланысты. Өйткені тілдік таңбаның таңбалаушы қызметі сыртқы дүниемен тікелей байланысында емес, адамның өмірінен көрген-білгені, көңілге түйгені білімнің негізі болып табылады. Этностардың тәжірибесі әртүрлі болғандықтан, дүниенің тілдік бейнесі де, адамдар тәжірибесі де әртүрлі болуы заңды. Бұл ретте «дүниенің бейнесі», «дүниенің тілдік бейнесі», «ұғым», «концепт», «сема» тәрізді ұғымдарды қолдануда қандай ғылыми тұжырымдамалар мен пайымдауларға сүйенетімізді айқындап алуымыз жөн. Өйткені бұлардың бәрі де кейбір зерттеулерде әрқилы түсіндіріліп жүр.

Зерттеушілердің «дүниенің шын бейнесі» және «дүниенің тілдік бейнесінің» арасында айырмашылық болатынын ашық айтуды да жөн санаймыз. Адамның сезім мүшелері арқылы қабылданатын шындық болмыс когнитивтік санада тұра сол қалпында бейнеленбейтінін ескеру қажет. Ол дискретті, шартты түрде бейнеленеді, яғни әрбір зат, құбылыс, оқиға, дербес түсінік, ұғым түрінде болатыны да сондықтан.

Кейбір зерттеушілердің айтуынша ұғым мен концепт арасында өзгешелік бар, яғни «концепт – единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [5; 45]

Халықтың мәдени өмірінің көрінісі ретінде сөздіктерде көптеген лексикалық бірліктер анықталған. Айталық, Л. Будагов сөздігінде айтыс өнері мен халықтық музыкалық аспаптардың аттары мен олардың мағыналары талданады. «Айтыс – вести спор, состязаться, өлең айтысу – состязаться в импровизировании стихов, главная забава на сведебных пирах, на которой молодой человек с девицей спорят стихами, иногда в продолжении целой ночи, с равным искусством случается, что девицы побеждают своих противников» деген түсініктеме береді [6; 19]. Байқап отырғанымыздай, сөздікте қазақ халқының ұлттық таным-түсінігі туралы көптеген осындай ақпараттар беріледі.

Айталық, ғарыштық көне мифологиялық үлгіде ағаш әлемдік білік, үш әлемді: жоғарғы, ортаңғы, төменгі орталарды біріктіретін негізгі тіректік дінгектің ролінде көрінеді. Қазақ мифтерінде әлемдік өзек түрінде *Темірқазық* жұлдызы да қолданылады. *Темірқазық* космониміндегі «қазық» термині *өзек*, *білік*, *орталық* дегенді білдіреді, оған *Ақбозат* пен

Көкбозат байланған. Бұлардың жанында *Жеті қарақшы* аңдып, айналшықтап жүр. Әлемдік орталық *Темірқазықтың* беріктігіне, мықтылығына тапжылмастығына жаратылыстың тұрақтылығы байланысты болады.

Егер әлемдік жүйе бұзылып, жаратылыс біліктен тайып кетсе, онда ақыр заман болады деп есептелген. Г. Потанин өзінің зерттеулерінде эсхатологиялық сипаттағы бірқатар қазақ аңыздарын мысалға келтіреді. Солардың бірінде *Жеті қасқыр – Жеті қарақшының* Жеті жұлдызы жорғаларды қуып жетсе, ақыр заман болады, екіншісінде – жеті ұры *Темірқазыққа* байланған екі атты ұрлап кеткен кезде ақыр заман болады; үшіншісінде – *Кіші Аю* шоқ жұлдызындағы екі жұлдыз – бұл аспандағы екі жорға, *Жеті қарақшының* жеті жұлдызы олардың қарауылдары деп баяндайды. Қасқыр бейнесіндегі сайтан жорғаларды аңдып жүреді – оларды жеп жатқан кезде қарауылшылар жан-жаққа қашып, ақыр заман болады-мыс.

Байқағанымыздай, *Темірқазық* космониміндегі қазық компонентінде негізгі мағыналық жүктеме бар, бұл терминмен барлық космонимнің семантикасы таңбалық символика ие және ертедегілердің эсхатологиялық, космогониялық түсініктерімен байланысты. Осы космонимнің семантикалық және семиотикалық потенциалы *Алтын қазық, Жалғыз қазық* сияқты барлық диалектілік нұсқаларда сақталған.

Сонымен бірге, бұл мифокосмонимдерде және оларға қатысты космологиялық мифтерде қазақтардың ежелгі дәстүрлі шаруашылығы – көшпелі мал шаруашылығымен түсіндірілген басқа да семантикалық негіз бар. Қазақтың барлық мифтері аңыз-әңгімелерінің сюжеттік көріністері қазақ этносының көшпелі мал шаруашылығымен байланысты. Мұны көптеген жұлдыздардың аттарынан көруге болады. Мысалы, *Ақбозат, Көкбозат, Қойшының қоңыр жұлдызы, Қарақшы, Күзетші, Арқан жұлдызы, Шідер жұлдызы* т.б. Осы жұлдыздардың этнолингвистикалық табиғаты туралы К.Г. Аронов өз зерттеуінде жазған [7; 20]

Жалпы тіларалық байланыс мәселесінің лингвистер тарапынан зерттеле бастағанына 200 жылдан астам уақыт өтіпті. Осы уақыт ішінде бұл проблема жан-жақты тексеріліп, оның неше алуан құбылыстары мен түрлері тиісті теориялық шешімін тапқаны мәлім. Алайда әрбір халықтың өзіндік тарихи даму жолу, басқа халықтармен араласу сипаты, өзіне ғана тән ерекшеліктерінің болатынына байланысты, бұл мәселені нақтылы тарихи лингвистикалық деректер негізінде зерттеуді талап етеді.

ӘДЕБИЕТ

1 Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Мектеп, 1989. – 152 с.

2 Воробьев В.В. О русской национальной личности в языке и культуре // Язык и культура. – 1998. – Ч.1. 52-57.

- 3 Қайдаров А.Т. Этнолингвистика // Білім және еңбек. – 1985. – № 106. – 18-22 бб.
- 4 Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. – Алматы, 1997. – 129 с.
- 5 Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. – М., 2001
- 6 Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869-1871. – 1056 б.
- 7 Аронов К.Г. Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1992. – 26 с.

*М.К. Амангазиева,
ф.ғ.к, С.Бәйішев ат.Ақтөбе университеті,
(Қазақстан, Ақтөбе)*

ҚҰС ЖОЛЫ ТІРКЕСІНІҢ ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕГІ КӨРІНІСІ

Құс жолы ежелден қыпшақ тілінде «құс йолы», башқұрт тілінде «қош йули», мордва тілінде «тырна жолы» деп айтылса, кейінен «сабан жолы», «сабаншының жолы» деп де айтылады. Қырғыз тілінде *Құс жолын* «сабаншы йолы», өзбек тілінде «омон йоли» түрік тілінде «саман ұрысы», «саман йоли», парсыша *кеҗешан* «саман тасушы», *һакілар йолы* «хажылар жолы» деп атаған. Ежелгі аңыз бойынша ұрылар сабанды ұрлағанда, ол жол бойы шашылып қалады. Татар, башқұрт, шубаш тілдерінен аударғанда бұл космоним «жабайы қаздардың жолы» деп аударылады.

Орыстың кейбір говорларында, түркілердің ықпалымен бұл космоним «гусинная дорога» делінеді. Арабтарда *құс жолын* «умму нәджиум», яғни «жұлдыздардың анасы» деп атаса, түркімендер «ақ маяның жолы» немесе «ақ маяның сүті» деп атаған. Бұл атауды грек тіліндегі *галаксиос* «сүтті шеңбер» немесе ағылшын тіліндегі *milky way* «сүт жолы» дегендермен салыстыруға болады.

Буряттардың аңызы бойынша *құс жолы* құдайлардың анасы Манзан Гүрмен-төөдәйдің төсінен шыққан сүттен пайда болған.

Армян халқының фольклорында да сарындас әңгімелер айтылады. Аңыздарға қарап, космонимнің сүтке қатысты атаулары *құс жолы* деген атаудан көп ерте пайда болған деген тұжырым жасауға болады.

Еуразия материгінде *құс жолы* «өзен, ағын су» деген мағына беретін атаулармен аталады: үнді тілінде «аспан Гангасы», араб тілінде «аспан Нілі», чукот тілінде «құм өзені», қытай тілінде «жұлдызды өзен», жапон тілінде «аспан өзені», корей тілінде «күміс өзен», австралия тілінде «шексіз өзен», африка тайпалары тілінде «ошақтың түтіні», сібір халықтарының тілінде «шаңғының ізі», моңғол тілдес халықтарында «аспан жырығы», Кавказ, Түркіменстан, Жетісу жерінде «жануарлардың

атауымен», Азия мен шығыс Африкада «жыланның атауымен» аталады. Үндіеуропа тілдерінде бұл жұлдызды жолдың атауында көбінесе «жол» деген компонент кездеседі.

Жеті қарақшы, жеті ұры, жеті қарт. Монғол тілінде *doolon ovgon; doolon burhan* «жеті қарт, жеті құдай»; үнді тілінде «аспанның жеті данасы» деген атаулар бар. Парсы тілінде *Жеті қарақшының* екі атауы кездеседі: *haftbaradaran* «жеті ағайынды» және *haftourang* «жеті тағ немесе жеті тәж». Қырғыз тілінде «жеті арқар», чуваш тілінде *січче жұлдыр* «жеті жұлдыз», қабарды тілінде «жеті ағайынды жұлдыз». Алтай тілінде *жеті қарақшы* «жеті ағайынды» және *жетіген* «жеті жұлдыз» деп аталса, башқұрт тілінде «йетегән». *Жетіген* сөзі «йеті аға-іні > йеті ағайни > йеті ағайын > йеттіген > жетіген» түрінде пайда болуы мүмкін.

Қарашай-балқар тіліндегі *Djetegeyli djete djulduz* атауы қазақтың «қарақшы жеті жұлдыз» атауына пара-пар. Мұндағы *djetegeyli* зат есімі *djete* түбіріне *-qay, -key, -gay, -gey, -qan, -ken, -gan, -gen* суффикстері қосылу арқылы жасалған деген пікір бар.

Халық ұғымында *жеті қарақшы* «күндіз қарақшылық жасап, түнде күнәсін шайған жеті қарақшының жұлдызға айналып кеткен жандары» .

Жеті қарақшы туралы қазақ халқы арасында тараған сенім-нанымдар туралы А.Н. Афанасьевтің [1; 23] еңбегінен кездестіруге болады. Оның айтуынша *жеті қарақшы* жеті жұлдыз екі жүйрік атты күзетіп жүреді. Егер осы екі атты қасқыр жеп кетсе ақыр заман орнайды-мыс. *Qaraqshi* сөзі «қарауыл, күзетші» деген мағына береді (*qaraq ~ qaraw ~ qara*).

Басқа бір нұсқада *жеті қарақшы* күзетші емес, олар екі атты ұрламақ болып, қуып жүр. Егер олар аттарды ұстаса ақыр заман болады-мыс.

Хакастар жеті жұлдызды «жеті ит» деп біледі. Мүмкін қасқыр мен иттің бейнелері *жеті қарақшының* атауында сақталған, өйткені қазақ тілінде *jetigen*, көне түркіше *yedigan*, төленгітше *djiytigan*, ұйғұрша *iytigan*, яғни *жетіген* «жеті ит – жеті қасқыр» дегенді білдіреді (*yeti > jeti > jide* «жеті» + *qan* «ит»).

Зерттеуші Р. Авакова өзінің «Фразеологиялық семантика» деп аталатын кітабында мынадай ой айтады: «Ертедегі мифопоэтикалық дәстүрлерде сан ұғымдарына киелі мән беріп, өн бойына космонимикалық мағыналар жүктеген. Адамзат қоғамында сандар діни, тәңірілік және әлемдік символдар ретінде қарастырылып, олардың бойында адам санасы жете қоймайтын құдіретті құпиялар мен сырлар жатқанына, сонымен қатар бұл құдіретті күштердің адамға жақсылық та, жамандық та алып келетініне сенген» [2; 72].

Жетіқарақшы сөзіндегі *жеті* сөзінің қасиетті сан екенін де ескеру орынды болмақ. *Жетіқарақшы* жұлдызы туралы заманының заңғар ғалымы Ш. Уәлиханов бұл ерте заманнан келе жатқан аңыз болуға тиіс,

өйткені монғолдар жеті қарияның жұлдызы деп атап, *жетіқарақшы* жұлдызын жеті сақтаушы, күзетуші ретінде қастерлеп, дәріптегені туралы жазады.

Жетіқарақшы жұлдызы туралы аңыздарды өмір шындығымен байланыстыруға тырысқан астрономия ғылымының маманы Мекебаев «Бұл шоқ жұлдыз солтүстік жартышарда орналасқан, түрі ожауға ұқсаған жеті жарық жұлдыз тобы. Ол батпайды. Осыған қарап аңызда оны күндіз ұйықтап, түнде күзететін ұрыға ұксатады» деп жазады.

Ата-бабамыз бұл жұлдызды құбылнама ретінде пайдаланған және жұлдызға қарап өздерінің көшетін уақытын айқындаған. Далалықтардың танымында ерекше орын алған аспан денелерінің бір. Осыған орай қазақ халқында *Жеті қарақшыны таныған жеті түнде адаспас* деген мақал сөз бар. Бұл мақалдың мән-мағынасы тереңде. Кейде күндіз, кейде түнде көшіп, малдың ауанын баққан қазақ халқының аспан туралы таным-түсінігі кең әрі өте терең болған. *Жетіқарақшыны* аспан сағаты ретінде таныған қазақ халқы оның жай-жапсарын, өзгеру сәтін жіті бағалап, жақсы зерделеген.

Көне түркі, қытай және т.б. халықтардың астрологиясында жұлдыздар мен шоқжұлдыздар жаны бар құдайлар, я болмаса, аңыздық кейіпкерлер ретінде танылғаны белгілі. Мысалы, *Үлкен Аюды* «Большая медведица, яғни Жеті қарақшы» қытайлықтар *жетіжұлдызды* «князь» деп атаған. Түркілер аспандағы *Тәңір ханды* білсе, алтайлықтар *Үлкер қағанды* «Үркер хан» білген.

Қазақтың есепшілері (жұлдызшылары) *жеті қарақшының* аспанды айналып тұратының жақсы білген. Халқымыздың поэзиялық туындыларында көнеде келе жатқан аңыздарда кездесетін жұлдыздардың атаулары молынан кездеседі. Мысалы, *Қарақшы жеті жұлдыз, Босаға, Үркер, Қыран қарақшы, Үлгілдек, Сұлу сары, Ақбозат, Көкбозат, Арқан, Темір қазық, Күзетші, Қырық қарақшы, Қарақұрт, Қамбар, Қоңырқай жұлдыз, Қосақ, Қызыл жұлдыз, Есек қырған, Сары жұлдыз, Сәуір, Сүмбіле, Шолпан, Алты арқар, Көгалдай мергеннің көк шақпағы* және т.б.

Қазақ дастандарында *жетіқарақшы* туралы жыр жолдары да жиі ұшырасады:

Мысалы:

Жеті жұлдыз: жасапты жеті жұлдыз төбесіне,

Жеті ыдыс жасады оның өресіне.

Қасиетін жеті ыдысқа қосты үркердің,

Біліммен сақтап таза оын есіне.

Ғылыммен жеті ыдысқа дәрі толды.

Өлгенде жан енетін денесіне.

Күш берер жеті жұлдыз нәрестеге,

Ананың жатқанында құрсағында.

Қыран қарақшы (Мицар) «жеті қарақшының ішіндегі ең жарық жұлдыз». Қазақтың аңыздарында бұл қарақшылардың басшысы болып саналған. «Ай астында Айбаршын» ертегісінде жәдігөй Қыран деген қарақшының аты аталады.

Үлпілдек (Алькор) «Мицардың жанында орналасқан жұлдыз». Аңыз бойынша *Үлпілдек сұлуды Қыран қарақшы* алып қашады. Алтай ертегілерінде *Үркер хан Жеті қарақшылардың* ізінен қуып отырады, ал қазақша ертегілерде керісінше, *Жеті қарақшы Үркерді қуып жүреді*.

Үркер (Плеяды) түріктерде *Үлкер*, өзбектерде *Хулкар*, башқұрттарда *Өлкәр*, алтайларда *Үлгер* бұл шоқжұлдыздың атауы *үрку* етістігінен жасалған деген пікір бар. Бір жерде шоғырланған жұлдыздар үріккен қойларды елестетеді. Аңызда жеті қарақшы *Үркерге* тигенде, олар қашып жөнеледі, сондықтан оларды *Үркер* атаған екен.

Ш. Уәлиханов мынадай дерек келтіреді: «Плеяды - Үркер. Киргизы заматта поступательное движение Плеяд к Большой Медведице и думают, что они преследуют семь воров, чтобы выручить свою дочь. По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года» [3; 24].

Еуразия жерінде тұратын халықтардың *Үркерге* қатысты аңыздарын зерттегенде, олардың тарихы тым тереңде жатқаның байқауға болады. Грек аңызында *Үркерді* Атлант пен Плейонаның жұлдызға айналып кеткен жеті қызы деп білген. Қазақ аңызы бойынша *Үркер* – Айдың ұлы және Шолпанның ағасы ретінде суреттелген.

Ақбозат және *Көкбозат* (Малая медведица). Шығыс астрономиясында бұл жұлдыздардың атауы – *Фархад* және *әл-Фархад*. Қазақ аңыздары бойынша осы екі жұлдызды (атты) жеті қарақшы ұрлағысы келеді, бірақ оларды *Күзетші жұлдызы* күзетіп тұрады.

Арқан. Жоғарыда аталған екі ат *Арқанмен* (үш шағын жұлдызбен) *Темірқазыққа* байланған.

Байқап отырғанымыздай, космоимдердің аталауының өзіндік таным-түсінігі, мифологиялық сипаты мен ерекшелігі бар. Осының бәрі әлем бейнесінің тілдегі көрінісі ретінде когнитивтік аспектіде зерттелуі тиіс тілдік деректер деп пайымдаймыз.

Р. Авакова «Фразеологиялық семантика» атты зерттеу еңбегінде фразеологизмдердің ұлттық-мәдени ерекшелігін айта отырып, мынадай ғылыми пікір білдіреді: «Сонымен қатар фразеологизмдердегі ұлттық нышандар бір ғана құбылыстың әртүрлі халықта түрлі бейнелер арқылы берілуінен де байқалады. Бұл ұлттық нышандардың сақталу тәсілдері «мәдени кодтар» деп аталады» [2; 59]. Демек, космоимдердің әр халықтың дүниетанымда әртүрлі аталып, таңбалануын осылай бағамдаймыз.

Қоғам мен мәдениеттің, тілдің өзара қарым-қатынасы жайлы мәселені таразылау үшін, ұғымдарда қалыптасқан мағлұматтардың көмегімен белгілі бір қоғамға тән құндылықтарды сипаттау қажет. Олар

элеуметтік-тарихи жағдайларға, қоғамдық құрылыстарға байланысты өзгерістерге ұшырап отырады.

ӘДЕБИЕТ

1. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. – М., 2002. – 729 с.
2. Авакова Р.А. Фразеологиялық семантика. – Алматы, 2003. – 150 б.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – 500 с.

*Л.Ш. Арсланов,
д. ф. н., профессор ЕФ КФУ (г. Елабуга)*

АНТРОПОНИМИЯ МАРИЙЦЕВ ДЕРЕВНИ МАРИ СУКСЫ (ЙУШТО ПАМАШ) АКТАНЬШСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В Актанышском районе есть две марийские деревни: Мари Суксы (тат. Мари Суксу, мар. Йушто Памаш), Терпели (тат., мар. Терпеле). Деревня Мари Ямалы снесена в связи со строительством Нижнекамской ГЭС.

Марийское население Актанышского района представляет собой часть восточных марийцев, мигрировавших в низовья Белой в XVI – XVIII веках с северо-запада Среднего Поволжья.

Деревня Мари Суксы, по нашим данным, впервые упоминается в документе под номером 37 «8 января 1701 года – запись мари Казанской дороги Тойдыбая Бактаева башкиру Алмекею Иленчиеву о займе денег с обязательством отработки части долга». Приведем его полностью «Генваря 8 день Уфинского уезду, Казанской дороги, деревни Аргамаковы (современная д.Аргымак (Аргамак) Дюртюлинского района Башкортостана – (Л.А.) башкирцу Алмекею Иленчиеву в том, что взял я, Тойдыбай, у него, Алмекея денег 5 руб. и жити мне, Тойдыбею, год одному. А как в работе год отживу и ему, Алмекею, за тое работу заверстать рубль, а достальные деньги 4 руб. отдать назад против сей крепости. В том и запись дал [1; 30].

Перепись марийцев Уфинского уезда, по мнению С.Я. Черных, начали проводить 1722–1723 годах. Как следует из материалов этой переписи, в деревни Савуксо на речке Сувксы отмечена 26 хозяйств, 57 мужчин. В ней жили марийцы Бамаш, Баташ, Еммет Еруби, Ибагиш, Илсат, Ичак, Каракучек, Куразмак, Мамис, Тансар, Чире и др. [2; 107].

В 1840 году деревня Мари Суксу входила в состав 9-й тептярской команды. «Черемиские Суксы, 139 мужчин. Количество земли не известно, живут на башкирских землях по припуску вотчинников, вместе пользуются пашней и рубят на домашние нужды лес» [3].

Задача данного сообщения – проследить особенности антропонимии деревни Мари Суксы (Йушто Памаш) Актанышского района. Антропони-

мическая система д. Терпели, Мари Ямалы почти единичны с антропонимией деревни Мари Суксы.

Антропонимическая система марийцев, в том числе и восточных марийцев, (марийцы д. Мари Суксы являются носителями Мензелинского говора восточного диалекта марийского языка) исследована довольно всесторонне. Достаточно указать на публикации профессоров И.С. Галкина, С.Я. Черных. В изучении марийских личных имен большой вклад внесли Ф.И. Гордеев [4], С.Я. Черных [5].

Статья написана на материалах, предоставленных нам директором Мари Суксинской средней школы Михайловым Русланом Исламгалиевичем и учительницей математики Суарметовой Надеждой Анатольевной, которым выражаем искреннюю благодарность.

Антропонимия марийцев д. Мари Суксы (Йушто Памаш) характеризуется следующими особенностями.

1. Марийцы д. Мари Суксы, как и восточные марийцы Татарстана и Башкортостана, сохранили небольшое количество имен марийского (частично финно-угорского) происхождения. К ним относятся следующие мужские: Бамаш, Баташ, Еммет. Ибагиш, Илай, Куразмак, Ичак, Мамис, Чире. Эти имена в настоящее время не сохранились.

К мужским именам марийского происхождения, сохранившимся до настоящего времени можно отнести следующие: Акнаш, Шумат, Ярсий, Япий, Кугерге, Изерге. Женские имена представлены следующими антропонимами: Унавий, Чачавий, Мичу, Изудыр, Кугудыр, Кавар, арвий, Таки, Лыстай.

Имена и фамилии марийцев деревни Мари Суксы до революции не претерпевали заметных изменений по сравнению с личными именами и фамилиями восточных марийцев XVII – XVIII веков, исследованных Ф.И. Гордеевым и С.Я. Черных. Подобная стабильность имен и фамилий обусловлена, на наш взгляд, сохранением язычества и относительно компактным расселением восточных марийцев на территории бывшей Уфимской губернии. Одновременно следует отметить активное проникновение в марийский именник татарских и частично башкирских личных имен тюрко-татарского, арабского и персидского происхождения.

Значительное место в антропонимии марийцев деревни Мари Суксы занимают имена тюрко-татарского и арабского и персидского происхождения. Как уже было отмечено, эти личные имена заимствованы марийцами из именника тюркских народов (татар и чувашей) до принятия ими христианства, с которыми они вступали в контакты в более древний период, то есть еще до переселения на территории современного Татарстана и Башкортостана, Свердловской и Пермской областей. Большая часть тюрко-татарских имен имеет параллели в марийском именнике раннего периода, за исключением незначительных фонетических изменений.

К тюрко-татарским мужским именам относятся: Айбаш, Айтуган, Апанай, Арыслан, Илекбай, Исан, Исанай, Исанбай, Минлебай, Миңлегөл, Миңле, Миңлехан, Минтимер, Тимербай, Тимерхан, Ханкирман, Шуматай.

Женские имена представлены следующими антропонимами: Айбика, Айгуль, Аксылу, Алма, Алмабика, Алсылу, Алтынбика, Балкий, Байрамбика, Бика, Гөлсылу, Илгиза, Илсөяр, Миңлебика, Лейсан, Сандугач, Ташбика, Тукбика.

Большинство мужских и женских имен марийцев деревни Мари Суксы дореволюционного периода по происхождению являются арабскими и персидскими, среди них есть смешанные (гибридные), состоящие из аппелятивов персидско-арабского, арабско-персидского, татарско-арабского, арабско-татарского, персидско-татарского, татарско-персидского образования.

По сравнению с тюрко-татарскими именами последние представлены значительно большим количеством антропонимов. К ним относятся: Аксан, Аскат, Акмер, Апсатар, Асыл, Ахмади, Ахмет, Булат, Иманай, Ислам, Ишмулла, Ишмухамет, Мухамади, Мухамат, Сайпулла, Султан, Хайбулла, Хатмулла, Ямали.

К женским именам арабского происхождения относятся следующие: Бану, Гөлбану, Гөлшикәр, Дәндәвәр, Зәнипә, Сәбидә, Сәхибә, Сәхипжамал, Шикәр, Шәмсебану, Ямилә.

Среди женских имен встречаются смешанные арабо-персидские: Хәмдебану, Шәмсебану, Янсылу; персидско-арабские: Гөлжамал, Гөлжимеш, Гөлжиһән; татарско-арабские: Минзәвәр, Миңлекамал, Миңниса, Минжамал; татарско-персидские: Минзипа.

В антропонимии марийцев деревни Мари Суксы произошли большие изменения после революции, главным образом после великой отечественной войны. Имена арабского, персидского происхождения стали вытесняться именами славянского (русского) и западноевропейского происхождения.

По данным на 1 января 2003 года в активном употреблении следующие имена славянского и западноевропейского происхождения. Мужские имена: Александр, Альберт, Анатолий, Арнольд, Артем, Артур, Васил, Василий, Валерий, Виктор, Виталий, Валентин, Владимир, Геннадий, Георгий, Демьян, Джон, Марс, Михаил, Олег, Райнис, Рафаэль, Рев, Рем, Рефен, Ренат, Рим, Ринат, Родион, Руслан, Святослав, Серенат, Феликс, Фердинант, Эдуард, Эмиль, Эдиссон, Юрий.

К мужским именам тюрко-татарского, арабского, персидского, смешанного происхождения относятся следующие имена: Абызгәрәй, Адыл, Азат, Айтуган, Асыл, Асылгәрәй, Ахматгәрәй, Атнабай, Булат, Илгиз, Илдус, Исламгали, Камил, Камал, Мардам, Миңлебай, Морзабай, Рустем, Султан, Тимерхан, Токмурза, Шаих, Шайсултан, Шайдулла, Шуматай.

Интенсивный рост славянского и западноевропейского происхождения наблюдается в женских именах.

В именной марийских женских имен весьма активно употребляются имена: Алевтина, Алена, Альбина, Анастасия, Анна, Антонина, Анфиса, Вероника, Виктория, Галина, Гундега, Дана, Демнира, Дуня, Дуся, Джема, Елена, Елизавета, Есения, Зелена, Зинаида, Зоя, Инна, Ирина, Клара, Кристина, Ландыш, Лариса, Лена, Лиана, Лилия, Лидия, Людмила, Любовь, Луиза, Маргарита, Марина, Марфа, Надежда, Наталья, Нина, Оксана, Ольга, Регина, Римма, Рита, Роза, Светлана, Снежана, Софья, Тамара, Татьяна, Ульяна, Фиалка, Эльвира, Эмма, Юлия.

В женском именной марийцев деревни Мари Суксы имена тюрко-татарского, арабско-персидского происхождения занимают незначительное место. К ним можно отнести следующие имена: Айгуль, Балкия, Гөлгенә, Гөлшикәр, Гөлжихан, Дания, Илюза, Илгизә, Илсәяр, Камал, Ләйсән, Миңлебикә, Минсылу, Нәфисә, Райхана, Рушания, Фирая.

Исследование фамилий марийцев деревни Мари Суксы показало, что с точки зрения происхождения можно выделить следующие пласты.

1. Пласт, в который входят фамилии, восходящие к исконно тюрко-татарским антропонимам. К ним относятся: Айбашев, Айдимиров, Арсланов, Изелгараев, Исанов, Исанаев, Исанбаев, Миникаев, Тимербаев.

2. Пласт, который образует фамилии, с заимствованными арабскими и персидскими генетическими основами.

А) Данный пласт представлен следующими фамилиями арабского происхождения: Абдуллин, Апсатаров, Абышев, Ахметов, Галиев, Исламов, Гадельшин, Зайнуллин, Хазиев, Исламов, Султангатин, Усианов, Фахриев, Хайбуллин, Хусаинов, Яманов.

Б) Персидскими по происхождению являются: Асманов, Мардамшин, Мардиев, Мурзин.

К смешанным (гибридным) арабско-персидским относятся: Гадельшин, Шангараев; татаро-персидскими являются фамилии: Аймурзин; к персидско-татарским относятся: Мурзабаев, Мурзагулов; татаро-арабскими являются Бикметов, Суарметов и др.

3. Марийскими мы считаем фамилии Акисев, Кунашев, Миляев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III, М.-Л., 1949.
2. Черных С.Я. Ожнысо илышын йыжынже. – Йошкар-Ола, 1990.
3. Давлетбаев Б.С. Тептяри и их землепользование. Мензелинский уезд. 29 октября 1840 г. //Малоизученные источники по истории Башкирии. – Уфа, 1986.
4. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т.1. А-Б. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 281 с.

5. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. – 626 с.
6. Сатаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. – Казан, 1981. – 255 с.

*М.Ф. Ахмадиев,
аспирант БГПУ им. Акмуллы (г. Уфа)*

ТЕРРИТОРИЯ ВЕСТЕРНА

Вестерн иначе можно было бы назвать фронтир, потому что он ассоциируется с трескотней выстрелов и конским топотом стереотипных кинобоевиков. Английское «фронтир» переводиться на русский язык как «граница», но речь идёт о границе в специфическом американском смысле. От начала колонизации северной Америки до конца XIX века «границей» называли изменчивый и приблизительный предел расселения продвигавшихся на Запад первопроходцев. (понятие массовой и элитарной культуры)

«Граница» – грандиозная в пространстве и времени историческая эпопея. Вестерн – это, собственно говоря, любая литература, кинопродукция и иные проявления о «границе». Хотя опыт границы сложным образом преломился, во всей призме американской культуры, получилось так что тематику «границы» почти целиком присвоила именно массовая культура с ее тягой к упрощениям и стереотипам.

Связь вестерна с американской действительностью многосложна. Часто события, герои, сюжет в вестерн идеализировались. Стереотипы саги о границы являются характеризующим «срезом» американской «массовой культуры».

Становление Жанра вестерна заняло продолжительное время. Два основных направления в приключенческой литературе вестерна, которые при слиянии своём дали жизнь современному вестерну, обозначились уже в первой половине XIX века. Одно из этих направления можно назвать литературой документальной: это автобиографические записи первых поселенцев, самыми известными из которых были Дэниэл Бун и Дэви Крокетт. Особенно был популярен Крокетт, продиктовавший в 1833 году «рассказы и шутки полковника Дэви Крокетта»

Другой сорт вестерна можно было найти на страницах дешёвых бульварных романов. Их авторы обычно смутно представляли себе жизнь на диком западе, зато они набили руку на фабрикации приключенческих сюжетов. Им было всё равно о чём писать – о пиратах или ковбоях, Запад был для них всего лишь сценической площадкой.

И в бульварной беллетристике, и в документальной литературе документа характеры и ситуации весьма далеки от тех, что приняты в «каноническом» вестерне (то, что выжило и было канонизировано, и впоследствии экранизировано). Чаще всего это наспех сколоченный городок, зате-

рянный где-то на диком западе. Фон – яркий, или величественный, или мрачный, или все вместе: красочная картина: прерия, выжженная солнцем пустыня, скалистый склон, неоглядный простор. Маленький городок, где мужчин гораздо больше, чем женщин, – пыльный, неухоженный, с характерным (традиционным) салуном, где режутся в карты заядлые игроки. Сильно пахнет порохом. Герой тут особенно важен. Как только он оказывается в кадре, не возникает сомнений, что это именно «Он».

Конечно, герою всегда противостоят «злодеи». Такая у вестерна традиция: без этого бы вестерн не сдвинулся с места. Отрицательный персонаж всегда выдает себя чёрной одеждой, подчеркнута грубыми манерами. И в лице у них всегда проскальзывает что-то злодейское. Но бывают и более сложные персонажи - «дурной хороший», о котором не знаешь заранее, чью сторону он примет. Нравственная антитеза – добро и зло – в вестерне наивна и весьма условна, здесь почти нет полутонов.

Серьёзный разговор о вестерне, затрагивающий (его истоки) роль «мифа», не может обойти те идеологические основания, на которых вестерн поднялся. Надо заметить, что у американцев всегда была и по сию пору сохраняется склонность рассматривать собственную историю в плоскости взаимоотношений абстрактного человека с природой. Будто бы преодолевшие Атлантический океан люди, оторвавшиеся от своих европейских корней, очутились в положении библейского Адама: человечество же после веков грехопадения таким образом обрело с ними свою ветхозаветную юность.

В действительности, сложившееся за океаном буржуазное общество и его культуру связывали с Европой узы близкого родства. В социально-экономической сфере «граница» выполняла функцию предохранительного клапана, предотвращая в уже обжитых районах страны «стабилизацию» на европейский манер.

Верно ли, что «дух границы», как любят утверждать в США, навечно вселился в американский характер. И что это за дух? В «духе границе» можно выделить два основных элемента: безудержный индивидуализм, вскормлённый в Европе столетиями буржуазного развития, но за океаном освобождённый на время от внешних «пут»; своеобразное «равенство» перед дулом шестизарядного кольта, который был тогда у всех и каждого.

Сама по себе граница мало содержала идилистического. Освоение новых земель было делом нелёгким, требовало большой настойчивости и трудолюбия. Собственническая психология была основной пружиной «великого предприятия», поэтому невозможно ни признать всю эту эпопею нравственно однозначной (достаточно вспомнить об индейцах), ни разграничить черное и белое – тут было добро, а там зло. Хотя на «границе» существовал неписанный закон так называемой «честной игры», одному богу ведомо, сколько в этой кровавой игре было честного, а сколько нечестного. Передовой отряд в армии первопроходцев нередко составляли отпетые

бандиты, душегубы, беглые каторжники, а ковбои, зверобои и прочий пришлый народ во многом должны были равняться именно на них.

Однако в вестерне всё это виделось сквозь романтический флер.

К примеру, роман Берджера изобилует всевозможными приключениями, без которых, вероятно, немислим никакой рассказ о «границе». В данном случае, однако, они не столько представляют самостоятельный интерес, сколько соответствуют определённым задачам автора. Белый мальчик из разгромленного индейцами переселенческого отряда попадает в плен, получает у краснокожих второе воспитание и спустя несколько лет возвращается к белым, но волею случая ещё не раз оказывается среди индейцев – такое развитие сюжета позволяет всё время сопоставлять с индейским миром мир белой «границы».

Сопоставление, в конечном счете, оказывается проигрышным для последнего. Оно позволяет ощутить уродство буржуазного индивидуализма. «Белые люди не любят друг друга – рано или поздно один из них убивает другого» – замечает индейский вождь.

Эволюция вестерна даёт представление о существенных сторонах духовной ситуации, в которой ныне оказалась буржуазная Америка, о характерных особенностях, которыми отличается кризис буржуазной идеологии, о полной дискредитации её традиционных прописей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кагреманов Ю. Вестерн вчера и сегодня. – «Иностр. лит.», 1975, № 11, с. 212
2. Westerns [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://westerns.agava.ru/> Дата обращения: 01.10.2011.
3. Лопухов Д. Весетрны: раз ковбой, два ковбой [Электронный ресурс]/ Лопухов Д. – Режим доступа: <http://crossflow.ru/genres/westerns-raz-kovboj-dva-kovboj-2008> Дата обращения: 01.10.2011.

*И.И. Ахтамьянова,
к.п.н., профессор БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДУХОВНОСТЬ» И «КОГНИТИВНАЯ КУЛЬТУРА»

Проблема соотношения понятий «когнитивная культура» и «духовность» недостаточно представлена в научной литературе.

С научной точки зрения духовность – изначальное свойство материи, наиболее ярко воплощенное в человеке. Она может развиваться как в ходе эволюции, так и в ходе индивидуальной жизни. Духовность материи – это ее свойство отражения, способность отражать. Внутренний мир человека – это совокупность образов – отражений объектов, процессов, явлений ок-

ружающего мира. Одновременно, это и взгляд во внешний мир, позволяющий преодолевать пространственно-временную ограниченность физического бытия, а также взгляд человека на самого себя [2]. Такое понимание духовности не противоречит пониманию духовности Н.А.Бердяевым. Духовность, по Н.А.Бердяеву, дает человеку возможность виртуального владения неограниченным временем и пространством, неограниченностью движения мысли, возможностью сопоставлять все со всем и не замыкаться в узкой совокупности объектов [1].

Психологический и семантический анализ понятия «духовность» сделан С.К.Бондаревой и Д.В. Колесовым [2]. Авторы «духовность» определяют как опосредованность психической жизни: в психике происходит множество процессов опосредования одного образа другим, одного условного рефлекса другим (это называется ассоциативными связями). Духовный индивид это тот, психика которого способна вырабатывать ассоциативные связи вплоть до шестого-седьмого порядка.

Духовный индивид отличается интересом к обобщениям и общим понятиям. Поэтому, повышенная склонность к общему и обобщенному – черта духовности.

Духовный индивид характеризуется неограниченными во времени и пространстве интересами: мысль физическими закономерностями не связана, поэтому мысленно мы можем перемещаться на любые сверхгалактические расстояния, и мысленно же воздействовать на любые объекты Вселенной.

Духовность – это тенденция видеть «лес», но плохо различать или вообще не обращать внимания на отдельные «деревья». Для полноценного мышления необходимо видеть не только сами объекты (процессы, явления), но и домысливать связи между ними. Духовность вполне способна к этому, и это – основание творчества. Поэтому духовное начало в психике индивида – это основание его пытливости, стремления заглянуть внутрь объекта, выяснить его устройство. Кроме того, обобщение само возникает путем сопоставления различных объектов и различных их свойств, и никакой объект в природе не является объектом как таковым, это мы сами в своем мышлении и воображении мысленно как бы изолируем его от других объектов, чтобы лучше рассмотреть. Но при этом важно выявлять и связи объектов, поскольку некоторые их черты принципиально могут проявляться только в случае наличия связей и их взаимодействий (объектов). Различие между воображением и мышлением проявляется в том, что воображение – это оперирование в психике образом объекта как таковым, но позволяющим этот образ дополнять, уточнять, переживать. Мышление – это обязательно сопоставление, а для сопоставления необходимо иметь перед своим внутренним взором более одного объекта, чего для воображения вовсе не требуется. Когда мышление развито слабо (не только в содержа-

тельном плане, но и как процесс сопоставлений), его место занимает воображение.

У духовного индивида может быть немало ценностей, отдаленных от него во времени и пространстве, ради которых он способен затрачивать силу, энергию, здоровье. Это – основания широты его кругозора, а широту кругозора можно считать одной из черт духовности.

Склонность к надповседневному, необычному и даже чрезвычайному, интерес к сверхъестественному, дифференцированная и детализированная картина мира с наличием в ней множества значимых объектов, творческая инновативность, стремление к новому, разнообразные признаки неудовлетворенности наличным, имеющимся – все это черты духовности.

Потребности человека можно разделить на потребности поддержания и потребности развития. Каждый индивид должен удовлетворять потребности поддержания – иначе не выжить. Но у духовного индивида наряду с этим выражены еще и потребности развития, его потребностно-мотивационная сфера динамична.

Относительно предпочитаемого расстояния при восприятии окружающего мира индивидов можно разделить на «близоруких» и «дальнозорких»: одного интересует только то, что невдалеке, рядом, непосредственно затрагивает, другому же интересно и нечто отдаленное, в том числе и такое, с которым непосредственно никогда соприкоснуться не придется, и тем не менее это ему интересно, это привлекает его внимание. «Дальнозоркие» – это духовные индивиды.

По отношению к восприятию нового индивидов можно разделить на любопытных и любознательных. Любопытность – это признак недостаточной духовности, когда индивида притягивает лишь новизна воспринимаемого как таковая. Любознательного же привлекает и значимость воспринимаемого, его связи и соотношения со многим другим. Любознательность, пытливость ума – это признак духовности.

При восприятии объектов окружающего мира духовный индивид обязательно будет интересоваться и внутренним устройством, и принципом действия, искать аналоги в природном и рукотворном мире.

Духовный индивид нередко подчиняет реально-повседневное какому-либо идеалу. По большому счету идеал – это всегда неопределенность, сколь бы он ни был категоричен, и фактически стремящиеся к реализации идеала стремятся в неведомое со всеми издержками такого стремления.

Романтизм с его устремлениями вдаль есть признак духовности.

Таково семантическое значение понятия «духовность». Перейдем к характеристике когнитивной культуры.

Термин «когнитивная культура» сегодня является широко употребляемым понятием и часто как синоним таких более частных понятий как

«культура мышления», «культура познания», «культура интеллектуальной (познавательной) деятельности» и пр.

Понятие «культура» является одним из фундаментальных понятий социально-гуманитарного познания и характеризует очень сложный и многогранный фактор человеческого бытия. При определении содержательного наполнения понятия «когнитивная культура» мы опираемся на информационно-семиотическую концепцию культуры А.С.Кармина, который рассматривает культуру как мир артефактов, смыслов и знаков [3].

В культуре воплощаются средства, способы и результаты человеческой деятельности. Продукты и результаты человеческой деятельности, искусственно созданные человеком предметы и явления, называют *артефактами* (от лат. *arte* – искусственный и *factus* – сделанный).

Культура – это *мир смыслов*, которые человек вкладывает в свои творения и действия. Смыслы образуются в голове человека, когда он в соответствии со своими потребностями познает, оценивает и регулирует происходящие вокруг него и в нем самом явления и процессы. Соответственно этому *знания* (то, что дается познанием), *ценности* (то, что устанавливается с помощью оценки) и *регулятивы* (то, чем регулируются действия) представляют собою *три основных вида смыслов*.

А.С.Кармин понимает культуру и как *мир знаков*. Выступая в качестве носителей смысла, «обработанные» (физически и духовно) человеком вещи, процессы, явления становятся знаками. Знак есть предмет, выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для ее приобретения, хранения, переработки и передачи.

Одним из критериев сформированной когнитивной культуры является достаточный уровень интеллектуального развития. Достаточно высокий интеллектуальный уровень – это и признак духовности.

Духовность – это тенденция индивида к выходу за пределы наличного: от конкретного к абстрактному, от физически актуального к представляемому или воображаемому.

Духовность – это причастность индивида к возвышенному и масштабному, тяготение к «непостижимому» (с превращением части его в постигнутое).

Духовность – это способность индивида видеть (внутренним взором) и собственно физически невидимое (даже при ближайшем рассмотрении), и невидимое вследствие отдаленности во времени и пространстве.

Изложенное выше является важным основанием для того, чтобы считать когнитивную культуру личности проявлением ее духовности.

Духовность как явление и духовность конкретного индивида, отмечают С.К. Бондарева и Д.В. Колесов [2; 25], не одно и то же. Это различные контексты в пределах одного аспекта. Авторы приводят черты духовности индивида, черты его психики, которые дают основания считать его духовным:

- Широкий кругозор: объем знаний о множественных значимых разноудаленных в пространстве и времени объектах окружающего мира.
- Целостная и дифференцированная картина (модель) окружающего мира.
- Обладание развитым мировоззрением.
- Творческая инновативность в сочетании с большим или меньшим творческим потенциалом.
- Доминирование «высших» (творческих, познавательных, эстетических) потребностей.

Духовность – это мера владения индивидом информационными ресурсами своего внутреннего мира. И здесь, как отмечают С.К. Бондарева и Д.В. Колесов, важны и содержательность этого мира (широта, глубина, разносторонность), и мера владения им.

На наш взгляд, мера владения индивидом информационными ресурсами своего внутреннего мира как раз и определяется сформированностью когнитивной культуры личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. О человеке, его свободе и духовности / Н.А.Бердяев. – М., 1999.
2. Бондарева, С.К. Духовность (психология, социология, семантика) / С.К. Бондарева, Д.В. Колесов. – М., Воронеж, 2007.
3. Кармин, А.С. Культурология/ А.С.Кармин. – СПб., 2001.

*С.Б. Аюпова,
к. ф. н., доцент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ФУНКЦИИ ДЕТЕРМИНАНТА ВРЕМЕНИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И.С. ТУРГЕНЕВА

В художественной прозе И.С. Тургенева для выражения категории времени чаще используются двусоставные предложения с семантикой характеристики, акциональности, реже – односоставные предложения (именительный представления, определенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения).

К типичным членам предложения, выражающим категорию времени, относим обстоятельство и детерминант времени. Вслед за В.В. Бабайцевой под обстоятельством времени понимаем второстепенный член предложения из состава сказуемого с временным значением, занимающий синтаксическую позицию не в абсолютном начале предложения, а под детерминантом времени – второстепенный член предложения, обозначающий тему высказывания и занимающий позицию в начале предложения [1]. В выра-

жении категории времени участвуют также главные члены предложения, дополнения и определения, синкретичные члены предложения.

В коммуникативно расчлененном предложении темпоральный компонент занимает важное место, чаще всего являясь единственной или одной из тем и служа «отправной точкой (основой) для передачи нового» [2; 54].

Семантику времени в коммуникативно расчлененном предложении выражают все его члены. В статье остановимся только на роли детерминантов в формировании категории времени. О функциях других членов предложения с темпоральной семантикой в языковой художественной картине мира подробно говорится в нашей монографии «Категория времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева)» [3].

Как показало исследование, тема высказывания, выраженная темпоральным детерминантом, содержит известную, знакомую информацию.

Во-первых, в ней сообщается о хронологии события, о котором пойдет речь в реме. Как правило, тема создает исторический фон, выделяя определенную точку на оси линейно-исторического времени, а рема «вписывает» в этот фон события частной жизни героев или персонажей: *В 47-м году / жена Кирсанова // скончалась. «Отцы и дети»; 10 августа 1862 года, в четыре часа пополудни, в Баден-Бадене, перед известною "Conversation" // толпилось множество народа.*

Во-вторых, в теме говорится о хронографии события, отраженного в рематической части. При этом в теме содержатся разнообразные сведения о таких единицах или параметрах времени как:

1. Часть суток, сутки: *В полдень, в ясную, солнечную погоду, // ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины.* «Малиновая вода». В этом случае тема выделяет только ту часть суточного цикла, которая особенно важна для последующего повествования о событиях, раскрывающих особенности характера героя или персонажа или резко изменившихся после указанного в теме времени. Так, в предложении из рассказа «Бежин луг» (*Без хворостинки в руке, ночью, / он [Павлуша], // нимало не колеблясь, поскакал один на волка...*) акцентирование в теме темной части суток, когда, как правило, охотятся опасные хищники, используется в характерологической функции. Храбрость мальчика актуализирует не только рематическая часть (*нимало не колеблясь, поскакал один на волка...*), но и обстоятельства этого события (*ночью*).

2. Уникальность определенной части суток, ее особая роль в жизни героя. Например, в предложении из повести «Ася» (*Однажды вечером / я // сидел на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники.*) тема *однажды вечером* выделяет в круговороте времени ту часть суток, в которую произошла завязка действия – первая встреча героев.

3. Субъективное отношение к части суток. Как правило, субъективное отношение ко времени в теме представлено в предложениях, завер-

шающих произведение, заканчивающих повествование о том дне, в котором автор переходит от рассказа о прошлом героя к его настоящему, дает возможность читателю увидеть события из жизни героя, наполняющие этот день и характеризующие главное действующее лицо. Так, в заключительной части рассказа «Чертопханов и Недопюскин» события описанного дня настолько важны для понимания характеров Чертопханова, Недопюскина и Маши, как и сами герои настолько интересны автору, что он в теме последнего предложения (*Поздно вечером // уехал я из Бессонова...*) акцентирует внимание читателя на субъективной оценке времени отъезда из гостей повествователя.

4. Часть суток в сезонном времени. Обычно упоминание в теме предложения двух компонентов циклического времени (суточного и сезонного) используется для того, чтобы подчеркнуть типичность для указанного времени событий, наполняющих жизнь человека и поэтому актуализированных в реме: *А в зимний день // ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным, острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!..* «Лес и степь».

5. Регулярность совершения события, зависящая от сезонного времени. В предложении из рассказа «Бурмистр» (*По зимам / он [Пеночкин] // ездит в Петербург.*) указание в первой теме (*по зимам*) на регулярность действий человека, совершаемых им в определенный сезон, характеризует образ его жизни, особенности времяпровождения помещика, ведущего светскую жизнь: «Бурмистр».

6. Последовательность события в линейном или линейно-циклическом времени. Акцент на последовательности событий в теме предложения помогает писателю, с одной стороны, выделить важное в прошлом героя событие на оси линейного времени. Так, в предложении (*В позапрошлом году / так даже ласточки // вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели.*) из рассказа «Живые мощи» один прошедший год выделяется в череде других потому, что в небогатой на внешние события жизни обездвиженной героини произошло событие, наполнившее ее существование смыслом и интересом – наблюдениями за жизнью природы, воспоминаниями о них. С другой стороны, указание в теме предложения на движение вперед в линейном или циклическом времени используется для развития сюжета, для создания динамики времени: *На следующее утро / Инсаров, несмотря на довольно сильную головную боль, // вторично отправился к отставному прокурору.* «Накануне».

7. Совпадение события с моментом речи. Акцент в теме предложения на моменте речи, совпадающем с событием, делается в основном персонажами в репликах диалога. С помощью данной темы предложения подчеркивается важность момента для передачи душевного состояния одного из собеседников. Например, предложению из романа «Рудин» (– <...> *Те-*

перь // не могу.) в диалоге Лежнева и Липиной, в котором обсуждается Рудин, предшествует другое предложение (*О нашем тогдашнем житье-бытье я поговорю с вами когда-нибудь после.*). Тема последующего предложения (*теперь*) и актуализация в реме невозможности продолжать разговор о главном герое произведения, о проведенных вместе с ним годах жизни персонажа, позволяет обратить внимание читателя на то, что воспоминания о прошедшем времени до сих пор вызывают в душе Лежнева боль, намекают на серьезные причины, приведшие к разрыву отношений между друзьями, подготавливают читателя к новой, не совсем хорошо характеризующей главного героя информации.

8. Точная длительность события в единицах суточного или линейного времени. Обозначение границ длительности события, актуализированного в реме, подчеркивает тот временной рубеж после которого что-либо кардинально меняется в жизни героя. Например, в предложении из рассказа «Конец Чертопханова» (*Целых полчаса // бился Чертопханов с Машей.*) тема *целых полчаса* обозначает временной рубеж события, после которого герои расстаются навсегда.

9. Постоянство чего-либо во времени. Тема *всегда* из предложения романа «Рудин» (*Всегда, // во всем благородна и великодушна!*) используется в характерологической функции: подчеркивает неизменность прекрасных качеств главной героини, актуализированных в реме. «Рудин».

10. Отправная точка события, совпадающая с моментом речи. Тема *с нынешнего дня* в предложении из диалога героя и героини романа «Накануне» (*– <...> С нынешнего дня / мы // соединены навек!*) отражает точку на оси линейного времени, в которой обозначен перелом в отношениях и жизни главных героев.

11. Отправная точка события, расположенная на оси биографического времени. Выделение в теме *с самого детства* предложения из рассказа «Чертопханов и Недопюскин» (*С самого детства // не покидал он родительского дома и под руководством своей матери, добрейшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, вырос баловнем и барчуком.*) точки, расположенной на оси биографического времени, помогает автору объяснить особенности характера героя, которые были заложены в семье в детские годы и актуализированы в реме.

12. Отправная точка события, расположенная на оси календарного времени. Первая тема, как правило, используется в предложениях, подчеркивающих типичность для компонента календарного времени того или иного состояния природы: *В начале августа / жары // часто стоят нестерпимые.* «Малиновая вода»;

13. Симметрия события. Первая тема с темпоральной семантикой *в свое время* из предложения романа «Накануне» (*– <...> В свое время / и то // не уйдет.*) помогает актуализировать в реплике Дмитрия Инсарова неиз-

бежность предстоящих событий во времени, к которым так стремится главный герой.

Таким образом, детерминант времени, являясь темой простого предложения, используется в языковой художественной картине мира И.С. Тургенева в фоновой, выделительной, характерологической, сюжетообразующей функциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева, В.В. Система членов предложения в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 496с.

2. Караулов, Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.

3. Аюпова, С.Б. Категория времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева) [Текст] / С.Б. Аюпова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 190 с.

*М.А. Баркова,
аспирант ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО КАК МЕТОД ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. М. ШУКШИНА)

Книга – один из главных символов народной мудрости, которая дает человеку шанс познать мир во всем его разнообразии. Сквозь страницы сотен книг впервые человек видит отраженную в слове необъятно-сложную вселенную.

Лев Успенский в книге «Слово о словах» писал: «В звучном слове развертываются перед ним льяносы Ориноко, сверкают айсберги Арктики, шумят водопады Африки и Америки. Раскрывается огромный мир звездных пространств; зримыми становятся микроскопические космосы молекул и атомов». Действительно, ребенок, еще не умеющий говорить, уже слышит сказки бабушки, ее колыбельные песни. Вырастая, мы через слово узнаем о том, чего никогда не видели сами, и, может быть, не увидим никогда. Без слова невозможно помыслить никакую работу. Словами изложены самые главные идеи человечества, в них запечатлены основные постулаты нашей жизни.

Разумеется, народная мудрость, сохранившаяся в устном народном творчестве, как никогда нужна сейчас нашему обществу. Мы живем в эпоху перемен, наша жизнь столь стремительно мчится вперед, что мы не успеваем замечать, как меняемся сами, как наше отношение к людям начинает приобретать отчужденный характер. Мы стали душевно невоспитанны-

ми. Обратившись за помощью к народным педагогическим традициям стоит вспомнить К. Д. Ушинского, который говорил о том, что «воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ» [4; 27-28] или русского философа П.И. Новгородцева, отмечавшего, что «не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных истин святой народный дух» [2; 580].

Многие ученые отмечают тот факт, что душа народа – в устном народном творчестве. С ними нельзя не согласиться, так как изучение народной педагогики невозможно без знания фольклора, способствующего формированию национальной личности.

Неправомерно было бы, в свою очередь, предполагать, что устное народное творчество является отдельной отраслью литературы, так как они взаимодействуют с давних времен. Устная народная поэзия и книжная литература зарождались и развивались на основе национальных богатств языка, их тематика была связана с исторической и социальной жизнью русского народа, его бытом и трудом. В них находила творческое воплощение талант русского народа в области искусства слова. В фольклоре и литературе создавались во многом сходные между собой поэтические и прозаические жанры, возникали и совершенствовались роды и виды поэтического искусства.

Образно-символическая природа художественного творчества, его воздействие на эмоционально-чувственную сферу личности делает его наиболее адекватным средством ненавязчивого и в тоже время эффективного воспитательного воздействия. Именно такое воздействие является одним из важнейших принципов народной педагогики.

Знаменитый поэт Иосиф Бродский в интервью с американским профессором Джоном Глэдом о своем поколении говорил: «Мы все пришли в литературу Бог знает откуда, практически лишь из факта своего существования, из недр. Не то чтобы от станка или от сохи, гораздо дальше – из умственного, интеллектуального, культурного небытия. И ценность нашего поколения заключается именно в том, что никак и ничем не подготовленные, мы продолжили эти самые, если угодно, дороги. Дороги – это, может быть, слишком громко, но тропы – безусловно. Мы действовали не только на свой страх и риск, это само собой, но просто исключительно по интуиции» [1; 135]. Именно интуиция, умение доверять внутреннему чутью привело В. М. Шукшина к осознанию себя как народного писателя и созданию таких произведений, в основе которых – народная традиция, этническая культура, фольклор. Он не стал отходить от того, что было воспринято предыдущей культурой, а сумел создать новое, не разрушив цепь времен. Привлечь внимание к казалось бы давно известному, ему помог богатый русский язык, понятный слог, ненапыщенность фраз, простота и легкость мысли. «Пиши, как живешь, и живи, как пишешь» – вот мудрый завет В.М. Шукшина [3; 71].

Этнопедагогические идеи, основанные на народной мудрости, несущие в себе фольклорное начало ярко представлены в творчестве писателя. В.М. Шукшин был тем человеком, который жил народом, работал для народа, кто, по словам М.А. Шолохова «не пропустил момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так просто, негромким голосом, очень доверительно» [3; 328].

Шукшин был и остается народным писателем. Он черпал свое вдохновение из привычной ему жизни, заимствовал характеры, имена и судьбы тех людей, с которыми жил в одном селе, вместе работал. Шукшин сформировался в итоге внутренней интеграции как река с тремя руслами – писатель (сценарист), режиссер, актер – всецело самостоятельно, в процессе поисков предельной самореализации.

Русские пословицы, присказки, колыбельные, песни, обычаи и традиции народа занимают значительное место в произведениях Шукшина, который виртуозно использует их, вводя в контекст. Умело перефразируя, дополняя или комментируя народную мудрость, В. М. Шукшин привносит педагогическую, воспитательную, нравственную идею в свое творчество.

Писатель, понимая всю важность художественного слова, принимая педагогическую идею о том, что слово несет мысль и чувство, считал, что «тот рассказ хорошо, который чудом сохранил движение, не умертвил жизни, а как бы «пересадил» ее, не повредив, в наше читательское сознание» [5, 315]. Только слово, живая речь может благотворно влиять на душу человека, а рассказ, написанный для души не может быть изолирован от народного языка, который забыть непозволительно.

В.М. Шукшин в таких работах, как «Нравственность есть Правда», «Как я понимаю рассказ», «Слово о «Малой родине», «Красота доброты», «Воздействие правдой», «Позиция художника» размышляет не только и не столько о задачах художественного, писательского или актерского характера, но, сколько, задается главными для Шукшина-писателя вопросами о том, что есть правда и как честно рассказать о душе. «Меня больше интересует «история души», и ради ее выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует» [5; 337].

На основании этого можно вывести одну бесспорно педагогическую мысль писателя: необходимо в литературе, искусстве поднимать такие вопросы, которые бы заставили людей, молодое поколение задуматься о социально-нравственных проблемах общества, о путях их разрешения, опираясь на понятия национальной морали, эстетики и мировоззрения.

Сегодня отчетливо видно, насколько прозорлив был Василий Шукшин, призывавший современного человека: «...не теряй свои нравственные ценности, где бы ты ни оказался, не принимай суетливость и ловкость некоторых городских жителей за культурность, за более умный способ жить – он, может быть, и дает выгоды, но он бессовестный». А затем писа-

тель произносит уже ставшие хрестоматийными слова «Русский народ за свою историю отобрал, сохранял, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами – стоит ли отдавать его за некий трескучий, так называемый «городской язык», коим владеют все те же ловкие люди, что и жить как будто умеют, и насквозь фальшивы. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком» [5; 332].

Познать самих себя и жизнь вокруг – вот главный воспитательный наказ литературы. «Ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже душа болит. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать» [5; 59]. Это слова попа из рассказа В. М. Шукшина «Верую». Именно в этом и состоит ценность литературы. Она – есть жизнь, описанная без прикрас, входящая в нашу душу полностью, без остатка. Наш разум постигает истину слов, пройдя сквозь сердце, так мы возрождаемся духовно, развивая в себе сердечность. Мудрое слово писателя – эликсир для заблудшей души. Читатель не только воспринимает то, что написано, он это осознает, обогащаясь духовно, нравственно. Книга – это мир, способный и ребенка и взрослого обогатить знаниями, дать пищу для размышлений, помочь задуматься, разобраться в хитросплетениях жизни

В связи с этим актуальным для педагогики является мысль писателя, во-первых, о воспитании чувства доброты, честности и трудолюбия как необходимых качеств личности; во-вторых, о возрождении национальных ценностей воспитания и использовании их, в частности, фольклора, в формировании человека-патриота, гражданина-борца за Родину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Меньше единицы: избранные эссе. Поэт и проза / И. Бродский. – М.: Независимая газета, 1999. – 472 с.
2. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Российское педагогическое агентство, 1996. – 466 с.
3. Статьи и воспоминания о Василии Шукшине / Сост. Н. Н. Яновский. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд., 1989. – 328 с.
4. Ушинский, К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании / К. Д. Ушинский. – СПб., 1894. – 455 с.
5. Шукшин, В. М. Избранное: Для учащихся ст. классов сред. шк. / В. М. Шукшин. – М.: Просвещение, 1992. – 352 с.

*А.М. Борамбаева,
Ғылыми жетекші: ф.ғ.к., доцент М.Қ.Амангазиева,
С.Бәйішев атындағы Ақтөбе университетінің магистранты,
(Қазақстан, Ақтөбе қаласы)*

ЭПОС ЖАНРЫНДАҒЫ «БАТЫР» КОНЦЕПТІСІНІҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ

Қазіргі тіл білімінің антропоцентристік бағыттағы зерттеулерінде тілді тек тіл жүйесі ауқымында зерттеп қоймай, сонымен бірге тіл мен мәдениет байланысын, оның ішіндегі тіл иесінің алар орнын анықтаумен ұштастыра қарастыру көзделіп отыр. Осымен байланысты әдеби тілді дамытушы жеке тілдік тұлғаның тіл ерекшелігін когнитивті тұрғыдан зерттеу – тіл біліміндегі өзекті мәселелердің бірі. Осыған орай соңғы кездері қазақ тіл білімінде когнитивтік лингвистиканың негізгі категориясы концепт табиғатын нақты дәйектер негізінде ашуға бағытталған еңбектердің көбейіп келе жатқаны байқалады. Осы тұрғыдан қарастырылған эпикалық шығармалардың концептілік құрылымы негізінде анықталатын ғаламның тілдік бейнесіндегі «батыр» концептісін ашуға ұмтылыс тіл мен мәдениет сабақтастығын дәйектейтін өзекті мәселелердің санатындағы қажеттіліктен туындап отыр. Сол себептен біз «батыр» концептісін біздің дүниетанымымыздағы әлем туралы ақиқат болмысты бейнелейтін когнитивтік бірлік ретінде қарауды жөн көрдік. Ғаламның тілдік бейнесіндегі «батыр» концептісі қазақ эпикалық жырларында кеңінен көрініс береді. Эпикалық жырлардың ерекшелігін танытатын батырлық сипаты халық қиялының шексіздігін танытады. Мұнда халық өз кейіпкерінің бойына барлық қаһармандық қасиеттерді үйіп-төгіп береді. Себебі эпостағы батыр бейнесі – халық қажеттілігінен туған типтік образ. Тақырыбымызға сәйкес зерттеу жұмысымызда біз «батыр» концептісінің құрылымдық көрінісін сипаттадық.

Концепт санада концептілік жүйе арқылы қалыптасады. Концептілік жүйе когнитивтік модель және оның санада бейнеленетін типтері (ассоциация, бейне, символ т.б) мен бұдан құралатын концепт типтері (фрейм, ойсурет, сценарий т.б) және дүниенің тілдік бейнесі (метафора, фразеологизм, сөз, сөйлем, мәтін, т.б) құрылымдарынан тұрады.

Когнитивтік модель және оның санада бейнеленетін типтері, концепт типтері концептілік жүйенің ішкі құрылымына, ал оның тілдік бейнесі концептілік жүйенің сыртқы құрылымына жатады. Яғни санадағы ақпарат, дүние туралы түсінік сезімдік қабылдау және түсінік қалыптастыру деңгейінен өтіп тіл арқылы көрініс табады. Ол не сөз, не сөйлем, не тұрақты тіркес, мәтін арқылы беріледі.

Эпостық жырларда «батыр» концептісінің фреймдік құрылымы *адам бойындағы қайсарлы, өжетті, мықты, қаһарлық, сенгіштік, ерлік қасиеттері және ел қорғаны* сияқты танымдық элементтерден тұрады.

Көркем мәтіндегі батырдың *қару-жарақтары мен киімдері, тұлпары, жекпе-жек, гажайып туысы мен ерте есеюі* сияқты танымдық элементтері «батыр» концептісінің ойсуретін құрауға қатысады. Бұдан төмендегідей когнитивтік моделін көрсеттік:

1. Батыр – ел қорғаны. *Қорған болып туғанмын Туғаннан-ақ халқыма* («Қобыланды батыр» жыры) [1, 53].

2. Батыр – сенгіш. *Осы сөзбен қу кемпір Алдап ұрды ақылын. Сөзбенен бойын балқытты Алпамыстай батырдың* [2, 187].

3. «Ер қаруы – бес қару» Жырда батырлар **қару-жарақтары мен киімін бейнелеуде** де әлеуметтік ерекшеліктер айқын көрініс табады. Бұлар «батырлық» концептісін бейнелейтін құрылымдық элементі ретінде қатысады: Тас *шоқпары* тақымда Айдауға кеткен жылқының Соңынан қуып барады [2, 63], Алғыр құстай бойланып, *Қызыл найза* қолға алып [2, 170], Алтын сапты ақберен Деммен тартып тиеді [2, 172]. *Берен* – қазақ тілінің түсіндірме сөздіктерінде көп мағыналы болып келеді. Біз қару-жарақ ретіндегі мағынасын алсақ, берен лексемасының мағынасы – құрыш болаттан істелген өткір қылыш әрі батырлар киетін сауыттың бір түрі.

Жанына байлап болатты Беліне *садақ* ілгізді [2, 7], Басына *қалқан* төңкеріп, Сауытын алды киініп Саймандарын сайланып, Әбден алды түйініп [2, 174]. Садақ, қалқан да әскери адамға ғана тән, жаугершілікте қолданады, әрі «батыр» ұғымын береді. Арыстан туған Қоблан Қазынадан *қамқа* киеді («Қобыланды батыр» жыры) [2, 5]. *Қамқа* – зер араластырып тоқылған жібек мата [3, 308]. (Зер – қалайы)

Үстіне *сауыт* кигізді, Жанына байлап болатты Беліне садақ ілгізді [2, 7]. Берілген контекстерде сауыт батырдың тұлғасын бейнелеуге қатысады. Қазақ эпостарында сауыт сөзінің қолданысы түрлі формаға ие болады. Мысалы Ер Тарғын жырында былайша көрініс табады:

Шығыршығы шираған

Бадана көзді *кіреуке*

Шарайнасы бес қабат

Жау қарысы жетпеген.

Жез айырдың оғы өтпеген.

Сатуға бәсін сұрасаң,

Сан ділдаға бітпеген [4, 130].

Көкірек қысқан *көбеден*

Қалмады қапыл жебеден [4, 134].

Келтірілген үзіндідегі *кіреуке, көбе* де қорғаныш сауыттар. Шарайна – «парсы тілінен енген сөз, мағынасы сауытқа қабаттаған, төрт бөліктен тұратын металл көкірекше» [5, 97]. Бұлардағы *бадана көз, шығыршықты* деп отырғаны Р.Сыздықованың түсіндіруі бойынша, «шығыршықтардың тізбесі, оны кейде шөже көз деп те атайды. Мысалы, «Қыз Жібекте»: Алтынды сауыт *шөже көз* Түймеден кетті дегейсің» [5, 96].

4. Батырдың өзіне лайық тұлпары. «Ердің жаны – аты» [2, 72] дегендей халық ұғымында батырдың өзіне лайық **тұлпары** болады. Ол жай ғана тұлпар емес, ерекше қасиеттерге ие, жүйрік тұлпар болып жырланады. Мысалы, Қобыландыда Тайбурыл, Ер Тарғында Тарлан аты, Алпамыстың Байшұбары, Ер Қосайдың Сарғыш аты т.б. Көп жағдайда батыр тұлпарға иелік еткен соң ғана оның батырлық істері көрініс табады.

5. Батыр – текті. Батыр халық арасында жүрген жай ғана адам емес, ата-бабасынан тектілік дарыған ерекше тұлға ретінде танылады. Бір-екі жырлардан мысалдар келтірсек: «Қамбар батыр» жырында «Жігітінде жұрт иесі болған хан Әлімбайдың» баласы. «Орақ, Мамай» жырында да екі батырдың арғы тегі Ала тайлы Аңшыбай, Баба түкті шашты Әзизге барып тіреледі. Орақтың ұрпағын Қарасай, Қазі атты батыр жалғастырады.

Эпикалық батыр тұлғасын жасауда, оның қару-жарақ, сауыт-саймандарын, асау тұлпарын бейнелеуде тілдік ерекшеліктер байқалады. Мысалы төмендегідей тіркестер қазақ эпикалық жырларының көбінде дерлік кездеселі: *Қорамсаққа қол салды, Қозы жауырын оқ алды/Бір салғанда мол салды... Ертеңнен салса түсте озған, Ылдидан салса түсте озған... Тұлымдысын тұл қылып, Айдарлысын құл қылып... Беркініп садақ асынып, Біртіндеп жауды қашырып... Қанжарменен қармасты, Семсерменен серместі, Қанжар қалды қайысып, семсер қалды майысып... Құланның атты қодықты, Көлден тартты борықты... Қылышпенен өлтірсем, Қиқаладың дерсің сен, Найземенен өлтірсем, Миқаладың дерсің сен...*

Қазақ тілінде кездесетін тұрақты тіркестер, мақал-мәтелдер эпикалық жырларда батырдың қару-жарақ, сауыт-саймандарын, ерлік істерін көрсетуге қатысады. Мысалы: *Жортқанда жолың болсын; Туы жығылу; Сойылын соғу; Ат саурына міндіру; Ер шекіспей – бекіспейді; Айлалы батыр алдырмас; Ер қанаты – ат;*

Шүмен тарату; Кіндіктен оғын сырғыту; Арқаның бөрі көзі; Қыдыра жолды қыл құйрық; Адыра талқан қылу, сағы сыну.

Сонымен қатар эпикалық жырларда батырдың көркемдік бейнесін жасауда сан алуан эпитеттер мен теңеулер де қолданылады. Соның ішінде эпитет, теңеулер көбіне жануарлар әлеміне байланыта болып келеді (ірі, мықты, төзімді, жыртқыш хайуандар): арстан, жолбарыс, арлан, көкжал, тарлан, тұлпар, қабылан, бөрі.

Арыстан туған Қобыланды; Азырақ тұрып сөйлесіп Болғаннан соң үш көкжал; Арыстандай жүректі, Жолбарыстай білекті;

Осыған ұқсас күрделі тіркестермен де суреттеледі: қасы сарыжадай керілген, Кірпігі оқтай тізілген; Білегінің шырайы Айбалтаның сабындай; Азуы алты қарыс арлан бөрі; Батыр туған Қоблан ер; Садаққа тартқан оқтай.

Сонымен, қорыта келе, «батыр» концептісі динамикалық қозғалыс, ұзақ не қысқа жол, құдіретті күш, тартыс, арпалыс, күрес секілді модельдерге салынған құрылымда танылды. Поэтикалық мәтіндегі

концептіні беру шеберлігінде ақынның сенсорлы-перцептивті қабылдап тануы (оның ішінде көру, есту сезімдері) ерекше байқалады және когнитивтік модель тудыруда символдық, эталондық, ассоциативтік, стереотиптік таңбаларға сүйенеді. Ақынның концептіні танытуда ішкі құрылым формасынан схема мен ойсуретті, сыртқы құрылымнан метафора мен фразеологизмді кеңінен қолданатыны анықталды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Бабалар сөзі: Жүз томдық. – Астана: «Фолиант», 2006. Т. 35: Батырлар жыры. – 2006. – 392 бет.
2. Батырлар жыры. 1-том. – Алматы: Жазушы, 2006. – 256 бет.
3. Бұралқұлұлы М. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы: «Мектеп» баспасы, 2008. – 680 бет.
4. Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық/Құрастырып түсініктерін жазған М.Ғұмарова. – Алматы: «Жазушы». Т. 3. Батырлар жыры/Жауапты шығарушы Ж.Әбішев. – 1987. – 304 бет.
5. Сыздықова Р. Сөздер сөйлейді (Сөздердің қолданылу тарихынан). 2-басылуы. – Алматы: «Санат», 1994 – 272 бет.

*Д.А. Борисов,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

О СИНКРЕТИЗМЕ ПЕРВЫХ СЛОВ

Словарный состав языка, непосредственно отражая в своих преобразованиях реформирование социального строя, развитие производства, культуры, техники, науки, находится в состоянии почти непрерывного изменения, но изменения не ломают лексической системы языка, не уничтожают его структурной основы, его основного лексического фонда (в большинстве своем являющегося достоянием древнейших эпох существования языка). Они отражают внутренние законы развития языка. Эти изменения состоят в пополнении словарного запаса новыми заимствованиями и единицами, образуемыми согласно законам и правилам данного языка, с использованием имеющегося арсенала структурных элементов, в утрате некоторого количества устаревших слов и значений и возникновении новых значений и оттенков у «старых» слов, но способы образования этих слов и способы их лексического наполнения, способы объединения и сочетания разных значений в них определяются уже внутренними законами развития соответствующего конкретного языка. Поэтому обращение к изменению значений слов одного корня позволяет подойти к описанию русской лексики в целом как явления развивающегося; к определению качественных (собственно семантических) и количественных изменений в составе языка на всем протяжении его развития.

Исследования подобного рода могут носить как синхронический, так и диахронический характер. На синхронном срезе изучаются словообразовательные гнезда, в диахроническом аспекте актуально изучение этимологических гнезд, позволяющее раскрыть изменения, происходящие в гнезде на протяжении его исторического развития.

Этимология слова представляет огромный интерес для лингвистики. Исследуя происхождение тех или иных слов, можно установить их родство, их сложные семантические связи. Знание этимологии слова помогает находить определенные семантические связи между словами одного языка, а также между словами разных языков, что интересно для науки, так как позволяет решать некоторые задачи, связанные с установлением праязыка. Основная сложность этимологических исследований заключается и в естественном и в универсальном процессе деэтимологизации (утраты первоначальных этимологических связей), который совершается в каждом языке. Особые трудности при этимологическом анализе представляют объяснение связи значений, развития значений и реконструкция первичной семантики слова. Это обусловлено разнообразием и значительностью семантических изменений, их связью с внеязыковыми реалиями и недостаточной изученностью типов семантических изменений и принципов номинации.

Первоначальная семантика слов заметно отличалась от современной. Представители психологического направления в лингвистике (А.А. Потебня и другие) считали, что первые употребленные человеком слова синкретичны. Младограмматики (Пауль и другие) признавали образную природу корня и его семантики. Корень в первообразовании должен соответствовать цельным чувственным образам, быть способом выражения впечатления, проявлять синкретизм, обозначая не только объект, на котором сосредоточено внимание, но и то, что с этим объектом происходит.

А.А. Потебня, развивавший психологическое направление в русском языкознании, в работе «Мысль и язык» рассматривал язык как постоянно изменяющуюся, динамическую категорию. Он пишет: «Можно заключить, что для первобытного человека весь язык состоял из предложений с выраженным в слове одним только сказуемым» [2; 133]. Ученый считает, что слово вначале было лишено формальных определений и не являлось ни именем существительным, ни именем прилагательным, ни глаголом. Слово может быть указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, все это в нераздельном единстве. «Образование глагола, имени и прочего есть уже такое разложение и видоизменение чувственного образа, которое предполагает другие более простые явления, следующие за созданием слова» [2; 135].

Таким образом, А.А. Потебня утверждает, что слово является средством сознания чувственного образа, в то же время оно является средством сознания общности образа.

Далее, мысль о синкретизме слов в ранний период развития языка находим у Б.А. Ларина. В его труде «Об архаике в семантической структуре слова» развиваются идеи о том, что одно слово вмещало в себя признаки существительного и прилагательного. Б.А. Ларин считает, что односложные знаменательные слова редки и немногочисленны в славянских языках. В основном это древние имена существительные и в то же время имена прилагательные в краткой форме. Путем суффиксального осложнения от них образуются производные. Наличие словарного гнезда и недифференцированность морфологической структуры исходного слова – наряду со сравнительно-историческими данными – служат достаточно убеждающими признаками их древности. Поэтому приходит мысль о древности семантической структуры этих слов. Если семантическая структура сохранилась, то такие односложные знаменательные слова могут послужить опорой для суждений о признаках архаической смысловой структуры слова. Б.А. Ларин пишет, что более отчетливо в исходных словах и осколочно в производных намечается генеральная линия развития от синкретичного обозначения к расчлененному, обособленному развитию имен существительных с более конкретными (предметными) значениями и прилагательного – с более общими значениями [1; 89-100]. Первоначальный синкретизм более вероятен в таком сложном значении, в котором постоянно расчленяются и дифференцируются расходившиеся элементы, а затем уже выделяются переносные и другие производные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б.А. Об архаике в семантической структуре слова // Ларин Б.А. Избранные работы по истории русского языка. – М., 1963. – С. 89-100.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 1989. – 250 с.

*Е.А. Бурцева,
к. ф. н., доцент БирГСПА (г. Бирск)*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР В.Г. РАСПУТИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Творчество Валентина Распутина, одного из самых ярких прозаиков современности, привлекает внимание исследователей по многим причинам: и потому, что он в своих произведениях затрагивает острые проблемы, такие, которые заставляют спорить и даже отчаянно критиковать автора (в этой связи можно вспомнить шумную полемику вокруг публикации «Дочь Ивана, мать Ивана»), и потому, что он чуть ли не последний «деревенщик», и потому, что он принадлежит уходящему поколению великих писателей XX века, которому принадлежали Василий Шукшин, Леонид Леонов, Чингиз Айтматов и другие. Произведения В. Распутина так инте-

ресны для исследования еще и потому, что в своем творчестве писатель сохранил лучшие традиции русской классической литературы. Может быть, в современной литературе он остался последним хранителем этих традиций. Читая Распутина, наслаждаешься всем тем очарованием русской литературы, которая была присуща и Пушкину, и Лермонтову, и Тургеневу, и Чехову. В своем творчестве ему удалось уберечь то, что постепенно уходит из современной литературы эпохи потока сознания – нравственную чистоту, целомудренность речи и стиля, высокий гуманизм авторских идей. Все это он воплотил прежде всего в образах человека и природы.

Проблема образности не случайно затрагивается в связи с изучением художественного мира творчества В. Распутина, для которого природа становится не фоном, на котором происходят события и раскрываются герои, а естественной составляющей того мира, в котором такой же составляющей частью является и человек.

Традиционно принято считать, что природа в литературном произведении играет роль некоего показателя, через восприятие которой раскрывается суть героев. Об этом писал, например, В.А. Никольский, анализируя творчество И.С. Тургенева, М.Ф. Достоевского, Л.Н. Толстого [1]. В прозе этих писателей природа рассматривается в подчиненном положении как средство раскрытия характеров, некая декорация, связанная с жизненными событиями. Другой исследователь отмечал, касаясь прозы XIX столетия: «...декоративный фон – пейзаж почти неизбежен в любом романе прошлого века, даже в драме, где ему может быть отведено место не только в ремарках автора, но и в диалоге действующих лиц» [2].

Сопоставляя жизнь человека и природы, исследователи стремились изучить содержательность образа природы в диапазоне мировоззренческих идей писателей. Природа воспринималась лишь как отражение чувств и мыслей, некое «зеркало души». Так Б. Корман, определяя лирического героя, пишет: «Лирический герой – это и носитель речи, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром, внимание читателя сосредоточено на том, каков лирический герой, что с ним происходит, каково его отношение к миру» [3]. По мнению Б. Кормана, человеческая личность в произведении раскрывается в ее отношении к миру и к самому себе. Такое восприятие отражено во множестве монографических работ.

Другое отношение к образу природы было выражено в литературоведении рубежа XIX-XX вв. Тогда были сделаны попытки увидеть в образе природы самостоятельные функции, когда пейзажи «нарисованы из-за них самих, а не в виде дополнения к характеристике того или другого лица, того или другого типа» [4]. Но, к сожалению, такой взгляд на картины природы не утвердился и считается, что самостоятельным пейзаж может быть только в лирике или тогда, когда описание природы в больших эпических произведениях становится своего рода стихотворением в прозе. Природа с

независимым сюжетом мало исследована в теоретическом плане, хотя многое в раскрытии этой литературоведческой проблемы сделал Т.Я. Гринфельд-Зингурс, считающий, что самостоятельные картины природы могут занимать весь объем такого прозаического жанра, как рассказ-миниатюра [5]. Образ природы, занимающий все пространство произведения, не оставляет места для изображения человеческого сюжета. В таких произведениях может быть автор-повествователь, но нет героя с его миром мыслей и чувств.

Интересно отношение к природе натурфилософов, благодаря исследованиям которых утвердился термин «чувство природы», связанный с проблемой понимания человеком природы, нахождения своего места в ней и отражения этого в искусстве. В XIX веке об этом писали Н.М. Карамзин, П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, В.Г. Белинский [6].

В последние десятилетия в России, в период крупномасштабной смены уклада жизни, вопрос о месте человека в природе приобрел особую актуальность. И именно здесь самобытно звучит голос В. Распутина, в художественном мире которого этот вопрос не столько решен, сколько иначе сформулирован. Совершенно по-особенному соотносятся образ человека и образ природы в художественном мире прозы В.Распутина.

Художественный мир В. Распутина организован так, что в нем образ природы и образ человека не дополняют друг друга и не разъясняют что-то друг другу. Природа и человек у писателя становятся единым гармоническим целым. У человека нет места в природе, он сам – естественная составляющая природного мира. Соотношение образа природы и образа человека у В.Распутина особое: в его прозе происходит некое *взаимопроникновение*. Природа не фон, а смыслоопределяющая часть человеческого мира. Острота проблемы заключается в том, что подобное осмысление образов природы и человека в художественном произведении нетрадиционно для отечественного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никольский В.П. Природа и человек в русской литературе XIX века (50-60-е годы). – Калинин, 1973. – С.6.
2. Белецкий А.И. Живая и мертвая природа // Избранные труды по теории литературы. – М., 1964. – С.229.
3. Корман Б. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972. – С.14.
4. Арсеньев К.К. Пейзаж в современном русском романе // Критические этюды по русской литературе. – СПб., 1888. Т. 2. С. 303.
5. Гринфельд-Зингурс Т.Я. Природа в художественном мире М.М. Пришвина. – Саратов, 1989. – С. 227.
6. См.: Карамзин Н.М. «О любви к отечеству и народной гордости», «Записки о московских достопамятностях», Чаадаев П.Я. «Философиче-

ские письма», Герцен А.И. «Письма об изучении природы», Белинский В.Г. «Русская литература в 1841 году».

А.И. Валиева,
студентка БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО КОРНЯ *БЛЕСК

Традиционно под термином «этимология» (от греч. *ἔτυμον* «истина» и *λόγος* «понятие, учение») понимается следующее: это – раздел лингвистики, изучающий происхождение слов. Это, говоря иначе, «значение» этого термина в широком смысле слова. Кроме того, под этимологией мы можем подразумевать и любую гипотезу о происхождении того или иного конкретного слова (реже – иной языковой единицы, например суффикса или идиоматического выражения). В данном исследовании нас интересует корень *блеск и его лексико-семантическое варьирование.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, корень *блеск в своем развитии получил следующие значения:

Блеск 1. Яркий искрящийся свет, ответ. *Б. лучей. Б. молнии. Б. штыков.* 2. перен. Великолепие, яркое проявление чего-н. *Б. славы. Б. остроумия. С блеском* (превосходно, очень хорошо). *Во всем блеске* (полностью обнаруживая свои достоинства). 3. **блеск**, в знач. сказ. О чём-н. очень хорошем, впечатляющем, красота (в знач.) (прост.). *Фильм – б.!* 4. Употр. в названиях минералов. *Железный б. свинцовый б.*

Следующими семантически родственными ветвями развития корня *блеск являются корни -блест-//-блест-:

Блестеть 1. Ярко светиться, сверкать; излучать отраженный свет. *Огни блестят. Звезды блещут. В траве блестят осколки стекла. В доме все блестит* (очень чисто). *Глаза блестят радостью* (в них светится радость). 2. перен. Отличиться какими-н. положительными качествами. *Б. остроумием. Не блещет умом кто-н.* (недалек, глуповат).

Блестящий 1. Сверкающий, с ярким блеском. *Б. шелк.* 2. Великолепный, превосходный, замечательный. *Б. успех. Б. лектор. Дела идут блестяще* (нареч.).

Блёстки 1. Маленькие блестящие кружочки, пластинки для украшения. *Костюм фигуристки расшит блёстками.* 2. Светящиеся точки на чем-н. *Б. росы, инея. Б. остроумия* (перен.: отдельные его проявления)

Блестательный то же, что блестящий (во 2 знач.). *Б. успех. // сущ. блестательность.*

Блестать то же, что блестеть. *Блестают звезды. Б. красноречием. Б. своим отсутствием* (перен.: демонстративно отсутствовать; ирон.) [1; 50-51].

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, корень *блеск старославянского происхождения: **блеск**, русск.-цслав. *блѣскъ*, сербохорв. *блијесак*, словен. *blêsk*, др.-чеш. *blesk*. Связано чередованием гласных со ст.-слав. *блѣшати*, *блискати* (супр.), русск.-цслав. *блисцати* (остром.). // Родственно лит. *blaikštaũs*, *blaikštýis* «проясняться», *blyškėti* «сверкать», лтш. *blaiskums* «пятно», далее д.-в.-н. *bleih* «бледный», др.-исл. *bleikr* [3; 173-174].

блистать, ст.-слав. *блисцати(сѦ)*, сербохорв. *блистати* и т.д. Связано чередованием гласных с *блеск*.// Ср. лит. *blykšti*, *blỹkšti* «бледнеть», *blizgù*, *blizgėti* «мерцать», др.-исл. *blikja* «сверкать». В слове *блестеть* следует признать чередованием *ст-*: *ск-*; ср. *блеск*. Связь с греч. $\sigma\tau\acute{\iota}\beta\omega$ «сверкаю» сомнительна [3; 176].

Рассмотрим этимологический корень *блеск со словообразовательной точки зрения. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова для нас представляют интерес словообразовательные гнезда № 331, 342, которые демонстрируют словообразовательные потенции данного корня:

331. **блестеть**

блеск

пере-блеск

блес-н-а

блѣст-к- (а)

блѣсточ-к-а

блест-ящ (ий), прич.-прил.

блестящ-е

не-блестяще 1

не-блестящ (ий)

неблестящ-е 2

блес-ну-ть

из-блеснуть

взблеск-ива-ть

взблескива- -е [взблескивание]

взблеск

о-блеснуть

облѣск-ива-ть

про-блеснуть

проблѣск-ива-ть

проблѣскива-ни-е [проблѣскивание]

проблеск

проблеск-ов-ый

воз-блестеть

за-блестеть

от-блестеть

от-блеск-ива-ть
отблеск
по-блестеть
по-блѣск-ива-ть
поблѣскива-ниј-е [поблѣскивание]
по-блеск-ива-ть
поблескива-ниј-е [поблескивание]
про-блестеть [Тихонов, 1985; 103].

342. блистать

блиста-ниј-е [блистание]
блиста-тельн (ый)
блистательн-о
не-блистательно 1
блистательн-ость
не-блистательность 1
не-блистательн (ый)
неблистательн-о 2
неблистательн-ость 2
воз-блистать
за-блистать
от-блистать
по-блистать
про-блистать [2; 104].

Лексические единицы, образованные от этимологического корня ***блеск**, охватывают весь спектр человеческих отношений и чувств, обозначают разные понятия, относятся к разным лексико-тематическим группам: природа, человек, общество, познание. Но у них у всех наблюдается общий семантический компонент «нечто блестящее». Данная общая сема объединяет все фонетические варианты исследуемого нами этимологического корня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 стр.

2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145000 слов. – М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А – П. 856 с.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. Т. 1: А – Д: Ок. 4000 слов/ М. Фасмер; Пер. с нем. И доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 588, [4] с.

*Г.Р. Галиева,
к.ф.н., ст.преп. БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Помимо общеязыковых свойств грамматика определенного языка может характеризоваться своеобразными признаками. Изучение первых имеет давнюю историю, в то время как национальная специфика не только грамматического строя, но и языка в целом, становится предметом исследования ученых относительно недавно.

Традиционно считается, что национальная специфика языка выявляется прежде всего в номинативных единицах языка – в лексических и фразеологических. Но каждый народ строит также и грамматическую структуру языка под влиянием особенностей мировосприятия.

Во многих лингвистических исследованиях взаимосвязь культуры и языка прослеживается именно на материале лексических и фразеологических единиц (Р.А. Будагов, В.Н. Телия, Ю.П. Солодуб, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Р.Х. Хайруллина, С.Г. Шафиков, Л.Г. Саяхова, Н.У. Ворокова и др.), тогда как национально-культурная специфика грамматики языка предметом отдельных монографических исследований до сих пор не становилась. Тем не менее, отдельные грамматические явления с точки зрения их идиоспецифики были изучены Р. Якобсоном, Б.А. Серебренниковым, В.С. Юрченко, П.В. Дурст-Андерсеном, С.В. Ивановой и др.

Концепция национально-культурного своеобразия языка берет начало с идей В. фон Гумбольдта об особом языковом мировидении. Изучение проблемы «язык – культура» получило развитие в работах постгумбольдтианцев, которые пытались найти соответствие между имеющимися психологическими чертами народа и грамматическим строем его языка: «Англичане обнаруживают без сомнения сильную склонность обращаться со всем нечеловеческим как с вещественным. То, что они не строго реализуют этот принцип, уже известно. Но это все-таки уже красноречивое свидетельство осознания или собственной силы, что они различают четко людей и не-людей, или высокое и низкое, или разумное и неразумное, и в соответствии с нынешними обстоятельствами презрительно рассматривают одушевленное и неразумное как не имеющее силы» [11; 90].

Еще более показательны исследования Финка о причинах большей потери субъективности (соответственно снижения роли активного залога и пр.) в германских языках, по сравнению с немецким [4; 112]. Причинами этого Финк считает факты народной психологии: голландец – прежде всего коммерсант, поэтому его воля подчинена объектам торговли; средний

англичанин не является индивидуумом, соблюдая в целом только строгие традиции страны; на норвежцев и шведов повлияли климатические условия их стран, обрекавшие их в определенные периоды зимы на бездействие [11; 91-92].

Подобные выводы были сделаны М. Дойчбайном при изучении взаимосвязи английского народа и английского языка. В частности, он отмечает номинализацию и типизацию как в языке, так и в стиле одежды, поведении, обычаях и привычках; подавление субъективных чувств и оценок как свойство английского этнического характера отражается, в частности, в использовании прогрессивных времен, все более редком употреблении модальных частиц в современной прозе, использовании некоторых моделей интонации, скупости выражения сильного одобрения или неодобрения [9; 35].

Сравнивая русский и английский языки, различия между ними А. Вежбицкая видит в преобладании в языке номинативных или дативных предложений. В английском языке доминируют номинативные предложения, представляющие события так, как будто «мы всецело управляем ими», в русской грамматике отмечается большое количество безличных (дативных) конструкций, в которых «действительный мир предстает как противопоставленный человеческим желанием и волевым устремлениям» [1; 55-57, 71-75]. Как отмечают многие ученые, «безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления».

В современной лингвистике общепризнанным считается сосуществование в каждом языке универсальных и неуниверсальных, или идиоэтнических, компонентов, имеющих отражение на всех языковых уровнях. Наличие универсальных элементов объясняется общими закономерностями языка как средства общения, глубинными отношениями между языком и мышлением, окружающей действительности и другими факторами. Национально-культурное своеобразие грамматического строя языка, как и его лексико-фразеологического фонда, связано с особенностями мировосприятия народа, носителя языка, которые обуславливают его оформление. Каждый язык отражает мировосприятие определенной языковой общности, своеобразие которого определяется социокультурными, историческими, природно-климатическими и другими факторами.

Отражая обязательное для выражения в языке, грамматика представляет собой особый способ концептуализации действительности и скрывает в себе «механизм членения, познания действительности» [3; 39]. Этот механизм проявляется в том, что именно «грамматика выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке. Более того, она выполняет еще одну важную функцию: она определяет, какие аспекты того или иного опыта должны быть выражены в языке» [7; 231]. Именно здесь действует «признак избирательности» [5; 66], по которой

строится грамматическая структура языка. Кроме того, чем важнее для людей тот или иной опыт, тем больше существует способов выразить его в языке [6; 361]. В этом отношении можно говорить о различной степени конкретизации и абстрагированности в выражении тех или иных грамматических значений, т.е. речь идет о различии «существенных, или обязательных, реляционных значений и необязательных» (Э.Сепир).

Рассмотрим национальное своеобразие грамматической категоризации на примере некоторых категорий глагола и имени существительного в русском, немецком и башкирском языках. Продемонстрируем эти особенности на фразеологизмах, которые как структурно вторичные единицы отражают специфику грамматического строя соответствующего языка.

Глагол, обозначающий действие или состояние, отражает определенную экстралингвистическую ситуацию. К таким ситуациям относятся ситуации перемещения в пространстве, приближения, удаления, изменения положения тела в пространстве, выражение необходимости, возможности, желательности, повторяемости и т.д.

Особенность миропонимания определенной языковой общности может найти отражение в закреплении в грамматике признака очевидности/неочевидности какого-либо действия. Говорящий может быть сам очевидцем совершившегося в прошлом действия, но он может сообщать о нем и со слов других или судить о наличии действия по его результатам. В тюркских языках категория очевидности/ неочевидности глагольного действия занимает значительное место в глагольной парадигме. Например, в системе прошедшего времени глагола в башкирском языке все глагольные формы делятся на определенные (очевидные) и неопределенные (неочевидные): прошедшее определенное, прошедшее неопределенное, прошедшее незаконченное, предпрошедшее определенное, предпрошедшее неопределенное, давнопрошедшее определенное, давнопрошедшее неопределенное [2; 273]. Данная особенность грамматического строя башкирского языка отражается в следующих фразеологизмах: *эзе лә калманы* (прошедшее определенное время) (и следа не осталось) – *эзе һыуынган* (прошедшее неопределенное время) (след, оказывается, остыл). Таким образом, категория определенности/неопределенности в системе башкирского глагола является специфичной относительно немецкого и русского языков.

Категория принадлежности, характерная для тюркских языков, не выражена в русском и немецком языках: баш. *ауызынан* (от *ауыз* – рот) *1с1 һәтә кипмәгән* (букв. на губах молоко матери не обсохло) – рус. *молоко на губах не обсохло* – нем. *j-d hat noch die Eierschalen hinter den Ohren* (у кого-л. еще яичная скорлупа за ушами).

В русских фразеологизмах отражается свойственная только им категория вида: рус. *взяться /браться за ум* – нем. *Vernunft annehmen* (букв. принять разум) – баш. *акылга килеү* (букв. прийти к уму)

Помимо расхождений в наборе морфологических категорий, можно выделить также расхождения в составе и функционально-семантических характеристиках сходных категорий, что связано с уровнем абстрагированности закреплённого аспекта познаваемой действительности.

Так, категория времени глаголов присутствует во всех трех сопоставляемых языках, но объем временных форм в данных языках различен.

Морфологическая категория времени в немецком языке состоит из форм презенса (наст. вр.), претерита (прош. вр.), перфекта (прош. вр.), плюсквамперфекта (препрош. вр.), футурума 1 и футурума 2 (буд.вр.). В немецком языке, в отличие от русского, одни глагольные формы служат для выражения абсолютных, другие – относительных временных значений. Поэтому в немецком существуют 3 временные формы для обозначения действия в прошлом (претерит, перфект, плюсквамперфект). Например, в фразеологизме *j-m fiel das Herz in die Hosen* (букв. у кого-л сердце упало в брюки – душа в пятки уходит) глагол стоит в претерите (чаще применяется в письменной речи [10; 519]). В обороте *j-d ist nicht auf den Kopf gefallen* (букв. кто-л. не упал на голову – голова на плечах) глагол имеет форму перфекта. Перфект относится к аналитическим формам глаголов, образуется при помощи вспомогательных глаголов *sein* или *haben* и причастия 2 (*ist gefallen*). В фразеологизме *j-d hatte sich aus dem Staub gemacht* (букв. кто-л. сделал себя из пыли – исчез, испарился) глагол имеет аналитическую форму плюсквамперфекта, который служит для обозначения предшествования действию в прошлом.

В русском языке категория времени тесно связана с категорией вида. Глаголы несовершенного вида имеют три формы времени – настоящего, прошедшего и будущего сложного, глаголы совершенного вида – прошедшего и будущего простого. Невозможность образовать форму настоящего времени у глаголов совершенного вида отражается и в фразеологии, например: *мухи не обидит, каши не сварить, как ветром сдуло, как воды в рот набрал, но звезд с неба не хватает, и в ус не дует.*

Когда в формах языка реализуется определенное отношение, отражающее ту или иную сторону объективной действительности, то оно может быть представлено с большей или меньшей степенью детализации [8; 19]. Так, пространственные отношения предметов в грамматике выражаются при помощи падежных форм имен существительных. Категория падежа является универсальной для данных сопоставляемых языков, хотя они отличаются не только количеством падежей (в русском и башкирском – 6, в немецком – 4), но и отсутствием полного параллелизма между выражаемыми ими значениями. Имена существительные в составе субстантивных фразеологизмах выступают в различных падежах: рус. *не робкого десятка* (род. п.), *по большому счету* (дат. п.), *под горячую руку* (вин. п.), *под открытым небом* (твор. п.); нем. *schweren Herzens* (генитив – род. п.) (букв. тяжелого сердца – с тяжелым сердцем), *Hand aufs Herz* (аккузатив –

вин. п.) (букв. рука на сердце – положи руку на сердце), баш. *йән көскә* (направит. п. – дат. п) (букв. душевной силе – из всех сил), *саф йөрәктән* (исходн. п.) (букв. и обр. от чистого сердца), *мамай заманында* (местн. п.) (букв. во времена Мамаю – очень давно).

Определенный набор падежей в языке можно объяснить тем, что при помощи падежей выражаются различные оттенки пространственно-временных отношений, обстоятельственные связи, направленность и цель действия и т.д. Известно, что осознание таких философских категорий, как время, пространство и др., разными народами имеет свои особенности. В зависимости от того, что именно должно быть грамматически обозначено или не обозначено в сообщении, и определяется качественный и количественный состав данной категории.

Таким образом, национально-культурное своеобразие грамматического строя языка связано с особенностями когнитивной деятельности людей, исторически связанных одинаковыми условиями жизни. Формирующиеся в процессе миропознания представления о свойствах объектов предметного мира и отношениях между ними находят отражение в грамматических категориях. Различный социальный опыт языковых коллективов обуславливает существование в языках различных характеристик объектов и явлений окружающей действительности, являющихся определяющими для коммуникации в данном обществе, о чем свидетельствует уровень представления (более или менее детализированный) этих признаков (характеристик) в языке, закрепленных в грамматических значениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М., 1997, с.55-57, 71-75
2. ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981, с.273
3. Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа, 2002, с.39
4. Радченко О.А. Лингвофилософ. опыты В. фон Гумбольдта и постогумбольдтианство // Вопросы языкознания 2001, № 3, с.112
5. Серебренников Б.А. К проблеме типов лингвистической и грамматической абстракции // Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 66
6. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 2002, с.361
7. Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск, 1998, с.231
8. Ярцева В.И. Иерархия грамматических категорий и типология характеристика языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975, с. 19
9. Deutschbein M. Englischcs Volkstum u. englische Sprache // Handbuch der Englandkunde 1. Frankfurt-am-Main, 1928, S.35

10. Duden. Bd. 4. Grammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2006, с. 519

11. Finck F.N. Der deutsche Sprachbau als Ausdruck deutscher Weltanschauung. Acht Vorträge. Marburg, 1899, S. 90, 91-92

*Х.Х. Галимова, к.п.н., доцент,
Н.Р. Галимова, магистр БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

«СЧАСТЬЕ» КАК ТЕЛЕОНОМНЫЙ КОНЦЕПТ

Изучение концептов в настоящее время чрезвычайно актуально как для лингвистики, так и в широком общепознавательном плане, поскольку с помощью анализа можно определить, чем различаются национальные культуры, в чем проявляется их фундаментальное сходство, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

Именно в языке наиболее ярко проявляются национальные особенности, так как каждый язык по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем. В силу специфики языков в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем поведения информации под определенные выработанные обществом, категории и классы. Два и более разных объектов получают возможность их рассмотрения как экземпляров и представителей одного класса / категории.

Телеономные концепты – это высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни, – идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть: счастье – побудительный мотив любых поступков любого человека, даже того, кто собирается повеситься, любовь, которая правит миром, красота, которая требует жертв и спасет мир, истина, свобода, справедливость и вера, за которые идут на костер, и пр. [4]. Телеономные концепты могут принимать «агонистическую», отрицательную форму и представлять нравственному сознанию «антиценности» – то, борьбе с чем можно посвятить свою жизнь: зло, подлость, несправедливость. Представление о конечной цели и предназначенности собственного бытия является одной из основных характеристик любой зрелой личности. Потребность смысла жизни присуща взрослому человеку, без ее удовлетворения он не способен к нормальной жизнедеятельности: «горе людям, не знающим смысла своей жизни [4]. И если «вся жизнь наша есть стремление к цели», то в иерархии целей, где одни цели подчинены другим

в качестве средств, должна быть цель, которая желательна сама по себе: нечто бесконечно дорогое, ради чего стоит жить и не жалко умереть. «Эта цель, или, что-то же, жизненный смысл, есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью как таковой» [7].

Смысл жизни, тем самым, – это высшая ценность в аксиологической системе индивида и определяющая функция личности.

Счастье как переживание и осмысление степени соответствия реальной и идеальной (желанной) судьбы человека – «своеобразная форма оценки индивидом меры достижения смысла своей жизни» [5]– представляет собой наиболее универсальный и глобальный телеономный концепт, способный включать в свои причины и условия практически все прочие телеономные концепты: любовь, справедливость, свободу («свобода предполагает ощущение счастья, вызываемое отсутствием какого-то давления, какого-то «сжатия», каких-то тесных, сдавливающих оков» [2]).

Будучи «общей рубрикой субъективных оснований деятельности, которые в содержательном плане столь же различны, сколь различны сами субъекты» счастье дает возможность этим субъектам выбирать по своему усмотрению смыслообразующие основания своей деятельности по принципу «лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту» [1].

Признание счастья единственным и высшим человеческим благом, общей ценностной основой любой жизнедеятельности и нравственным принципом поведения в истории этики получило название эвдемонизма, теоретические основания которого наиболее последовательно и подробно разрабатывались Аристотелем, утверждавшим, что «блаженство считается высшим благом как людьми необразованными, так и образованными» и «состоит в душевной деятельности, сообразной с добродетелью», и Людвигом Фейербахом, полагавшим, что стремление к счастью является «основным, первоначальным стремлением всего того, что живет и любит, что существует и хочет существовать...» [4].

Все сторонники эвдемонизма едины в том, что счастье является конечной целью человеческого существования и объективным принципом его нравственного оправдания, но в понимании конкретного наполнения этой цели они расходятся, поскольку «когда эвдемонизм утверждает, что счастье является высшим благом, то это утверждение в одном случае означает, что высшим благом для человека является интенсивное удовольствие, в другом – благополучная судьба, в третьем – совершенство человека, в четвертом – жизнь, которой он удовлетворен» [6].

Можно выделить три основные разновидности эвдемонизма:

- гедонический,
- эпикурейский, отождествляющий счастье с особым родом удовольствия, получаемого от «правильной жизни» – при отсутствии телесных страданий и душевных тревог;

- моральный, стоический, отождествляющий счастье с добродетелью и преодолением зла; интегральный, аристотелевский, устанавливающий иерархию благ, внутренних и внешних, материальных и духовных, определяющих удовлетворенность человека жизнью в целом.

Наиболее значимым для исследования телеономной составляющей культурных концептов, естественно, будет стоический идеал счастья, основанный на суверенности свободы морального выбора: высшее благо для стоиков – свобода, а свободен тот, кто поступает по совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций// Вопросы языкознания, 1993, №3. – С. 37.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 56.
3. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002
4. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003. – С. 60-84
5. Попов Б.Н. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. – М., 1986. С. 40.
6. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М., 1981. – С. 94.
7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Избранное. – М., 1995. – С. 83.

*К.И. Галишина,
студентка БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «ТӘРӘЗӘ» («ОКНО») В РАССКАЗЕ А. ГИЛЯЗОВА «ТӘРӘЗӘЛӘР» («ОКНА»)

Наше исследование выполняется в русле новой филологической дисциплины – лингвокультурологии, которая занимается рассмотрением проявления культуры народа, отразившейся и закрепившейся в языке. При этом культура понимается как система универсалий, в которой, как в некоем абстрактном, всеобщем содержании, сочетаются глубинные структуры человеческого сознания, особенности способов человеческой действительности, характерные черты принятой в обществе шкалы ценностей. Единичей лингвокультурологии является концепт (от лат. *conceptus* – «понятие»). Лингвокультурологический концепт как культурно-семиотический феномен обладает текстообразующим потенциалом, рассматривается как свернутый текст, а текст понимается как упорядоченное семиотическое единство.

Таким образом, концепты предстают как культурные доминанты, своеобразные культурные константы. Концепты отражают те ценности, которые играют в жизни народа существенную роль и получают отражение в языке.

В целях выявления природных особенностей, социального уклада жизненной практичности татарского народа, мы принялись исследовать один из концептов татарского языка – концепт «тэрэзэ» («окно»). В данной работе для раскрытия образно-понятийного и ценностного содержания концепта «тэрэзэ» («окно») мы используем текстовый материал татарского языка. Анализ художественных текстов позволяет выявить такие когнитивные признаки, которые приобрели в составе концептов символическое значение.

«Окно» является концептом пространства. Концепт пространства – один из структурообразующих элементов культуры. Ю. М. Лотман считал, что язык пространственных представлений в литературном творчестве относится к первичным и основным. Пространственные представления неизменно присутствуют в литературе, в связи с чем такие концепты определяются как константы.

Художественное пространство – это пространство, которое живет внутри художественного произведения по собственным законам: оно разворачивается, искривляется, сворачивается вполне сознательно с целью получения нужных автору эффектов.

По мнению Т. В. Цивьян, идея пространства неизбежно присутствует во всех понятиях, связанных с движением, и это тоже нашло отражение в творчестве. Чрезвычайно интересно рассмотреть совокупность представлений о пространстве, которое может проявляться разными способами – простор, родина, дорога, сад, дом, комната, окно, и т. д.

В рассказе А. Гилязова «Тэрэзэлэр» («Окна») ключевым словом является слово «тэрэзэ» («окно»), которое является доминантой и вынесено в название рассказа. Частотность употребления данного слова равна примерно тридцати пяти.

Согласно Толковому словарю татарского языка, слово «тэрэзэ» имеет следующее значение: отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие. А в Энциклопедии символов дается такое значение: проем в стене помещения, расположенный обычно над уровнем пола и предназначенный обеспечивать доступ в помещение света и воздуха, являющийся символом солнца и глазами дома. В древности окна, представлявшие собой узкую щель, служили для освещения комнат в весьма незначительной степени – они, скорее, имели значение «наблюдательного пункта».

Образ окон встречается и во многих татарских песнях. Например:

Бу дөнъяда төрле хэл бар
Ярату бар, оныту бар.

Сиңа киләм, тәрәзәндә,
Тәрәзәндә утың бар.
Әле ярый, әле ярый
Тәрәзәндә утың бар.
Бураннарда адаштырып
Интектерде бу төннәр,
Сиңа киләм... Тәрәзәндә,
Тәрәзәндә утың бар.
Бу дөнъяда төрле хәл бар,
Ярату бар, оныту бар,
Тәрәзәндәге утыңнан да
Якты янган өметем бар.

(Слова Н. Акмала, музыка Ф. Хатипова)

Или вот другой пример:

Пыялага зың-зың итеп
Яшь нурлар сибеләләр.
Керсен өйгә язгы хәбәр,
Ачылсын тәрәзәләр. Их!
Кайтканда каңгылдап казлар,
Акканда соңгы бозлар,
Тәрәзә юа кызлар әй, кызлар!

(Слова А. Баяна, музыка Ф. Ахметова)

В художественной картине мира писателей окна во все времена являются символом жизни, процветания и благополучия.

А что значит для А.Гилязова слово «тәрәзә» («окно»)? Обратимся к тексту рассказа. Автор вкладывает в уста одного из героев такое изречение: «Тәрәзәдә ут бар икән, димәк, анда тормыш, тереклек бар!..» То есть наличие света в окнах предполагает соединение человека с миром. Образ окна опоясывает весь рассказ. Во-первых, он начинается с обращения внимания героя на окна («Тәрәзәдә ут бар икән, димәк, анда тормыш, тереклек бар!..»). Во-вторых, рассказ о мальчике Хади все время сопровождается обращением к образу окон. В-третьих, образ окна появляется и в концовке текста: «Трамвай туктаусыз зыңгылдый, селкенә, малай исә ике кулы белән дә чытырдатып ябышкан да үзе яныннан артка чигенүче йортларның тәрәзәләрен саный. Бүген тәрәзәләр ана ниндидер әкиятләр дөнъясын ачу-чы бәхет капкалары булып тоелалар».

Обратим внимание на то, как главный герой относится к окнам в начале рассказа, когда разбил соседское окно и был зажат в угол соседками: «Шул чагында малай башын күтәреп карый һәм өметсезләнеп нәни йодрыкларын йомарлый: ычкынып кая барырсың? Бөтен тирә-якта уннарча тәрәзәләр ишегалдына караганнар. Ух, бөтенесен ватып-кырып, томалап бетерәсе иде шуларның! Кинәнә-кинәнә, рәхәтләнеп кырыр иде ул аларны! Иркәнләп уйнар хәл юк, йә берсеннән, йә икенчесеннән ачулы берәр кеше сузыла да: «Әй, кая

чабасыз? Тәрәзә ватарсыз! Керләрне пычратмагыз! Чокырга төшмәгез! Тегеләй итегез! Болай итмәгез!» дип кычкырына башлый».

Однако позже, после прихода стекольщика, у которого отсутствовала рука до локтя, мальчик меняет свое отношение к окнам. К тому же стекольщик, видя бедственное положение семьи, возвращает деньги назад. Мальчик находит палку и решает самостоятельно изготовить оконную раму: «Бу таяктан уенчык тәрәзә рамы ясап җибәрсәң!.. Пыяла да тапсаң...» Но, к сожалению, эта идея ничем хорошим не заканчивается. Вечером мальчик остается дома один и выбивает стекло в окне для того, чтобы бежать. Снова приходит стекольщик, да только не тот, что приходил в прошлый раз. Поэтому Хади отправляется на его поиски и находит его в больнице. С тех пор и дружат стекольщик Фахриев и мальчик Хади, который тоже стал стекольщиком.

Окна для мальчика это «...ворота в волшебную страну» («ниндидер әкиятләр дөнъясын ачучы бәхет капкалары булып тоелалар»). Также стоит обратить внимание и на тот факт, что у окон ходят влюбленные, из окон наблюдают за происходящим и их занавешивают, когда есть чего стыдиться: «...Телен чыгарып күрсәтте. Теле дәү, Һадиның ямаулы кызыл бияләе хәтле бар икән... Улының кем белән булашуын күргәч, Өммегөлсем зарлана-зарлана пәрдәләрен тартып куйды».

Таким образом, окно – это око в мир, расположенное в стене, которая перестает быть глухой, закрывать мир. У окна две функции: оно либо соединяет человека с миром, либо становится препятствием для такого соединения. Окно, в котором горит свет, «живое», значит, там есть жизнь. Для главного героя эти окна явились толчком к выбору своего будущего. И если раньше мальчик был по одну сторону окна, то в конце рассказа он переосмысливает все свое поведение, глядя на окна. Концепт «тәрәзә» в рассказе А. Гилязов «Тәрәзәләр» («Окна») связывает внутренний мир человека и внешний мир, окружающую действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Т.М. От звука к тексту. М., 2000. С.422.
2. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. М., 1997; Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М., 2001.
3. Толковый словарь татарского языка.
4. Лотман, Ю. М. От редакции. К проблеме пространственной семиотики / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 19. – Тарту, 1986.
5. <http://erlar.ru>

Ф.Г. Галлямов,
д. ф. н, профессор К(П)ФУ (г. Елабуга)

ТАТАР ТЕЛЕ ДӘРЕСЛӘРЕНДӘ КАБАТЛАУЛАРНЫҢ БӘЙЛӘУ ФУНКЦИЯЛӘРЕН АЧЫКЛАУ

Кабатлаулар бик күп функциягә ия. Алар ярдәмендә яңа мәгънәле лексик берәмлекләр, яңа грамматик мәгънәле сүз формалары, аспектуаль һәм модаль мәгънә белдерүче синтаксик фразеологизмнар ясала. Редупликатив сүzlәр шулай ук стилистик вазифалар да башкаралар. Моннан тыш, кабатлаулар аерым сүzlәрне, кушма составында жөмлөләрне, тоташ текст эчендә мөстәкыйль жөмлөләрне, хәтта абзацларны бәйләү өчен дә хезмәт итәләр. Без биредә редупликатив сүzlәрнең бары тик бәйләү (ялгау) үзенчәлегенә тукталырбыз. Кабатлауларның бәйләү функциясе белән без VII сыйныфта гади жөмлө синтаксисын үткәндә очрашабыз. Редупликациянең сүzlәрне бәйләүдә актив чара булуын аңлатырга, алар турында укучыларга тулырак мәгълүмат бирергә кирәк. Кызганыч, сүzlәрне бәйләүче чара буларак, алар мәктәп дәрәслекләрендә бөтенләй телгә алынмыйлар. Ә бит кабатлаулар сүzlәрне бәйләүдә иң актив чараларның берсе булып торалар [1; 18].

Редупликатив сүzlәрнең бәйләү функцияләрен сүз ясалышының конкрет мисалларында карап китик. Түбәндәге мисалларда иярүче сүз кабатланмаса, ияртүче сүз белән бәйләнешкә керми:

1. Исем кабатлаулары: *ат-ат* уйнау = атлы уйнау, *курчак-курчак* уйнау = курчаклы уйнау һ.б. Монда кабатлау *-лы* кушымчасы белдергән мәгънәгә тиң.

2. Исемнәрдән кабатлау юлы белән ясалган сыйфатлар: *буй-буй* күлмәк = *буйлы* күлмәк, *юл-юл* сызыклар = *юллы* сызыклар һ.б. Монда да кабатлауны *-лы* кушымчасы белән алмаштырырга мөмкин: *буйлы* күлмәк, *юллы* сызыклар һ.б.

3. Кабатлау юлы белән ясалган рәвешләр: *вакыт-вакыт* килгәләү, *саф-саф* тезелү, *рәт-рәт* тору, *тәпи-тәпи* килү, *көннән-көн* ябыгу, *әледән-әле* төшү, *үтәдән-үтә* күренү, *икәүдән-икәү* яшеренү, *элек-электән* белү, *кайта-кайтадан* сорашу, *бермә-бер* арту, *гомер-гомергә* яшәү, *өсте-өстенә* өю, *юк-юкта* искә төшү һ.б. Бу кабатлауларның кайберләрендә кушымчалар бар, ләкин алар бәйләү функциясен башкармыйлар, сүzlәрне кабатлау алымы бәйли.

4. Аваз һәм образ ияртемнәре: *кар-кар* кычкыра, *чатыр-чотыр* яна, *челтер-челтер* ага, *жәңил-жәңил* атлый, *жәңем-жәңем* яна һ.б.

Алда карап кителгән мисалларда кабатлаулар сүз ясау функциясен дә башкаралар, сүzlәрне бәйлиләр дә. Хәзер форма ясалышын күздән кичерик.

1. Исем кабатлаулары: *казан-казан* бәрәңге, *ябалак-ябалак* кар, *тау-тау* бодай һ.б.

2. Сан кабатлаулары: *йөз-йөз* буыннар, *мең-мең* күнелләр һ.б. “*Икешәр-икешәр* бәйләү” дигәндә, кабатлауларны *-ләп* кушымчасы белән алмаштырып карарга була: *икешәрләп* бәйләү. Димәк, исемнәрнең һәм саннарның тулы тәңгәл кабатлаулары сүзләрне үзара бәйләүдә катнашалар.

3. Ә менә сыйфат, рәвеш, алмашлыкларның тулы кабатлаулары сүзләрне бәйләмиләр. Редупликациянең бәйләү функциясен үтимер-юкмы икән белү өчен, иярүче сүзгә икеләтелмәгән көе генә ияртүче сүз белән бәйләнешкә кертеп карарга кирәк. Әгәр бәйләнеш булса, кабатлау бәйләү функциясен үтәми. Һәм, киресенчә, әгәр сүзләр бәйләнешкә керә алмаса, димәк, кабатлау аларны бәйли. Менә бу очракларда кабатлау сүзләрне бәйләми: *матур-матур* балалар, *чибәр-чибәр* кызлар, *алсу-алсу* йөз; *еракка-еракка* карау, *бергә-бергә* йөрешү, *борын-борын* заманда, *барлык-барлык* кешеләр, *чем-чем* кара, *чак-чак* кына кычкырып жибәрмәдем, *иң-иң* татлы, *бик-бик* ярату һ.б.

4. Хәл фигыль кабатлаулары да сүзләрне бәйләп килә ала: *сөйләшә-сөйләшә* урап мендек, *егыла-егыла* өйрәнер, *жырлый-жырлый* кайту һ.б. Ә менә *-н* кушымчалы хәл фигыльнең редупликатив формалары сүзләрне бәйләми: Аларның тояк тавышларын малайлар жиргә *ятып-ятып* тыңлый.

Кабатлаулар төгәлләүле мөнәсәбәт вакытында сүзләрне бер-берсенә бәйләүдә бик актив чара булып тора, ә иярчен жөмлөләрне баш жөмлөгә бәйләүдә алар актив чара була алмый, бары тик иярчен вакыт, рәвеш һәм кире жөмлөләрне генә баш жөмлөгә бәйләүдә катнашалар. Вакыт жөмлөләрне бәйләгәндә, икенче компонент я чыгыш, я урын-вакыт килеше кушымчасын кабул итә, ләкин, ана карап, кабатлау бәйләүдән туктамый. Бу кушымчаларны төшереп калдырсаң да, жөмлөләр үзара бәйләнешкә керә. Шулай булгач, кабатлаулар төп бәйләүче чара булалар: Ул әйттеп *бетерер-бетермәстән*, Гата чәчрәп чыкты (М.М.). Моның өстенә бер көн, юл *өзелер-өзелмәстә*, Шәрифүлла абзый белән туң өстеннән базарга барып бер бик матур теше бозау житәкләп кайтты (Х.С.). Шулай *көтә-көтә*, яргы төн үтте... (Г.И.). Соңгы мисалда хәл фигыль кабатлавы иярчен рәвеш жөмләне баш жөмлөгә бәйләп килгән. Мәктәп дәрәслегендә [2] кабатлауларның иярчен жөмләне баш жөмлөгә бәйләү функциясе бөтенләй күрсәтелми. 57 нче күнегүдә “иярчен жөмләне бәйләүче чараларны күрсәтергә” диелгән һәм анда кабатлау белән бәйләнешкә дә мисал бар: Караңгы *төшәр-төшмәс*, яше-карты клубка жыела башлады. Бу очракта нишләргә? Укучыларга кабатлаулар турында берәз мәгълүмат биреп, аларның иярчен вакыт жөмлөләрне баш жөмлөгә бәйләү функциясен аңлатып китәргә кирәк.

Моннан тыш, кабатлаулар текстта мөстәкыйль жөмлөләрне бер-берсенә бәйләп киләләр. Шулай итеп, тоташ сөйләм оештыруга ярдәм

итәләр: Бу эсселек шәһәр үзәгендә аерата көчле иде. Таш йортлар арасыннан эз генә дә жил *исми. Иссә дә*, жанны көйдерә торган коры жил ашлык базары ягыннан дегет исе алып килә дә бик сирәк кенә Фуксовский урам ягындагы бакчалардан тәмле алма исе китерә (Л.И.). Ә хәзер менә аягына *юк. Юк кына бит*, ни хәл итәсең... (Л.И.). Шул ук тәртиптә кабатлаулар абзацларны да бер-берсенә бәйләп килә алалар.

Диалогик сөйләмдә кабатлаулар репликаларны структур һәм мәгънә ягыннан бәйләп киләләр һәм тема уртаклыгын тәэмин итәләр. Татар телендә диалогик сөйләм үзенчәлекләре бөтен нечкәлекләре белән Ф.С. Сафиуллина тарафыннан жентекләп тикшерелгән [3; 36-94]. Биредә без кабатлауларның диалогик сөйләмдәге бәйләү функциясен генә күрсәтергә телибез. Диалогта кабатлаулар композицион ялгауны тәэмин итә, ике репликаны бәйләп, диалогик бердәмлек барлыкка китерә. Беренче репликаны яки аның бер кисәген мәжбүри кабатлап, икенче реплика үзенең сүз составын тулыландырмый, ә сөйләүченең төрле экспрессив реакциясен (модальлекне) белдереп килә. Эмоциональ тәэсир итүдән тыш, диалогтагы кабатлаулар яңа реплика өчен жирлек тудыра. Репликадагы кабатлаулар сөйләмдә бары тик беренчесе белән бәйләнештә генә туа. Беренчесенән башка икенчесенең эчтәлегә аңлашылмый. Икенче реплика беренчесенә буйсына, аны тулыландырып килә. Икенче репликаның беренчесенә буйсынуының ике төрен күрсәтергә мөмкин. 1) Беренче репликадагы сүз икенче репликада икеләтеп кабатлана: *Әкбәр. Өздерә бит! Зөлхия. Өздерүен өздерә...* (И.Ю.) *Камил. Сөйләшик әле бер икәүләп! Солтан. Сөйләшсәк сөйләшик* (А.Г.) 2) Беренче репликадагы иң әһәмиятле сүз икенчесендә кабатланып килә: *Малик. Халик абың энә профессор! Әкбәр. Халик дигәннән, монда бер кеше йөри* (И.Ю.)

Диалогик сөйләмдә персонажга үз сөйләмен үзе дәвам итәргә кирәк булганда, үзе куйган сорауга үзе җавап бирә. Сөйләүче сөйләм эчтәлегенә игътибар иттерү өчен, сөйләмдәге яңалыкны күрсәтергә теләп, сөйләмнен эчтәлегеннән чыгып, үзенә-үзе сорау бирә һәм шуңа үзе үк җавап та кайтара: – *Ә син аның киләсен белдеңме? Белдең* (Ә.Б.) “*Әһә!*” – ди Хәмзә. – *Бүлдердеңме? Бүлдердең!* Китер монда пичәтле кәгазеңне! (Г.Б.)

Шулай итеп, кабатлаулар сүзтезмәләрдә иярүче сүзне ияртүчегә, иярчен вакыт һәм рәвеш жөмлөләрне баш жөмлөгә, текстта мөстәкыйль жөмлөләрне бер-берсенә, абзацларны үзара, диалогик сөйләмдә репликаларны бәйләү өчен хезмәт итә. Кабатлауларның бу функциясен дә башкалары белән беррәттән татар теле дәрәсләрендә искә төшерергә кирәк. Грамматик анализ өчен аның да әһәмияте зур.

ӘДӘБИЯТ

1. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. – Казань: КДУ нәшрияты, 1978. – 254 с.
2. Зәкиев М.З. Татар теле. VIII класс өчен дәреслек. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. – 144 б.
3. Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле синтаксис һәм пунктуациясе. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. – 258 б.

*Р.К. Гарипов,
д.ф.н., профессор БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ КОМПЕТЕНЦИЙ

За последние годы проведено немало исследований и практических экспериментов в различных аудиториях. В частности, при оценке компетенций следует учитывать следующие условия:

1. Компетенция должна проявляться в действии. Все прочие оценки (тесты, анкеты и т.п.) – это вспомогательные инструменты. Главное – компетенцию надо проявить.

Отсюда простой вывод – если человек проявил компетенции – это можно наблюдать и описывать, как отдельное событие.

И у нас появляется первая информационная сущность – событие (прецедент).

2. Разумеется, в любом действии человек проявляет множество компетенций, и в каждом прецеденте может быть больше двух участников (если это не публикация личного онлайн-отчета), и содержание прецедента может быть таким, что там будет отмечено и больше компетенций.

3. Компетенции нельзя оценивать «на месте события». Таким образом, мы теряем возможность независимой оценки, теряем прозрачность оценки и сводим все к традиционным «баллам» – только уже не за знания, а за компетенции.

4. Как следствие из п.3, появляется новая роль – наблюдатель: не оценщик, а наблюдатель, который все, что увидел, беспристрастно занес в базу данных (прецедентов).

5. Раз события фиксируются наблюдателями – а оцениваются другими – значит, нужен онлайн-инструмент – сервер прецедентов, т.е. место, куда наблюдатели записывают события, чтобы их потом оценили эксперты. Следует отметить, что компетенции присваивать событиям также могут эксперты.

6. Получилась довольно сложная и дорогая конструкция: наблюдатели, эксперты, база событий.

Оценка компетенций всегда была и останется субъективной процедурой, поскольку понятие компетенции субъективно само по себе.

Эту проблему субъективности можно решить несколькими методами, легко поддающимися проверке.

1. Прецедентное право. Если нельзя избавиться от субъективности в оценке компетенций, то надо фиксировать не только оценки, но и описывать те события, за которые выставлены оценки. Событие описывается в жестко оговоренном формате: действие, результаты, участники, свидетели, набор компетенций, который проявлялся, оценка каждого участника события по каждой компетенции. Эти описания фиксируются в системе учета. Разработано и проверено в действии несколько процедур сбора описаний и последующих анализа и оценки событий.

2. Больше экспертов и больше систем оценок. Предполагается, что каждый, отдельный эксперт субъективен, тогда появляется необходимость в большем количестве критериев и оценок. Главное, чтобы каждый эксперт объяснил, за что именно он ставит оценку. Если это прецедент, описанный наблюдателем, то эксперт присваивает ему набор компетенций. Если эксперту набора прецедентов недостаточно, то он добавляет свои описания. Используя сравнение профиля компетенций в зависимости от примененных систем оценки (ассесмент, оценка по достижениям, оценка 360), мы получаем еще один инструмент отбора по компетенциям.

3. Статистика и прозрачность. Главная проблема существующих механизмов оценки компетенций – в непрозрачности результатов. Обычно заказчик (вуз или компания) получает на руки готовые аналитические заключения по каждому сотруднику. Для испытуемых важнее понимать, за что именно и на каком основании были получены оценка, поэтому нужна прозрачность всего процесса оценки для всех участников. Дополнительным эффектом от этого метода становится возможность быстро сопоставлять разные наборы мероприятий и прецедентов и их влияние на профиль компетенций. Еще один положительный момент заключается в том, появляется возможность накопления исследовательской статистики изменений профилей компетенций по разным выборкам испытуемых в зависимости от использованных технологий.

Что касается метода ассесмент-центра, то он включают в себя следующие этапы:

1. Стартовый этап. Уточнение целей и задач диагностики с руководством, определение состава участников, подлежащих оценке.

2. Подготовка ассесмента. Формирование критериев и параметров оценки. Разработка модели компетенций, выбор инструментов ассесмента и методик диагностики.

3. Планирование ассесмента в соответствии с ходом программы подготовки и выполняемыми участниками практическими работами.

4. Организация ассесмента. Проведение оценочных процедур в соответствии с намеченным планом и др.

Диагностика компетенций строится на трех основных факторах:

1. Модель компетенций: что подлежит оценке? При этом важно рассматривать эту модель в соответствии с представлениями о роде деятельности.

2. Инструменты оценки (в т.ч. их соответствие с выбранной системой модели деятельности).

3. Связь инструментов оценки с практической деятельностью и решением практических задач.

Инструменты ассесмента, используемые при оценке управленческого резерва, разделены на 2 типа: констатирующие (фиксирующие наличие или отсутствие соответствующих компетенций у конкретного участника) и продвигающие (создающие условия для развития компетенций и личных изменений участника).

констатирующие инструменты:

- диагностика по различным методикам (экспертная оценка, самооценка и взаимооценка общих и специальных компетенций, проявленных в ходе практических работ в рамках программы подготовки);
- контрольные замеры (фиксация и оценка общих компетенций «на входе», на «контрольных точках» в ходе программы и «на выходе»);
- деловая характеристика-рекомендация (оценка и фиксация достигнутого уровня общих и специальных компетенций, отнесение к категории кадрового резерва и рекомендации по продвижению конкретного участника);

продвигающие инструменты:

- публичный рейтинг (командный и индивидуальный – стимулирует конкуренцию, демонстрирует участникам их положение относительно других и провоцирует стремление изменить свое место и статус в рейтинге);
- экспертный отбор и публичная фиксация образцов компетенций (указание на примеры позволяет участникам соотнести свои действия с лучшими образцами);
- стратификация коллектива участников (направлена на выделение «страт» – групп участников со схожим набором компетенций, продемонстрированных в определенном виде работ, – позволяет оценить личную компетентность в определенном деле и соотнести ее с компетентностью других участников аналогичной работы);
- ротация (смена состава групп, тем групповой работы, функций и ролей в группе – направлена на преодоление групповых стереотипов и изменения личного статуса в группе/коллективе).

Среди методик диагностики и оценки можно выделить следующие.

Методика «360 градусов» (или метод круговой оценки). Применяется для оценки компетенций участников программы. Оценка 360 – это самооценка участника и ее сопоставление с оценками компетенций участника другими. В оценке-360 участвуют следующие позиции: 1) организаторы программы, 2) эксперты по теме (вопросу), которая разрабатывается на

данном этапе, 3) члены группы (в состав которой входит участник), 4) члены других групп. Использование данной методики выявляет пробелы в развитии ключевых компетенций путем соотнесения разных оценок друг с другом.

Социометрия (по Дж. Морено) применяется для диагностики внутрigrупповых связей и иерархии в малых группах. Итогом социометрии является социограмма – схема предпочтений в данной группе, определяемых путём опросов. Наибольшее число предпочтений (выборов) получает наиболее популярный член группы (или несколько членов).

Групповая дискуссия (работа проектных групп). Эксперты (организаторы работ) наблюдают и фиксируют проявления компетенций в ходе групповой работы по решению поставленной задачи. Диагностика основывается на фиксации необходимых для решения конкретной задачи специальных компетенций и экспертной оценке наличия данной компетенции у конкретного участника работ.

Публичные презентации призваны оценить аналитику, стратегическое мышление, презентационные навыки, умение общаться в формализованной среде.

Оценка по результату применяется для оценки самоорганизации участников и проектных команд в ходе самостоятельной дистантной работы по заданиям. Оценивается, как выполнение работы (на предмет соответствия содержательным требованиям), так и соблюдение дисциплинарных норм (сроки, формат документа и пр.).

Индивидуальное деловое упражнение – выполняется письменно. Участник должен проанализировать пакет документов, отражающих ситуацию, и принять решение о том, как надо действовать. Оценивается как способность к аналитике, так и готовность к оперативному принятию решений на основе имеющейся информации.

Интегральная сессия проводится организаторами ассесмента для сведения воедино всех результатов и подведения итогов.

Практика показала, что для создания профиля, отражающего состояние компетенций, необходимо не менее 30 оценок на человека. Таким образом, с одной игры для оценки 150 человек достаточно зафиксировать 50 крупных прецедентов, влияющих на общий ход игры или другого вида деятельности.

*Ravil Garipov (Russie),
Damaris Manuchi (France)*

LES PROBLÉMES DU DIAGNOSTIC LINGUISTIQUE POSÉS PAR LA TRADUCTION MÉDICALE

Se demander si la terminologie est au centre de l'activité langagière du traducteur spécialisé, c'est comme se demander si un être vivant respire. La question ne se pose pas; la terminologie fait partie de sa vie professionnelle. La

qualité de son travail dépend même en grande partie de sa compétence à faire une bonne recherche terminologique.

Le traducteur médical n'y échappe pas. Car toute spécialité, médicale ou autre, recourt à une terminologie et une façon de dire qui lui sont propres et que le traducteur doit parfaitement maîtriser.

C'est donc dire que la terminologie médicale présente des embûches, des difficultés qui tiennent tantôt à la structure de la langue de départ, tantôt à la spécialisation de la langue de départ (LD) ou de la langue d'arrivée (LA).

1. Par « structure », il faut entendre les façons de dire qui appartiennent à la LD, en tant que moyen de communication, indépendamment du sujet abordé, du domaine de spécialisation [2]. En allemand, par exemple, l'utilisation de la majuscule pour tous les noms ou mots utilisés comme tels ou encore la position du verbe à la fin de la proposition subordonnée en sont deux exemples. Cette façon de faire n'existe ni en anglais ni en français.

Ex. : Das Element, das im freien Zustand ist, ist entweder gasförmig oder fest.

The element which is in the free state is either gaseous or solid.

L'élément qui est à l'état libre est soit gazeux soit solide.

Es ist ein Gas, dem man den Namen Chlor gegeben hat.

It is a gas to which one has given the name chlorine.

C'est un gaz auquel on a donné le nom de chlore.

L'anglais a d'autres façons de faire. On pourrait mentionner la place de l'adjectif épithète qui est normalement avant le nom (antéposition) ou encore l'absence d'articulateur entre l'adjectif ou le mot utilisé comme tel, et le nom (absence de préposition).

Ex. : 1- A tall tree : un grand arbre

2- A deep, circular bowl : un bol profond et circulaire

3- A deep-voiced man : un homme à la voix grave

4- A line judge : un juge de ligne.

Il existe, en traduction médicale, des difficultés qui tiennent, à proprement parler, à la spécialisation du discours. Nous allons examiner six facteurs responsables de telles difficultés : a) l'usage; b) le changement de terminologie; c) la synonymie; d) l'éponymie; e) les faux amis affixaux et f) la fiabilité des dictionnaires.

L'usage étant le moteur de la langue, il est clair qu'il faut le respecter. Et l'usage qu'en font les médecins – usage consigné dans les dictionnaires médicaux et les ouvrages spécialisés – ne va pas à l'encontre des principes du fonctionnement de la langue générale. Tout au plus, font-ils une utilisation particulière des possibilités qu'offre cette langue. Nous allons en examiner deux : l'usage plus fréquent de tournures rencontrées occasionnellement dans la langue générale (l'hypallage); l'usage obligatoire d'une seule des deux possibilités admises par la grammaire (adjectif relationnel/ groupe prépositionnel).

Dans la langue médicale, l'adjectif est souvent construit en hypallage, c'est-à-dire qu'il s'applique à un terme absent, mais s'accorde avec celui qui est présent. C'est ainsi que le médecin parle volontiers de « diabète sucré » et d' « hystérectomie vaginale », alors qu'il est bien évident que ce n'est pas le diabète qui est sucré, mais bien les urines, pas plus qu'il s'agit d'une hystérectomie du vagin, mais bien d'une hystérectomie par voie vaginale. Ce faisant, le médecin francophone ne se distingue pas du locuteur francophone moyen, qui, lui aussi, occasionnellement, fait appel à une telle formulation quand il dit : une place assise, une finale masculine, une traductrice médicale, un centre sportif, etc.

Il arrive que, malgré sa rectitude grammaticale d'emploi, une formulation ne puisse être employée par le traducteur, car, s'il le faisait, il se trahirait. Et cela le traducteur médical doit l'éviter. Idéalement, le texte devrait passer pour avoir été écrit par un médecin. Vu que ce dernier a une façon de dire certaines réalités médicales et qu'il n'en déroge généralement pas, le traducteur se doit, lui aussi, de respecter cette façon de dire.

Prenons les cas suivants, où l'adjectif et sa transformation en un syntagme prépositionnel se font concurrence : Contraction ventriculaire/du ventricule.

Il en est d'autres, par contre, où l'emploi n'est pas indifférent. Le traducteur se doit alors de bien savoir laquelle des formulations est utilisée couramment par les médecins. Prenons le cas du terme anglais infarction auquel divers adjectifs peuvent être associés : myocardial, pulmonary ou encore intestinal. Étant donné que ces trois adjectifs sont des adjectifs relationnels, chacun d'eux peut être rendu en français soit par un adjectif, soit par un groupe prépositionnel.

• *Myocardial infarction*: *infarctus myocardique* / *infarctus du myocarde*

• *Pulmonary infarction*: *infarctus pulmonaire* / *infarctus du poumon*

• *Intestinal infarction*: *infarctus (entéro-)mésentérique* / *infarctus de l'intestin*.

Même si la grammaire reconnaît ces deux possibilités, le traducteur n'a pas toujours le choix. Il pourra, par exemple, utiliser indifféremment « infarctus (entéro-)mésentérique » ou « infarctus de l'intestin », car les formes sont consignées dans les dictionnaires. Il devra par contre utiliser une seule des deux formes dans les deux autres cas : « infarctus pulmonaire » (adjectif) et « infarctus du myocarde » (groupe prépositionnel). Il ne faudrait pas conclure, d'après ce dernier cas, que « myocardique » est banni du discours médical.

Il est tout à fait correct de parler de contraction ou d'atteint myocardique, mais jamais d'infarctus myocardique. Simple question d'usage. Mais, pour le traducteur médical, question de connaissance et de respect de l'usage, car ce que la grammaire reconnaît, l'usage ne l'autorise pas nécessairement.

Idéalement, le rapport entre un terme et sa notion devrait, en langue de spécialité, être monosémique (un terme par notion). Dans la pratique, il n'en est pas toujours ainsi. Il arrive qu'un même terme recouvre plusieurs notions (polysémie) ou encore que plusieurs termes désignent une même notion (synonymie).

La polysémie comme la synonymie compliquent la vie du traducteur, médical ou autre. Mais en langue médicale, la polysémie est beaucoup plus rare que la synonymie – nous parlons ici de vraie synonymie et non de quasi-synonymie.

Pour le traducteur, le problème de synonymie est double : il existe aussi bien dans la LD que dans la LA. Le traducteur doit donc 1- s'assurer de la réalité désignée par le terme utilisé dans le texte anglais (LD) et 2- se demander quel terme français, parmi les synonymes listés, est le plus approprié pour désigner cette réalité. Pour bien illustrer cette problématique, étudions le cas de motor apraxia.

Nous constatons que les dictionnaires médicaux anglais consultés ne traitent pas le terme de la même façon.

Le DORLAND'S [1] ne fournit qu'un synonyme et l'entrée principale, celle où se trouve la définition, est motor apraxia, tandis que le IDMB [5], lui, énumère 6 synonymes, précise que motor apraxia, entrée principale dans le DORLAND'S, est outmoded et fournit la définition à kinetic apraxia.

Ce simple examen montre clairement que le traducteur doit consulter plus d'un dictionnaire, car s'il ne possédait que le DORLAND'S [1] et que, dans le texte à traduire, il rencontre le terme kinetic apraxia, il ne saura jamais à quoi l'auteur fait référence, car ce terme ne figure pas dans l'unique dictionnaire médical anglais qu'il posséderait. Il faut de plus signaler la différence dans la graphie du synonyme commun: innervatory apraxia et innervation apraxia, et celle dans les marques d'usage. En effet, seul le IDMB [5] en fournit une : seldom used, et le traducteur ne saurait dire qui, du DORLAND'S [1] ou du IDMB [5], a raison.

Au problème que pose la synonymie, à savoir bien cerner la réalité désignée par tel terme, vient s'en ajouter un autre, celui de l'éponymie. Ce dernier est peut-être encore plus critique que celui de la synonymie. Dans le domaine médical, le recours à des éponymes, patronymes ou toponymes, est courant, et cela pour diverses raisons dont le traitement sortirait du cadre de notre propos.

Dans les deux cas de synonymie qui viennent d'être présentés, nous avons été à même de constater la présence de patronymes ou la variation du patronyme, dans une même langue ou encore en passant d'une langue à l'autre. En 1986, van Hoof [9] a présenté une classification des éponymes médicaux, qui fut plus tard publiée sous forme de dictionnaire. Bien que comblant un vide durement ressenti par les traducteurs, ce dictionnaire exige de son utilisateur un grand esprit critique.

Le résultat n'a été obtenu qu'après une recherche terminologique poussée, car traduire un terme éponymique est une tâche souvent très ardue. Et si le traducteur ne prend garde, il pourrait facilement produire un texte qui n'aurait aucun sens pour le destinataire du texte.

Un autre danger qui guette le traducteur médical est celui de suffixes que partagent la LD et la LA. Même s'il arrive qu'un adjectif anglais en *-al* se rende en français par un autre adjectif se terminant également par *-al*, comme : *scrotal scrotal*, *cervical cervical* il ne faudrait pas en conclure qu'il en est toujours ainsi.

En français, il y a 14 suffixes possibles pour rendre le suffixe anglais *-al*. Nous les présentons ci-dessous, suivis d'un terme anglais et de son équivalent français portant le suffixe en question. Dans les cas où deux équivalents sont possibles, nous mentionnons le second entre parenthèses :

-aire dental dentaire (dental); *-al costal costal*; *-atif germinal germinatif (ou germinal)*; *-e bicuspidal bicuspidé*; *-é bicaudal bicaudé*; *-éal subungual sous-unguéal*; *-el bisexual bisexuel (ou bisexué)*; *-eux anginal angineux*; *-ien carpal carpien*; *-in palatal palatin (ou palatal)*; *-ique aortal aortique*; *-onnier mental mentonnier (ou mental)*; *-ue vagal vague (ou vagal) -ulaire appendical appendiculaire*.

Ce phénomène n'est pas particulier au suffixe anglais *-al*. Il se rencontre avec d'autres affixes (suffixes ou préfixes) : *hypo-*, *multi-*, *super-*, *-iasis*, etc. Le traducteur francophone doit donc être vigilant quand un terme anglais se termine par un suffixe qui existe dans sa propre langue. Sinon, il risque d'employer des barbarismes, comme « anginal » ou « carpal ».

Celui qui consulte un dictionnaire espère toujours y trouver réponse à la question qu'il se pose, une réponse qui devrait être la même quel que soit le dictionnaire consulté. Il pourrait tout au plus s'attendre à ce qu'un dictionnaire formule mieux la notion qu'un autre ou encore plus en détail.

Mais tel n'est pas toujours le cas. Et cela est plutôt troublant pour ceux qui cherchent une réponse ferme, ce que sont généralement les traducteurs ou les infirmières, principaux acheteurs de ce genre d'ouvrages.

Nous présentons les acceptions, fournies par trois dictionnaires médicaux, du terme « posologie », terme couramment employé en pharmacologie. Nous y constatons une nette différence d'acception selon la source consultée.

Dans le PMANU [7], le terme « posologie » ne désigne que la quantité totale, c'est-à-dire la « dose » de médicament. Or, c'est précisément cet emploi que le GARDE [3] condamne à mot couvert, en disant que son usage est « incorrect ». Le mode d'emploi du GARDE [3] devient, dans le FLAMM [6], l'indication sur la préparation... Il va sans dire que les cooccurrents ne seront pas les mêmes selon qu'on attribue à ce terme un sens plutôt qu'un autre. En effet, on ne peut diminuer un mode d'emploi, mais on peut diminuer une dose.

La terminologie médicale pose donc des difficultés au traducteur médical, difficultés qu'il peut surmonter en pratiquant le doute systématique et en utilisant les données du diagnostic linguistique préalable. C'est la meilleure façon de ne pas tomber dans le piège que nous tend le texte de départ.

BIBLIOGRAPHIE

1. Dorland's Illustrated Medical Dictionary (28e édition) (DORLAND'S). Philadelphia: Saunders, 1994.
2. Garipov R. Métaphorisation et texte.- Oufa: Edition de l'université pédagogique, 2009.
3. Garnier M, Delamare V, Delamare J, Delamare T (GARDE). Dictionnaire des termes de médecine (25e édition). Paris: Maloine, 1998.
4. Gladstone WJ. Dictionnaire A-F des sciences médicales et paramédicales (5e édition). Saint-Hyacinthe: Edisem/Maloine, 2002.
5. International Dictionary of Medicine and Biology (3 volumes) (IDMB). New York: John Wiley, 1986.
6. Kernbaum S. Dictionnaire de médecine Flammarion (5e édition) (FLAMM). Paris: Flammarion Médecine-Sciences, 1994.
7. Manuila L, Manuila A, Lewalle P, Nicoulin M. (PMANU) Dictionnaire médical (8e édition). Paris: Masson, 1999.
8. Rouleau M. Les problèmes posés par l'emploi de l'épithète. L'Actualité terminologique 2001; 34 (4): 5-9.
9. Van Hoof H. Dictionnaire des éponymes médicaux Français-Anglais. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1993.

*A.P. Гарипова,
БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КЛИШЕ

Разговорные речевые клише являются одним из основных инструментов манипуляции человеческим сознанием.

Как отмечает О.С. Иссерс, с самого зарождения язык использовался с целью воздействия, и наш предок, который догадался использовать вместо дубины слово в качестве орудия воздействия, стал первым манипулятором [4].

Традиция изучения манипуляции восходит к работам психологов, социологов, политологов. Все эти ученые оценивают манипуляцию преимущественно как «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [5]. Воздействие в рамках институциональной коммуникации осуществляется с помощью агитации, пропаганды, демагогии, убеждения, внушения, пиара (PR) и нейролингвистического программирования. Речевое воздействие как область исследований изучает процессы речевого регулирования деятельности одного человека или группы людей.

Под речевым манипулированием понимают «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми,

которые имеются у адресата в данный момент» [2]. Иными словами, когда скрытые возможности языка используются адресантом высказывания для того, чтобы навязать адресату определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую адресанту эмоциональную реакцию, мы говорим о речевом манипулировании.

Инструмент речевой манипуляции в широком смысле представляет собой любой вербальный знак, который в определенном контексте и смысле может иметь необходимое воздействие на адресата. Для человека характерно использование слов для воздействия на собеседника - сознательно или интуитивно. В случае осознанного использования языка можно говорить о речевой манипуляции в ее истинном значении, т.к. это, прежде всего, целенаправленное действие. «Каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком. Таким образом, восприятие и понимание, рождающееся у получателя, зависят от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель» [1].

Клише в рамках политических дебатов является многомерным явлением. Для достижения одной из главных задач дебатов - управление общественным мнением с помощью клишированных манипуляций - позволяют такие свойства, как целенаправленность и ориентированность на массового адресата. Изучение механизма манипулирования с помощью лингвистических средств помогает избежать негативного эффекта речевой манипуляции, иными словами, речевой демагогии, речевой агрессии или даже речевого насилия.

Речь, а точнее ее воздействие на человека, изучается современной наукой в разных аспектах. В условиях развития современного общества, технологического прогресса, наибольший интерес проявляется к такому явлению, как манипуляция.

Манипулятивное воздействие изучают в рамках межличностной и массовой коммуникации, где манипуляция приобретает форму политической и коммерческой пропаганды или рекламы. Указанное явление представляет особый феномен в социально-психологическом аспекте, направленное на человека. В этом плане манипуляция стала возможна во всех видах межличностных коммуникаций. Несмотря на то, что явление манипуляции изучается уже достаточно давно, до сих пор нет четкого его определения.

Можно рассматривать речевую коммуникацию как процесс подачи информации в одностороннем порядке с целью донести ее до адресата. В связи с этим, в искусстве ведения дебатов нередко используют речевую манипуляцию, в основном чтобы выдать результат принятия решения противоположной стороной за собственное.

Степень успешности манипуляции во многом зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического воздействия и насколько манипулятор гибок в использовании клишированных выражений. Подобных средств очень много. Отметим некоторые из них:

Часто используется метод частичного освещения или избирательной подачи материала.

В этом случае, информация подается настолько неполно, что на самом деле присутствует лишь видимость передачи информации, а она не передается вовсе. Немалую роль играет момент подачи информации, например, ее подача в неудобное время или в неудобной обстановке [3]. Пример - ответы на вопросы, когда множество произнесенных слов лишь иллюстрируют известный тезис: «Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли». Например: The truth is - правда в том; What's going on? - Что происходит? и т.д.

Средства принуждения – внушение или убеждение являются теми психологическими средствами, которые различными путями убеждают собеседника принять сторону манипулятора.

Для большего внушения и убеждения политики может использовать такие клишированные выражения как: I think - Я думаю; let down - подведем; As well as - так же как и т.д.

Таким образом, можно сказать, что в рамках речевой коммуникации может применяться речевая манипуляция, которую можно определить как вид психологического воздействия в процессе, осуществляемый при помощи синтеза эмоциональных, психологических и личностных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального воздействия. - М., 1987. - С.90.
2. Веретенкина Л. Ю. Лингвистическое выражение межличностных манипуляций (к постановке проблемы)// Предложение и слово: Докл. и сообщ. Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. С. Юрченко / Отв. Ред. О. В. Мякшева. Саратов, 1999.-С.99.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.- С. 208.
4. Иссерс О.С. Что говорят политики своему народу, чтобы понравиться //Вестник Омского университета, 1996. - Вып. 1. - С. 71-74.
5. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации.- М., 1990.-С.72.

С.Д. Егинова,
к.ф.н., доцент СВФУ (г. Якутск)

К СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА *КӨРСҮӨ* 'СКРОМНЫЙ, СМИРНЫЙ'

Исследование семантики, эволюции значений слова требует исторического подхода, т.е. «восстановления пути во времени, который проделывает каждый элемент языка» [1; 133]. Следовательно, при изучении развития значений слова основополагающим может быть высказывание В. Пизани, утверждавшего, что «объяснить изменение значения равносильно установлению этимологии нового слова, которое формально идентично старому, то есть мы должны восстановить весь процесс, в результате которого новое слово было первоначально создано» [2; 142].

В «Грамматике современного якутского литературного языка» качественные прилагательные по семантическим признакам подразделяются на 11 групп [3; 157–158]. Из них в одну лексико-семантическую группу входят и слова, обозначающие особенности характера, психологического склада. По материалам «Якутско-русского словаря» под редакцией П.А. Слепцова нами зафиксировано 154 прилагательных, выражающих черты характера человека [4]. Данные прилагательные представляют собой часть обширного и весьма сложного по своей структуре семантического поля психической сферы человека, т.к. «именно в области прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека» [5; 1]

В данной статье будет рассматриваться семантическое развитие прилагательного якутского языка *көрсүө* 'скромный, смирный', заимствованного из монгольских языков, обозначающего положительные черты характера человека, в частности, скромность.

Як. *көрсүө* М.Рясянен, Ст.Калужинский, В.И.Рассадин, Н.К.Антонов причисляют к числу монголизмов, сопоставляя с лексическими параллелями из следующих монгольских языков: с письменно-монгольским, монгольским *керсегүү*, *керсегү*, с калмыцким *керсүү*, с халхаским (халхамонгольским) *херсү*, ордосским *герсү*, имеющими значение 'живой, хитрый; умный' [6; 246; 7; 72; 8; 118].

Слово было заимствовано из монгольских языков в производном, абстрагированном значении 'умный', что видно из ранних источников якутского языка. Так, в словаре О.Н.Бетлингга *көрсүө* зафиксировано в исконном (в заимствованном из монгольских языков) значении: 'умный, понятливый, разумный; ум, разум, благоразумие' [9; 500]. Данное прилагательное в значении 'умный', сохранилось в составе якутских поговорок. Например:

Көрсүө киһи өйө байһал дириңин, халлаан үрдүгүн курдук [10; 84].

'Ум благоразумного как море глубок, как небо высок'.

Көрсүө тыл бэлиэ [11; 59].

'Умное слово различимо'.

В лексике якутского языка значение 'умный' в качестве диалектного значения **көрсүө** встречается у северных якутов [12; 62]. Кроме этого, **көрсүө** в исконном значении 'умный', хоть и редко, употребляется в языке художественной литературы. Например:

Малтаччы, көрсүө тылтан Миша, уоска бэрдэрбит курдук, көнөн олорто [13; 94].

'От прямого, умного слова Миша, как бы ударили его по губам /досл./, резко выпрямился'.

Таким образом, в значении 'умный' сохранен ранний этап семантического развития производного значения данного прилагательного.

От значения 'умный' уже на почве якутского языка возникло значение 'скромный', впервые зафиксированное Э.К.Пекарским [14; 1164]. В производном, абстрагированном значении 'скромный' прилагательное **көрсүө** обозначает не шаловливого, серьезного, степенного, смиренного человека. Например:

Онуоха эбии көрсүө, номоһон, киһини болһойон истэр [15; 40].

'При этом скромна, добродушна, слушает тебя внимательно'.

В «Кратком словаре якутского языка» выделены такие значения **көрсүө**: 1) 'смирный, тихий, спокойный'; 2) 'умный, толковый, мудрый' [12; 62]. В «Якутско-русском словаре» под редакцией П.А. Слепцова отмечены следующие значения данного прилагательного **көрсүө** 1) 'скромный, смирный'; 2) 'умный, благоразумный (употребляется в качестве диалектного значения)' [4; 181]. В «Большом толковом словаре якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова **көрсүө** зафиксировано в значениях: 1) 'смирный, тихий, спокойный'; 2) 'умный, толковый, мудрый' [16; 339]. В данных словарях, как отмечают составители, «значения части слов оказываются очень зависимыми и изменчивыми по условиям контекста, в таких случаях употребляются наиболее широко употребительные, устоявшиеся значения слов» [4; 7]. В лексикографических источниках современного якутского языка значения прилагательного **көрсүө** расположены по принципу употребительности, то есть заметен процесс актуализации номинативно-производного значения.

Итак, лексикографические источники якутского языка позволяют выделить в семантической структуре данного прилагательного 2 группы значений. Если сгруппировать их по происхождению, то первая группа содержит номинативные значения, характеризующие человека по его природным интеллектуальным данным или же приобретенным умениям, навыкам, знаниям: 'умный, толковый, мудрый'.

Вторая группа включает номинативно-производные значения, характеризующие черты характера человека: 'смирный, тихий, спокойный';

'скромный, смирный'. Данная группа образуется значениями оценочного характера, то есть значения этой группы возникают на основе семы с положительной оценкой и маркированной со знаком + (плюс). Так, прилагательное *көрсүө* употребляется в словосочетаниях *көрсүө киһи* 'благоразумный'; *көрсүө тыл* 'умное слово' в первой группе значений, а в словосочетаниях *көрсүө оҕо* 'смирный ребенок', *көрсүө-сэмэй быһыы* 'скромность' относятся ко второй группе значений.

В монгольских языках, как видно из вышеприведенных лексических параллелей к якутскому прилагательному *көрсүө*, значения соответствий возникают на основе сем и с положительной оценкой ('умный, живой') и с отрицательной оценкой ('хитрый').

Таким образом, значения якутского прилагательного *көрсүө* возникли по сходству производимого впечатления на основе ассоциативных признаков: 'умный, толковый', следовательно, 'сдержанный, уравновешенный', люди, обладающие такими качествами, обычно бывают 'скромными, смирными'.

В монгольских языках общие смысловые компоненты прилагательного *көрсүө* вызвали ассоциации и подобного ('живой', значит, 'умный'), и иного плана ('умный', следовательно, 'хитрый').

Итак, как выше отмечено, в современном якутском языке прилагательное *көрсүө* в исконном (в заимствованном из монгольских языков) значении 'умный, толковый, мудрый' обозначает интеллектуальное качество человека [16; 339]. В производном значении 'смирный, тихий, спокойный' *көрсүө* переходит в иную сферу употребления. Однако сема рассудительности, благоразумия присутствует в семантическом составе данного слова [16; 339]. Следовательно, производное значение прилагательного *көрсүө* 'скромный, смирный' возникло на основе рационального признака, связанного с его интеллектуальной сферой.

Прилагательное *көрсүө* 'скромный, смирный' по лексико-семантическим особенностям отражает принципы морали, содержит оценочную характеристику, примыкая к прилагательным, обозначающим моральные качества человека.

В монгольских языках прототип данного прилагательного употребляется только в производных, абстрагированных значениях. Исконное, первичное значение *көрсүө* неизвестно.

Таким образом, углубленное изучение якутского прилагательного *көрсүө* 'скромный, смирный' на корневом уровне и в сопоставлении с древнетюркскими, тюркскими и монгольскими языками могло бы пролить свет на этимолого-семантические особенности, на характер тюрко-монгольских отношений, определить развитие значений данной основы, так как семантика, полисемия имен прилагательных якутского языка, выражающих черты характера человека, тесно взаимосвязана с аналитизмом в языке и с повышением уровня абстрактного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1969. – 608 с.
2. Пизани В. Этимология. История – проблемы – методы. – М.: Наука, 1956. – 188 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
4. Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – М.: СЭ. 1972. – 608 с.
5. Харитончик З.А. Прилагательное: значение, словообразование, функции: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1986. – 47 с.
6. Rdsdnen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Tyksprachen. Helsinki : Lexica societatis fenno – ungrical. 1969. 533 s.
7. Kaluzynski St. Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. Warszawa: Panstwowe wydawnistwo, 1961. 170 s.
8. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 174 с.
9. Бетлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В.И. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1989. 646 с.
10. Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В.Емельянов. Якутск: Кн.изд-во, 1965. 248 с. (На як.яз.).
11. Аллахский Н.А. Словарь омонимов якутского языка. Якутск: Кн. Изд-во, 1979. 184 с. (На як.яз.).
12. Сивцев Г.Ф. Краткий словарь якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 224 с. (На як. яз.).
13. Габышев М. Наша с тобою жизнь. Якутск: Кн. изд-во, 1972. 248 с.
14. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Изд-е 2-е фотомеханическое. В 3-х томах. М., 1959.
15. Яковлев В.С. Дивная весна. Повесть. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 344 с. (На як. яз.).
16. Большой толковый словарь якутского языка. В 13 т. Т. IV: Буква К/Под ред. П.А.Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с. (На як. яз.).

*Қ.Е. Есенова, ф.ғ.к., доцент,
Ш.С. Баядилова, магистрант,
С.Бәйішев атындағы Ақтөбе Университеті
(Қазақстан, Ақтөбе)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ НЕГІЗІНДЕ ОЙЛАУДЫҢ АССОЦИАТИВТІ СИПАТЫ

Қазақ тіліндегі өзінің бейімділігімен, әлеуметтік мәнділігімен ерекшеленетін фразеологизмдерде халқымыздың тарихы мен салт-дәстүріне, ойлау жүйесіне, материалдық және рухани мәдениетіне

байланысты мол ақпарат сақталған. Осыған байланысты қазақ тіл білімінде фразеологизмдер әртүрлі қырынан зерттеліп келе жатыр. Фразеологизмдерді тілдік тұрғыдан зерттеу бағытында көптеген жұмыстар жүргізілді. Атап айтқанда, І.Кеңесбаевтың, Ә.Қайдардың, Н.Уәлидің, С.Сәтенованың, Ғ.Смағұлованың т.б. еңбектері жарыққа шықты. Тұрақты тіркестерді тілдік тұрғыдан зерттеу барысында ондағы ұйытқы сөздерді негізге ала отырып, фразалық біліктер тақырыптық, лексика-семантикалық топтарға жіктеліп қарастырылды, олардың құрамындағы ұйтқы сөздердің мағыналары ашылып, этимологиялық талдаулар жасалды.

Соңғы жылдары фразеологизмдерді тілден тыс факторлармен байланыстырып қарастыруға ерекше көңіл бөлініп, олардың этнолингвистикалық, психолінгвистикалық, танымдық қырларын зерттеу барысында бұрынғы құрылымдық бағыттан гөрі антропоцентристік бағыт басым бола бастады. Тілдік бірліктерді антропоцентристік бағытта зерттеудің қазақ ұлтының мәдениеті мен материалдық дүниесін түсінуде маңызы зор. Өйткені қазіргі заман талабына байланысты фразеологизмдерді тек тілдік жағынан қарастырудың жеткіліксіз екені белгілі болып отыр, себебі осындай бағыттағы зерттеулерде халықтың ұжымдық тәжірибесі, шаруашылығы, адамдардың бір-бірімен байланысы, қоғамдық қатынастар, дүниетанымдық ерекшеліктер, материалдық және рухани мәдениет назардан тыс қалып қояды. Сондықтан фразеологизмдердің қалыптасуының тарихи, мәдени негіздері, уәжділігінің этномәдени мәнділігі жағынан қарастыру халқымыздың өткен кезеңдердегі мәдениетін танып білуде аса нәтижелі болмақ.

Қазақ тіл білімінде фразеологизмдердің уәжділік сипаты Н.Уәлиұлының, С.Сәтенованың, Б.К.Уызбаеваның, Қ.Ғабитханұлының, Ғ.Сағидолланың, Ш.Б.Сейітованың т.б. зерттеулерінде қарастырылған. Мәселен, фразеологизмдердің уәжділік мәселесін арнайы зерттеген Ж.Д. Байтелиева «Қазақ тіліндегі жылқы малына қатысты фразеологиялық тіркестердің этномәдени уәждемесі» атты зерттеуінде уәжділіктің жасы мен жынысына қатысты уәжділік, тегі мен табиғи ерекшеліктеріне қатысты уәжділік, жылқы шаруашылығына қатысты уәжділік, дене мүшелері мен атауларына қатысты уәжділік, ат абзелдеріне қатысты уәжділік тәрізді түрлерін көрсетеді.

Фразеологизмдердің табиғаты аса күрделі: фразеологизмдер жеке сөзге де, сөз тіркесіне де, сөйлемге де ұқсайды, сонымен бірге олардың ешбіріне ұқсамайтын қасиеттерімен де ерекше болып тұрады. Сондықтан олардың мағынасы «фразеологиялық шартты», «фразеологиялық байлаулы» мағына деп аталады. Көптеген фразеологизмдердің неге бұлай аталатыны, яғни уәждемесі (мотивациясы) жоқ, – деп жазады зерттеуші Н.Уәлиұлы [1; 128].

Фразеологизмдер мен зат арасындағы тілдік емес факторларды жан-жақты зерттемей тұрып, олардың шығу себебін анықтау оңай бола

бермейді. Тіл біліміндегі аталым (номинация) теориясы бойынша атаудың екі дәрежесі атап көрсетіледі: 1) бірінші дәрежелі немесе алғашқы атау (первичная номинация). Ол атаудың аталушы заттың қасиеттерімен уәжделеді; 2) екінші дәрежелі немесе кейінгі атау (вторичная номинация). Онда сөздің семантикалық дамуы нәтижесінде өзін тудырған түбірмен мағыналық байланысы үзіледі [2; 272].

Біз қарастырып отырған фразеологизмдер екінші дәрежелі атауларға жатады. Фразеологизмдердің барлық түрінің негізінде адам ойлауының ассоциативті сипаты жатады. Ол бұрыннан бар нәрселерге ұқсатумен байланысты пайда болады. Ал, ол ұқсастықты білдіретін фразеологизмнің ішкі формасы.

Фразеологизмдер халықтың ассоциативті – образды ойлау нәтижесінде пайда болып, ұлт менталитетін көрсететін, ұлттық-мәдени коннотация мазмұнын білдіретін тілдік таңбалар болып табылады. Фразеологизмдердің мазмұн межесі, ондағы мәдени коннотациялардың өзі білімге айналып, когнитивтік игеру көзі болып саналады. Коннотация, басқаша айтқанда, ұжымдық таным-түсініктердің мәдени мазмұны көп жағдайда бағалау қызметін атқарады, сондықтан да қоршаған ортаны сезіну, қабылдау әр халықта әртүрлі болуына байланысты фразеологизмдерде әлем бейнесін қалыптастыратын тілдің ұлттық ерекшелігі айқын көрінеді.

Фразеологизмдер тілдік қызметі, құрылымы тұрғысынан номинативтік және комуникативтік фразеологизмдер деп бөлінеді. Номинативтік фразеологизмдер жеке сөздердің орнына жүре алады, синтаксистік жағынан сөйлемнің бір мүшесі болып қызмет атақарады, ал сөзден айырмасы оның экспрессивтік қасиетінде. Басқаша айтқанда олар зат пен құбылысты бейнелі түрде атайды. Бұл жөнінде компаративті фразеологизмдердің табиғаты туралы зерттеуші Қ.Айдарбек: «...теңеулердің тілде таңбалануы жалпы адамзат танымымен, адамдар тәжірибесі мен ойлау нәтижелерінің сөзде бекітілуі негізінде болады, яғни олар жоғарыда аталған функциялармен қатар аталымдық қызметте де жұмсалады. Аталым актісі – уәж, уәждеме, уәжденім, уәждем, уәжді, уәждемелі, уәжділік ұғымдарымен тығыз байланысты. Атауға негіз болған уәж ұжымның тілдік санасында қабылданып, сөз мағынасын құраушы негіз болады. Қазақ тілінде теңеу мағынасын білдіретін тұрақты тіркестер мен фразеологизмдердің аталуына себепші негіз болған уәждік белгілері бойынша олардың бірнеше уәжділік түрлерін анықтадық», – дей келіп, фразеологизмдерге байланысты уәжділіктің соматикалық ұғымдармен (бес саусақтай, көзіндей көрді), тұрмыс-тіршілікпен (балтыры бесіктей, қамшыдай қатты, арасы майлы қасықтай), төрт түлік мал атауларымен байланысты түрлерін көрсетеді [3, 181].

Әр отбасының күнде тамақ пісіріп ішетін қазанды халық қастерлеп, жеті қазынаның бірі деп есептеген. Қазанға пісірілген ас дәмді әрі

жұғымды, сондықтан да болар, қазан-ұрпақ жалғасуы мен отбасы берекесінің символы болып табылады. Осыған орай Н.Уәлиұлы былай деп тұжырымдайды. Қазан мен қара мылтықтың «қасиетті жетінің» қатарында айтылуы тегін емес. Қазанның құлағын қағу; қара қазан, сары бала; қазан төңкерілу тәрізді сөз орамдары жайдан-жай айтылмаған. Қазақтың ертегі, жырларында алтын қазан іздеу салты туралы деректер кездеседі. Мысалы:

Сөз тыңда құлақ салып, балам, маған,
Астында дарияның алтын қазан.
Әкелсең сол қазанды ерлік қылып,
Беремін Күнсұлуды қосып саған («Құламерген»).

Академик Ә.Марғұлан бұл сюжетке ерекше назар аударып, онда терең мазмұн жатқанын тамаша дәлелдеген: «Құламерген» жырында теңіз астынан қазан іздеу – тайпалар демократиясының бірлігін сипаттайды. Қазан-шаңырақ сияқты бүтіндіктің белгісі. Ол құрыса, ел де құриды. Оның үстіне қазанды қастерлеу ерте кездегі темірге табынудың бір түрі. Тәуке ханның аңызында жолығатын «қара қазан», «қара мылтық алу» - жаудан кек қайтару белгісінің ескі түрі. Тәукенің жарғысы бойынша бұрын жауласқанда «шаңырақ», «қазан» сындырып кек алудың орнына енді оны сындырмай, жәбір көрген жаққа сол нәрселердің өзін беріп тыныштық жасайды» [1; 18-19].

Қорыта айтқанда, қазақ тіліндегі фразеологизмдердің бір тобы шығу төркіні, пайда болу жолы жағынан алғанда белгілі бір кәсіпке, өнер түріне байланысты қалыптасқан. Мұндай фразеологизмдер туынды, астарлы мағынада қолданылып затты, құбылысты, іс-әрекетті, адамдарға қатысты жай-күйді т.б. бейнелеп атайды және хабарлайды. Фразеологизмдер бойындағы ассоциативті параллельдер түрінде көрініс табатын ұғым-түсініктерде этностың танымдық білімдері жинақталған. Фразеологизмдерді тіл білімінен басқа ғылым салаларымен байланыстыра отырып, кешенді зерттеу арқылы олардың танымдық сипатын тереңірек ашып көрсетуге болады.

ӘДЕБИЕТ

1. Уәлиұлы Н. Фразеология және тілдік норма. Алматы: Республикалық баспа кабинеті, 1999. – 128 б.
2. Манкеева Ж. Мәдени лексиканың ұлттық сипаты. Алматы: Ғылым, 1997. – 272 б.
3. Айдарбек Қ. Фразеологизмдер, тұрақты теңеулер құрамындағы мәдени коннотация // Тілтанымдық зерттеулер (2003-2005 жж.) Алматы: Арыс, 2007. – 177 – 181 бб.

А.Б. Есказина
Ғылыми жетекші: ф.ғ.д. М.Қ.Амангазиева
С.Бәйішев атындағы Ақтөбе университетінің магистранты
(Қазақстан, Ақтөбе)

ҚАЗАҚ ФРАЗЕОЛОГИЯСЫ МЕН МӘТІН ҚҰРУДЫҢ АРАҚАТЫСЫ

Мәтін (лат. *textum* – қосылу, бірігу) орысша текст - тілдік таңбалардың мағыналық және тұлғалық байланысы негізінде түзілген жүйелі тізбесі. Мәтіннің құрылу шарттары: *сыртқы тұлғалық байланыстарға, белгілі бір мазмұнға ие болуы, аяқталғандығы, қарым қатынас жасауды іске асыру мүмкіндігіне ие болуы мәтін жазудың шығуымен қалыптасып, әрі қарай дамып отырған тілдік құрылым.* Мәтіннің көлемі туралы әр түрлі пікірлер бар. Дегенмен, құрылымдық, тұлға бірліктеріне қарап, мәтінге сөйлем, күрделі синтаксистік тұтастық, абзац жатқызылып жүр. Семиотикада мәтін кез келген таңбаның, қарым-қатынастың (салт, әдет-ғұрып жоралары, би т.б.) мән-мағынасы танылған түрлерін білдіреді.

Мәтін теориясы барлық таңбалық бірізділікті қамтиды, бірақ оның негізгі объектісі *сөз мәтіні* болып табылады. Мәтін туралы зерттеулер әдетте мәтіннің екі түрлі қасиетіне: қисындылығы мен тұтастығына бағытталады. Қисындылықта мәтіннің дұрыс құрылу-құрылмауы басты рөл атқарады. Мәтіннің тұтастығы оның элементтерінің функционалдық қызметімен байланысты. Мәтін теориясының жалпы функционалдық бағыттылығы әсіресе көркем мәтінді талдауда маңызды.

Мәтін теориясы бойынша функционалық талдауда мәтіннің мағыналық құрылымын жасау тәсілінде автордың еркінігі алдын ала ескеріледі. Бұл – оның тілдік тәсілдер мен бірліктерді стильдің талабына сай шарттылыққа зерттейтін стилистикадан және қалыптасқан нормаларды сақтау міндеттілігін талап ететін грамматикадан айырмасын көрсетеді [1,10].

Талдау әдістері жеке мәтіндер көлемінде неғұрлым көне мәтіндерді не олардың үзінділерін қайта жаңартуға мүмкіндік береді. Мәселен, ертегілердегі, эпостардағы, әдет-ғұрып жоралардағы т.б. ертедегі мифологиялық мәтіндердің қоспасы («мәтін ішіндегі мәтін») болуы мүмкін.

Қазақ тіл білімінде мәтіннің тұлға-бірлігі саналатын *күрделі синтаксистік тұтастық* туралы алғашқы пікір білдірген ғалымдар қатарында Т.Қордабаев пен Р.Сыздықоваларды атай аламыз. 60-70 жылдардың өзінде-ақ ғалымдарымыздың еңбектерінде күрделі синтаксистік тұтастық мәселесі күн тәртібіне қойылды. Алайда, ғалымдардың пікірі бойынша, өздерінің еңбектерінде бұл категория жан-жақты арнайы қарастырылмады. Әйтсе де, Р.Сыздықова “Абай өлеңдерінің

синтаксистік құрылысы” (1970) деген еңбегінде қазақ поэзиясында сөйлемдерді бір-бірімен байланыстырып, топтастыратын тәсілдердің бірқатары орыс тіліндегімен сәйкесетінін және бірсыпырасы өзгеше, яғни қазақ тілі табиғатына сай келетіндігін айта келіп, олардың басты-бастыларын тізіп көрсетеді [2,7] Ал 1974 жылы жарық көрген “Қазақ тілінің стилистикасы” оқулығында сөздің (речь) ауызша және жазбаша деп екіге бөлінетіндігі, олардың ерекшелігі сөз етіліп, жазбаша сөздегі ойдың қағазға жазылып жеткізілетіндігі туралы мынадай пікір айтылады: **“Сонымен жазу – ол белгілі бір мәтін. Бұл түрлі мәтіндер (газет, журнал, кітаптардағы материалдар) әр жай, күйді білдіріп хабарлайды”**[1,10]. Бұл ойдан жалпы лингвистика ғылымының зерттеу нысанынан саналатын мәтін – тіл жүйесін пайдалану арқылы қағаз бетіне түскен сөйлеудің бір түрі, яғни ол сөйлеудің хатқа түскен бейнесі түрінде анықталып отырғаны анық байқалады.

Ендігі тоқталатын мәселе мәтінде, яғни көркем әдебиет немесе ауызекі сөйлеуде қазіргі қоғамда фразеологиялық тіркестер қолданысы қаншалықты дәрежеде пайдаланылады? Көркем мәтінді дүниеге әкелуші (сөйлеуші немесе жазушы) өз туындысында фразеологиялық тіркестерді әр түрліше қолдануы, бірнеше нұсқаларын пайдалануы оқушыға қаншалықты оң немесе кері әсерін тигізуі мүмкін? Бұл жерде *теріс әсері* деп отырғанымыз - әр жазушының стильдік ерекшелігіне орай мәтінде тұрақты сөз тіркестерін өздерінше пайдаланудағы оқушының алуан түрлі жағдаяттарға байланысты (жас ерекшелігіне немесе тілді меңгерудегі дәрежесіне орай) түсінуде туатын қиындықтары. Осы орайда біз көркемсөз шебері өз санасынан тысқа шығарғалы отырған мәтініндегі фразеологиялық тіркестердің неғұрлым көркем, нәрлі, ажарлы болуын ескерумен қатар, оны жалпыға түсінікті болу үшін, әсіресе қазіргі таңда көркем шығарма оқуға көп көңіл бөлетін мектеп оқушыларына, студенттерге, жалпы ересектерге түсінікті болу үшін фразеологизмдерінде амплификациялық тәсілді (мәтін ішінде мағыналас троптың түрлерін немесе біртектес конструкциямен жасалған сөздер тізбегін қайталау) өте ұтымды, орынды пайдалана білуі қажет деп ойлаймыз, бірақ тұрақты тіркестерді фразеологиялық тіркес берілген беттің төменгі жағына қазіргі қолданыста көп кездеспейтініне түсініктеме берген абзал.

Мәтін ішінде, сөйлемде кездесетін фразеологиялық мағынадағы синоним тіркестер құрамындағы мағыналық сандық көрсеткіштер бірден назар аудартады. Тыңдаушы немесе оқушы күшейтілген мазмұндық мағынаны алдымен синонимдік қатар арқылы қабылдап түсінеді. Мықты экспрессияның пайда болуына негіз болатын мағыналас фразеологизмдер қатарынсыз кейде жазушы шеберлігін сөз ету де қиын.

Енді бір мысалдарда авторлар сөйлеуде баяндалатын оқиғаны сөйлемде синонимдік қатар жасауға қатынасатын бірнеше тұрақты сөз тіркестері арқылы ғана сипаттайды. Тегінде «фразеологиялық тіркестер –

семантикалық шоғырлар» (Р. Сыздықова) екенін ескерсек, онда айтушының тыңдаушыға жеткізер ойы қаншалықты әсерлі болғандығы әлгі аталған «семантикалық шоғырлар» боп топтасқан мағыналас тіркестер тобының ғажап қуатында болмақшы.

Фразеологиялық тұлғалар өзіндік қолданылу ерекшеліктеріне қарай, «*мәтін ішінде*» жасалып, өзгеріске түсіп те қолданылуы мүмкін. Мәтін құрастыруда ол бір тіркес емес, екі немесе одан да көп мағыналас сипатта жұмсала да алады. Кейде бір мағынадағы фразеологизмдердің стильдік бояу бір мәтінде әр қырынан көрініс табады. Мағыналас фразеологизмдер шоғыры мәтін құрастыруда таптырмайтын мәнерлілікті туғызады. Біз сөз етіп отырған мағыналас фразеологизмдердің мұндай табиғаты кейбір зерттеулерде [3, 120-121] амплификация деп аталады.

Сонда ымырт жабыла бергенде, анақ-сапақта, кеш қараңғылығы қоюланған сайын, көк қаршыға өрттей жанып, секунд санап, жалындай шалқып, жайнай беруші еді (М.Әуезов 3-т. 129-б.).

Көрсетілген – уақыт, мезгіл - өлшемін білдіретін мағыналас тіркестер. Егер автор осы үш тіркесті бірінен кейін бірін сатылап дәл осылай қолданбаса, онда анау «*жалындай шалқып, жайнай беретін, өрттей қаршыға, көк қаршыға*» деген суреттің, бейненің мазмұндық екпіні кеміп қалар ма еді?! Кеш бата берген кездегі мезгілді қатар-қатар мағыналас ұғымдағы фразеологизмдер арқылы бергендіктен, сөйлем бір ғана ой екпініне бағындырылған.

Кейде авторлар мағына жағынан пәлендей жақындығы жоқ, бірақ қолданған екі түрлі фразеологизмдердің сөйлем ішіндегі бір ойдың қазығына әкеліп, бір-біріне семантикалық толықтырулар әрекетін жасайды. *Ел тыныш, қой үстіне бозторғай жұмыртқалап, ақ түйенің қарны ақтарылып жатысы мынау* (Д. Исабеков). *Бір жеңнен қол, бір жағадан бас шығарып, ауыз жаласып, бірін- бірі жарылқауда* («ҚӘ» 10.10.95).

Бұл мысалдардың ішкі мағынасына қарасақ, жалпы айтылатын ойдың айналасында тіркесе, қосыла жүретін, себепке салдар болатын ұғымдар анықталады. Мәселен, тыныштық болса – молшылық, тату болса – сөзін сөйлейді деген. Сондықтан болар оқушы, тыңдаушы үшін бұл арада семантикалық өрістің ұғым, түсінігі айналасында осындай фразеологиялық тіркестер жалпы мағыналық сипат алады. Тегінде мағыналас фразеологизмдер тіркестері қатары мәтін, сөйлем ішінде, қолданыс ыңғайында қашанда образды, мәнерлі суреттігімен шығарма авторының шеберлігін аңғартады.

Жоғарыда талданған амплификациялар қатарында мағыналас фразеологизмдердің стильдік қолданыс деңгейінің екі түрін байқауға болады.

1. Сөйлемдегі синонимдік қатарлар көбінесе бір деңгейдегі стильдік мінездемемен беріледі. Мысалы, ауызекі сөйлеу стиліндегі мағыналас фразеологизмдер тобы.

2. Әр стильдік деңгей қабатынан көрінген мағыналас фразеологизмдер тобы. Бұлардың ішінде қарапайым кітаби стильдер аралас жүреді. Бірақ аталған ерекшеліктер ішінде бір деңгейдегі стильдік мінездемемен берілетін мағыналас фразеологизмдер жиі ұшырасады.

Мәтінде фразеологизмдер қолданылу кезінде олардың мағыналасы мен варианттылығы әрдайым қатар жүреді. Бұл тұста вариант фразеологизмдер құрылымдық ерекшеліктерімен назар аудартса, мағыналастары семантикалық тұрғыда ұғым, түсінік айналасында сөз етіледі. Бірақ кей ретте тілші қауым арасында да бұлар бір сұрақтың жауабы ретінде қабылданатын жайттар кездесіп қалады.

Мағыналас қатар құрамында вариант фразеологизмдердің болуы кездейсоқ құбылыс емес. Мәселен, белгілі бір ұғым, түсінікті жеткізу үшін айтушы немесе сөйлеуші өзіне бұрыннан таныс (мүмкін айта-айта жауыр болған) сөзге басқалай реңк беру үшін, ол фразеологиялық сипаттаумен бағалау үлгілерін таңдайды. Біреудің жылағанын, көз жасын айтқысы келсе, көзінің жасын көлдетті // ағызды // селдетті // сел етті/, немесе орындау – әмірін //жарлығын екі етпеу//қылмау сияқты вариант сөздермен жеткізе алады.

Ал фразеологизмдердің өз ішінде синоним құбылысын алсақ, онда айтушы өз ойын қаптаған қатар құрамынан біреуін, кейде, бірнешеуін бір-ақ таңдауы мүмкін. Мысалы «ұнатпау» ұғымындағы қабағын тыржиту, құлқы сүймеу, қыңыр қарау, суқаны сүймеу, іші қаламау, салқын қарау, оң қарамау – мағыналас қатардағы дайын тұрған тіркестер.

Қазақ тілінде мағыналас фразеологизмдер қатарының алды екі қатардан бастап, соңы жүзге жуықтайтынын ескерсек, онда компоненттер құрамының вариант түрлері сандық жағынан қалай деген сұрақ туатыны заңды.

Қорыта келе, мынадай тұжырым жасай аламыз: көркемсөз иесі қандай да бір мәтін құрастыруда фразеологизмдердің *құрылым тұрақтылығын, мағына тұтастығын, даяр қалпында қолдану тиянақтылығын және бейнелілігі мен мәнерлілігін* орнына сай қолдана білсе, айталық, ұтымды тақырып таңдауда немесе сөз қорытындылауда не шығарма жазу желісінде пайдаланса, бұл туынды өз оқырманына автор ойын сол қалпында жеткізері анық деп есептейміз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Кеңесбаев І., Мұсабаев Ғ. Қазіргі қазақ тілі. Лексика. Фонетика. Алматы, 1962.

2. Сыздықова Р. Абай өлеңдерінің синтаксистік құрылысы. Алматы, 1970.

3. Смағұлова Г. Мағыналас фразеологизмдердің ұлттық-мәдени аспектілері. Алматы: « Ғылым», 1998 – 196 бет.

*О.Н. Ефимова,
студентка Уфимского педагогического колледжа №1 (г. Уфа)*

«ROOTS AND WINGS» («КОРНИ И КРЫЛЬЯ»)

The article deals with the problems of cross-cultural communication while teaching pupils English on secondary schools. The author of the article focuses her attention on using boom of motivation of speaking English: not to lose the "roots" while having "wings".

В век глобализации и международных стандартов образования для нас, будущих преподавателей иностранного языка, важно понять: как, имея «крылья», не забыть свои «корни». «Крылья» – знание английского языка, которое позволяет нам стать «гражданами мира», а «корни» – наша культура, традиции, обычаи народов, населяющих нашу страну.

Если раньше остро стоял вопрос о формировании мотивов обучения иностранному языку, то сейчас это становится менее актуальным, так как молодежь сегодня чувствует реальную необходимость знания иностранных языков, которые могут дать им «крылья». Наша главная цель: найти золотую середину и научиться организовывать «диалог культур» на уроках английского языка.

Ученики и студенты должны знать культуру своего народа и культуру народов и стран изучаемого языка. Находить связь между ними и уметь достойно представить свою страну. Поэтому и предметом нашей статьи является процесс усвоения межкультурных навыков.

В наше время необходимо и престижно знание одного или нескольких иностранных языков. Появилось множество методик ускоренного, но не всегда эффективного изучения иностранных языков, где совсем ничего не говорится об обычаях, традициях, характере нации. Язык - это не набор знаков, это, прежде всего, люди и их образ жизни. Как раз этим, на наш взгляд, и можно заинтересовывать учеников.

Для детей каждый урок иностранного языка – это путешествие в другую страну, где проводником является учитель, который помогает построить диалог между разными странами и культурами, а ключ к этому – иностранный язык. Каждый урок должен отражать культуру страны изучаемого языка, нужно уметь показать когда, в каких ситуациях можно использовать то или иное выражение.

Нам необходимо научиться работать с мотивированной аудиторией современных учеников, которые родились в эпоху перестройки и подрастают в период современных технологий, и не позволить угаснуть интересу к иностранному языку; знать, как сформировать стремление изучать куль-

туру страны изучаемого языка. Нужно сформировывать положительное отношение к предмету «иностранный язык», заинтересовать так, чтобы ученику нравилось говорить, писать, изучать, искать что-то новое в культуре страны изучаемого языка.

В нашей стране созданы большие возможности для изучения иностранных языков, многие преподаватели работают по учебникам, близким к международным стандартам, что создает условия для успешного изучения языков. Например, только в нашем колледже студенты, наряду с учебниками российских авторов, учатся по учебникам таких издательств, как Macmillan, Cambridge University Press. Они нам нравятся, потому что отражают реалии «того мира». Благодаря этим учебникам, мы можем подготовиться к международным экзаменам и сдать их, не выезжая за пределы нашего города. Все это в будущем позволит нам расширить наши профессиональные возможности. В нашем колледже созданы необходимые условия для общения с носителями языка, мы можем посещать специальные кружки, клубы любителей английского языка, где ведется непринужденная беседа на иностранном языке. В последнее время преподаватели и студенты нашего колледжа успешно сотрудничают с Башкирским государственным университетом им. М.Акмуллы. Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций пригласил нас принять участие в работе клуба английского языка, занятия там ведет носитель языка, выпускница колледжа Вустер, США, стипендиат программы Фулбрайт в России Кэтрин Трэйнор. На этих занятиях у нас есть уникальная возможность развить навыки устной речи, обсудить интересные темы, попробовать американскую еду, познакомиться с реалиями американской жизни, услышать о культуре другой страны именно от его коренного жителя. Однако при этом мы не должны забывать о традициях своего народа, чтобы поддерживать диалог. У нас в Уфимском педагогическом колледже №1 имеются специальные предметы, такие как лингвострановедение, основы межкультурной коммуникации, благодаря которым мы имеем возможность изучить культуру стран изучаемого языка, но при этом также на уроках английского языка наши преподаватели успешно используют и региональный компонент. Наряду с праздниками в США и Великобритании мы изучаем праздники в нашей стране и республике. В нашей группе учатся студенты разных национальностей: русские, татары, башкиры, чувашы, и каждый может рассказать о своем национальном празднике. Например, я могу рассказать о культуре чувашского народа. А на нашем последнем уроке английского языка темой разговора были предстоящие праздники: День Казанской иконы Божией Матери или, как его называют с 2005 года, День Народного Единства – праздник в честь освобождения Москвы от поляков в 1612 году., Казанская икона была в ополчении во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским, когда русские войска освободили Кремль и Москву от врага. Другой студент готовил материал о празднике

“ Halloween”, любимом празднике молодежи на Западе, который хорошо прижился на нашей почве. Мы не забыли также и о главном празднике мусульман Ураза-байрам. Им оканчивается пост священного для всех мусульман месяца Рамадан – времени очищения души, времени совершения добрых дел.

Таким образом, мы имеем возможность сравнить эти праздники, и в результате, создается тот самый диалог культур. Все это, на наш взгляд, и есть обретение «крыльев», под которыми мы понимаем изучение иностранного языка как средства воспитания любви к родному краю, к родным «корням» и культуре народов стран изучаемого языка.

*Л.М. Зиннатуллина,
студентка БашГУ (г.Уфа)*

ТАТАР ХАЛЫК ЖЫРЛАРЫНДА РУС АЛЫНМАЛАРЫ

Татар халкының жыр хэзинэсе үзенә күрә бер тарих ул. Без аларда үткән тарихыбызны да күзлибез, бүгенге көн аһәңен дә ишетәбез. Жырлар безгә милләтебезнең тарихын, үсешен, культурасын, ата-бабаларыбызның көнкүрешен, яшәешен, сөйләшен, фәлсәфәсен һәм барлык күңел байлыгын аңларга ярдәм итә.

Татар халык жырларында туган телебезнең гасырлардан гасырларга тупланып килгән бай сүзлек хэзинэсе бар. Шулар арасында гарәп-фарсы һәм рус алынмалары зур урын алып тора. Моңы безнең илнең географик урыны белән дә аңлатырга мөмкиндер. Чөнки без бер яклап Азия белән, икенче яктан Европа белән тыгыз бәйләнештә яшибез. Алай гына да түгел, безнең телебезнең тамырлары шул гарәп-төрки телләренә барып тоташа да инде. Татар халык ижатыннан без халкыбызның элек-электән рус халкы белән тыгыз бәйләнештә яшәвен исбатлый алабыз, чөнки телебездәге алынмаларның зур өлеше рус сүзләренә карый. Алар татар теленә, аеруча көнкүреш өлкәсенә, бик борынгыдан керә башлаган. Бу аңлашыла да: рус дәүләтендә яшәү, рус халкының сан ягыннан күпләге, алдынгы рус культурасының тәэсире, яңа тормыш төзүченең алгы сафында рус пролетариаты булу һ.б. – болар барысы да рус алынмалары күпләп керүгә сәбәп була.

Без И.Надиров тарафыннан жыеп теркәлгән 443 жырдан йөзгә якин рус теленнән кергән сүзләр тупладык: кузничлар, табор, проверка, звонок, прогулка, авторитет, пух ястык, окружной, судить итү, бригадирка, казарма, лампа, ахотник һ.б. Рус алынмаларының күпчелеге жырларда бернинди үзгәрешсез кулланылганын ачыкладык.

Исән микән минем иркәм,
Үлде микән, ранен микән,
Әллә пленда микән? (“Сәмбел чәчәк”)

Һәрбер эштә тырышып эшләп,
Күтәр авторитетыңны
Мәдинә, гөлкәем
Өзелә үзәккәем. (“Мәдинә, гөлкәем”)
Олы юлкайларда малина күп,
Извозчиклар әйтә балаң дип.
Унөч-ундүрт яшьтән хезмәт бирәм,
Һичберсе әйтми балаң дип. (“И, дуслар”)
Татар халык җырларында фигураль, сыйфат сүз төркемнәренән
русчалап бирелүләренә күпләп мисаллар китерергә мөмкин:

Себерчеләр – сәүдәгәрләр,
Крахмальный күлмәктән.
Себерчеләр онытканнар
Чәй эчкәнән чүлмәктән. (“Себерчеләр”)
Ап-ак, ап-ак каз итләрен,
Ах, ты, Маруся!
Мин тураем, син аша,
Ах, ты, не бойся!
Пушай безне рассуждают,
Ах, ты, милая!
Кил утыраек янәшә,
Кому какое дело!
Белый армия суга баткан,
Чабатасын киптерә,
Красныйлар арттан килеп,
Пулеметтан сиптерә. (“Илләр азат, күрәмсең”)

Рус алынмалары халык җырларында төрлечә үзгәртеп кулланыла. Бу сүзләренән татар телендә бик матур тәржемәләре дә бар, әлбәттә. Ләкин җыр – ул гади тел халык тарафыннан язылган иҗат җимеше. Шуңа күрә аларда халыкның сүзләре, сөйләм үзенчәлеге чагылыш таба. Рус сүзләрен үзгәртеп куллану гади сөйләм сүзләренә кертелә. Әдәби телнең һәм халык сөйләменән сүзлек хәзинәсен үстерүдә һәм функциональ стильләренә төрле яклап баетуда гади сөйләм сүзләре зур урын тота. Һәрбер телнең үзенә генә хас үзенчәлекләре булганга күрә, алынмалар кабул ителгәндә еш кына төрле үзгәрешләр кичерәләр. Телебезгә элегрәк һәм сөйләм теле аша килеп кергән алынмалар, язма тел аша кергән сүзләр белән чагыштырганда, бик зур үзгәрешләргә дучар булганнар.

Минем иркәм бригадирка,
Күкрәгемдә медале. (“Минем иркәм”)
Мәскәү юлларында телеграмм,
Окружной судить иткәч,
Солдат белән кайтырбыз. (“Ристаннар җыры”)
Һәрбер эштә тырышып эшләп,

Күтәр авторитетыңны

Мәдинә, гөлкәем

Өзелә үзәккәем. (“Мәдинә, гөлкәем”)

Жырларда кулланылган мондый сүзләр жыр текстын эмоциональ яктан баеталар, стиль төгәллегенә ирешүгә ярдәм итәләр.

Өстәлләргә жәйгән эскәтерем

Уймар гына уймар уелган.

Ничек егъламыйсың, иптәшләрем,

Вәгдәле көнем куелган. (“Килсәнә лә, әнкәй, каршыма”)

Приданга жыйган әйберне

Базарга илтәп сатыгыз!

Шул карт муллага биргәнче,

Кырга чыгарып атыгыз! (“Әнже-мәржән”)

Безнең дә асларда ырушаларда

Ахотник куян ата да гына.

(“Жан сөйгән ярдин, әй, аердылар”)

Мисаллардан күренгәнчә, жырлардагы рус сүзләре татар теленең артикуляция үзенчәлекләренә яраклашканнар: сингармонизм законына буйсынып, я калын гына, я нечкә генә сүзләргә әйләнәләр; сүз алдында яисә уртасына, ике тартык янәшә килгән урында, сузык авазлар өстәлгән; кайбер авазлар, татар телендә булмау сәбәпле, артикуляция яктан охшашрак булган авазлар белән алышынганнар.

Русизмнарны тагын объектив чынбарлыктагы тормыш-көнкүреш әйберләре һәм күренешләре, һәм башка үзенчәлекләр буенча да тикшереп карадык һәм аларны 2 төргә бүлдүк.

1. Тормыш-көнкүреш әйберләрен белдерүче рус алынмалары:

Олы агакаем – ак яка

Тарелкада калган бал сиңа;

Мине бик хөрмәтләп озатасың,

Өч олмахта урын бар сиңа. (“Бәхил булыгыз”)

2. Киём-салым әйберләрен белдерүче рус алынмалары:

Зимагор булды башым,

Ничек илемә кайтыйм;

Актык пинжәгемне саттым,

Ниләр ябынып ятыйм. (“Зимагорлар жыры”)

Жырлардагы алынма сүзләренң күпчелеге нинди дә булса һөнәргә бәйле. Мәсәлән, XX йөзненң соңгы яртысында Россиядә читкә эш эзләп китүчеләр, ямщиклар барлыкка килә. Шулар белән бәйле рәвештә телебезгә күп кенә рус алынмалары да килеп керә.

Ачы жил, буран тавышы ишетелә,

Киң сәхрәләрдә яшь ямщик үлә. (“Ямщик жыры”)

Себерчеләр илгә кайта,

Пух ястыкларга ятып. (“Себерчеләр”)

Русизмнар матур әдәбият әсәрләре телендә дә, халык телендә актив куллана. Алар сәнгатьле сөйләм өчен һич тә ят түгел. Нәфис сүз сәнгәтендә бу алынмаларының стилистик әһәмияте бик зур. Әмма сөйләмдә аларның мәгънә әчтәлеген аңлый белергә һәм шуны да истә тотарга кирәк: телнең үзендә кирәкле сүз була икән, аның урынына алынма сүз куллану урынсыз.

ӘДӘБИЯТ

1. Әхәтов Г.Х. Татар теленә лексикасы / Г.Х.Әхәтов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1995. – 93 б.

2. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология.- Казан: Хәтер, 1999

3. Хәмзин К.З., Мәхмүтов М.И., Сайфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә. – Казан: Тат. Кит. нәшр., 1965. – 854б.

Г.А. Зулкашева,

С.Бәйишев атындагы Ақтөбе университети (Қазақстан, Ақтөбе қ.)

Н.З. Турғалиева,

Қазақ тілі мен әдебиет мұғалімі, №13 орта мектебі

(Қазақстан, Ақтөбе қ.)

СӨЗ ҚАДІРІ – ӨЗ ҚАДІРІҢ

Сөз сөйлеушінің ойын, сезімін білдіріп қана қоймайды,оның мінездемесі де болып табылады. Сондықтан кісінің тәрбиелік деңгейі көбіне сөзінің сипатынан байқалады.

Қазақ халқында: «Өнер алды – қызыл тіл», «Тіл тас жарады, тас жармаса, бас жарады», «Сөз жүйесін тапса, мал иесін табады», – деген мақалдар бар. Бұл – халқымыздың тіл құдіретін танып әрі өте ардақтағанын көрсетеді. Халық қашанда сөздің адамдар арасындағы атқаратын қызметіне, сөйлеудің парқына және қай жерде қалай сөйлеуге айрықша мән берген. «Таяқ етген өтеді, сөз сүйектен өтеді», «Жанды жаралайтын да сөз, емдейтін де сөз», «Жақсы сөз – жан азығы», «Жақсы лебіз – жарым ырыс», «Оқ жарасы бітер, сөз жарасы бітпес», «Тау мен тасты жел бұзар, адамзатты сөз бұзар», – деген сияқты мақалдар сөздің бұзушы және түзеуші зор күш екенін, сөйлеу білудің орасан зор маңызын танытады.

Шынында да, адамның адам болып тұлғаланып, кемелденуінде сөздің атқарған рөлі баға жеткісіз. «Жылқы кісініскенше, адам сөйлескенше», – дегендей, адамдар бір-бірімен сөз арқылы ұғынысып, танысып, жақындасып, өзгені де сөзі арқылы танып, өзін де сөз арқылы танытады. Сөз – адам үшін тәрбие құралы білім-білік, мәдениет, өнер бастауы, қорланып келе жатқан ақыл-ой жәдігерлігі әсемдік қазынасы. Сондықтан да сөзді шашпа-төк тегін көріп, оңды-солды талғаусыз айта

берсең, жұғымы, қадірі болмайды. Білімпаздар айтқандай: «Сөз қадірі – адамның өз қадірі, сөзі құпсыздың өзі құпсыз» [1; 76-77].

Сөйлеудегі ең жақсы қасиет – ой-пікірін қысқа әрі дәл айтып жеткізушілік. Алтын, күміс, гауһардың қымбат санаулы – олардың аздығы, тазалығы десек, қысқа, қоспасыз, ұғымды сөз де қадірлі.

Тіл – қарым-қатынас құралы. Адамның ой-өрісін, мәдени дәрежесін, ақыл-парасатын, рухани байлығын көрсететін айна. Тіл мәдениетінің өзектілігі әрқашан ескеріліп, қай халық болса да, бұл мәселені айналып өткен емес. Қазақ халқы да сөйлеу шеберлігіне үлкен мән берген. Қазіргі таңда тіл мәдениетінің көкейтестілігі арта түсті.

Қазақстан Республикасы Президентінің «Тілдерді қолдану мен дамыту бағдарламасында»: «Тілді дамыту – Қазақстан Республикасы мемлекеті саясатының аса өзекті бағыттарының бірі», сондай-ақ «Мемлекеттік тілді оқытудың саны мен сапасына көңіл бөлу керек» делінген. Елбасы Н.Ә.Назарбаев: «Қазақстанның болашағы қазақ тілінде» – деп тұжырымдайды.

Ал қазақ халқының тіл келешегі мектеп оқушыларында. Біз көптеген ғылыми-педагогикалық әдебиеттерді, мерзімді баспасөз ақпараттарын талдап-зерттей келе, бүгінгі күнгі оқушылардың сөз саптауы көңіл аударарлық көпшілігінің тіл мәдениеті төменгі деңгейде деген қорытындыға келдік. Кейбірі орысша сөздерді қосып, араластыра сөйлесе, бірі жаргонмен диалектілермен сөйлегенді сән көреді. Бұл мәселе туралы көптеп айтылып та, жазылып та жатыр. Мысалы педагогика ғылымының докторы И. Нұғыманов пен З. Қашқынбаева: «Оқушының жеке тұлға болып дамуы мен алған білімін іске асыруда сөйлеу тілін, әрекетін, сөйлеу мәдениетін, әдебін қалыптастыру педагогиканың қазіргі кездегі көкейтесті мәселелерінің бірі болып табылады» – десек, Ш.Беркімбаева өз мақаласында былайша тұжырымдайды: «Қазақ мектептерінің өзекті мәселелерінің бірі оқушылардың тіл мәдениетін көтеру, сауатты жаза алатын, өз ойын айқын жеткізе алатын азамат тәрбиелеу...»

Біз осы мәселені зерттеу тақырыбы ретінде ала отырып, алдымен тіл мәдениеті дегеніміз не деген сұраққа жауап іздедік. Ғылыми-педагогикалық әдебиеттерді талдау барысында бұл мәселені көптеген ғалымдар зерттеп-қарастырғаны белгілі болды. Солардың ішінен педагогикалық сөздікте берілген мынадай анықтама көңілімізден шықты: «Оқушылардың тіл мәдениеті – оқыту үрдісі мен адамдардың тілдік қарым-қатынасы негізінде жазбаша және ауызша тілді игеру деңгейі. Оған тілдің мағыналылығы, ойлылығы, байлығы, көркемдігі мен жалпытілдік нормалардың сақталуы тән». Ал бұл мәселені жан-жақты зерттеген Л.И.Ожегов: «Тіл мәдениеті – бұл өзінің ойын дұрыс, дәл және мәнерлі жеткізе алу білігі. Дұрыс сөз дегеніміз әдеби тіл нормасы сақталған сөз. Тілдің нормасы – бұл қоғамдық сөйлеу тілі тәжірибесінде қабылданған

жалпы тілдік сөйлеу, грамматика, сөз қолдану ережесі. Ойын жеткізуде дәл әдіс таба білу ғана емес, сондай-ақ орынды сөйлеу» – деп тұжырымдайды .

Сонымен, тіл мәдениеті дегеніміз – оқыту үрдісінде, отбасында, жалпы адамдардың өзара қарым-қатынасы негізінде жазбаша және ауызша тілді игеру деңгейі. Ойды дұрыс, түсінікті, анық, дәл, әсерлі әрі әдеби тіл нормасын сақтай, тіл тазалығын сақтай жеткізе білу шеберлігі [2].

Зерттеуіміздің келесі кезеңінде біз қазіргі оқушы жастардың тіл мәдениеті деңгейінің төмен болу себебін іздестірдік. Жазушы Ә. Әбішев бұл туралы былай дейді: «Жастар ізденбейді, ағаларын оқымайды, олар қазақ әдебиетін оқымайды... Жастар сөйлемді әтейі бұзып жазады, олар ерекшеліктің белгісі түсініксіз жазу деп ойлайды... Тіл мәдениетінің төмен болуына ғылыми-техникалық прогрестің де әсері бар», – десек, И. Нұғыманов: «Оқушылардың тілінде болатын кемшіліктердің себептері:

1. Органың әсері; а) оқушының сөйлеуіне жергілікті тіл немесе басқа тіл әсер етеді, ә) көшенің әсері (дөрекі, былапыт тіл), б) пән тілінің нормаларын жақсы меңгермеген мұғалімнің әсері;

2. Сөйлеу дағдыларының жоқтығы (мектептің тіл дамытуға немқұрайлы қарауы);

3. Жекелеген оқушы тіліндегі кемшілік (сақаулық, быдықтық, мыңғылдық, т.б.) – деп көрсетеді.

Оқушы жастардың тіл мәдениетінің төмен болуының себептері:

1. Көркем әдебиет оқуға деген оқушылардың қызығушылығының төмендігі. Тіл мәдениетіне жастарды тәрбиелеу көркем әдеби шығармаларын көптеп оқумен байланысты. Көркем әдебиетті аз оқитын адамның сөздік қоры аз болады, соған орай олардың сөйлеу мәдениеттілігі мен өз ойын логикалық баяндауы да төмен екендігі байқалады;

2. Мәдени орталықтарға бару, ол туралы пікірлесудің өте сирек кездесетіндігі;

3. Ата-аналардың балаларының тіл мәдениетіне жете мән бермеушілігі;

4. Тілдік органың әсері;

5. Тіл мәдениетін қалыптастыруды тек қазақ тілі сабағына міндеттеп, басқа пәндерді бұл мәселеден мүлдем бөліп тастаушылық;

6. Бастауыш сыныпта қазақ алфавитін терең меңгермегендігін ескермей, орыс тілі, шетел тілі пәндерін қосып үйрету. Бірнеше тілді игеру ауыр тиетіндігіне көңіл бөлінбеу;

7. Кей мұғалімдердің өздерінің тіл мәдениетінің төмендігі. Мұғалімнің оқушы алдында сөйлейтін сөзін ешбір оқулықпен айырбастауға болмайды. Оқушы мұғалімді тыңдағанда одан білім алумен қатар сұлу, көркем, анық, түсінікті сөйлей білуге үйренеді;

8. Отбасы тәрбиесінде ұлттық педагогиканың, халық ауыз әдебиеті үлгілерінің тар шеңберде қолданылуы;

9. Мұғалімдердің көпшілігінің бұл мәселеге арнайы көңіл бөлмеуі т.б. «Тіл мәдениетіне жету жолы ұзақ әрі қиын» – дейді ғалым М. Балақаев. Оның негізі отбасында, балабақшада қаланады.

Баланың тіл мәдениетін қалыптастыруда отбасының орны ерекше. Қазақтың ұлы жазушысы М. Әуезов: «Ұлт болам десең – бесігінді түзе», – деп бекер айтпаған. Осы жерде А. Байтұрсынұлының «Тәуелсіз, дербес өмірге өзінің ана тілінде сөйлейтін және төл әдебиеті бар халық қана таласа алады» деген сөзі ойға келеді. Ал балаға ана тілінің құдіретін ана сүтімен беретін отбасының балаға тигізер әсері, басқа ықпалдардан биігірек тұратыны белгілі. Отбасы жасөспірім үшін әрі тіршілік ету ортасы, әрі тәрбиелік орта болып табылады. Бала өмірінің алғашқы кезінен-ақ басқа әлеуметтік тәрбие әсерлерімен салыстырғанда ата-ананың орны ерекше болады. Баланың алғашқы былдырлаған тілінен жоғары мәдениетті тілін қалыптастыруда ата-ананың ролі үлкен. Әр отбасы бала тіліне немқұрайлы қарамай, үлкен мән беріп, жауапкершілігін түсіне отырып әрекет етуі тиіс. Өкіншке орай қазірде балаларының сөз саптауына ата-аналардың көбі көңіл бөлмейді. Бұл туралы Т. Мейірманқұлова өз мақаласында былай дейді: «Ата-аналар балаларының ана тілінде жарық көрген көркем шығармаларды, баспасөз басылымдарын оқуларын қадағаламайды, талап етпейді. Отбасында жасөспірімнің телехабарды, фильмдерді бөгде тілде тамашалап, халық әндерін тыңдаудан бас тартып, өзге әуенге еліктегендігін байқаса да ескерту жасамайды. Егер отбасында осы мәселеге көңіл бөлініп отырса, мөнгүрттігіміздің көңілін оятып, көзін ашар едік» [3; 8-9].

Сөз үйренуден жиренбе. Көп біліп, аз сөйле. Аз біліп, көп сөйлеме. Көп сөзділік – ақылсыздықтың нышаны. Аз сөйлеу – сау-саламаттыққа да тән қасиет.

Ана тілінде сөйлеу, оған деген көзқарас ең зор адамшылық, мәдениеттілік, тәрбиелік, әдептілік өлшемі болып табылады. Оның мәні: әр азаматтың ана тілін Отанындай, туған халқындай, ата-бабасындай сүйіп, ардақтап, ол тілде сөйлеуді тәңірінің ұлы сыйындай көруінде. Сондықтан білім беру мекемелерінің, оқу-тәрбие орындарының, ата-аналар мен қоғамдық жұртшылықтың, барша ұлтжанды азаматтарымыздың күллі күш-жігері төл ұрпақты жөргегінен ана тілінің уызына жарытып өсіруге, кешегі жөргегінен ана тілінің уызына жарытып өсіруге, кешегі күннің кесірлерінен өз тілдерін үйрене алмай қалған ұрпақтың ана тілін көз түрткі көрмей, тезірек меңгеруіне жұмылдырылуға тиіс [4; 56-57].

ӘДЕБИЕТТЕР

1. «Әдеп: инабаттылық дәрістері» Ұлықман Асыллов, Жарылқасын Нұсқабайұлы, Алматы: Рауан, 1998 ж. – 76-77 бет.
2. Қазақ тілі мен әдебиеті. 2009– №4.
3. «Тіл кабинеті» Өтепберген Ақыпбекұлы, Астана, 2006ж. – 8-9 бет.

4. «Қазақ сөзі» Ө. Айтбаев, Алматы, 1997ж. – 56-57 бет.

*Р.М. Иксанова,
к. ф. н., доцент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Окружающий нас материальный мир, с его реальными процессами, событиями, фактами предстаёт в нашем сознании в их пространственно-временных параметрах. Каждый из предметов окружающей действительности определяется во времени и пространстве по отношению к другим предметам. Каждое явление характеризуется длительностью существования, последовательностью этапов развития. Процессы совершаются либо одновременно, либо один раньше или позже другого; таковы, например, взаимоотношения между днем и ночью, зимой и весной, летом и осенью. Все это означает, что тела существуют и движутся во времени. Время - это форма координации сменяющихся объектов и их состояний. Оно заключается в том, что каждое состояние представляет собой последовательное звено процесса и находится в определенных количественных отношениях с другими состояниями. Порядок смены этих объектов и состояний образует структуру времени.

Определённый интерес к категории времени и её проявлению на всех уровнях языковой структуры, в частности во фразеологии, может объясняться тем, что данная категория, будучи универсальной, отражает важные стороны объективной действительности, становится универсальным звеном концептуальных картин мира, наблюдаемых в различных языках.. Фразеологизмы же, являясь языковыми единицами, отображающими в сжатой форме накопленный жизненный опыт людей и служащими как общепринятые практические символы для выражения абстрактных идей, не могут не отражать временную сторону объективного мира, в котором существует человек.

Категория времени неразрывно связана с категорией количества, которая возникает в результате длительного процесса обобщения, отвлечения от конкретных объектов, их качественных характеристик, представляя собой результат отражения дискретной и недискретной определенности бытия.

В философской, теологической и естественнонаучной литературе выработано множество пониманий времени. Для лингвистических исследований наиболее характерным является разграничение трех основных интерпретаций времени: время хронологическое, релятивное, эгоцентрическое. Первое понимание времени выражается в датах и фиксации временных интервалов на некоторой принятой в обществе шкале.

Например: год 1113 в христианском летоисчислении. Второе понимание времени выражается в понятиях «раньше – одновременно – позже», точкой отсчета является произвольно выбранный момент. Третье понимание связано с моментом осознания времени как настоящего, прошедшего и будущего. Различие между тремя способами осознания времени состоит в степени объективности представления этого концепта.

Максимально объективным является время хронологическое, минимально объективным – время эгоцентрическое, релятивное время занимает промежуточное положение между ними. Все понимания времени находят отражение в языке. Хронологическое время именуется некоторый период числовым выражением (Московское время 12 часов 45 минут), либо именем собственным (поэт династии Тан), либо коррелятивной связью между называемым моментом и некоторым независимым от говорящего событием (Дочь кузнеца родилась, когда выпал первый снег). Релятивное время выражается при помощи предлогов и наречий («до революции», *recently, before*), а также посредством особого глагольного вида (например, перфект). Эгоцентрическое время выражается специальными наречиями (вчера, *tonight*) и, прежде всего категорией глагольного времени. Категориальный признак времени (темпоральный признак) наличествует в свернутом выражении в значении большого числа слов типа («новый», «опоздать», «ждать»).

Категория времени в английском языке выражается различными способами, например: наречиями, причастными оборотами, придаточными предложениями, наиболее уникальным интересным в этом отношении является отражение времени посредством фразеологических единиц. «Время», запечатленное в идиомах, понимается как количественная, так и качественная категория. При этом идиомы не столько измеряют время, сколько характеризуют его, они скорее квалифицируют меру или интенсивность протекания времени, нежели его «объективное» течение. По этому времени нельзя «сверить часы».

«Время», представленное в фразеологических оборотах, – это часто вневременные ситуации (*when pigs fly, when one's ship comes home, till doomsday* и т. д.) или же периоды времени, осмысленные на фоне мифологических или религиозных текстов (*at the Greek calends, since Adam was a boy* и т. д.).

Восприятие времени субъективно и зависит от многих факторов, например, от эмоционального состояния человека, насыщенности темпа жизни.

В представлении категории времени во фразеологических единицах английского языка можно выделить следующие параметры:

- интенсивность (или цикличность). Процесс времени может протекать непрерывно, все время: *all day long, right along, all the time* или с перерывами, времени от времени: *off and on, every now and then, at intervals*;

- скорость течения времени. Время может идти медленно: *a bit at time, bit by bit* или пролететь быстро, за короткий промежуток времени: *at a short notice, in no time, like a shot, before the ink is dry*;

- отнесение субъектом события к прошлому: *in the days of old, when Queen Anne was alive, auld lang syne*, настоящему: *at present, these days, at the moment* или будущему: *in days to come, in the future*.

Во фразеологизмах английского языка в качестве организующего центра чаще всего вступает компонент *time* (“время”): *lose time* ‘терять время’, *time flies* ‘время бежит’. *time will show* (или *tell*) ‘время покажет’, ‘поживем увидим’, *time works wonders* ‘время делает чудеса’, *time is money* ‘время – деньги’, *happiness takes no account of time* ‘для счастливых время не существует’.

Кроме этого опорными компонентами в фразеологических единицах могут выступать лексемы, являющиеся названием единиц времени в диапазоне от мельчайших до более крупных – от “секунды” до “века” (“second” – “age”):

wait a second ‘секундочку, сейчас, подождите немного’;

on the minute ‘точно, пунктуально, минута в минуту’;

trying hour ‘час испытаний, трудный час’, *keep bad* (или *late*) *hours* ‘поздно вставать и поздно ложиться’, *the small hours* ‘первые часы после полуночи, предрассветные часы’;

Rome was not built in a day ‘Рим строился ни один день’ (ср. Москва не сразу строилась), *The morning sun never lasts a day* ‘ничто не вечно под луной’;

week and week about ‘чередуюсь каждую неделю’, *a week of Sundays* ‘начительный промежуток времени; вечность сто лет’;

a month of Sundays ‘долгий срок, большой промежуток времени’;

beyond one’s years ‘не по летам, не по возрасту’, *donkey’s years* ‘длгое время, давно, целая вечность’;

the Age of Reason ‘век рационализма (18 век)’, *the Augustan age* ‘век Августа, перен. Золотой век литературы и искусства’, *I haven’t seen you for ages* ‘я не видел вас целую вечность’.

Существует также ряд описательных образований, к которым прежде всего относятся обороты, где значение времени передается путем указания на наличие или изменение каких-либо признаков объективной действительности:

A lot of (или *much*) *water has flown* (или *run*) *under the bridge since* ‘много воды утекло с тех пор, как...’; *There has been many a peck of salt eaten since* ‘много соли съедено с тех пор, как...’; *From everlasting* ‘испокон веков’; *At dawn* ‘на рассвете, на заре’.

Описательная временная фразеология представлена также экспрессивными образованиями. Среди них выделяются идиомы, семантика кото-

рых связана с мифическими событиями или с жизнью мифических лиц, что предполагает знание определенных сведений этимологического порядка:

since Adam was a boy ‘очень давно, с давних пор, с незапамятных времен’; *at the Greek calends* ‘до греческих календ, когда рак свистнет’; *old as Methuselah* ‘старый как Мафусаил’.

Подобные обороты, как правило, окрашены иронией, реализуются как средства гиперболизации в обозначении времени. К ним примыкают некоторые шуточные фразеологизмы, отличающиеся алогизмом лексико-семантического строя: *when two Sundays come together* ‘когда сойдутся два воскресенья – никогда’, *when hell freezes over* ‘когда преисподняя замерзнет – никогда’.

*И.В. Имаева,
аспирантка БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

БАСЕННОЕ НАЧАЛО В СКАЗКАХ О ЛИСЕ-ИСПОВЕДНИЦЕ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ПОВЕСТЯХ

Существуют две концепции происхождения басни. Первая представлена немецкой школой О. Крузиуса, А. Хаусрата и др., вторая - американским учёным Б.Э. Перри. Согласно первой концепции, басня происходит из сказки о животных. Согласно второй концепции, басня близка сравнениям, пословицам и поговоркам; как и они, басня возникает как вспомогательное средство аргументации. Первая точка зрения восходит к романтической теории Я. Гримма, вторая возрождает рационалистическую концепцию Г. Лессинга. В данной статье мы, учитывая точку зрения представителей первой концепции, постараемся выявить связь между баснями, сказками сюжетного типа «Лиса-исповедница» и связанными с ними повестями.

В истории изучения сказок о лисе-исповеднице существует мнение о возможной их связи с басенным творчеством. Басни Эзопа были широко известны и в греческом, и в славянском мире. Петух и лиса встречаются в них нередко, причем чаще получается, что петух обманывает лисицу (это басни о петухе с лисой и о собаке с петухом). Л.З. Колмачевский в книге «Животный эпос на Западе и у славян», привлекая к анализу варианты сказок о петухе и лисе, представленные А.Н. Афанасьевым и М.П. Драгомановым, считал, что на них «в известной мере повлияла баснь о коте и петухе, проникшая на Русь при посредстве Византии» [1, 103]. В.П. Адрианова-Перетц [2, 32] также усматривает в сказках о лисе-исповеднице сходство с баснями Эзопа.

Анализ многочисленных разновидностей сказок о лисе-исповеднице дает нам возможность установить устойчивые мотивы сюжета, которые во всех имеющихся вариантах можно признать за основу. Основные мотивы

этого сюжета таковы: петух не узнает лисы; она появляется перед ним в роли исповедницы; лиса напоминает о том, как петух напугал ее в курятнике; обвиняет его в многоженстве и в задиристости, предлагает исповедать; петух поддается лжи и спускается с дерева, благодаря хитрой уловке избегает смерти и смеется над лисой.

Некоторые элементы общности между различными версиями сказок о петухе и лисе и баснями можно объяснить тем, что русский сказочник и автор «Сказания о Куре и Лисице» могли перенять их из различных сборников басен, которых, начиная с XVII по XVIII век, бытовало великое множество и в рукописном, и в печатном виде. Они становились материалом для народного и авторского творчества. Приведем некоторые басенные сюжеты, которые могли дать материал и для повести о кура и лисе.

Начальный момент сказок - лисица находит петуха на высоком дереве и начинает разговаривать с ним, чтобы сманить его на землю («Завидевши петуха на высокоем древе, говорит ему ласковые слова: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высокоем древе...» [3, 28]), - напоминает начало басни о петухе с лисой: «Лисица голодная, ищучи себе есть, увидела петуха высоко сидяща. Приступивши к нему поздоровила его и так молвила: для чего, господине петух, седишь так высоко?» [4, 27].

В украинской сказке лиса потому замечает петуха, что он решает запеть: «Вийшла лиса́ у темні ліса́, видать одні тільки небеса, і розкинула свої мислі, як би в світі прожити і трибушку наповнити. На цей случай петушок неподалеку з дерева громко закричав. Підходить до його лиса́ близенько, кланяється йому низенько: «Здрастуй, петушок, мій миленький дружок!» [5, 102]. Сравним с басней «Собака с петухом в дороге»: «Около полуночи начал петух по природе своей петь и громким голосом вблизи бывшую лисицу приманил, которая к дубу подошедши и петуха на ветвях увидя, так ему обрадовалась, что у нее слюны изо рта потекли. Чего ради, желая его лстивыми словами с дуба сманить, так заговорила» [6, 136].

Персонажи басен обычно очерчены бегло и бледно. Они лишь несут определенную сюжетную функцию. Соответственно одни и те же функции могут исполнять разные животные. Так может быть сюжет один, а персонажи разные. В роли обвинителя петуха часто в басне выступает кот. Лиса в сказке упрекает петуха за многоженство: «Мужик одну жону имеет и каждый год на исповедь ходит, а ты семь жон имеешь, и ни один раз в год на исповедь не ходишь» [7, 303]. Сопоставим с текстом басни: «Нечестив еси и нечист естеством, матери и сестрам совокупляешься» [4, 29].

Кроме сходных моментов между сказками и баснями, есть еще точки соприкосновения между баснями и «Сказанием о Куре и Лисице». На все оправдания кура в древнерусской повести лиса отвечает: «Ты на то надеешься, что грамоте горазд и отвешати умеешь, и тем тебе не отговоритися, повинен ты еси смерти ... я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать ... и тако сконча жи-

вот куру» [8, 197]. Басня же про кота и петуха кончается так: «И кот отвечае рече: Но аще ты многи благообразныя собираеши ответы, аз же гладен сый, и не жду сего. И тако снеде его» [9, 68].

В повести речь лисы к куру составляется по несколько необычной схеме: в ней есть, во-первых, восхваление замечательного голоса кура, а во-вторых - упоминание о ворах, которые боятся этого голоса: «А когда же ты запоеши, якобы в златую и громогласную трубу вострубиши, глас же твой далече слышим бяше, и вот гласа же твоего вся земля вострепещет, людие от сна возбужаются, бесы опровергаются, а еретики исчезают, а воры и мошенники трепетны бывают и велми ужасаются, чтобы им пойманым не быти, и в твое куроглашение от воровства устраняются. Небо и земля радуются, и веселятся, реки воспещут, горы возыграют ...» [8, 191]. Сравним с отрывком из басни «Собака с петухом в дороге» («Я подобнова сему ангелскова голоса от роду моего не слыхала» [6, 136]) или с басней «О попугае и лисе»: «паче и всех животных разумом и гласом и словесным подобна человеком одарованна еси и песнмы таковыми, яко всякое мусийского согласия превосходит» [9, 40].

Воры, боящиеся петушиного пения, фигурируют как в повести, так и в басне «Тати и петел»: «Тати в дом некий внидоша ничесо же не обретши, кроме кура, возхитивши того, поидоша; егда же убити его хотяша, проси их, да пустят его жива, сказываше им, яко потребный и полезный есть людем, в ноци будит их труждатися. Они же отвечае: того ради наипаче убиен будеши, егда убо их будиш, нам красть не даеш» [6, 464].

Конечно, перечисленные басни охватывают собой далеко не все содержание сказок и повестей о петухе и лисе, но даже приведенные факты дают основание сблизать наши сказки и повести непосредственно с баснями Эзопа. Косвенным подтверждением гипотезы о том, что сказки и повесть о куру и лисице возникли на основе басен Эзопа может стать тот факт, что в XVIII веке в русской рукописной литературе были переделки их в рифмованной прозе [10]. Поэтому сказки о куру и лисице можно считать органическим явлением, выросшим на почве такого широко популярного среди обычных читателей чтения, какими были в XVIII веке басни Эзопа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колмачевский, Л.З. Животный эпос на Западе и у славян [Текст] / Л.З. Колмачевский. – Казань: Имп. Казан. ун-т, 1882. – 317 с.
2. Адріанова-Перетц, В.П. Казки про лисицю-сповідницю [Текст] / В.П. Адріанова-Перетц // Етнографічний вісник УАН, 1932. – Кн. 10. – С. 27–45.
3. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева [Текст]: в 3 т. / сост. А.Н. Афанасьев; подгот. текстов, предисл. и примеч. В.Я. Проппа. – М.: Гослитиздат [Ленингр. отделение], 1957. – Т. 1. – 515 с. – С. 28-29.

4. Басни Эзопа / перевод Ф.К. Гозвинского; подг. текста и коммент. Р.Б. Тарковского // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – М., 1989. – Кн. 2. – 595 с.
5. Казки про тварин [Текст] / упоряд. І.П. Березовського. – Київ, 1979. – С. 103–105.
6. Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа [Текст] / Р. Летранж. – СПб.: изд. Академии Наук, 1747. – 515 с.
7. Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова [Текст] / подгот. изд. и вступ. ст. В.Я. Проппа. – М.; Л.: Изд-во АН СССР [Ленингр. отд-ние], 1961. – 386 с. – С. 303–304.
8. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки по истории сатирической литературы XVII века [Текст] / В.П. Адрианова-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 261 с.
9. Басни Эзопа [Текст] / пер., статья и коммент. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1968. – 320 с.
10. Адрианова-Перетц, В.П. Басни Эзопа [в русских переводах второй половины XVII в.] [Текст] / В.П. Адрианова-Перетц // История русской литературы: в 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. II. – Ч. 2. Литература 1590–1690-х гг. – С. 411–412.

*Э.Н. Ирнарзов,
студент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

НАИМЕНОВАНИЯ ТАНКОВ И АРТИЛЛЕРИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1918 ГГ.)

Оружие как элемент культуры представляет собой многогранное явление, что служит причиной интереса к данному феномену целого ряда отраслей гуманитарного знания. Наиболее разработанной в науке является проблема возникновения и истории оружия и определения технических характеристик и свойств его различных видов.

В настоящей статье изучается одно из направлений указанных исследований: поле наименований военной техники в аспекте их принадлежности к военной терминологии. Иногда термин рассматривается как явление субстанционального характера и предстает в качестве специальной лексической единицы, употребление которой замкнуто рамками научного языка: «Терминами являются специальные слова, отвечающие требованиям литературной нормы и могущие иметь свойственные преимущественно или только терминологии словообразовательные элементы, типичные для терминологии словообразовательные модели» [2].

Первая мировая война (1914-1918) сама по себе является важным экстралингвистическим фактором, повлиявшим на развитие и функционирование терминологической составляющей языка и такой важной его час-

ти, как военная терминология. В частности, с начала XX в. в связи с событиями Первой мировой войны именно военный подъязык стал очагом стихийного и массового формирования аббревиатур, которые потом распространились и на гражданские сферы использования языка. Увлечение аббревиатурами прокатилось по всем странам независимо от того, были ли они вовлечены в мировую войну или сохраняли нейтралитет [3].

Данная тенденция хорошо отражена в наименованиях военной техники этого периода. К такой категории целесообразно отнести наименования танков и артиллерии, то есть технических средств ведения боя вообще.

Танки как вид военной техники появился во время первой мировой войны. Первые модели получали свое название либо по промышленному предприятию, где они производились, либо по номеру модели. В каждой стране-производителе была своя специфика наименования. Кроме того, именно в данный период возникло разделение наименований основных типов боевых машин – легкие, средние, тяжелые. Подобное разделение было обусловлено весом того или иного образца и, в свою очередь, уже применялось в артиллерии [4]. Интересен тот факт, что само название «танк» появилось вследствие мер британских спецслужб по сокрытию наличия данных машин в армии соединенного королевства от германской разведки. Первоначальное значение слова «tank» – емкость для какой-либо жидкости. Здесь хорошо видно преобладание влияния экстралингвистических факторов на пополнение военных терминов.

Великобритания

Первые танки получали свое название по номеру модели: **Мк I**, **Мк II**, **Мк V** (Мк – mark, модель). Имелось и неофициальное название-прозвище этих машин – «**большой Вилли**». Кроме того, в зависимости от типа вооружения британские танки получали дополнительные обозначения. Так, пулеметные танки назывались «самки», машины с пушечным вооружением – «самцы». Модель легкого танка имела особую маркировку – **Мк А «уиппет»** (борзая).

Франция

Французские танки, как правило, получали наименование в зависимости от завода, на котором они были произведены: **Renault-17**, (рено, обр. 1917 г., **FT** – индекс, под которым проходила разработка образца) **сен-шамон**, **шнейдер СА-1** (СА – char d'assaut – штурмовая машина). Имелся образец и без указания производителя – тяжелый танк модели 2С обр. 1918 г.

Италия

В этой стране модели танков получали свое наименование по названию предприятия «Фиат», которое занималось в то время их производством: легкий танк **фиат – 3000**, тяжелый танк **фиат – 2000** [1].

Германия

Немногочисленные машины, произведенные в Германии, получили свое название от 7-го транспортного управления армии – **A7V**. Также они

имели официальное наименование **sturmpanzerwagen** (штурмовая бронированная машина). Модификации другой модели получали дополнительный индекс – **A7V-U**. Характерно, что первые модели A7V имели индивидуальные имена, наподобие боевых кораблей: «Эльфриде», «Мефисто», «Зигфрид» и др. Легкие танки получали буквенно-цифровой индекс – **LK-I, LK-2** (LK – легкий танк). Не пошедшая в серию опытная модель получила индекс К («kolossal»).

Россия

Во время первой мировой войны в России имелись свои проекты танков, но так как в серийное производство они не пошли, им не было дано особых маркировок или индексов, однако их названия на стадии разработки представляют немалый интерес: «вездеход», «вездеход-2», «царь-танк» (такое неофициальное название получил танк конструкции Н.Н. Лебедево за свои грандиозные размеры) [1].

Другой важной отраслью технических военных терминов является система наименований образцов артиллерии. Необходимо отметить, что здесь для большинства стран-участниц войны характерна общая тенденция – в названии артиллерийского орудия указывается год принятия на вооружение, калибр или вес боевого заряда (снаряда) [5].

Великобритания

Характерной особенностью наименований британской артиллерии периода до и после Первой мировой войны является указание веса снаряда в фунтах и специфика орудия, реже – калибр в дюймах: **Скорострельная 13-фунтовая 3-дюймовая полевая пушка, скорострельная 18-фунтовая полевая пушка, скорострельная 15-фунтовая 3-дюймовая полевая пушка.**

Франция

Французские орудия получали наименования по году принятия на вооружение и калибру в мм. Также иногда указывалась фирма-производитель: **Полевая 105-мм пушка образца 1913 года «Шнейдер», 75-мм полевая пушка образца 1897 года.**

Германия и Австро-Венгрия

Наименования артиллерии этих стран целесообразно объединить в одну группу, так как им присущи общие типологические черты: указание в названии образца номера модели (который часто совпадал с годом принятия на вооружение), производителя, реже – калибра в сантиметрах, что являлось отличительной чертой армий именно этих государств: **10-см полевая гаубица «Шкода» модель 14, полевые 7,7-см пушки FK 96 и FK 16 (FK – feld kanone – полевая пушка), 15 см гаубица «модель 13».**

Россия

В русской императорской армии артиллерийские орудия получали наименования, как правило, только по году введения в строй и калибру в

дүймах (дм): Легкая 3-дм полевая пушка, модель 00/02 (1900-1902 гг.), 4,2-дм полевая пушка образца 1910 года.

На примере вышеперечисленных наименований можно заметить весьма характерный для военной терминологии факт: пополнение и образование новых военных терминов все больше происходит под действием внеязыковых факторов. Первая мировая война еще больше усилила данное обстоятельство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каторин Ю.Ф. Танки – иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Изд-во Полигон, 2006.
2. Крыжановская А.В., Симоненко Л.А. Актуальные проблемы упорядочения научной терминологии. – Киев, 1987.
3. Кочарян Ю.Г. Аббревиация в английской военной лексике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.
4. Шокарев Ю.В. Артиллерия. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
5. [Электронный ресурс] http://zonawar.ru/artileru/pol_art_1mv.html
Режим доступа: свободный (дата обращения 5.11.2011).

*А.С. Исакова,
ф.э.к. Қазақ-Американ университеті
(Алматы қ., Қазақстан)*

ТІЛДІК ТҰЛҒАНЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ШЕТЕЛ ӘДЕБИЕТІНІҢ РӨЛІ

Мектеп, білім, ұстаз – бұларсыз адам өзіндік жеке «менін» таба алмайды, жетілген толық тұлға болып қалыптаспайды, бұл жерде оқушыларға өздерінің туған әдебиеті секілді мазмұнды, әсерлі тілдің үлгісі ретінде оқытылатын «Шетел әдебиеті» пәнінің маңызы зор. Аталмыш пәннің ең негізгі қызметі – оқушылардың гуманитарлық мәдениетін дамыту, өнер туындыларын өз бетінше түсініп оқып, олардағы рухани, эстетикалық құндылықтарды саналы түрде қабылдау, оқушылардың ауызша және жазбаша тілін дамыту (көркем әрі нақты сөздер мен тіркестерді дәл таңдай білу, сөйлемдерді стилистикалық тұрғыдан дұрыс құрастыру, оларды мәтінге енгізу үшін логикалық жағынан біріктіре алу, оқуға арналған тақырыпты толықтай аша білу, өз пікіріңді дәлелдеу).

Тұлғаға бағытталған оқыту технологиясы оқытушылардан мынаны талап етеді – оқуға арналған мәтін құрылымының арнайы сөз пайымдауын құрастыру (бұл дидактикалық материалға да, оқуға арналған диалог типіне де, білім алуудағы оқушының дамуын бақылау формасына да қатысты).

XXI ғасырдың басында әсіресе жалпы тілдік тұрғыдағы шығармашылық тұлғаның қалыптасу проблемасы қатты белең алды. Әдебиетті оқыту дәл осындай тұлғаны тәрбиелеуге бағытталған. «Шығармашылық тұлғадағы таланттың, мотив, білім мен икемділіктің арқасында ешнәрсеге ұқсамайтын қасиеттерімен ерекшеленетін өнім шығатын болмыстың бар иә жоқ екенін қарастырады» [1]. Яғни, шығармашылық тұлға дегеніміз – қалыпты емес жағдайда өз білімін қолдана білетін, алынған ақпаратты жалпылай алатын т. б. білетін адам.

Көркем әдебиет құралдары арқылы оқушыдағы жеке тұлғаны қалыптастыру төмендегідей мәселелерді қарастырады:

- сабақ барысындағы және сабақтан тыс уақыттағы түрлі шығармашылық тапсырмалардың шешімін табу;
- көркем шығарма мәтінін таңдауда оқушының жас ерекшелігін ескеру;
- жекеше бағытталған жол табу;
- сабақ барысында шығармашылық, ұжымдық оқу жағдайын жасау;
- сабақ кезінде әрі сабаққа дайындалу кезінде оқушыларды өз бетінше іздену және зерттеу жұмыстарына қызықтыру;
- әлемдік классикалық шығармаларды оқып-білуге проблемалық жол таба білу;
- әдебиет сабағында өнердің бірнеше түрін қолдану.

«Аударма» терминін оқушылардың сөздік қорына 5-ші кластың 1-ші сабағынан бастап енгізу керек. Мұғалім оқушыларға аударманың оқырманның қызығушылығының дамуында үлкен рөл атқаратынын түсіндіреді. Түрлі авторлардың өлеңдеріне анализ жасай отырып, оқушылар «еркін», «көркем аударма» ұғымдарын түсіне бастайды, атақты аудармашылармен танысады, қазақ, орыс тілдерінің түрлі аудармаларын салыстырады және қазақ тілінен не керісінше аударма жасауда өз күштерін байқайды. Бұл бейнелі ойлау мен көркем сөйлеуді дамытуға септігін тигізетін жұмыс түрінің бірі. Мұғалімдер оқушыларды шығармашылық жұмысқа баулитын көптеген материалдар жасаған: бұлар әдеби тақырыптардан, суреттеме, ертегі, этюд, қысқаша түсініктеме, мысал т.б-нан өз әсерлерін жазуға арналған шығармалардың неше түрлі типтері. Мысалға, оқушы новелла жазбастан бұрын оған мынадай ескертпе жасауға болады:

Новелланы қалай жазамыз:

- егер сен новелла жазатын болсаң, новелла әңгімеден сюжетінің күрделілігімен, аяқ асты шешімімен ерекшеленетінін және новелланың эпикалық шығарма екенін естен шығарма;
- сюжет негізіне жататын оқиғаны көз алдына елестет және ол жайында қаншалықты қызық әңгімелеп беруге болатынын ойлан;
- егер сен психологиялық новелла жазып жатсаң, оған психологизм тән екенін ұмытпа;

- шығарманың композициясына назар аудар, ол ерекше болуы керек;

- алдымен шығарманы бір бет жазып көр және оны қайта оқы, ондағы тақырыптың қаншалықты терең ашылғанын, сенің баяндауың бейнелі әрі логикалық екенін байқа;

- жазылған нәрседен не өзгертуге болатынын қара, сауатты жазылған ба, соны тексер;

- егер осы айтылған ескертулер сенің шығармашылығыңа кедергі тигізсе, новелланы қалай жазғанды ұнатасың, солай жаза бер. Мүмкін сенің өзіндік жазушылық стилің бар шығар, сенің өнерің ашық, қайталанбас, ешкімге ұқсамайтын шығар. Қиялда, өрле!!!

Заманауи мұғалім көркем мәтін арқылы әлемді және өзін тануға көмектесетін оқушы назарын сөз өнеріне аудару үшін көп нәрсе істей алады. Поэзия, музыка, живопись, театрсыз өмір сүріп жатқан адам қараңғы, күнгірт әлемде өмір сүріп жатқандай. «Егер әр қадамым сайын сұлулық пен поэтика қуатын, хош иіс, нәзік түстер, сөз әуенін аша білмесем, егер менің шәкірттерім ең әдемі, ең таңдаулы сөз қолдана алмаса менің ұстаз болып аталуыма еш хақым жоқ», – деп әйгілі педагог В.А. Сухомлинский сөздің рөлін ерекше жоғары бағалаған [2].

Көркем мәтінмен байланыс жасау оқырманды қалыптастырады, оның шығармашылық мүмкіншіліктерін дамытады. Фольклорлық жанрларды, сонымен қатар реалист және романист – жазушылардың шығармаларын, зерттеу кезінде «күміс ғасыр» ақындары мен авангардистердің ізденуімен танысқанда, соларға анализ жасауға тәжірибе жинақтай келе оқушылар өз шығармаларын жазуға алғашқы қадамдарын жасай бастайды.

Кейде оқушылар белгілі бір жазушының шығармашылық стиліне еліктейді, яғни стилизацияға бой ұрады. Верлибр (еркін шумақ) стилі – 10-шы класс оқушыларының шығармашылық ізденуінің бір түрі, өйткені өлеңнің демократиялық формасы өз бойынан ақындық өнерді іздемеген адамды да шығармашылыққа тартады.

Оқудың барлық кезеңдерінде де болатын диалог та тілдік тұлғаның дамуында үлкен рөл атқарады. Оған оқушыны баулу керек әрі диалог арқылы оқушыларды еркін ойлауға, тұтастыққа, өз пікірін жеткізе білуге және оқыған нәрсесіне баға беруге үйретуі қажет.

Психологиялық зерттеулердің нәтижесіне сүйене отырып, мынадай қорытынды жасауға болады: Шығармашылық ойлауға мейлінше жақсы жағдай «адам қарама-қайшылықтарды өз білімі мен тәжірибесі арқылы шеше алмағанда» [3] жасалады.

Бұндай қиыншылықтарды шешім іздеу арқылы, ой жұмысы арқылы жеңуге болады. Ойлау арқылы оқушы өзінде бар білім мен жаңа жағдаяттарды салыстырып үйренеді, жаңа фактілер мен құбылыстардың болмысы мен себебін түсінеді, қарама-қайшылықтарды, соның ішінде

проблемалық сұрақтарды түсініп үйренеді, өзінің жеке пікірін білдіріп әрі оны дәлелдеуді үйренеді, ереже арқылы талқылауды үйренеді, сыныптастарының пікірін тыңдап, оларға жақтасуды немесе жақтаспауды үйренеді. Алайда, бұл нәрселер оқушыларға қойылған сауал қызықты болған жағдайда ғана жүзеге асады. Өзіне таныс емес құбылыстарды тануға ұмтылу адам баласының ең маңызды танымдық қажеттіліктерінің бірі болып саналады.

Оқушыларды дискуссияға мына сұрақтар арқылы шақырамыз:

- Печорин Мерриді сүймейді, оның махаббатына не үшін күреседі?
- Раскольников өзінің ең соңғы тиынын Мармеладовтарға береді, бірақ пайызшы – кемпірді өлтіреді?
- Гобсек: оңбаған ба, жоғары дәрежелі ме?

Мұндай пікір-сайыстарда керекті сөздерді таңдауды қажет ететін, терминдер мен спецификалық оралымдарды қолданатын, құбылыстардың болмысын, оқиғалар, заттардың нақты әрі толыққанды бейнелей алатын, айтылған ойдың дұрыстығын дәлелдейтін логикалық ой дамиды.

Диспут – сабақтар мен айтыс – сабақтар мектеп практикасына жиірек еніп, өзінің басты қызметін атқарады, – яғни ойлампаз оқырманды, демек, тілдік тұлғаны қалыптастырады.

Сонымен, байланыс тілінің дамуы (ауызша және жазбаша, монологтық және диалогтық) оқушылардың шетел әдебиетін оқуында елеулі орын алады әрі төмендегідей міндеттер атқарады:

1. Мұғалімнің және оқушының ауызша дауыстап оқуы.
2. Поэтикалық және прозалық мәтіндерді жаттап алу.
3. Мәнерлеп оқуға дайындық үрдісіндегі мәтіндердің мазмұндық анализі.
4. Көркем мәтіннің лексика-стистикалық ерекшеліктеріне бақылау жасау.
5. Диалогтық, монологтық тілдің жүйелі дамуы.
6. Оқушылардың сөздік қорының баюы.
7. Бір мәтіннің түрлі аударма нұсқаларын салыстыру.
8. Әдеби шығармалар негізінде түсірілген кинофильмдерді қарап, оларды талқылау әрі өзара салыстыру.
9. Шығармашылық жұмыстарға оқыту.
10. Тақырыптық жағынан байланысты әдеби шығармалар мен живопись шығармаларын өзара салыстыру.

Жоғарыда айтылғандардан мынадай қорытынды жасауға болады: мұғалімнің міндеті – оқушылардың ойлауы мен тілін дамыту, өйткені бұлар қарым-қатынас жасауда маңызды рөл атқарады: ашықтық, дәстүрлі емес болу, еркін сөйлей білу. «Шетел әдебиетінің» мектептегі курсы көп мүмкіншілікке ие. Ол бір ғана ұлттық әдебиеттің шеңберімен шектеліп қоймайтын оқушының эстетикалық дүниетанымын кеңейтеді, тұлғаны

байыту арқылы бүкіл әлемнің мәдени мұрасына жақындай түсуге мүмкіндік туғызады.

Ұлттық әдебиет секілді шетел әдебиеті де оқушының оқырмандық қасиеттерін қалыптастырады; эмоционалды толқуды қалыптастырады; дамыған репродуктивтік және шығармашылық ойлауды қалыптастырады; сөздік образдарды «оқуды» үйренеді; көркем детальдарды көре біледі, шығарманы толығымен қабылдайды, бөлек шығармасы мен жазушының бүтін шығармашылығына анализ жасау, бағалау әрі салыстыра білу, ауызша және жазбаша тілдің дағдыларын игеру. Осының барлығы тұлғаның өзін-өзі қалыптастыруға, өзін-өзі тәрбиелеуге, өзін-өзі айқындауға септігін тигізеді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Сухомлинский В.А. Твори. – К., 1960. – Т. 5. – С. 144.
2. Альбекова Р. Активные формы преподавания литературы. – М., 1991.
3. Гильбух Ю. В. Простор для творчества. – К., 1990.

*С.С. Исакова,
ф.ғ.д., профессор
Қ.Жұбанов атындағы Ақтөбемемлекеттік университеті
(Ақтөбе қ., Қазақстан)*

ТЕРМИНДЕР АРҚЫЛЫ АҚПАРАТТЫҢ БЕРІЛУІ

Тілімізде ақпарат туралы сөз қозғалғанда ең әуелі бұқаралық ақпарат, арнайы ақпарат, ғылыми ақпарат, әлеуметтік ақпарат, саяси ақпарат деген терминдер бірінен соң бірі тізбектеліп кете береді. Сол сияқты ғылым тілінде «терминологиялық ақпарат» тіркесі жиі ұшырасады. Бүгін біз жоғарыда атап өткен «терминологиялық ақпарат» термині туралы тереңірек сөз қозғағалы отырмыз. Бұл салада терминнің когнитивтік-ақпараттық табиғатын егжей-тегжей зерттеген ғалым М.Володина былай деп жазады: «Терминологиялық (семантикалық) ақпарат – практикалық және теориялық таным кезінде пайда болып, адам баласына кәсіптік-ғылыми қызметінде пайдаланылатын, тілдік форма арқылы жинақталып берілетін терминологиялық ақпараттың ұғымдық сипаты көбінесе ғылыми ақпараттың анықтамасымен сәйкес келеді» [1; 64-65]. Бұл анықтамада айтылып отырған тілдік формалар жиынтығы терминологиялық ақпарат ғылыми ақпаратпен бара бар ұғым деген тұжырым терминологиялық мағына және терминологиялық ақпарат ұғымдарының өзара теңдік белгісін айқындай ма деген табиғи сауал аясында жұмыс жасауға тура келеді. Себебі ғалым М.Володина ұсынған анықтамасындағы «көбінесе ғылыми ақпараттың анықтамасымен сәйкес келеді» деген соңғы жолдар көптеген

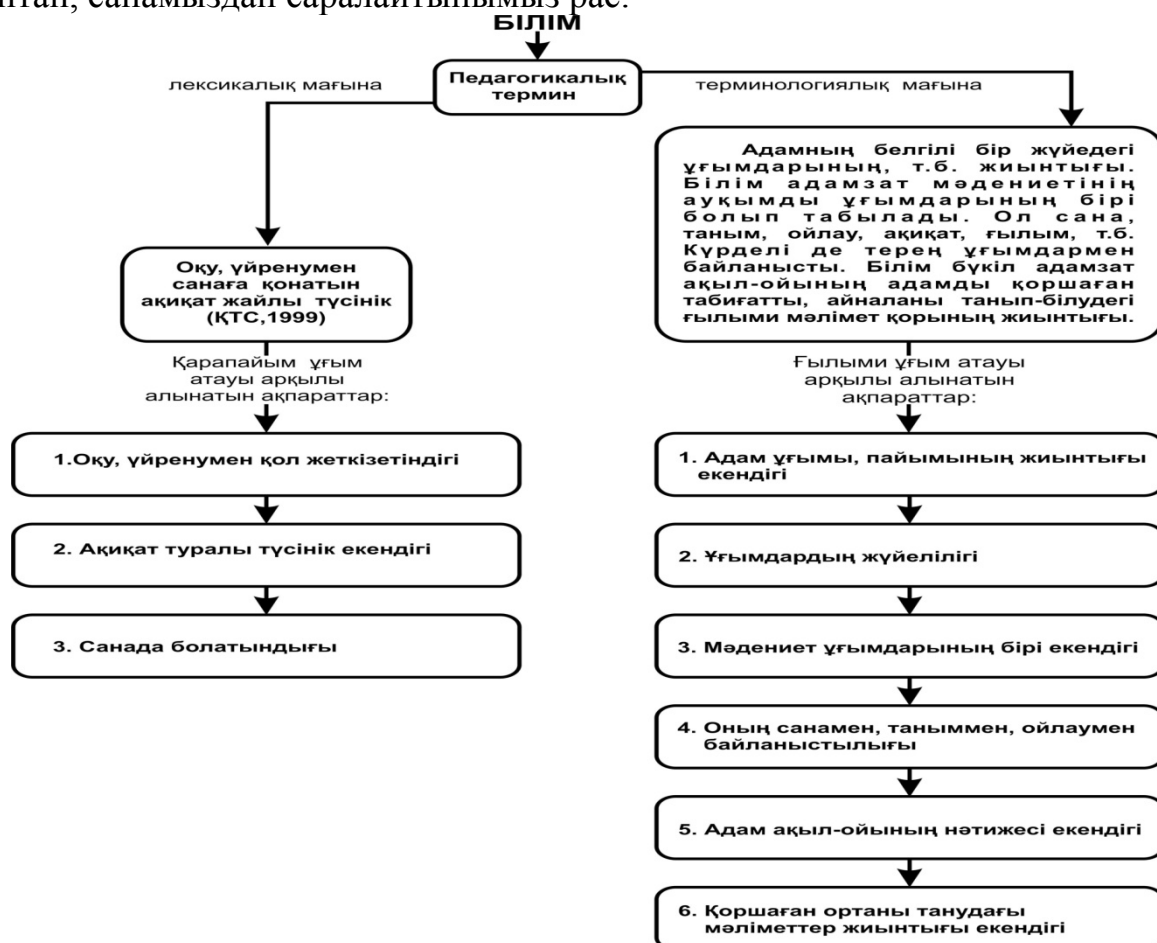
мәселелердің түбегейлі әрі түп тамырымен басын ашып алуды талап етеді. Біздің ұғымымызда «ғылыми ақпарат» кең ауқымды мағынаға ие термин болуы керек. Бұған басты себеп мынада болып отыр: біріншіден, кез келген термин арқылы берілетін терминологиялық ақпарат – бұл өз кезегінде ғылыми ақпарат екенін ешкім жоққа шығармайды, екіншіден, барлық терминдік қор, сонымен бірге салалық терминология арқылы берілетін ақпараттар жиынтығы да ғылыми ақпарат. Олай болса «терминологиялық ақпарат» термині өзінің тілде қалыптасқан мағынасы аясындағы ұғым екендігі өзінен өзі айқындалып, ал «ғылыми ақпарат» терминінің бұдан гөрі мағыналық аясы кең, ақпараттардың жалпылама атауы ретінде қолдану керектігі дау тудырмауы шарт деп білеміз. «Терминологиялық ақпарат» термині жайлы елімізде арнайы зерттеулер жоқтың қасы, дегенмен орыс ғалымдары бұл салада өнімді еңбек етуде. Әсіресе, терминнің арнайы ақпаратты жеткізудегі орны мен қызметі жөнінде тікелей адамның танымдық қызметімен ұштастырылуы ашыла түседі. Терминологиялық ақпарат терминін кеңірек ұғынуда термин - сөз, термин - ұғым және сөз мағынасы ұғымдарын өзара ажыратып, олардың берер мағыналары мен қызметтерін ажырату керек. Мәселен, көптеген ғалымдар терминдік мағынаны лингвистикалық тұрғыдан ширатады, ал келесі біреулер мәселені когнитивтік, ұғымдық, логикалық тұрғыдан қарайды. Аталған көзқарастардың ең дұрысы өміршеңдік танытары сөзсіз, дегенмен мәселені терминологиялық ақпарат тұрғысынан қарастыру жөн.

Тілімізде терминді танымдық тұрғыдан қарастырып, оның шын мәніндегі таным құралы екендігін дәлелдеу кезек күттірмейтін мәселе болуы шарт. Ал таным үдерісі өз кезегінде ақпарат алу мен оның таралуымен етене байланысты екендігі белгілі.

Терминдер арқылы берілетін ақпарат пен мағынаның сипаты неге байланысты деген тағы бір табиғи сауал туады. Термин сөздер арқылы адамның танымынан туатын сан алуан жаңалықтар өмірдің қай саласанда болмасын өз орнын алады. Мәселе, қоғамымыздың алға басуына сай адамзат техника, өндіріс, мәдениет, өркениет, экономика, саясат, ғылым білім салаларын жаңа танымдық тұрғыдан бағалап, сәйкесінше бізге жаңа терминдер ене бастады. Бұның өзі терминнің тікелей адамзат танымынан, санасынан барып туатын ұғым екендігі көрініп тұр. Олай болса терминологиялық ақпарат күн өткен сайын толығып, дамып, қолданыс аясын ұлғайтып отыратын ақпарат деуге толық негіз бар. «Терминология-ческая информация – это динамическая информация оптимизирующего интеллекта, которая призвана способствовать дальнейшему развитию творческой мысли и преобразующей деятельности человека» [1, 65] деп жазады ғалым М.Н.Володина. Демек, жоғарыдағы айтылған ойларды ғалым өз кезегінде мақұлдайтындығы көрініп тұр.

Ендігі кезекте термин арқылы ақпараттың берілуі қақында сөз етпекпіз. Термин арнаулы ұғымның және арнаулы ақпаратты жеткізу

құралы екендігі белгілі. Демек, термин сөздердің ақпараттық табиғаты бар. «Біз қандай да бір тілдік форманың мағынасын дұрыс әрі дәл беру үшін, – деп жазады америкалық ғалымы Л. Блумфилд – сол тілдік формаға қатысты ғылыми танымдымыз толық болуы шарт». Шындығында кез келген бір ұғымды сипаттау үшін оның сан алуан қырын танымдық тұрғыда сұрыптап, санамыздан саралайтынымыз рас.

Сурет 5 - Сөздің лексикалық және терминологиялық мағыналары арқылы ақпараттың берілуі, 1 бет.

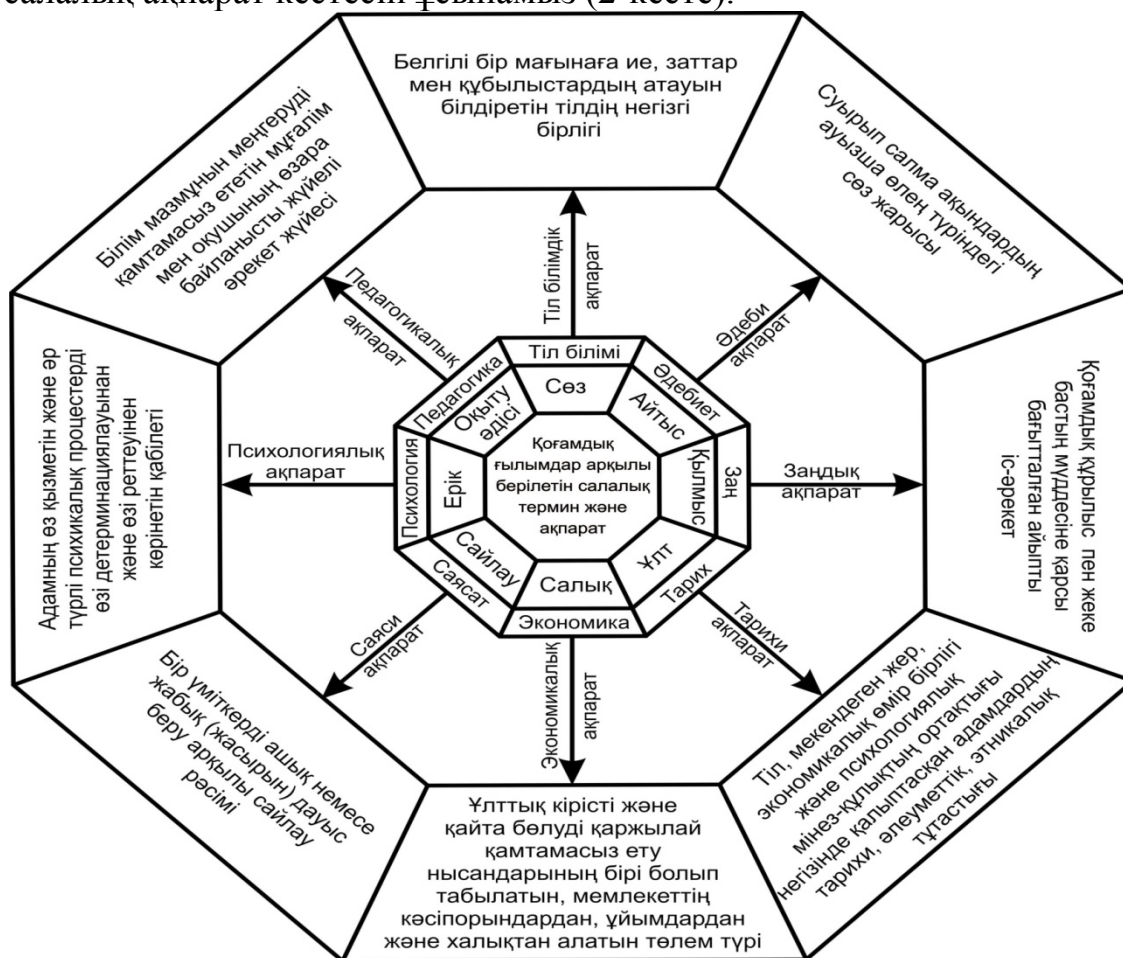
XIX ғасыр – ақпарат ғасыры екендігін ескерсек, еліміздегі болып жатқан оң қадамды жаңалықтар мен жетістіктерді жеткізіп, таратып, сараптап, ақпарат толқынына төтеп беру бүгінгі күннің талабы. Ақпаратты дұрыс беру, жеткізу – өз алдына жауапты іс. Термин сөздер дәл осы жауапты істің кілті іспеттес. Неге десеңіз, термин сөздер арқылы ақпаратты жеткізу, тарату тікелей жүзеге асырылады. А.В.Крыжановская, Л.А.Симоненко сияқты ғалымдар: «На многих языках создаются новые информационные материалы, обработка и перевод которых представляют собой одну из важных областей научно-информационной деятельности. В связи с этим возрастает и поток создания новых отдельных терминов и целых терминосистем» [2; 83] – деп жазады.

Қазақ тіл білімінде сөз мағынасы және ақпарат саласын зерттеп жүрген ғалым Г.Әлімбек: «Мәселе толық зерттелмеген, терминнің когнитивтік коммуникативтік қырлары жан жақты ашылған деп кесіп

айтуға әлі ерте. Жалпы бұл соңғы жылдары тіл білімінде жаппай қарқын ала бастаған жаңа бағыт болғандықтан, алдағы уақытта зерттеулер тізбегі жалғаса беруге тиіс. Қазақ тіл білімінде терминологияны когнитивтік тұрғыдан қарастыруға арнайы мән берілген жөн» [3; 88], – деп жазады. Демек, аталған тақырыбымыздың өзектілігін еліміздегі зерттеушілер де мақұлдайтындығы шындық.

М.Н.Володинаның «терминдер ақпаратқа өте бай» деген тұжырымын нақты мысалдар арқылы дәлелдейік (1-кесте).

Салалық терминология арқылы берілетін ақпарат түрін салалық ақпарат деп атаймыз. Өз зерттеу нысанымызға қатысты салалық термин және салалық ақпарат кестесін ұсынамыз (2-кесте).

Сурет 6 - Салалық термин және салалық ақпарат

Тіл ақпарат көзі және оны сақтаушы қызметін атқара отырып, бір уақытта жинақталған білімді жеткізудің құралы және жаңа ойларды жеткізудің негізгі қызметін атқарады. «Ақпарат тасымалдаушы» ретінде белгілі бір тіл әлеуметтік салтты тасымалдайды, осы арқылы адам өзіне дейінгі тәжірибе мен жинақталған білімді пайдаланады. Сонымен бірге тілдің көмегі арқылы адам танымдық тұрғыда әлемнің ақпараттық бейнесін өзгерте алды.

Егер әлемнің ақпараттық бейнесі деген ұғымды барлық белгі жүйелерінің жиынтығы деп түсінер болсақ, онда тілді әлеуметтік

ақпараттық байланыстың ерекше түрі деп қарау дұрыс. Тіл арқылы әлемнің ақпараттық бейнесі қайта жаңаруына мүмкіндік алады, яғни дүниенің өткені мен бүгінгісі арасындағы тәжірибелер алынып, сақталып, қайта жанданып, жаңарады, осыдан әлемнің тілдік-ақпараттық бейнесі пайда болады.

Вильгельм фон Гумбольдт «дүниенің тілдік бейнесін» қозғалмалы, белгілі бір тіл арқылы жетістіктері аяқталмайтын құбылыс ретінде қарастырады. Тіл арқылы сипатталған адамзат тұрмысының шарттары ұлттың ерекше мәдени-тарихи тағылымымен байланысты мәселелердің шешімін табуға міндеттеуі шарт.

Бүгінде ХХІ ғасырдың басында адамзаттың ақпараттық технологияларды дамыту процесіне сай ақпараттың тың күшіне ие болып отырмыз. Ғылыми-техникалық революцияның орнын ақпараттық революция басуда. Бұл жаңа «ақпараттық қоғам» құрылуын қамтып отыр. Ақпараттық байланыстар адам әрекетінде өмірлік маңызды орынға ие. Ақпараттық ресурстар қазіргі таңда қоғамның дамуында, соның ішінде ғылыми-техника, әлеуметтік тұрғыда айқындаушы фактор болып отыр.

Қоғамдық-саяси терминология көпшілік санасында дүниенің бейнесін қалыптастырудағы ерекше көзі болып табылады. Қоғамдық-саяси саланың терминдерінің көмегімен шындық өмірді концептуалды деңгейде бейнелеу іске асады. Бұл коммуникативтік салада бірнеше рет қайталанған мәнмәтін барынша өзекті мәтіндік мағынаны терминге айналдыратын жүйелілік күшке ие болады.

Арнайы ұғымдардың тілдік бейнесі ретіндегі терминдер білімді берудің ерекше тәсілі болып саналады. Термин арнайы ұғымды білдіре отырып, ерекше терминдік жүйеде, яғни терминосферада өзінің құндылығымен ерекшеленеді де ғылыми ақпаратты сақтаушы және оны жеткізушіге айналады.

Терминалогиялық ақпараттың прагматикалық құндылығы адамның көңіл-күйіне және оның ойлауына белгілі бір деңгейде ықпал ету қабілетінен көрінеді.

Қоғамдық-саяси терминологияның ақпараттылығы ашық әлеуметтік ұстаным немесе құндылық бағдарымен сипатталады. Бұл жерде нақты жағдаятта белгілі бір терминді таңдау үлкен рөл атқарады. Қоғамдық-саяси терминологияда сөз шындық өмірді әлеуметтік-саяси концептуалдауға арналған «дүниені қабылдаудағы ой үлгісі» ретінде қолданылады.

Қоғамдық-саяси терминдердің қолданылуы мемлекеттің нақты әлеуметтік, саяси жағдайларымен анықталып отырады.

БАҚ-та терминологиялық лексиканың метафора түрінде қолданылуы жиі кездеседі. Терминологиялық метафора ақпаратты жеткізу ғана емес, сол туралы елес қалыптастырады деп жазады Н. Д. Арутюнова. Тілдің адамға ақпараттық әсері өте жоғары. Ол қойылған бағдардың мақсатына қарай оң және теріс әсер етуі мүмкін. Осыған байланысты ғылыми және

қоғамдық-саяси көзқарасты қалыптастыруда терминологияның рөлі ерекше өсу үстінде. Егер танымды «адамның дүние туралы рухани және физикалық бағыт-бағдарын кеңейтетін үдеріс» деп қарасақ, онда «дұрыс жөн сілтейтін түсінік қалыптастыратын» термин мұндай бағыт-бағдардың негізін құрайтын маңызды элементтің бірі болып саналады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Володина М. Н. Теория терминологической номинации. – М., 1997.
2. Крыжановская А.В., Симоненко Л.А. Актуальные проблемы упорядочения научной терминологии. – Киев, 1987. – С. 83.
3. Әлімбек Г. Сөз мағынасы және ақпарат. – Алматы: «Атлас баспасы – 2001», 2006. – 168 б.

*Б. Қалиұлы,
д.ф.н., профессор Актюбинского государственного
университета им. К. Жубанова (г. Ақтобе, Казахстан)*

ӨСІМДІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ ТІЛДІК ПЕРИФРАЗДАР

Қазақ тілі перифраздарға өте бай. Олар мағыналық өрісі жағынан Адам, Қоғам, Табиғат болып, ірі-ірі үш топқа бөлінеді. Бұлардың әрқайсысы іштей тағы да уақ тақырыптарға сараланды. Өсімдіктерге қатысты тілдік перифраздар «Табиғат» тақырыбына жататын лексика-семантикалық топтың бірі ғана.

«Бір ғана топ» дегенімізбен өсімдіктерге қатысты тілдік перифраздар тілімізде аз кездеспейді. Олардың саны біздің есептеуімізше шамамен 60 шақты болып қалар.

Ойымызды дәлелдеу үшін тек «өсімдік» денотатына байланысты 1) *жасыл желек*, 2) *жасыл дос*, 3) *жасыл аптека*, 4) *жасыл лаборатория*, 5) *күн перзенті*, 6) *оттегі фабрикасы*, 7) *денсаулық фабрикасы* деген жеті түрлі тілдік перифраздарды, ал «орман» денотатына байланысты 1) *жасыл мұхит*, 2) *жасыл дос*, 3) *оттегі фабрикасы*, 4) *тіршілік қорғаны* деген төрт түрлі тілдік перифраздарды атап көрсетсек те жетіп қалар деп ойлаймыз. Мыс.: Қалың өскен *жасыл желек* арасынан зәулім үйлер ағараңдайды (Қ.Әміров). Химиялық *жасыл лаборатория* аталынатын өсімдіктер болмаса, ауада оттегі де болмас еді (Ботаника). Жасыл өсімдіктер *оттегі фабрикасының* міндетін атқарады (А.Молдабергенов). Еліміздің *жасыл мұхиты* – орманы аса зор екенін барлық жұрт біледі («Коммунизм туы»). Осы аймақтық бөктеріндегі *жасыл дос* – орман-тоғайлар ертегіге бергісіз («Егемен.Қаз.»). Орман – *тіршілік қорғаны*, еліміздің басты ұлттық байлығы («Егемен.Қаз.»), т.б.

Басын аша кетелік, перифраз дегеніміз – бір сөзден тұратын зат атауын екі не одан да көп сөздерден тұратын бейнелі, сипаттамалы, суреттемелі сөз тіркестерімен ауыстырып атау, яғни сөз орамы. Рас, кез келген бейнесі сөз тіркесі (сөз орамы) перифраз бола алмайды. Перифраз болу үшін әлгі бейнелі тіркес заттың басты бір белгісін немесе ерекше бір қасиетін тірек (негіз) етіп алып, сол заттың бейнелі, образды, әсерлі атауы жасалынуы керек. Мыс.: *дала аруы* – жүгері, *оңтүстік перзенті* – жүзім т.б.

Тілдік перифраздардың өзіне тән құрылым-құрылысы болады. Қанша сөзден жасалғанына қарамастан ол негізінен екі сыңардың не изафеттік (*солтүстік жібегі* – зығыр), не адъективтік (*ақ маржан* – күріш) қатынастардың бірінде тұрады. Перифраздың басты қызметі – бір нәрсені атау, яғни атауыштық қызмет атқару. Бірақ ол – жай ғана атау емес, бейнелі, образды атау. Сонымен бірге перифраздық атау әлгі затқа стильдік бояу, экспрессивтік-эмоциялық реңк береді. Сөйлеушінің (айтушының) сол затқа деген жоғары бағасын, көтеріңкі көңіл күйін, пафостық сарынын қоса жеткізеді. Мәселен, раушан (роза) гүлін *гүл патшасы* деп атасақ, ол атауда «гүлдердің ішіндегі ең құдіреттісі» деген патетикалық баға мен «қасиетті, қастерлі, қадірлі гүл» деген көтеріңкі көңіл күй, экспрессивтік-эмоциялық реңк бар.

Тілдік перифраз еркін сөз тіркесі ме, жоқ, тұрақты сөз тіркесі ме? деген мәселенің де мәні зор.

Шындыққа жүгінсек, перифраз алғаш жасалған кезінде еркін тіркес болады да, қолданыла, қалыптаса келе ол тұрақты тіркеске айналып кетеді. Мысалға «женьшень» өсімдігін алалық.

Ол алғашында *өмірдің тамыры* деп еркін тіркес түрінде перифразданды да, жүре келе *өмір тамыры* болып тұрақтанады (қалыптасады). Бұл перифраз сыңарларының арасында ешқандай синтаксистік байланыс жоқ; алдыңғы сыңары – анықтаушы, соңғы сыңары – анықталушы сөз емес. Бастапқы кездегі синтаксистік байланыс кейіннен көмескіленіп, жойылып кеткен. Синтаксистік байланыс бар деген күннің өзінде де қазіргі кезде ол әдеттегідей грамматикалық қызмет атқармайды. Перифраз құрамындағы сыңарлар қосылып, бір тілдік элементке (бейнелі сөрге) айналған. Ол сөз тұлға тұтастығымен, мағына тұтастығымен ерекшеленіп, бір ғана ұғымды (өсімдік атауын) білдіреді. *Өмір тамыры* деген – женьшень өсімдігінің бейнелі атауы. Ол женьшен тұрақты тіркес түрінде жасалған синонимі бола алады.

Сипаттамалы немесе бейнелі атауды перифраз деп тану үшін сол атауға негіз болып тұрған денотат пен перифраз арасындағы логикалық (мағыналық) байланысқа көңіл аударған жөн. Өйткені перифраз денотатты (затты) тура атамайды, оны жанама түрде, бейнелі түрде атайды.

Тілдік перифраз туу үшін оған негіз болатын денотат бірінші кезекте деректі зат болуы керек, екінші кезекте ол зат адам баласы үшін маңызды, мәнді, құнды және қажетті зат (алтын, мұнай, газ, көмір, мақта, гүл т.б.)

болуы керек. Маңызды, құнды заттар адамды әр уақыт ризашылыққа бөлейді, көңіл күйін асқақтатады, кеудесін қуанышқа толтырады. Ал дерексіз, мәнсіз заттар сипаттамалы, бейнелі атауға ие бола алмайды. Мысал үшін «мақта» денотатын алып, түсіндіріп көрелік.

Ол ақ түсті болады. Адам үшін аса қажетті және өте бағалы, қымбат, құнды, маңызды, мәнді шикізат. Осы қасиеттері жағынан мақта алтынға тең. Сондықтан ол *ақ алтын* деп перифраздана алады. Бұл перифразда денотаттың (мақтаның) басты екі белгісі – «ақтығы» және «алтынға барабар құндылығы» көрініс тапқан.

Өсімдіктерге қатысты тілдік перифраздарды денотатына, яғни олардың ұғымдық, мағыналық жағына қарай әр түрлі топтарға жіктеуге болады. Ондай топтар ретінде біз «ағаш», «бұта», «қурай», «шөп», «гүл» ұғымдарын атаған болар едік. Мәселен, қазақ тілінде «ағашқа» байланысты *ағаштар патшасы* (емен), *орман патшасы* (қарағай), *шөл аруы* (сексеуіл), *құмайт шөлдің таскөмірі* (сексеуіл), *солтүстік эвкалипті* (терек), *тайга аруы* (балқарағай), *тайга//тайганың наны* (самырсын) деген сияқты тілдік перифраздар болса, «шөпке» байланысты *жасыл тыңайтқыш* (беде), *жасыл өрт* (арашөп), *қызылқұм падишасы* (сасықурай) деген, дәрілік шөптерге байланысты *ақ адамның ізі* (тартаржапырақ), *солдат шөбі* (мыңжапырақ) деген сияқты тілдік перифраздар қалыптасқан. Мыс.: Маңызы жағынан елімізде өсетін ағаштар ішінде еменге тең келетіні жоқ. Оның *ағаштар патшасы* деп аталуы да осыдан болса керек (М.Ахметов). Кейінгі он жылда орман шаруашылығы құм көшкінін тоқтататын *шөл аруы* – сексеуілді қайта көбейте бастады («Қаз. әдеб.». Халық арамшөптерді «жасыл өрт» деп тегін айтпайды («Коммунизм туы»). Бұл жерде өсетін мыңжапырақ ежелден белгілі. Оны «солдат шөбі» деп тегін атамаған (Наурызым), т.б.

Сондай-ақ, «гүл» денотатына байланысты *дала аруы* (қызғалдақ), *дала гүлі* (қызғалдақ), *мақташы термометрі* (қызғалдақ), *көктем гүлі* (бәйшешек), *гүл патшасы* (раушан), *тау гүлі* (еңлікгүл), *түн аруы* (кактус), *тайганың лилиясы* (сардана) деген сияқты тілдік перифраздар жасалған. Мыс.: Кейде *дала аруы* – қызғалдақты көріп қаламыз («Егемен.Қаз.»). *Көктем гүлі* – бәйшешектер құлпырады (Ы.Кененбаев). *Гүл патшасы* – розаның бір талын ұсынса да болады (Ә.Хасенов). Олар өздеріне «*тау гүлін*» - эдельвейсті әкеліп берген жігітке қарады («Семей таңы»). *Түн аруы* – кактус кешке қарай ашылады (Үй өсімдіктері), т.б.

Өсімдіктерге байланысты перифраздарды дәнді дақылдарға, техникалық дақылдарға, бақша дақылдарына және жеміс, жидек, көгеніске қатысты тілдік перифраздар деп те топтастыруға болады. Дәнді дақылдар мен техникалық дақылдарға қатысты тілдік перифраздар: *ақ маржан* (бидай), *ақ бикеш* (тары), *дала аруы* (жүгері), *Сыр маржаны* (күріш), *күн гүлі* (күнбағыс), *жасыл тыңайтқыш* (бұршақ), *шөл даланың түйесі* (сорго),

солтүстік күріші (қарақұмық), *солтүстік жібегі* (зығыр); *жұмсақ алтын* (мақта), *тәтті тамыр* (қызылша), *тәтті түбір* (қызылша) т.б.

Жеміс-жидек пен көгеністерге қатысты тілдік перифраздар: *оңтүстік перзенті* (жүзім), *денсаулық жемісі* (өрік), *жұмақтың жемісі* (банан), *шөл дала наны* (құрма); *екінші нан* (картоп), т.б. Мыс.: Әуесқой бағбандар «*оңтүстік перзентін*» - жүзімді өздері тұрған өңірге бейімдеу жолындағы іске кірісіп те үлгерді (Ертіс өңірі). Оңтүстік Азия халықтары әлі күнге дейін бананды «*жұмақтың жемісі*» деп әлпештеп атайды («Заң газеті»). Құрма балын жас құрманың – «*шөл дала нанының*» шырынынан жасайды (Ара шаруашылығы). Халық картопты «*екінші нан*» деп атайды («Коммунизм таңы»), т.б.

Қорыта келе айтарымыз, өсімдіктерге қатысты тілдік перифраздарды жасалуына тірек болған денотаттары арқылы лексика-семантикалық топтарға бөліп, әр қайсысын саралап, даралап сипаттау нәтижесінде біздің қазақ тілі тек өсімдік атауларына ғана емес, олардың перифраздық атауларына да өте бай екендігіне көзіміз жетті.

Әрине, өмірде бар өсімдіктердің бәрі бірдей тілдік перифраздар туғыза бермейді. Олардың ішінде тек құндылары мен бағалылары ғана, ерекше қасиетке иелері ғана тілдік перифраздар туғыза алады. Ондай бағалы өсімдіктердің қатарына біз ағаштардан *емен, қарағай, балқарағай, самырсын, терек, сексеуілдерді*, дәнді дақылдар мен техникалық дақылдардан *бидай, тары, жүгері, бұршақ, күріш, қарақұмық, зығыр, сорго, қызылша, мақталарды, дәрілік шөптерден қылыша, итмұрын, мыңжапырақ, тартаржапырақ, сасыққурай, женьшеньдерді*, ал гүлдерден *қызғалдақ, бәйшешек, еңлік, раушан, кактустарды* атаған болар едік.

Бұлардың ішінен «өсімдік» денотатына қатысты 7 түрлі тілдік перифраз жасалса, «орман», «сексеуіл» денотаттарынан, 4 түрлі перифраз жасалыпты. Ал «қызғалдақ» денотатынан 3-тен, қалғандар 2-ден, 1-ден ғана тілдік перифраздар жасалған. Бұлардың бәрін тіліміздің байлығы ретінде бағалауымызға әбден болады.

*Г.У. Калимуллина,
к. ф. н., доцент БашГУ (г. Уфа)*

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕПОЛНЫХ И ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В основе современных синтаксических учений о предложении лежит понятие структурной схемы. Все определения структурной схемы отражают ее ориентацию на формальную и семантическую структуру предложе-

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (историческая лексика: аспекты системно-типологических сходжений и генетически-контактных связей)» № 11-14-02010 а/У

ния. В свете новых идей предложение понимается как реализация структурной схемы путем наполнения ее лексическим материалом. Структурная схема предложения – это имеющий формальную организацию синтаксический образец, по которому может быть построено семантически оформленное, содержательное предложение.

Структурные схемы предложения впервые были описаны Н.Ю.Шведовой в «Грамматике современного русского литературного языка». При этом ставится целью создание законченной типологии предложения на основе чисто формального его представления (выделения полного перечня всех возможных моделей) [1]. Структурная схема иначе квалифицируется как предикативная основа предложения. По этой методологии структурная схема как формальное построение и предикативность как его значение становятся двумя неразрывно связанными сторонами, двумя основными признаками предложения.

В этом направлении предпринята довольно результативная работа и в татарском языкознании. В последней академической грамматике М.З. Закиев дал описания 52 структурно-синтаксических схем простых предложений, среди которых 32 – двукомпонентные, 18 – однокомпонентные и 2 фразеологизированные модели [2]. При описании моделей в татарском языке не учитываются эллиптические конструкции, достаточные по смыслу независимо от контекста и ситуации.

В научной литературе вопрос об этих специфических синтаксических конструкциях, обозначаемых обычно термином «эллиптические предложения», пока не имеет решения. Термины «неполное предложение» и «эллиптическое предложение» не всегда четко дифференцируются, пока в научной литературе встречается их смешение. Однако в синтаксической теории последнего периода приводятся все более убедительные аргументы в пользу противопоставления двух выделенных типов неполного предложения.

В отличие от неполных предложений эллиптические конструкции достаточны по смыслу и независимы от контекста, ситуации. Эти предложения, как и неполные, характеризуются незавершенностью, разорванностью грамматических связей. В этих конструкциях отсутствует глагольное сказуемое, общее значение которого подсказывается семантикой имеющихся компонентов предложения. Например, *Мин авылдан. Билет кесәдә. Шәһәрдә – көз.* Смысловую нагрузку глагола в этих предложениях берут на себя второстепенные члены, находящиеся под логическим ударением. Тем самым глагольное сказуемое с вещественным значением становится избыточным. Такое сказуемое может быть опущено или заменено глаголом-связкой.

Обзор лингвистической литературы показывает, что в трактовке эллиптических предложений, достаточных по смыслу независимо от контекста и ситуации, существует три основные тенденции.

Одни ученые полагают, что эти конструкции являются разновидностью неполных, так как в них имеются второстепенные члены, которые зависимы от отсутствующего сказуемого.

Другие лингвисты считают, что данные конструкции занимают промежуточное положение между полными и неполными предложениями. Это объясняется тем, что эти предложения, хотя в семантическом плане самодостаточны, характеризуются разорванностью грамматических связей между словами.

Согласно мнению третьих лингвистов, эти предложения должны рассматриваться как простые предложения. Ученые утверждают, что здесь не все существительные в косвенном падеже управляются глаголом.

В эллиптических предложениях, достаточных по смыслу независимо от конситуации, глагольное сказуемое было опущено как само собой подразумеваемый элемент речи. Структурно-синтаксическая специфика этих конструкций объясняется тем, что неполные предложения начали восприниматься как полные. Мы считаем, что структурный тип неполных предложений стал моделью для создания этого типа предложений. Это предложения с «вторичной» структурной схемой. Для этих конструкций наиболее подходящей является название «семантически полные предложения, по структуре соотносительные с неполными».

Таким образом, рассматриваемым нами предложениям можно дать следующее определение: трансформированные эллиптические предложения – это семантически полные (достаточные по смыслу, независимые от контекста и ситуации) предложения, которые характеризуются разорванностью грамматических связей и для которых структура неполного предложения стала моделью, структурной схемой.

Трансформированные эллиптические конструкции в татарском языке разнообразны. Эти предложения с трансформированной структурой Р.Г.Сибатов разделяет на две основные группы: расчленяемые и нерасчленяемые. Расчленяемые эллиптические конструкции «в зависимости от того, чем выражены субъект и предикат, могут быть подразделены на три группы» [3; 135].

В первой группе субъект выражается подлежащим, а предикат – второстепенным членом, трансформированным в сказуемое: *Билет кесәдә. Мин Казаннан. Бу хат абыема.*

Во второй группе трансформированных эллиптических предложений обнаруживается обратное соотношение членов: субъект выражается второстепенным членом, а предикат – подлежащим (главным членом одноставного назывного предложения): *Аның күзендә – бәхетле елмаю. Кемгә - файда, кемгә – война (мәкаль).*

К третьей группе относятся предложения, в которых и субъект, и предикат выражаются существительным в косвенных падежах: *Бишьеллыкны – срогыннан алда! Артта калучыларны – алдынгылар сафына! Тех-*

никаны – югары житеиштеручәнлек белән! Эти конструкции в основном встречаются в лозунгах, плакатах. Они всегда в речи употребляются с интонацией долженствования, призыва. В отличие от первых двух групп эта последняя не принимает формы времени. Здесь функцию глагола повелительного наклонения берет на себя интонация призыва, просьбы. Тем самым речи придается лаконичность, яркость. По нашему мнению, эти конструкции нужно рассматривать как стилистические вариации двусоставных предложений с глагольным сказуемым повелительного наклонения.

Нерасчленяемые эллиптические конструкции типа *Бэйрэм белән! Хәерле иртә!* в некоторой степени зависят от ситуации, они используются в определенный момент времени и всегда обращены в настоящее время. Ввиду того, что эти конструкции часто употребляются в речи, они сократились, осталась та часть, которая является ремой и на которую падает логическое ударение. Эти предложения употребляются в речи как готовые штампы. В своей работе мы рассматривали первые две группы расчленяемых эллиптических предложений.

Каждое трансформированное эллиптическое предложение строится по определенной структурно-синтаксической модели. А неполные являются лишь вариацией полных предложений, они вне влияния моделей и распространителей.

В трансформированных эллиптических предложениях предикат по оформлению объективно-модальных значений не отличается от обычного именного сказуемого, хотя предикатируемый член в этих предложениях выступает не только в основном, но и в косвенных падежах, с послелогоми. Рассматриваемые нами предложения могут иметь полную парадигму объективно-модальных форм, характерных для именного типа предложений.

Формальная организация предложения тесно связана со смысловой организацией. Структурная схема кроме общего для всех предложений грамматического значения – предикативности имеет, независимо от лексических значений входящих в предложение слов, свою семантику.

Основными семантическими категориями являются субъект и предикат. Эти компоненты выражают предикативные отношения. Предикат – это сообщаемый слушателю признак. Субъект – это носитель предикативного признака: производителя действия или носителя состояния. Субъект может быть определенным, конкретно обозначенным, и неопределенным, не обозначенным конкретно.

Трансформированные эллиптические предложения по своим основным признакам не отличаются от других простых предложений. Семантически полные предложения, по структуре соотносительные с неполными, несмотря на внешнюю необычность, вполне усвоенные в языке и активно употребляющиеся в речи, самодостаточные предикативные единицы.

Каждое предложение имеет две стороны: формальную и смысловую. Форма и содержание в предложении слиты воедино; их нельзя рассматри-

вать в отдельности друг от друга; они взаимосвязаны, их гармоничное сочетание является основой каждого предложения. При изучении трансформированных эллиптических предложениях мы рассматривали структурно-синтаксические модели данных конструкций в сочетании с их семантикой. Разорванность грамматических связей между словами в трансформированных эллиптических конструкциях характеризует эти предложения как структурно неполных, но их модальное оформление ничем не отличается от обычных номинативных предложений. Трансформированные эллиптические предложения достаточны по смыслу, понятны вне контекста и ситуации. Следует отметить, в языке даже структурно полные предложения могут быть в семантическом отношении зависимы от других предложений. Например, *Минем абыемның ике баласы бар. Улы мәктәптә укый, кызы бишектә әле.* Второе предложение в изолированном от контекста виде становится в смысловом плане недостаточным. Предложения с местоимениями в семантическом отношении тоже зависимы от контекста. Например, в предложении *Ул өйдә* неясно, о ком идет речь. Все предложения и в смысловом, и в структурном плане полностью реализуются только в тексте. И полные, и неполные, и трансформированные эллиптические предложения полностью выполняют свою коммуникативную функцию в рамках текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. В 2-х томах. Т. II. – М.: Наука, 1980. – С.98.
2. Татарская грамматика. В 3-х томах. Т. III. – Казань: Изд-во ИЯЛИ АНТ, 1995. – С.395.
3. Сibaгатов Р.Г. Теория предикативности. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – С.207.

*А.Ж. Калыбаева,
С.Бәйішев атындағы Ақтөбе университетінің магистранты,
(Қазақстан, Ақтөбе)*

ФРАЗЕОЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ МАҢЫЗЫ БАР ДЕРЕКТЕРІ

Қазақ ұлтының мәдени өмірінің көрінісі – фразеологиялық қордан ерекше байқалады. Өйткені қазақ фразеологизмдері – халық өмірінің айнасы. Бұл айнада ұлт менталитеті көрінісі тұтастай қамтылады десек, асыра айтпағандық болар.

Фразеологияны лингвистиканың жеке саласы ретінде қарастырған алғаш ғалымы Е.Д.Поливанов пен В.В.Виноградовтан [1] кейінгі Б.А.Ларин болатын.

«Мәдениет тілі» - семиотикалық жүйелерде сақталады. Бұл ретте ұлт мәдениеті оның ғылымында, өмірінде, дінінде тіл арқылы танылады десек,

онда фразеологиялық материалдар ұлттық мәдени маңызы бар деректерден тұрады. Бұл деректердің түп төркіні, таралу, шығу көзі фразеологизмдердің тұлғалық ерекшеліктеріне байланысты. Фразеологизм белгілеріндегі мағына тұтастығы, қолданылу тиянақтылығы, даяр қалпында қолданылу тұрақтылығы арқасында ұлт тілінде ұрпақтан ұрпаққа жетіп сақталуда. Әр фразеологизмдерде мәдени ақпар беретін дағдылы қалыптасқан дүниетаным, ұлт ерекшелігі аңғарылады.

Ұлттың мәдени ағымындағы тілдік құбылыстар тамырланып, қалыптасуы үшін оның көптеген алғышарттары мен салалары болу керек. Фразеологизмдердің мәдени ақпар көздерінің түсініктері қандай мәдени негізде пайда болып, жасалынады деген сауалдарға мынандай ғылыми жорамалды ұсынар едік.

Қазақ халқының ең маңызды мәдени ұлттық ерекшеліктерінің бірі жан-жақты қамтылған дәстүрлі мәдениет үлгілеріндегі дағдылы ұлттық рәсімдері. Халық ұғымында мұндай ұлттық рәсімдер түрлерінің әбден сақталып қалғандығы ғана бүгіндері ұлт төлқұжатындай көрінеді және өзге ұлттардан бөлек мәдени айырмашылықтарын айқындайды.

Ұлттық рәсімдерге әдет-ғұрыптар мен салт дәстүрлер жатады. Қай ұлттың болмасын өзінің өмір сүрген дәуіріне қарай, күн-көріс тұрмыс-тіршілігі, сол ұлтқа ғана тән әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлері, мәдениеті бар. Ежелден келе жатқан қазақ ұлтының да бұрыннан қалыптасқан көне мәдениеті, салт-дәстүрі мен әдет-ғұрпы, тұрмыс-тіршілігінің бізге жеткен үлгілері сан түрлі. Күні бүгінге дейін жер бетіндегі басқа ұлттардан ажыратып көрсететін қазақтың салт-дәстүрі туралы айту – қазақтар туралы айту деген сөз.

Қазақтар өмірінің сан ғасырлық тарихы әдетте ана тілімен тығыз байланысты. Барлық өмір салты туған тілінде әртүрлі номинативті атауларынан, әсіресе фразеологизмдерінен көрініс тапқан.

Мысалы, құда түсу рәсімдері, үйлену тойы, ас беру т.б. толып жатқан ұлттық дәстүр, әдет-ғұрып түрлерінің атаулары тілде сақталмаған болса, онда рухани мәдениет үлгілерінің мазмұны да кеми бермек. Екінші бөлек, ені басқа – бұрынғы уақытта малға таңба салынып, ержеткен азамат балаларына арнап тиісті мал-мүлік үлесін бөлу. Қазақ салты бойынша енші ұл балаларға бөлінеді. Осыдан әрі қарай енші алу/беру/тіркесі – өзіне тиісті сыбағасын лау/беру/мағынасында айтылады.

Ерулік бер – көрші кп қонған үй иелерін шақырып, қонақ ету мағынасында айтылады. Бұл әріден келе жатқан көне дәстүр. Көшпелі қазақ көшіп қонуды аса маңызды іс деп санады. Көшу – бұрын қазақтар өмірінде үлкен салтанат деп есептелінген. Бұрын көшіп барып отырған ауылдар /еру отырған/жанына қонған ауылды жабыла қарсы алып, «қоныс жайлы болсын» айтып, үйін тігіседі, ерулік апарады. Бұл – көшіп, шаршап келген туыс-жекжаттарына жасалған сый, құрмет және қамқорлық. Сол сияқты сауын айту, жылу жинау, асар салу / асарға шақыру/, байғазы беру,

шаңбасар алу, тұсау кесер т.б. толып жатқан тіркестері ұлттық этнографизмдерден қалған.

Қазақтардың бүгінгі мәдени өмір салтында әлі де сақталып келе жатқан дәстүр – тілек айтып, бата беру салты. Қазақ тіліндегі қалыптасқан тұрақты тіркестер сияқты көп қайталанып, әрі көп өзгеріссіз айтылатын тіркестердің біразы тілек-бата сөздеріне де тән. Жиі қолданыста жүретін тілек-бата сөздері ауыздан – ауызға кең тарайды, грамматикалық құрылысы берік, орнықты болғандықтан көпөзгеріссіз айтылады. Тілек-бата сөздеріндегі тұрақты тіркестердің лексика-семантикалық және тақырыптық парадигмаларының молдығынан, тілек-бата сөздерінің өзі тұтастай фразеологизацияға ұшырайтын кездері жиі байқалады. Мұның өзі назар аударатын нәрсе.

Фразеологиялық материалдардың мәдени деректер түсінігіне жататын қазақ тіліндегі ұлан-ғайыр паремиологиялық қор – мақал-мәтелдер. Мұнда халықтың ғасырлар бойы өмірден түйген өзіндік ақыл-ойы, парасат танымы, өмірлік түрлі қағидалары мен философиясы жатыр. Бұл біздің деректер түсінігін фразеологизмдерді кең мағынада түсінуді жақтайтындықтан қосып отырмыз. Жалпы қазақ мақал-мәтелдер мәдениет тұрғысынан зерттеліп, өз бағасын әлі лаған жоқ. Күні бүгінге дейін қазақ мақал-мәтелдері тек тағлым тұрғысынан ғана талданып келеді. Ал ондағы халық даналығынан басқа да сол ұлт менталдылығына аз сөзбен көп түйін түйіп жеткізген тіркестер ұлт тілінің ерекшелігі ретінде әлі танылған жоқ...

Образ эталоны айналған тұрақты теңеулер тіркесі ұлттың мәдени өмірінен хабардар етеді. Мысалы:

бес биенің сабасындай – толық етжеңді, үлкен;
қойдай өргізіп, қозыдай көгендеу – дегеніне көндіріп отыр; ботадай боздау – қатты жылау;
қасықтай қаны қалғанша – өмірінің ақырғы сағатына дейін;
айрандай ұйып отыру – өте тату; киіктің асығындай – кішкентай, сүйкімді;
аюдың өтіндей – қасиетті зат ретінде бағалау, құдасын құдайдай сыйлау т.б.

Әр халықтың басқалармен де жалпы ұқсас келетін салыстыруларымен қоса, адам мен жануарлар, адамдар мен өсімдік, адамдар мен т.б. заттар сияқты ерекше «өлшемдестік» туралы ұғым қалыптастырады.

Фразеологизмдердің мәдени ұлттық түсініктер дерегінің тағы бір қайнар көзі – тілдегі сөз символдар, символдық мән алатын сөздер мен сөз тіркестері. Қазақ тіліне символдар туралы көп пікірлердің соңғы ғылыми тұжырым ғалым Р.Сыздықованың айтуында: «символ» - идеяның заттық (болмыстық) нышаны, астарлы образы. (1995,92)

Әдетте мәтін ішіндегі тілдік символды аңғаруға, түсінуге, бағалауға көкірек көзі керек. Ал фразеологизмдердің астарындағы өз табиғатынан

туындайтын экспрессивті мағына мен ойға қосымша, сол ойдан тағы бір тұспал ойдың шығуы, оны түсіну – әрине, ішкі зерденің тереңдігіне байланысты.

Қазақ дүниетанымындағы діннің рөлі, дінге қатысты ой толғамдар, оның адамгершілік, адамды сүю, құрметтеу, мораль, этика үлгілерін танытатын сөз тіркестері фразеологиялық материалдардың деректерін қамтиды. Қазақтар ислам дініне сенеді. Дін жолын ұстаған қазақтар ислам дінінің сунниттік ережелерін қабылдаған. Оған дейінгі шаман дінінің әсерінен қазақ мифологиясында ертеден келе жатқан нанымдардың белгілері сақталған. «Көк» түсті қазақтар ерекше пір тұтқан. Тіпті әулие, хан, атақты адамдар мазарлары мен күмбездер төбелері көк түспен (бирюза) боялған.

Қазақ фразеологизмдері мәдени деректерінің тағы бір үлкен саласы ұлттың адамзат тарихында жасаған интеллектуалдық рухани мұрасы. Бұл төл мәдениеттің өсуі мен гүлденуі, өркениет заманындағы ұлт тарихының бүкіл мәдениетін көрсететін философиялық көзқарасы, тарихы, әдебиеті, тілі. Бұл түп деректердің ауқымдылығы соншалық, олардың әр қайсысы фразеологизмдердің ішкі тарихын зерделейтін жеке-жеке ғылым салаларына өркен болатын үлкен ұлттық мәдени қор.

Мәдени ұлттық ақпарлардың тағы бір ұшығы ұлт-тіліндегі өзіндік мән мағынасымен белгіленген сөздер мен сөз тіркестерінің фразеологиялық мағына жасауда ықпалы бар. Мұндай сөздер мен сөз тіркестері көбінесе елтану мақсатында талданып түсіріледі. Мысалы,

Шықбермес Шығайбай, Қарабайдай қанпезер сарандық эталондары болса, сол сияқты

сыбағасын жегізу (беру) – 1. сыйлау, құрметтеу 2. таяқ жегізу мағынасында,

шаңырақ көтеру – үйлену, үй болу сияқты фразеологизмдер құрамындағы Шықбермес, Қарабай ертегі мен жырдағы әдеби кейіпкерлердің аттары немесе сыбаға сөзіндегі ұлттық дәстүр, шаңырақ сөзіндегі – мәдени салт ұғымдарында, фразеологизмдердегі компонент сөздер астарында ұлт тіліндегі өзіндік мағынасы белгіленген сөздер бар.

Тілдегі образды тіркестер көбінесе фразеологиялық материалдарды байытуға әсер етеді. Себебісіз метафоралы тіркес пайда болмайтынын ескерсек, онда кез келген метафоралы тіркес мағынасында сол тілде сөйлейтін ұлттың таным білімі байқалады. Адамдардың ойлау жүйесі бүгінгі таңда сәт сайын өзгеріп жатады. Құбылыстар мен жағдайлар арасындағы ұқсастық, оның тіл көрінісіндегі мүлдем жаңа образбен астарлануы қашан да сана төңкерісінің маңынан табылуы керек. Қазақ тіл білімінде метафора әлі күнге дейін тек троптың түрлері ретінде ғана сөз етіліп келеді. Тіпті түрлері де толық сараланбаған. Ұлт менталитетінен, ұлттық болмысынан әлемнің тілдік көрінісінің орнын айқындау – кезек күтіп тұрған іс. «Күміс қоңырау балалық», «семіз жалқаулық», «үнсіз

айқай тұнған көз», «бетон мінез» т.б. дүниенің төрт бұрышындағы жанды-жансыз суреттері жатыр... «қоңыраулатқан кішкене құлын» бейнесіндегі – балалық пен мінезі қаттының – бетон бейнесі екі дәуір түсініктерінен хабар беретін метафоралы тіркестер. Бұлардың фразеологиялық қорға қосылуы да; қосылмауы да мүмкін. Ол тіл қадірін білетіндерге, ұлт тілінде бейнелі сөйлеуге ұмтылатындарға байланысты. Қалай дегенмен де, соны образды тіркестердің көбейгені, болғаны абзал. Тіл – жанды дүние десек, оған қан беретін, нәр беретін осындай танымдық ой – сананың тереңінен шығатын метафоралар. Ал «фразеологизмнің шығу көзі метафоралы сөйлеуден».

Бұл талданған фразеологиялық материалдардың мәдени түп деректері туралы айтылған мәселелер күллі «мәдениет тілінің» проблемалары толық жауап береді дегеннен аулақпыз. Біз мүмкіндігінше, тек фразеологизмдерге қатысты тұстарына барлау жасап, біраз талдаулармен тыңдық. Қазақ тіл білімінде мәдениет туралы бұған дейін айтылған, жазылған ғылыми ой тұжырымдарды қайта жүйелеп, басқа да ғылыми салаларымен бірлесе отырып, ұлттық мәдени ерекшеліктерді іргелі теориялық зерттеу методологиясымен лингвомәдениеттану аспектісінде қарастырғаны жөн.

В.Телияның айтуына қарағанда, тілдік метафораның мағынасы талдау мен салыстырулар негізінде тек семасиологиялық аспектіде қарастырылып келгендіктен, метафораның теориясы әлі нақтыланбай келеді. (1966, 240)

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Ақмұқанова Б. Қазақ мақал-мәтелдері. Алматы, 1996. 41-43б
2. Болғанбайұлы Ә. Қалиұлы Ғ. Қазіргі қазақ тілінің лексикологиясы мен фразеологиясы. Алматы, 1997. 186-230б.
3. Копыленко М.М. Попова З.Д. очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978. -122 с.
4. Саркенова Қ. Фразеологизмдердің қолданылу ерекшеліктері.// Изденіс №1-2000. - б.11-15

*М.А. Кальметьева,
магистрант БГПУ им. М.Ақмуллы (г Уфа)*

РЕЦЕПЦИЯ ДРАМАТУРГИИ Т. СТОППАРДА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «ROCK’N’ROLL»)

22 сентября 2011 г. Российский академический Молодежный театр представил премьеру спектакля «Rock’n’roll» по пьесе, пожалуй, самого знаменитого и титулованного современного британского драматурга Тома Стоппарда в постановке Адольфа Шапиро. Несмотря на то, что пьесу еще в 2006 году с восторгом приняли лондонские театралы, российский зри-

тель получил возможность увидеть ее лишь сейчас. Многие театральные обозреватели отмечают, что премьера прошла с большим успехом, зал стоя аплодировал постановочной группе, режиссеру, артистам, разразился овацией, когда на сцену вышли реальные люди – закадровые персонажи пьесы – члены группы «The Plastic People of the Universe» (эта чешская рок-группа подвергалась преследованиям в 1970-е гг.), а уж появление сэра Тома Стоппарда вызвало настоящую бурю восторга. Поражает объем работы, проделанной театром ради этой премьеры – со времен постановки «Берега Утопии» того же Стоппарда российский зритель не видел столь масштабного, требующего столь серьезной подготовки и долгого осмысления, действия.

В пьесе герои постоянно говорят о музыке – и каждый из них понимает, что за названиями групп и композиций стоит определенное мировоззрение, круг идей, чувств, целые пласты не культуры даже, а жизни. Это особый язык, требующий полной вовлеченности, вдумчивого, «сконцентрированного» восприятия. На первом этапе считывается лишь общий смысл, для наиболее полного понимания глубинных пластов произведения важно подмечать каждую деталь, смену интонации, взгляды и «случайные» слова. Я не зря взяла слово «случайные» в кавычки, – ведь в пьесах Стоппарда по определению нет случайных слов.

Действие пьесы начинается в 1968 году, когда армии стран Варшавского договора были введены в Чехословакию. Так называемая «Пражская весна» – это период политической и культурной либерализации в Чехословакии с 5 января по 20 августа 1968, закончившийся вводом в страну войск.

С приходом к руководству Коммунистической партии Чехословакии Александра Дубчека Чехословакия начала демонстрировать все большую независимость от СССР. Политические реформы Дубчека и его соратников, которые стремились создать «социализм с человеческим лицом», не представляли собой полного отхода от прежней политической линии, как это было в Венгрии в 1956 году, однако рассматривались руководителями СССР и ряда соцстран как угроза партийно-административной системе Советского Союза и стран Восточной и Центральной Европы, а также целостности и безопасности «советского блока».

Была существенно ослаблена цензура, повсеместно проходили свободные дискуссии, началось создание многопартийной системы. Было заявлено о стремлении обеспечить полную свободу слова, собраний и передвижений, установить строгий контроль над деятельностью органов безопасности, облегчить возможность организации частных предприятий и снизить государственный контроль над производством. Кроме того, планировалась федерализация государства и расширение полномочий органов власти субъектов ЧССР – Чехии и Словакии. Причем одновременно с либерализацией в обществе нарастали антисоветские настроения. Часть пра-

вящей коммунистической партии – особенно на высшем уровне – выступала, однако, против какого бы то ни было ослабления партийного контроля над обществом, и данные настроения были использованы советским руководством в качестве повода для отстранения реформаторов от власти. По мнению правящих кругов СССР, Чехословакия находилась в самом центре оборонительной линии организации Варшавского договора, и её возможный выход из него был недопустим во время холодной войны.

Канва событий в пьесе охватывает период от августа 68-го до августа 90-го (когда The Rolling Stones дали концерт на Страховском стадионе в Праге), от удушения Пражской весны до победы Бархатной революции, разрушения Берлинской стены и падения «железного занавеса». А вот идеологические споры персонажей включают более широкий период истории: это, как минимум, весь XX век. Обсуждается судьба марксизма, революционных идей вообще и коммунистической партии в этом столетии. Причем, герои ведут именно дебаты – жаркие политические споры, и тут невозможно не восхищаться тем, насколько присвоен сложный текст актерами РАМТа, как легко они существуют в этом материале.

Наверное, для постановки этой пьесы нужно не только отличное знание всевозможных реалий жизни за «железным занавесом», не только понимание сознания человека, живущего в тоталитарном обществе, и не только музыкальная эрудиция. Пьеса остроумного и изящно мыслящего Стоппарда, признанного мастера дискуссии (вспомним сложную словесную эквилибристику драмы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы!»), в которой культурный слой с трудом поддается измерению, хороша и тем, что в ней действуют не просто «типы» (социальные, идеологические и т. п.), но настоящие люди – характеры, личности. На мой взгляд, Стоппард полностью справился с поставленной им же самой задачей – представить зрителю не изложение политических процессов или музыкальных реалий второй половины XX века, а некое сплетение человеческих судеб в стремительном потоке перемен, событий, побед и разочарований.

В спектакль из пьесы проникает горькое чувство потери – утраты молодости с ее надеждами, чистотой, мечтами о гармонии между вечным и сиюминутным. Но одновременно с этой горечью есть в "Rock n roll" и чувство счастья. Контрапунктом к постоянно меняющейся реальности в пьесе и спектакле выстраивается повтор практически одной и той же сцены: урок древнегреческого языка. Юные студентки приходят в профессорский дом и переводят стихотворение Сапфо о любви. Можно воспринимать эту сцену иронически: жизнь летит, возносятся и рушатся социальные системы, строятся и падают всевозможные стены, а тут, в герметичном мире, закрытом от ветров эпохи, все по-прежнему. Да, с одной стороны, это выглядит несколько нелепо. Но можно взглянуть на дело иначе (и Стоппард, несомненно, так и смотрит!): что бы ни происходило в мире, какие бы несчастья не выпадали на долю рода человеческого, люди влюблялись и влюб-

ляются. Пьеса поднимает не только вопросы свободы и рабства в плену другого человека, собственных идей и представлений, доктрин и политических игр, - она о том, что на самом деле смысл имеет не сиюминутное, но вечное – истинная любовь.

*Б.С. Карагулова, к.ф.н., доцент
Актюбинского государственного
педагогического института (г. Актюбе, Казахстан)*

ПРОБЛЕМА НЕОЛОГИЗАЦИИ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Любые новшества, происходящие в обществе, в первую очередь, находят свое отражение в языке. В связи с тем, что в любом языке много разнообразных лексических новообразований, исследователи занимаются их классификацией. Классификация основывается на разных признаках или принципах: формальных, семантических, прагматических, синтагматических и социально-лингвистических и т.д. Поэтому при классификации одни исследователи руководствуются общелексическими признаками, другие признаками, характерными только неологизмам. Конкретно остановимся на классификации неологизмов, активные использующихся в употреблении. Однако как появляются эти слова: в результате возвращения устаревших слов в активную лексику или же они новые слова, ранее не употреблявшиеся в языке? Этот вопрос является одной из актуальных проблем современного языкознания.

По виду языковых единиц неологизмы делятся на неолексемы, неофраземы, неосемемы. Неолексемами называются заимствованные новые слова или новые структуры. Например, имидж, маркетинг и т.д. Неофраземами называются новые устойчивые словосочетания, появившиеся во время перестройки: Ақ үй - Белый дом, рекламная пауза-жарнамалық үзіліс т.п. Неосемемами называются это новые значения устаревших слов и фразеологизмов. Например слову «экология» «чистота, правильность, гармония, забота о чистоте» имеет новое переносное значение. Например, экология духа (духовная экология), экология языка, культурная экология и т.д.

По мнению Н.З.Котеловой, если неологию рассматривать как новую науку, имеющую свой объект исследования, то и нижеследующие проблемы войдут в объект исследования:

1. приобретение устаревшим словом нового значения, например, терминологизация всех или отдельных значений устаревшего слова или же изменение «временного» или стилистического оттенка;
2. переход системы словообразования в новую форму: приобретение неизменяющимися прилагательными или принятие существительными, не имеющими множественного числа, форму множественного числа;
3. образование нового словосочетания;

4. новая лексико-грамматическая функция слова, например, использование служебных слов или устойчивых слов в новых моделях.

Неологизмы, связанные с обновленной степенью языковых единиц, делятся на две группы: 1).абсолютные 2).относительные. Иногда относительные неологизмы называются и функциональными или актуализированными словами. У абсолютных неологизмов до сих пор нет точного конкретного определения. Это объясняется отсутствием ранее в языке их основной характеристики. Например, используемые в современном учебном процессе слова *эдвайзер, кредитная технология, триместр т.п.*

Категория относительных неологизмов в русском языкознании рассматривается в исследованиях Т.Н.Поповой. К числу этих неологизмов относятся языковые единицы, которые существуют в языке и ныне обновленные. Остановимся более подробно на этой группе слов.

1.«Возвратившаяся лексика». Эта лексика появляется в результате активного употребления пассивных и устаревших слов, сохраняющих при этом свои первоначальные значения и стилистические оттенки. К этой лексике относятся и термины религиозного характера, также старые названия государственных органов и учебных заведений в результате их активизации: *гимназия, лицей.*

2.Слова, ранее активно употребляемые в литературном языке, но в последнее время имеющие новое значение. Слово «спонсор» хоть и активно употреблялось в литературном языке, в последнее время выступает в значении, «оказать спонсорскую помощь».

3.Образованные в результате внутриязыкового перехода. Эти слова появились при переходе языковых единиц из разговорной системы, терминосистемы, арго и жарго, диалектных слов, социальной, профессиональной лексики в литературный язык. Например, термины, относящиеся к социальной лексике, знакомые всем: *СПИД, мануальная терапия; слова-жаргоны, употребляемые молодежью: пирсинг, рэп, тусовка; термины бизнеса и финансового дела: бартер, брокер, инфляция.*

Появление новых слов или неологизмов связано с необходимостью новых названий. И соответственно, разным внешним факторам, которые повлияли на их образование, существование и употребление неологизмов в языке тоже разные. Если одни из них, связанные с социальными проблемами, приобретают историческую ценность (например, в связи с появлением нового государства жариялылык, қос палаталы и т.д.) то другие являются кратковременными. (названия модной одежды, прически или обуви). В основном появление новых слов зависит от более активного, производного способами, производными для того времени. Что бы ни было, при образовании нового слова происходит обновление значения устаревшего слова, в противном случае оно (новое слово) будет иметь заимствованный характер. Итак, неологизм- это новообразованное слово или сочетание слов или приобретение нового значения существующим

словам или же заимствованное слово и словосочетание, соответствующее новому понятию.

В ходе исследований выявлено, что неологизация устаревших слов осуществляется через процесс терминологизации. Здесь по объекту исследования сталкиваются несколько сфер языкознания: если устаревшие слова, по своей природе являются объектом исследования лексикологии, то их неологизация является объектом исследования неологии, а поскольку неологизация устаревших слов осуществляется через терминологизацию, то это является объектом исследования терминологии. И мы тоже затрагиваем проблему неологизации устаревших слов, которая является объектом исследования вышеуказанных сфер.

Устаревшие слова - это слова и словосочетания, вышедшие из употребления в речи. Из принято рассматривать как историзмы и архаизмы. Слово «архаизм» произошло от греческого слова «archaio» «устаревший». В основном исторические слова употребляются в художественной литературе как стилистический метод выразительности речи персонажа и для того, чтобы ярче представить картины прошлых времен. Сейчас архаизмы и их формы имеют вариантность. Они встречаются и в лексике, и в грамматике. Например, лексические архаизмы әлік-рука, атой-клич, у Абая мәліш-мелкая торговля, ұлпадай, ақ шомшы, аршөпке, у Махамбета алай ма, керіскедей шандозым, қырқарлану; к ним относятся и устаревшие слова, вытесненные синонимами, такие как қауыс (ноябрь); лексико-фонетические архаизмы, появившиеся в процессе устранения звуковой формы. Например, жегде-жейде, пұсырман-мұсылман. Прагматические архаизмы: *біздейін (біздей), сұмбідейін (сұмбідей), бар сана (барсайшы, барсаңшы)*.

Устаревшие слова не сразу исчезают из языка. Они в течение некоторого времени бывают понятны в общении людей, встречаются в художественной литературе, но с течением времени теряют нужность употребления в речи, соответственно теряется и их активность, но не совсем уходят из речи. Устаревшие слова используются в художественной литературе в целях описания прошлой эпохи или событий древних времен, в толковых словарях дается пояснение о том, что они устаревшие слова. Мы руководствовались этими двумя мнениями: к ряду устаревших относим и слова, вышедшие из употребления, и пассивные слова. В процессе развития языка иногда отдельные устаревшие слова возвращаются как активные языковые единицы. Это законное явление. Р. Сыздыкова об изменениях в значениях слов выражает такую точку зрения: «Эволюция значения слова означает не только развитие в плане улучшения, но и наряду с этим, непонятность или утрачивание значения слова, перенос, расширение, сужение значения слова характеризуют природу слова». Такие изменения значений слов особенно заметны в процессе возвращения устаревших слов в активную лексику. Эти явления

происходят при переводе заимствованных терминов или при выявлении новых явлений и необходимость выбора его названия. В том, что устаревшие слова могут становиться терминами, мы убеждаемся в результате рассматривания отдельно взятых слов, утвержденных государственными терминкомом как слова-термины. Но нужно помнить одно, что при рассмотрении устаревших слов в отношении к процессу терминологизации они являются уже неологизмами, т.е. новыми словами.

Соответственно каждой исторической эпохе составляется историческая лексикологическая классификация терминов. К их ряду относятся термины-архаизмы, термины-неологизмы. Составление этой классификации связано с классификацией терминов по обозначению объектов. Термины-неологизмы характерны для формирующейся терминосистеме. Термины-архаизмы появляются в результате вытеснения терминосистемой некоторых научных мнений и теорий в связи с ростом науки. Однако термин-архаизм сохраняется как языковая лексическая единица и может обретать новое значение в составе новой терминосистемы. Среди них активно встречаются и устаревшие слова, ставшие терминами. Например, в сфере государства и права слово «бодан» обозначающее значение «зависимый, подчиненный», сформировалось как термин в значении «подданство». Также «*кежеуіл-телехранитель*», «*қарымжы-задаток*», «*бопса-шантаж*», «*ереуіл- забастовка*», «*сыбага-паек*», в сфере информационной технологии «*ауани жады- виртуальная память*», «*айқұлақ- знак*», «*нобай-версия*» и другие слова, вернувшись в языковую среду, стали терминами. Вышеуказанные новые термины образованы в результате возвращения в употребление пассивных слов, приобретая новые терминные значения. Как мы замечаем, в их образовании и отборе присутствуют мотивационные основания. Если остановиться на том, как устаревшие слова превращаются в неологизмы, в новые термины, то мы видим, что знак «айқұлақ»-лексический архаизм, связан с внешней формой, т.е. терминизирован метафорическим способом, образован синтаксическо-аналитическим путем. Также термин «ауани жады» путем сочитания устаревших слов приобрел новое терминное свойство. Р. Сыздыкова указывала на персидское происхождение слова «жад» в устаревшем значении «память, вспоминать». И современное терминное значение этого слова тоже связано с этим значением. Все термины, указанные выше, образованы всеми существующими способами терминообразования и полностью соответствуют их свойствам. Поэтому одним из путей обновления (неологизации) устаревших слов является их терминологизация. Этим путем мы формируем и нашу национальную терминологию. Известно, что только тот язык, на котором термины образуются на своем родном языке, сможет стать языком науки и техники. Об этом высказывают свои точки зрения ученые, занимающиеся формированием национальной терминологии, и основным принципом

терминообразавания является принцип «обновления нашего старого, принятие устаревших слов как терминов». «Если в процессе терминообразования будем использовать и принимать готовые без перевода термины из других языков, тогда наш язык будет склонен к применению научных понятий без перевода и конечно, наша терминология не будет формироваться на языке нации»-, сказал Ш.Курманбайулы. Поэтому в ходе формирования национальной терминологии устаревшие слова занимают особое место. Также устаревшие слова при возвращении в языковую среду в первоначальном или похожем значении становятся терминами в качестве неологизмов и это явление может рассматриваться одновременно и в науке неологии, и в терминосистеме.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Котолова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1978.
- 2.Попова Т.В. Русская неология и неография. – Томск, 2005.
- 3.Сыздыкова Р. Сөздер сөйлейді. – Алматы, 1994.
- 4.Курманбайулы Ш. Терминқор: қалыптасу көздері мен терминжасам тәсілдері. – Алматы, 2005.

*З.С. Каримова,
к. ф. н., доцент БашГУ (г. Уфа)*

КЕШЕНЕҢ ФИЗИК ХАЛӘТЕН БЕЛДЕРГӘН ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР (АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВ ПРОЗАСЫ МАТЕРИАЛЫНДА)

Мәгънәләре ягыннан бу группага кергән фразеологик әйтелмәләр берничә фразеосемантик кырга берләшәләр: «яшәү – үлем», «чирләү – терелү», «авыру – таза», «ару – ял итү», «йокы – йокысызлык», «күрү – ишетү», «ашау – ачыгу».

Үлемне белдергән фразеологик әйтелмәләр: дөнъядан китеп бару, матәм чылбыры өзелү, нәзек жанда ефәк кыл зыңгылдап өзелү, кәфенгә урала башлау; жанын бирү; дөнъя кую; соңгы юлга чыгу; теге дөнъяга жиберү; жаны күккә очып китү; жанын тәслим кылу; дөнъя белән бәхилләшү; бакый дөнъяга китү һ.б. Мисаллардан күренүенчә, татар лингвомәдәниятендә “үлемне” белдерүче концепт сүз булып “дөнъя” сүзе тора. Шулай ук дөнъя сүзе белән кешенең тууы һәм үлүе дә аңлатыла: “дөнъяга килү” – туу, “дөнъядан китү” – үлү.

Татар дөнъя күренешендә дөнъя бөтен булган нәрсәнең гомуми атамасы буларак түгел, ә кешенең тормыш-көнкүрештәге яшәеше буларак аңлатыла. Дөнъя шулай ук яшәеш закончалыкларын, күренешләр күптөрлелеген танып-белү белән дә бәйләп аңлата. Язучыда “дөнъя” компоненты булган фразеологизмнар шактый. Алар яшәү шатлыгыннан

бар нәрсәне онытып тору яки аннан тую мәгънэләрен белдерәләр. Мәсәлән, *Егерме икедән сигезенче егет үз ихтыяры белән бу дөньдан китеп бара. Хәлил аны чалкан әйләндергәндә, Кунакбай жанын биргән иде инде.* Бер үк әсәрдә автор стиль таләпләрен искә алып, фразеологик әйтәлмәләрне кабатламый, ә яңадан-яңаларын ижат итә.

Кешенәң физик халәтен характерлаганда яшәү белән үлем – нигез төшенчәләр булып тора. Бу төшенчә фразеологизм гына булып тормый, ә бәлки аңарда яшәү һәм үлемгә карата язучы тарафыннан бирелгән эмоциональ-этик бәя дә. Мәсәлән:

Кешенәң гомум физик халәте күбесенчә «йоклау – йокламау», «ару – ял итү», «ашау – ачыгу» мәгънәләрендәге фразеологизмнар белән белдерелә:

Йокыны белдергән фразеологик әйтәлмәләр: *Күптәннән рәхәт йокы күрмәгән тыгыз керфекләр авырайды, тәне-хәтере, мазалары сак кына чылтыраган чиймә сулары белән әллә кая агып китте. Зәйтүнәнең жаны төпсез укынга чумды.*

Йокысызлыкны белдергән фразеологик әйтәлмәләр: *Наилә төне бие керфек какмады.* Мисаллардан күренгәнчә, автор “керфек” концептына өстенлек бирә. *Беләсегез килсә, бүген мин төне бие черем дә итмәдем.*

Аруны белдергән фразеологик әйтәлмәләр: “Ару”ны күп очракта язучылар “эт булу” аша аңлаталар. А.Гыйләжәвта да ул очрый. Мәсәлән: *Арып, алжып, эт булып, үзәбез казыган чокырга аякларыбызны асылындырып утырдык та көрәк сабы белән тирәнлекне үлчәп алдым. Күзе-башы тонган иде егетнең; Эш дигәнәң канны суыра! Пресста бертуктаусыз агып торган юеш балчык кирпечләрне кулдан-кулга йөртә-йөртә жаның гына тәндә исән кала! Көн азагына ми кайный, жылкә һәм күкрәккә кургаш калканнар асылына.*

Күңел ачуну, ял итүне белдергән фразеологик әйтәлмәләр: *Илленче елларда «Мир... Мир...» дигән шайтан коткылары, шул сүзгә ябышып яшәүче эрәмтамаклар, кызыл авызлар байтак илләрдә кәеф-сафа итәләр иде.*

Ачыгуны белдерүче фразеологик әйтәлмәләр: *Кичке ашны ашамаган ашказаны котырып китте; Иртән тамагына ризык үтмәгән Нәжипнең дә бурасы буш иде, ул да Наиләгә карап: «Әллә тамак ялгап алабызмы?» - диде.* Ашыйсы килү күп вакыт авыз, ашказан сүзләре белән ассоциацияләнә. А.Гыйләжәв болар белән генә чикләнмичә, персонажның бик нык ачыгуын белдерү өчен гиперболик метафоралардан да файдалана. Мәсәлән: *Карыным ачты, бүре йотардай булдым.*

Чамасыз күп ашауны белдергән фразеологик әйтәлмәләр: *Сабый чагында тавыкларга сипкән ярманы чүпләп, ярма ташы ялап теңкәгә тигән малай үскән саен бирәнән котыртты, ашады да ашады.*

Ашыйсы килмәүне белдергән фразеологик әйтелмәләр: Асаф Сәхипович Гөлсинә янына ашыга иде, тынычлығы югалган, ашау дәрте дә кимегән иде.

Ризыкның тәмен белдергән фразеологик әйтелмәләр: Телеңне йотасың валлаһи! Өстәлгә ниндиен генә оҗмах нигъмәтләре таратылмаган!

Кешенең сәламәтлеген характерлаган фразеологик әйтелмәләрдә аның рухи хәл-әхвәленә зур игътибар бирелә:

Кешенең авыруын белдергән фразеологик әйтелмәләр: Йосыфның йөзәннән кан качты, яңак сөякләре бүлтәеп чыкты, сулышы өзелеп-өзелеп алды, кан басымы бер өскә сикерде, бер төшөп китеп, югала язды; Миә түндә, күз кабаклары салынды, буыннар йомшак камырға әйләнде; Чәй әзрәк эҗылытырмы әле дисә дә, киресенчә, калтырау бөтен тәнәнә йөгәрде, ияк биен-биен алды, ул су өстен яңгыратып кат-кат төчкерде, күкрәк читлегенә салкын керде.

Кешенең савыгуын белдергән фразеологик әйтелмәләр: Дөрөс, ул шактый төз басып йөри башлады, сулыш алуы иркенәйде, тәнәнә әз-мәзләп ит кунды. Егетнең хәтере кайтуы госпиталь хадимнәренә бәйрәм булды.

Әдәби әсәрләрдә персонажларга фразеологик әйтелмәләр аша жан иясе буларак характеристика бирелә. Ул аның тышкы үзенчәлекләренә, физиологик билгеләренә һәм дөньяны кабул итү алымнарына образлы билгә куя. А.Гыйләҗев үзенә әсәрләрендә катнашучы персонажларның язмышларын тагы да тулырак образлы итеп ачу өчен кешегә тышкы (физиологик) характеристика бирүче тагын да күп төрле фразеологик әйтелмәләр аша ирешә. Менә аларның иң еш очрый торганнары:

Кешенең буй-сынын, кыяфәтен белдергән фразеологик әйтелмәләр: Аланга кайтканчы, Сабитның яхшы корычтан коелган тыгыз иңбашлары әллә ничә тапкыр аңа кагылып алды...

Кешенең матурлығын белдергән фразеологик әйтелмәләр: Гөлгенә сылу, чибәр, ирләрне котырта торган матурлык белән өрөтелгән зат иде.

Кешенең юанлығын белдергән фразеологик әйтелмәләр: Түшенә ике карбыз кыстырган, артына унар табалы штанга таккан, нык таушалган, көйгән керфекле өшәнгән марҗа каршыма ук килеп үткер генә бер карап алды да: «Мужчина, вы один?» - дип сорады һәм эҗитәкләп дигәндәй теге ир янына китереп утыртты.

Кешенең ябыклығын белдергән фразеологик әйтелмәләр: Ул үтә күренмәле арык, теге ун елында бер тапкыр да кояш күрмәгәндәй тәне зәңгәрсу-көмеш төскә кергән, дүрт почмакланган беләкләрен эҗиң эченә эҗыеп тора төсле. Иң куркынычы – беркемнең артында да карга чукырлык ит калмаган, ул кибеп корыган.

Бер яктан фразеологик әйтелмәләр аша кешенең физиологик үзенчәлекләре ачыкланса, икенчедән, әдәби әсәрләрдә һәм гомумән, кешенең физиологиясен белдергән сүзләр белән дә әллә никадәр

фразеологик әйтелмәләр төзелергә мөмкин һәм алар эсәрдә кеше физиологиясен генә белдермичә, башка бик күп төрле стилистик максатлардан чыгып файдаланылалар. Мәсәлән, А.Гыйләжәвнең «Балта кем кулында?» романында гына да шундый 258 фразеологик әйтелмә бар: «башлы-күзле булу», «авызын томаладылар», «буйсынмас башы балта астына куела», «сүзләре бөөрдән генә чыгу», «күз карашы үтәли тишә», «телгә кисү», «борын салыну», «борыны белән әңир сөрү», «колак итен тешили», «колакка элмәде», «колак кагу», «коты ботына төшү», «кул кулны юу», «баш бирмәде» һ.б. Мисаллардан күренүенчә, иң күп фразеологик әйтелмәләрне автор «баш», «күз», «кул», «колак» сүзләре белән ясый.

Шулай итеп, фразеологик әйтелмәләр аша кешегә жан иясе буларак характеристика бирү – ул аның тышкы сыйфатларына, физиологик билгеләренә һәм дөньяны кабул итүенә образлы бәя бирү дигән сүз. Нигездә, бу – кешегә табигать тарафыннан бирелгән хосусиятне күрсәтү. Кеше ул биологик берәмлек кенә түгел, жәмгыятьтә яшәүче дә. Кешеләрнең бер-берсе белән мөнәсәбәттә булуы, уртак хезмәт, рухи үсеше гомум эшчәнлегенә барлык өлкәләренә дә үтеп керә. Биредә кешеләрнең берләшүенә физик, физиологик билгеләр түгел, ә бәлки рухи ихтыяжлар берлеге, бер эш белән шөгылләнү, фикерләр берлеге тора. Һәрбер жәмгыятьнең үзенә традицияләре, горейф-гадәтләре бар. Алар теге яки бу халыкның яшәү рәвешен чагылдыралар. Болар барысы бергә ижтимагый тормышны формалаштыралар, ә кеше бу тормышка бер үк вакытта тәэсир итүче субъект та һәм объект та булып тора.

ӘДӘБИЯТ

1. Жуков В.Н. Семантика фразеологических оборотов / В.Н.Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
2. Жамалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният. Татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р.Р.Жамалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 350 б.
3. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мироведения к миропониманию / Р.Х.Хайруллина. – Уфа: БГПУ, 2000. – 285 с.

*А.С. Кобыскан,
студент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Компьютеризация образовательных учреждений является относительно новым явлением в образовании, и преподаватели испытывают ряд трудностей, вызванных объективными факторами, среди которых

недостаточно сформированное умение учеников и самих учителей пользоваться компьютером как средством работы с информацией.

Для реализации нового подхода к преподаванию с применением информационных технологий необходимо знать возможности, предоставляемые компьютером для усовершенствования учебного процесса на каждом этапе преподавания. Для организации работы учителем могут быть применены различные модели использования компьютера на уроках. Они подразделяются на организационные и методологические.

Мультимедиа (лат. *Multum + Medium*) – одновременное использование различных форм представления информации и ее обработки в едином объекте-контейнере [1].

Мультимедийные презентации могут быть проведены человеком на сцене, показаны через проектор или же на другом локальном устройстве воспроизведения. Широковещательная трансляция презентации может быть как «живой», так и предварительно записанной. Широковещательная трансляция или запись могут быть основаны на аналоговых или же электронных технологиях хранения и передачи информации.

В образовании мультимедиа используется для создания компьютерных учебных курсов (популярное название CBTS) и справочников, таких как энциклопедии и сборники.

Методическая система «спирального» обучения Л.А. Введенской заставляет учащихся думать, сравнивать, делать обобщения. Мы считаем, что базовые идеи данной системы могут стать основными принципами создания учебных телекоммуникационных проектов.

Исходя из требований современного образовательного процесса, мы должны учитывать такие его свойства, как психологизация и гуманизация. Поэтому мы имеем полное право включать материалы этнографического, исторического характера, а также энциклопедические данные. Всё это пробуждает у обучающихся интерес к научной деятельности, расширению кругозора, повышению культуры речи.

Применение средств ИКТ выражается в применении особых телекоммуникационных проектов при осуществлении учебного процесса. Рассмотрим и дадим подробную характеристику видам телекоммуникационных проектов, применяемых на уроках русского языка.

Учебный телекоммуникационный проект – это совместная учебно-познавательная творческая или игровая деятельность учащихся-партнеров, организованная на основе ресурсов информационно-коммуникационных технологий (например, Интернет), имеющая общую цель, согласованные методы и способы деятельности, и направленная на достижение общего результата по решению какой-либо проблемы, значимой для участников проекта. [3;10]

Телекоммуникационный проект – наиболее удобная форма внедрения ИКТ в образовательный процесс, т. к. он представляет собой относи-

тельно законченный комплекс деятельности (учебно-познавательной, исследовательской, творческой или игровой), организованной на основе компьютерной телекоммуникации. Работа с данными проектами предполагает полное изучение материала по той или иной теме.

На данный момент использование телекоммуникационных проектов подробнее освящено в сфере обучения иностранным языкам, чем в преподавании русского языка. В частности, Бухаркина М.Ю. предлагает следующую типологию международных языковых (лингвистических) телекоммуникационных проектов [2; 33-46]:

1.1. Обучающие проекты, направленные на овладение языковым материалом, формирование определенных речевых навыков и умений.

1.2. Лингвистические, направленные на:

- изучение языковых особенностей;
- изучение языковых реалий (идиом, неологизмов, сленга и т.п.);
- изучение фольклора.

1.3. Филологические, направленные на изучение:

- этимологии слов,
- литературные исследования,
- исследования историко-фольклорных проблем,
- творческие.

Данная классификация не в полной мере отвечает методическим потребностям преподавателей русского языка. Чтобы сформировать свою типологию телекоммуникационных проектов, необходимо учитывать следующие требования:

- обеспечить практическое овладение грамматическими правилами;
- развивать коммуникативные навыки учащихся;
- развивать навыки работы над текстом;
- развивать лингвистический и филологический кругозор учеников;
- сформировать начальные лингвокультурологические знания учащихся;

- осуществить подготовку к ГИА и ЕГЭ по русскому языку.

Мы даём свою классификацию телекоммуникационным проектам исходя из вышеперечисленных требований, а также с учётом специфики разделов преподавания дисциплины «Русский язык» в школе [4]:

- Фонетические телекоммуникационные проекты;
- Лексикологические телекоммуникационные проекты;
- Грамматические телекоммуникационные проекты;
- Текстоведческие телекоммуникационные проекты;

- Телекоммуникационные проекты, направленные на развитие компетенций:

1. Проекты, направленные на развитие коммуникативной компетенции.
2. Проекты, направленные на развитие языковой компетенции.
3. Проекты, направленные на развитие лингвистической компетенции.
4. Проекты, направленные на развитие лингвокультурологической компетенции.

Данная классификация охватывает все разделы преподавания русского языка и позволяет применять телекоммуникационные проекты на всех уроках по русскому языку в рамках школьной проблемы. Таким образом мы можем сделать вывод о том что данная классификация представляет интерес для учителей. Трудоёмкость подготовки данных проектов компенсируется итоговым результатом: школьники увлечённо включаются в работу с подобными материалами, у них повышается учебная мотивация и любовь к родному языку. Разновидность проектов даёт нам возможность строить разнообразные сценарии уроков.

Проекты помогают создать на уроке условия реальной языковой среды, на базе которой будет формироваться языковая личность каждого учащегося.

Таким образом, взвешенное и грамотное применение ИКТ позволит оптимизировать управление обучением, повысить эффективность и объективность учебного процесса при значительной экономии времени преподавателя, а также мотивировать учеников на получение знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Richard Albarino, "Goldstein's Light Works at Southhampton". – Variety, August. – 10, 1966. Vol. 213, No. 12.

2. Бухаркина М.Ю. Телекоммуникационные проекты и их специфика. Бухаркина М.Ю. / В сб. Телекоммуникация в учебно-воспитательном процессе в школе: Метод. рек./Под редакцией Е. С. Полат – М, 1993. – С. 33–46.

3. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, – М.: Издательский центр «Академия», 2007.

4. Никифорова Л. Г. «О преподавании учебного предмета «Русский язык» в 2008-2009 учебном году в общеобразовательных учреждениях Ярославской области». [Электронный ресурс] // методическое письмо http://www.iro.yar.ru/m_letter/rus_08.htm Режим доступа: свободный (дата обращения 28.11.2010).

*А.Г. Косов,
к. ф. н., доцент БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ЛОКАЛЬНАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ВУЗОВСКОГО КУРСА «ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ»*

Историю русского литературного языка трудно признать окончательно разработанной до тех пор, пока остается неисследованным огромный массив текстов, хранящихся в региональных архивах России. Язык местных официально-деловых документов, определяет особенные линии в эволюции литературного языка, обнаруживает наличие многообразных норм и установлений в различных жанрах этой эпохи.

Диахроническое и синхроническое лингвокраеведение объединяются обращением к языку населения одной и той же ограниченной территории в разные периоды. Это обеспечивает большую точность и достоверность выводов, хотя и не исключает сравнения однотипного материала «по горизонтали» – с другими регионами и центром, и «по вертикали» – современного состояния языка с прошлым в любом из его временных звеньев.

Предметом диахронического, или исторического, лингвокраеведения является язык локальной, чаще всего документальной письменности, начиная с самой ранней её фиксации, с привлечением культурно-исторических сведений о времени, месте и обстоятельствах создания текстов. В данной дисциплине синтезируется проблематика лингвистического источниковедения, исторической диалектологии, истории русского языка, филологического краеведения, исторической стилистики.

Для анализа в аспекте исторического лингвокраеведения на Южном Урале отбираются подлинные региональные документы русской истории XVIII в., отражающие эпоху радикальных перемен не только в обществе, но и в общегражданском языке, происходивших в центре и на окраинах России. Это было время становления национального литературного языка, время серьезной реформации во всех сферах общественной жизни (в экономике, политике, праве, образовании, культуре и т. д.), время нарастания полифункциональности в литературе, время обострения противостояния светской власти и церкви в управлении страной.

Первым звеном в организации комплексной учебно-исследовательской работы по историческому лингвокраеведению в вузе может являться архивная практика для студентов-филологов, которая может заменить учебную полевую диалектологическую практику. Главная цель работы – овладение культурой чтения скорописных текстов, их

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 10-04-84403а/У).

транслитерация и накопление адаптированного материала для последующего углублённого лингвистического анализа

На занятиях по историческому лингвокраеведению в вузе студенты знакомятся с общей языковой ситуацией, сложившейся к XVIII веку, с устройством государственных учреждений России XVIII века, с системой документооборота южноуральских провинциальных канцелярий, с особенностью графики и орфографии документов XVIII века, с жанровыми особенностями российского делового письма, со структурой и составными частями текстов актов официально-делового содержания, с текстовым трафаретом и его вариантами различных жанров деловой письменности XVIII века.

На практических занятиях студентам предлагается произвести текстологический анализ документов, относящихся к различным жанрам, по следующему плану:

1. Выявить смысловую структуру текстов данного жанра, учитывая назначение документа, соотношение между устойчивыми и свободными частями. Выделить зачин, основную часть и концовку текста.

2. Выделить текстовые соответствия каждому тематическому элементу структуры, определив их место и последовательность в композиции текста, зафиксировать языковое варьирование в каждой части.

3. Учесть авторство документа (судебный заседатель, «пищик», «дьячок», канцелярист, свободное лицо и т.д.) и найти в тексте языковые средства его выражения, так как специфика языка памятника зависит не только от коммуникативной задачи, но и от личности писавшего.

4. Определить в рамках функциональной стилистики языковые особенности текстов данного типа на уровне лексики и семантики, морфологии, словообразования и синтаксиса.

5. Определить, на каких уровнях (фонетико-орфографическом, лексико-семантическом, грамматическом) больше сказывается индивидуализация письма вопреки нормам и правилам.

Также студентам предлагается транслитерировать оригинальные скорописные тексты конца XVIII века из южноуральских провинциальных канцелярий.

Рукописные материалы, появившиеся в результате деятельности местных органов власти, учреждений, существовавших в Уфе и Челябинске в XVIII века, хранятся в исторических фондах Государственного исторического архива Республики Башкортостан (ГИА РБ) и Объединённом Государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). Для описания и анализа на занятиях по «Историческому лингвокраеведению» отобраны тексты из фондов государственного управления, органов городского, земского и сословного самоуправления. Из фондов ГИА РБ отобраны материалы И-1 «Оренбургское губернское правление», И-2 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора», И-3 «**Оренбургский губернский прокурор Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда**», И-5 «Уфимское го-

родское полицейское управление», И-6 «Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора». Из ОГАЧО отобраны материалы фондов И-33 «Челябинское духовное правление», И-119 «Верхнеуральская канцелярия полицейских дел», И-15 «Челябинский городской магистрат», И-1 «Челябинская городская дума», И-44 «Челябинский уездный земский суд», И-121 «Челябинский уездный суд».

В документах представлены все три ветви власти: административно-полицейская, финансово-хозяйственная и судебная.

Авторами и адресатами в анализируемых актах выступают следующие **административно-полицейские** учреждения и должностные лица: наместник Уфимского наместничества генерал-майор Александр Александрович Пеутлинг, Уфимское наместническое правление, губернатор Оренбургской губернии князь Иван Баратаев, губернатор Оренбургской губернии генерал-поручик Иван Андреевич Реиндорп, Оренбургское губернское правление, Уфимский приказ общественного призрения, Челябинское городское собрание, Челябинская городская общая дума, Челябинская городская шестигласная дума, Челябинский нижний земский суд, Верхнеуральская Управа благочиния, Челябинский городской голова Егор Ильиных, Челябинский городской голова фон Швейгофер, Челябинский городской голова коллежский советник Денибеков, Челябинский городской староста Андрей Мотовилов, Челябинский городской староста Меньшиков, Челябинский городской староста Сидор Хохлов, Гласный от казачьей команды отставной сотник Казанцев, Гласный от «посиделых» Михей Алексеев, дворянский заседатель Верхнеуральского нижнего земского суда прапорщик Семён Костыгин, исправник Верхнеуральского нижнего земского суда капитан Михаил Каравцов.

Административно-хозяйственная ветвь власти представлена Уфимской казённой палатой и Челябинским уездным казначейством.

В переписке также представлена целая система **судебных органов**: Челябинский уездный земский суд, Челябинский городской магистрат, гражданские общественные дела г. Челябинска, Челябинский волостной суд, Караченский волостной суд, Чумлятский волостной суд, Воскресенский волостной суд, Куртамышский волостной суд, Таловский волостной суд, Кашинский волостной суд, Волостной суд Нижнеувельской слободы.

Кроме того, в переписке представлены **органы церковного управления** – Тобольская духовная консистория, Епископ Тобольский и Сибирский Варлаам, Челябинское духовное правление, Воскресенское духовное правление, церковный староста Веденской церкви крестьянин Ларион Боровских, церковный староста Благовещенской церкви крестьянин Фёдор Притчин, церковный староста Спасской церкви Фёдор Щипунов, священник Троицкой церкви Михаил Кузнецов, священник Христорождественской церкви Симеон Кайдалов, священник Спасской церкви Пётр Рычков, священник Николаевской церкви Яков Трапезников, священник Крестовоздвиженской церкви

Кузьма Белорусцев, дьякон Христорожественской церкви Иван Протасов, дьячок Христорожественской церкви Ефим Трапезников.

В активе любого учреждения или должностного лица был определённый набор разновидностей документов для ведения диалога с тем или иным (вышестоящим, нижестоящим или равным) органом власти.

Губернаторы получали от царя и Сената *указы* и представляли им *рапорты* и *доношения*. Всем учреждениям губернского подчинения – губернскому правлению, судебным палатам, приказу общественного призрения – губернаторы давали *предложения* и получали от них *представления*. С учреждениями городского подчинения, с городничими и земскими исправниками губернаторы сносились *указами*, *предложениями* или *предписаниями* и принимали от них *рапорты* и *доношения*.

Губернское правление по «Учреждению о губерниях» «*на равнэ есть съ Коллегіями, и для того кромэ Императорского Величества и Сената ни отъ кого не принимаетъ законовъ и указовъ, и ни къ кому иному не подаётъ и не присылаетъ рапортовъ и доношений*» [3; 287]. Всем подчинённым местам и должностным лицам – уездным и земским судам, магистратам, исправникам – губернское правление посылало *указы* и *предложения*, а получало от них *рапорты* и *доношения*. С равными учреждениями – другими губернскими правлениями, судебными палатами, приказом общественного призрения – губернское правление сносилось *сообщениями* «*съ прописаніемъ причинъ: да благоволитъ Правленіе Губернское приказать, или послать, или какъ по которому случаю складно, прилично, или нужно писать...*» [3; 287].

Казённая палата от верховной власти и Сената получала *указы*, *повеления*, представляя им, в свою очередь, *рапорты* и *доношения*. С губернским правлением, судебными палатами и другими равными им учреждениями казённая палата сносилась *сообщениями*.

Городничий напрямую подчинялся губернатору, губернскому правлению и казённой палате, поэтому от них принимал *указы* и *повеления* и посылал им *рапорты* и *доношения*. От судов городничий получал *приговоры*, *определения* и *решения*, об исполнении которых доносил и сообщал «куда надлежить». С уездным судом, уездным казначеем, городским магистратом, нижним земским судом, земским исправником, а также с городничим и прочими равными «местами» другого города, округа или посада городничий сносился *сообщениями*.

Гражданские лица обращались в официальные учреждения с помощью *прошений* и *доношений*, на которые органы власти отвечали *приказами* и *приговорами*.

Этот иерархический порядок взаимоотношений учреждений сохранялся в течение всего XIX в., в определённой степени он присутствует и в современном делопроизводстве.

В соответствии с типовыми задачами, которые решает инициатор письменного делового общения и которые наиболее актуальны для деловой переписки XVIII века, документные жанры южноуральских провинциальных канцелярий можно разделить на три группы:

– документные жанры, побуждающие к действию (решению проблемы, участию в каком-либо деле, совершению каких-либо действий): *указы, приказы, предложения, наставления, прошения, доношения, объявления, рапорты-просьбы, сообщения-просьбы;*

– документные жанры, информирующие адресата: *рапорты-отчёты, собственно сообщения, известия, объяснения, явки, промемории, ревизские сказки, ведомости, росписи, реестры;*

– документные жанры, придающие юридический статус какому-либо событию (документирование заключаемых отношений, сделок, совершаемых финансовых операций и т.д.): *расписки, квитанции, присяги, верящие письма, клятвенные обещания, протоколы, приговоры, допросы, билеты, векселя, договоры.*

Документные жанры имеют набор признаков, позволяющих противопоставить один жанр другому. В качестве таких жанрообразующих признаков текстов делового содержания XVIII века являются: целеустановка, модальность текста, самоназвание, образ автора, образ адресата, формальная организация.

Выбор жанра документа обуславливает необходимость знания формы (схемы) соответствующего документа. Следовательно, уяснение конкретного значения жанра в рамках деловой письменности можно получить на основе формулярно-содержательного анализа выделенных жанров, поскольку именно в формуляре документа в конкретных формулах закрепляется модальное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. – 114 с.

2. Новосёлова Н.А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале. Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 176 с.

3. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XX. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1174 с.

*М.А. Кулак,
магистрант БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

МОТИВЫ ФИЛОСОФИИ А.ШОПЕНГАУЭРА В РОМАНАХ ТОМАСА ГАРДИ

Романы Томаса Гарди нередко подвергались критике за чрезмерный пессимизм и трагизм мироощущения. Большое влияние на трагическое мировоззрение Гарди оказал немецкий философ Артур Шопенгауэр. В своем труде «О ничтожестве и горестях жизни» Шопенгауэр пишет о том, что людская жизнь – это сплошные страдания и разочарования, что рождение и земное существование – есть некая кара, а смерть – лучшее, что может быть для человека.

В данной статье анализируются романы «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» и «Джуд незаметный», на которые на наш взгляд, определяющее воздействие оказала работа Шопенгауэра «О ничтожестве и горестях жизни» .

В начале романа «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» между Тэсс и ее братом происходит любопытный диалог:

- Ты говорила, что звезды - это миры, Тэсс?

- Да.

- И все такие же, как наш?

- Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей

яблони. Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

- А мы на каком живем - на красивом или на подгнившем?

- На подгнившем.

- Вот уж не повезло, что мы не попали на хороший, раз их больше, чем плохих!» [1; 8]

Мы видим, как юная девушка, буквально использует фразеологию «Теоретика вселенского пессимизма» о худшем из возможных миров. Поставив под сомнение теорию Лейбница о лучшем из возможных миров, Шопенгауэр выдвинул доказательство, что человечество живет в худшем из возможных миров:

«И вот наш мир устроен именно так, как его надо было устроить для того, чтобы он мог еле-еле держаться; если бы он был еще несколько хуже, он бы совсем уже не мог существовать. Следовательно, мир, который был бы хуже нашего, совсем невозможен, потому что он не мог бы и существовать, и значит, наш мир – худший из возможных миров.» [4; 75]

Шопенгауэр считал, что на каждом шагу, жизни человека угрожает гибель. Гарди предостерегает свою героиню Тэсс пугающим знаком в виде религиозной фразы написанной на заборе алым цветом: «Погибель твоя не

дремлет», что заставляет девушку предчувствовать свою обреченность в «худшем из возможных миров».

Шопенгауэр рассматривал жизнь не как подарок, а скорее как тяжелое бремя, долг, который люди должны заплатить по условию.

Всякое удовлетворение, т.е. всякое удовольствие и всякое счастье по Шопенгауэру, имеет отрицательный характер, между тем как страдание по своей природе положительно.

«...наше существование счастливее всего тогда, когда мы его меньше всего замечаем: отсюда следует, что лучше было бы совсем не существовать.» [4; 66] Он приводит в пример Лессинга, который удивлялся уму своего сына, который ни за что не хотел выходить на свет Божий, был насильно извлечен в него акушерскими щипцами и, не успев явиться, сейчас же поспешил уйти из мира. [4; 75]

В романе «Джуд Незаметный» Сью, во время разговора с Арабеллой рассуждает о своей третьей беременности: «порой мне кажется так ужасно и трагично – производить на свет живые существа!.. Для этого надо быть очень самонадеянной... И вот я задаю себе вопрос, дано ли мне на это право?» [2; 156]

А затем убитые горем Сью и Джуд рассуждают о смерти своих детей: – А может, и к лучшему, что они умерли?.. Да... теперь я начинаю думать, что это так. Быть сорванным до срока - это лучше, чем медленно и безрадостно вянуть.

- Да, – ответил Джуд, – некоторые считают, что родители должны радоваться, когда дети умирают в младенчестве.» [2; 198]

В «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» также появляется такое печальное явление, как смерть ребенка. Внебрачный младенец Тэсс умирает, так и не узнав всех горестей бытия.

Если отталкиваться от теории Шопенгауэра, мы можем предположить, что Томас Гарди освобождает детей в своих романах от тяжкого мучения бытия. Шопенгауэр в своих трудах приводит следующее изречение Софокла:

«Величайшее первое благо – совсем
Не рождаться, второе – родившись,
Умереть поскорей...» [4; 79]

[Перевод Д. С. Мережковского]

Так же философ приводит стихи Плутарха:

«Они оплакивали родившегося, который идет на встречу стольким печалям; а если кто в смерти находил конец своим страданиям, того друзья выносили с приветом и радостью.» [4; 78]

Оба рассматриваемых романа заканчиваются смертью героев. Момент смерти Джуда совпадает с городским праздником. Одними из последних слов главного героя было выражение Святого Иова Мученика:

«Да сгинет день, в который я родился, и ночь, в которую сказано:

«Зачался человек!» [2; 244]

Эта реплика завершается доносящимися с улицы весельем и возгласами «Ура!». Праздник во время смерти Джуда создает впечатление радости избавления от мучений.

Перед своей казнью Тэсс говорит:

«Так и должно быть. Энджел, я почти рада...да рада! Это счастье не могло быть долговечным.» [1; 473]

Во всей истории человеческого существования Гарди видит трагедию. Он пишет:

«Рев города. Из чего он состоит? Спешка, речь, смех, стоны, крики маленьких детей. Люди в этой трагедии смеются, поют, курят, выпивают и прочее, ухаживают за девушками в гостиницах и под открытым небом; и все они играют свои роли в трагедии. Некоторые из них в бриллиантах и перьях, другие – в лохмотьях. Все они пойманные птицы; разница лишь в размере клетки. И это тоже часть трагедии.» [3; 10]

Итак, мы видим, что пессимистическое мировоззрение Томаса Гарди очень близко к мыслям Шопенгауэра, которые, в какой-то степени, объясняют некоторые перипетии в жизни героев Гарди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарди Т. Тэсс из рода Д'Эрбервиллей: Роман/ Пер. с англ. Кривцовой А. предисл. М Урнова. – М.: Изд-во Эксмо, 2006
2. Гарди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А.Кривцовой; Состав. Ю.Сенчулова; Примеч. Е.Ланна, Ю.Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007.
3. Демурова Н. Томас Гарди. Прозаик и поэт.// Гарди Томас. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1 М., «Художественная литература», 1989.
4. Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С.Нарский. – М.: Просвещение, 1992.

*И.Д. Кулмуринова,
магистрант Актюбинского университета им. С. Байшева
(г.Актобе)*

АҒЫЛШЫН ФРАЗЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Сөз өнерінің қажетті құралы тіл болса, сол тілді зерттейтін әр ұлттың өзінің тіл ғылымы бар. Сол сияқты тіл ғылымдарының ішіндегі сөз тіркестерін зерттейтін ғылым – фразеология. Фразеология – лингвистиканың үлкен бір саласы. Фразеологияны жеке пән деп атауға да, лингвистиканың үлкен бір саласы деп атауға да болады.

Фразеология – құрамы мен құрылымы тұрақты, сөйлеу кезінде конструкцияланбай, даяр қалпын сақтай отырып қолданылатын, мағына тұтастығы мен тіркес тиянақтылығы тән бейнелі тұрақты тіркестердің қазіргі күйін және тарихи қалпын зерттейтін тіл білімінің саласы. Осының негізінде фразеология қазіргі немесе синхронды және тарихи немесе диахронды деп бөлінеді.

Фразеологияның зерттейтін пәні – фразеологиялық оралымдар. Оларды фразеологизмдер, фразеологиялық бірліктер немесе фраземалар деп атайды. Сондықтан да қандай да бір тілдің фразеологиялық бірліктерін фразеология деуден гөрі (себебі ғылым саласымен омонимдес болып қалады) морфемика, В.Виноградов лексика терминдеріне сәйкестендіріп фраземика деп аталған жөн.

Фразеологияның жалпы лингвистика саласы ретіндегі тарихи ұзаққа бармайды. Тіл білімінің жаңа бағатын таңбалайтын «фразеология» термині жеке лингвистикалық пән ретінде ХХ ғасырдың 40-жылдары дүниеге келді. Фразеологияның алғашқы теориялық негізі және осы мәселе жөніндегі идеяны дамытушы Ш.Балли болса, оның Ресей топырағындағы дамуы мен жаңа, жеке лингвистикалық сала ретінде қалыптасып дүниеге келуі академик В.Виноградов есімімен тығыз байланысты.

Ресейдегі В.В.Виноградов теориясының жалғасы орыс ғалымдары В.Л.Архангельский, В.П.Жуков, В.И.Зимин, А.В.Кунин, А.И.Молотков, Л.И.Ройзензон, А.И.Смирницкий, В.Н.Телия, Н.М.Шанский және т.б. еңбектерінде көрініс тапты. Фразеологияның тіл біліміндегі фонология, морфология, лексикология және синтаксис салаларынан ерекшелігі – ол «тарихи тұрғыдан тіл туралы ғылымының екіншілік жасалымы» (М.М.Копыленко, З.Д.Попова) [1]. Оның зерттеу нысанасы – «сөздер мен сөйлемдердің мағыналық жағынан байланысты тіркесімі» (В.Телия) [2] болып табылатын фразеологизмдер мен фразеологиялық бірліктер.

Кез-келген халықтың мен ұлттық болмысын танытатын оның әр алуан өнері болса, сол өнердің алды – қызыл тіл – деген даналық сөз бар. Тілдің байлығын, терең тұңғық сырлары мен құпияларын ашқан, сұлулығына тамсанып, шебер қолдана білген, сол тілде сөйлейтін халықтың кеменгерлігі мен даналығы екені сөзсіз.

Тілдің бейнелілігін, байлығын арттыра түсінетін сөздік қордың ауқымды бөлігін құрап тұратын тілдік бірліктер – фразеологизмдер. Фразеологизмдер – халықтың тұрмыс-салтының, әдет-ғұрпының, мінез-құлқының, өмір сүру ортасының, тұрмыс-тіршілігінің, экономикалық және саяси көзқарастары мен өзгерістерінің және т.б. айнасы.

Лингвист ғалым С.Аманжолов өз еңбектерінде фразеология мәселесіне тоқталады. Өзінің «Қазақ әдеби тілінің және диалектологиясының мәселелері» атты ғылыми мұрасында: «Қазақ тілі идиомалар мен фразеологиялық тіркестерге өте бай. Біздің ойымызша, идиомалық және фразеологиялық оралымдар қазақ халқының ойлау

жүйесін зерттеуді және тілдегі мазмұн мен фраземаны қарастырудың тамаша нысанасы бола алады», - деп ерекше атап көрсетті [3, 254].

Тілдік қорды құрайтын фразеологизмдер мен фразеологиялық бірліктерді зерттеу тіл білімі ғылымының болашағы болып табылады. Фразеологизмдердің методологиясын анықтау фраземаларды айқындаудың мәртебесімен тікелей байланысты. Фраземаларға кең көлемдегі көзқарас синтаксис аспектісімен ұштасып жатса, керісінше, тар көлемдегі баға лексикологиямен табан тіресуі әбден мүмкін.

Фразеологизмдерге деген тар көлемдегі бағытты ұстай отырып, оларды зерттеудің, талдаудың әдістеріне сипаттама жасап көрейік. Фразеология теориясында қалыптасқан әдістер осы сала бойынша жазылған еңбектердің жемісі болып табылады. XX ғасырдың қырқыншы жылдары тіл білімінің саласы ретінде қалыптасқан фразеология ғылымында қазіргі күні әр түрлі бағыттар мен осы бағыт нәтижесінде түрлі әдістер дүниеге келді.

Жалпы фразеология теориясында бүгінгі таңда төмендегідей әдістер қалыптасқан:

- Құрылымдық-семантикалық модельдеу әдісі, ол идеографиялық өрістер мен семантикалық топтарға және синонимдік қатарларға сүйенеді;
- Семантикалық-синтаксистік модельдеу әдісі, бұл әдіс фраземалар жүйесінің универсалдығы мен дифференциалдық құрылымын айқындауды мақсат етеді;
- Құрылымдық-ұялық әдіс негізінде фраземалар компоненттердің тақырыптық топтастырулары жатыр;
- Валенттік әдіс фраземалар құрамындағы сөздердің тіркесімділігіне негізделген;
- Семантикалық-диахрониялық әдіс – фраземаларды тарихи салыстырып зерттеуге негізделген;
- Эквиваленттік әдіс түрлі типологиялық топтарға жататын тілдерді салғастыру нәтижесінде жүзеге асады;
- Функционалды-коммуникативтік әдіс тілдердің фразеологиялық жүйесінің квалитативті және квантативті ұқсастықтары мен социолингвистикалық ерекшеліктеріне сүйенеді;
- Сипаттамалы лексикографиялық әдіс қостілді сөздіктерге талдау негізінде жүзеге асады.

Кез-келген тілдің фраземалары тілдік жүйеде қалыптасқан сөз тіркестері моделдері негізінде жасалады. Фразеологизмдердің сөз тіркестеріне және сөз таптарына қатысын, фразеологиялық бірліктерге тақырыптық-семантикалық топтастырулар жасау, ол бірліктердің синонимдік қатарлар құрауы және т.б. мәселелер құрылымдық-семантикалық әдіс негізінде талданған.

Бұл әдіс фразеология теориясында кең етек алған. XX ғасырдың сексенінші жылдарына дейін осы әдіс негізінде жазылған еңбектер саны аз емес. Қазіргі қазақ фразеология теориясында аталмыш теориялардың алатын орны ерекше.

Фразеологиялық қордың қандай әдіс негізінде талдануына орай қазақ тілі білімінің фразеология саласы түрлі бағыттар бойынша зерттелді:

- Фразеологизмдердің теориялық, практикалық мәселелері;
- Фразеологизмдердің стильдік қызметі;
- Көркем шығармаларда қолданылуы;
- Фразеологизмдерді мағыналық, тақырыптық тұрғыда топтастыру принциптері;
- Фразеологизмдердің әдеби тіл тарихы тұрғысынан зерттелуі;
- Фразеологизмдердің жеке категориялары;
- Фразеологизмдердегі диалектілік ерекшеліктер;
- Фразеологизмдердің құрылымы жағынан зерттелуі;
- Фразеологизмдердің этнолингвистика тұрғысынан зерттелуі;
- Фразеологизмдердің жеке тілдер деректері негізінде салыстырыла зерттелуі.

Кейінгі кездері қолымызға тиген еңбектерге көңіл аударсақ, түркі тілдес халықтардың фразеологиялық қорының зерттелуі түркі халқының тарихымен, этнографиясымен, мәдениетімен, әдет-ғұрпымен байланыса, сабақтаса талданып жатқанына көз жеткізуге болады. Мұның себебі, біріншіден, қазір әлемдік тіл білімінде лингвистика мен басқа пәндер негізінде қалыптасқан шектес ғылымдар – лингвомәдениеттану, елтану, тіл философиясы, этнолингвистика, когнитивтік лингвистика, нейролингвистика, қолданбалы тіл білімі, әлеуметтік тіл білімі т.б. әсері болса, екіншіден, жеке түркі халықтары өз тәуелсіздігіне қолы жетіп, өз тарихы мен дәстүріне мақтанышпен қарауынан да болуы керек.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва, 1996
3. Аманжолов С. Қазақ әдеби тілінің және диалектологиясының мәселелері. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алматы, 1997
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – Москва, 1989
5. Есимжанова М.Р. Межъязыковые фразеологические соответствия (на материале английского, русского и казахского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 1999

6. Омиралиева Ж.К. Национально-культурная специфика конвенциональных фразеологизмов с соматизмами (на материале русского, казахского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 1999
7. Есимжанова М.Р. Краткий англо-русско-казахский фразеологический словарь. – Алматы, 1999
8. Аманжолов С. Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің курсы. – Алматы, 1994
9. Хасенов Ә. Тіл білімі. – Алматы: Санат, 2003. – 413 б.
10. Оралбаева Н., Әбілқажов А., Мадин Ғ. Қазақ тілі. – Алматы: «Қазақ университеті», 1993. – 235 б.
11. Сиротина М.И. Тысячи идиом. – Москва: «ВЛАДОС», 1997. – 74 б.
12. Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. – Москва, 1964.

*Р.И. Латыпов, к.ф.н., директор
МБОУ «Лицей-интернат №79» (г. Набережные Челны)*

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИН ХЕЗМӘТЛӘРЕ – ИДАРӘ ИТҮ ПРОЦЕССЫНДА ЯРДӘМЧЕ.

Яңа мәктәп, киләчәк мәктәбенең төп максаты - зыялы, югары культуралы, актив тормыш позициясенә ия булган укучы шәхес тәрбияләү. Кешелекнең киләчәге, Ватан язмышы, гаилә бәхете киләчәктә гражданин булачак баланың менә бүген нинди тәрбия һәм белем алуына бәйле. Бүгенге балаларыбыз тагын берничә елдан соң нинди кеше булып, ата-бабаларының лаеклы дәвамчысы була алырмы?

Укыту-тәрбия эшчәнлегенә турында сүз башлаганбыз икән, Ризаэддин Фәхреддин хезмәтләренә тукталу урынлы булып. Ризаэддин Фәхреддин - татар мәгърифәтчеләге тарихында тәрбия - әхлак, шәхес тәрбияләү мәсьәләләренә күп көч куйган һәм гажәеп хезмәтләр язып калдырган шәхесләренә берсе. Аның хезмәтләре бүгенге укыту-тәрбиянең дә нигезе булып тора.

Ризаэддин Фәхреддин үз чорындагы татар мэдрәсәләрендәге уку-укыту эшләренә барышы, оештырылуы, торышы һәм куелышы белән килешмәгән. Шунлыктан ул мәктәп-мэдрәсәләргә реформа үткәрүне тасвирлап, күп санлы дәлилләр белән үзенәң житди фәнни хезмәтен яза. Сүзем галимнең бүгенге чорда да әһәмиятен югалтмаган “Адабе тәгълим” (“Укыту кагыйдәләре”) методик хезмәте турында. Бу китап безнең коллективта һәр педагогның өстәл китабы, дисәм дә, ялгыш булмастыр.

Мин, Яр Чаллы шәһәренең 17нче мәктәп житәкчесе буларак, үз эшемдә һәрдаим Р.Фәхреддиннең “Адабе тәгълим” хезмәтен кулланам. Без лицейда балаларны халык педагогикасы нигезендә тәрбияләүгә зур

урын бирэбес. Халык педагогикасының асыл нигезе Р.Фәхреддин мирасында чагыла. Шунлыктан галимнең мирасын өйрәнү һәм аны укыту-тәрбия эшчәнлегендә куллану системага салынган.

Р.Фәхреддин “Адабе тәғлим” хезмәтенең тәүге бүлеген “Гыйлем. Мөгаллим. Тәрбия” дип атаган. Аның фикеренчә, гыйлемнән дә артык байлык, наданлыктан да артык фәкыйрьлек юк. “Кешене иң бөек дәрәжәләргә житкергән һәм исемнәрен соңгы буын кешеләргә калдырган нәрсә - гыйлемдер,” – ди ул. Һәм тагын: “Укытучы гыйлем өйрәтүче, дәрес укытучы һәм балаларның жаннарын тәрбияләүче дип атала,”- дип яза. Ә гыйлем алуның аерылгысыз өлеше булган тәрбиягә “акрынлык һәм тәртип белән камиллеккә ирешү” дип бәя бирә. Авыр һәм җаваплы да булган укыту – тәрбия эшен башкаручы мөгаллимгә карата куелган таләпләрне – вазифаларны ул китабына аерым бүлекләр итеп урнаштырган. Китапта бирелгән бу вазифалар безгә даими рәвештә педагогик коллектив буларак үз өстебездә эшләргә, балаларга тәрбия бирүдә һәм эти-әниләр белән эштә төп терәк булып торалар. Мәктәбебездә 33 укытучы эшли. Аларның 3се фән кандидатлары, 2 укытучы аспирантурада укый, 4 укытучы югары квалификацияле, 8 укытучы 1нче квалификацияле.

Беренче вазифа – укытучы булган кешенең холкы һәм кылган гамәлләре турында. Мәктәптә балалар белән эшләүче укытучылар да, житәкчеләр дә гүзәл холыкка ия булырга тиеш. Укытучыларга үз үрнәгендә күчәргәч бирү һәрвакыт отышлы. Мәктәптә уку дәверендә балаларыбыз үзләренең укытучылары, тәрбиячеләре, житәкчеләр үрнәгендә белемле дә, әдәпле, инсафлы, итагатьле дә булып тәрбияләнәп чыгалар. Кайда гына укысалар, яки эшләсәләр дә, алар башкалардан үзләренең белемнәре белән генә түгел, ә инсафлы, әдәпле булулары белән дә аерылып торалар, дип ышанып әйтә алам. Кадрларны эшкә алганда да аларга үзбездән таләпләрне житкәрәбез. Коллективтагы жылы, үзара ихтирамга корылган мөнәсәбәт укытучы һәм укучы хезмәттәшлеге өчен дә иң әһәмиятле шарт булып тора, минемчә.

Р.Фәхреддин, укытучының икенче вазифасы итеп, белемлелек һәм булдыклылыкны күрсәтә. “Күз каралары, күңел җимешләре, киләчәк көн, аерым алганда, кара көннәрдә барлык өметләр аларда булган бу көннең сабыйларын, бу оҗмах кошларын тәрбия итәчәк зат белемнәрсез вә яки булдыксыз булса, һичбер вакытта төзәтү мөмкин булмагач зарар китерер,” – ди ул. Галим өйрәткәнчә, төпле белемнәргә ия булган, булдыклы укытучының гына эш нәтижәсе дә куанычлы. Бу уку елында укытучылар арасында шәһәр күләмендә үткәрелгән бердәм дәүләт имтиханнарында укытучыларыбыз югары нәтижәләр күрсәттеләр. Укучы ирешкән уңышның күпчелек өлеше укытучыдан тора, дисәм, бер дә ялгыш булмас. Ел саен укучыларыбыз фән олимпиадаларында да яхшы нәтижәләр күрсәтеп киләләр.

“Бала - өстенә һәртөрле бизәк төшерү мөмкин булган бәһалә жәүһәр, яки һәрнәрсәне язарга яхшы булган ак кәгазьдер ... әгәр фәйдәсыз бизәк белән мәгънәсез язу язылса, әлбәттә бизәкчә белән язучы гаепле булыр” – ди галим. Беләм һәм тәрбия бирү шәфкатьләлек, мәрхәмәтләлек кебек изге төшенчәләргә нигезләнгәндә генә аның яхшы нәтижәләр бирүендә шик юк.

Риза Фәхрәддинов үз хезмәтендә тагын йомшаклык, ягымлылык, тырышлык, түземләлек, яхшылыкка өндәү, кызыксындыру кебек вазифаларны аңлата. Аның карашынча, укытучы булган кеше укучыларын яхшы итеп укыту хакында активлык һәм гаделлек белән тырышырга һәм укучыларының яхшы тәрбиясе мәсьәләсендә дә һәрвакыт уйларга тиеш. “Укытучы үз вазифаларында игътибарлы булса, эше гөрләп барып, укыту эшендә игътибарлы булмаган укытучы – укытучы түгелдер,” - ди ул. Галимнең укытучыга карата куелган бу таләпләре коллективыбызда эшләүчә барлык хезмәткәрләргә дә бердәй кагыла. Методик берләшмә, педагогик киңәшмә утырышларында Р.Фәхрәддин хезмәтләрен, бигрәк тә аның “Адабә тәгълим” жыентыгындагы фикерләрен өйрәнәбез, галимнең бай мирасын яшь буынга житкерү юлларын ачыклайбыз.

Р.Фәхрәддиннең “Адабә тәгълим” хезмәтендәге гыйлем бирү, шәхес тәрбияләү турындагы педагогик карашлары мәктәптә укытуның сыйфатын яхшыртырга, яшь буынны гуманитарлык рухында тәрбияләргә ярдәм итә. “Шәкертләренң көннән-көн алга үсешләре – тырышлык нәтижәсендә булуы шөбһәсездер. Ләкин шәкерт тырышлығы белән генә эш тәмамланмый, бәлки моның өстенә остаз тырышлығы да – иң мөһим терәк...” – дип язган Р.Фәхрәддин. Мәктәбебездә балаларның ижади сәләтләрен үстерүгә дә зур игътибар бирелә. Балалар, бик теләп, шахмат, баян, хор һәм башка түгәрәкләргә, спорт секцияләренә йөриләр, төрек, инглиз телен тирәнтен өйрәнү дәресләрен дә көтеп алалар. Укучыларны түбән сыйныфлардан ук фәнни-әзләнү эшенә тарту да системага салынган. Укучыларыбыз ел саен үз эшләре белән “Без тарихта эзләр”, “Болгар илем – гүзәл жирем” шәһәркүләм программаларында һәм төрле республикакүләм конференцияләрдә уңышлы гына чыгыш ясыйлар. Гомумән, укучыларыбыз гыйлемнең әһәмиятен аңлап, тырышып укыйлар. Ә бу үз чиратында мөгаллим эшенең күркәм нәтижәсе булып тора. Бу урында Р.Фәхрәддиннең түбәндәге сүзләрен китерәсе килә: “Игътибар белән тәрбияләнган шәкерт надан калмаячагы кебек, чәчкән орлыкларынан үсә торган игеннәрне күреп укытучы да шатланыр...” Алтынчы вазифасында тагын: “Шәкертләре өчен һәрвакытта хәерхәллек, ягъни теләктәшлек, дөнъя һәм ахирәттә бәхет ияләре булулары өчен Аллаһы Тәгаләдән ялвару һәм күнел зарыгып көтеп тору – укытучыларның мактаулы бер вазифаларыдыр,” – ди.

Хезмәтендәге унынчы вазифа булган “Дәрес укыту ысулына игътибар итү” бүлегендә Р.Фәхрәддин болай ди: «Дәрес бирү ысулы укытучы булган кешенең һәр мөгамәләсенә үлчәү булуы, дәресләрендә

аңа яраклаштырылган булуыннан чыгып нечкәләп, тирәнтен уйланган һәм тырышып эзерләнган булуы тиеш булыр. Дәрәс бирү ысулын олыламаган укытучы, үз бәйсезлеге сәбәпле, балаларның зифәтнән изүдән башка бер файда китермәс. Балаларны моның кебек укытучыларга биргәнче үз табигый хәлләрендә калдыру әйбәтрәктер. Тәҗрибә һәм камилләштерү. Укытучы һәр дәрәстән бер тәҗрибә алып, үз житешсезлеген бетерергә, камилләшергә тиеш. Бу ел дәрәсләреннән киләчәк ел дәрәсләре хакында олуг бер гыйлем хәзерләү мөмкин булыр. Тәҗрибә нәтижәсендә шәкертләрнең гыйлем өйрәнү дәрәжәләре, ялкаулар белән тырышларның аермалары - барысы да аңлашылыр. Боларны белү һәм белгәннән соң чараларын күрү - әлбәттә, укытучы хезмәтедер.» Чыннан да, мәктәпнең йөзен, аның яшәү стилин педагогик коллектив билгели. Мәктәбебездәге укытучылар ижади, нәтижәле эшли. Алдынгы тәҗрибәне өйрәнү нәтижәсендә барлык укытучылар да инновацион технологияләр куллана: укытуны дифференциалаштерү, география дәрәсләрендә модульле технологияләр нигезендә укыту, татар әдәбияты дәрәсләрен А.Г.Яхинның альтернатив программасына нигезләнеп укыту, фәннәрне тирәнтен укыту, милли традицияләр куллану һ.б. Укытучыларыбыз үзләренең эш тәҗрибәләре белән төрле семинарларда бик теләп уртаклашалар. Фәннәрне тирәнтен укытуда Яр Чаллы педагогия институты галимнәре белән тыгыз хезмәттәшлек итү дә зур роль уйный.

Педагогик коллектив эшчәнлегенң төп максаты: укычуларның сәләтен тулысынча ачу, үстерү. Эшләү тәҗрибәсе күрсәткәнчә, укычулар яраткан шөгыйльләре белән читтә түгел, ә үз уку йортларында теләп шөгыйльләнәләр. Укычу балаларда гыйлем өйрәнүгә мөхәббәт, кызыксындыру тәрбияләүне Р.Фәхрәддин укытучылар өчен иң кирәкле һәм иң файдалы бер гамәл дип саный. Ул укыту эшенең бөтен нечкәлеген, житдилеген һәм жаваплылыгын ачып бирә.

Унберенче вазифа булган “Гыйлем сайлап алу” бүлегендә Р.Фәхрәддин: “... шәкертләргә биреләчәк укыту олыгаеп егет булгач файдаланылачак һәм аңа мохтаж булыначак нәрсәләрдән гыйбарәт булуы кирәктер. Бер нәрсәне шәкерт вакытларында укып та, мәктәптән аерылышкан вакытларында онытылачак булсалар, аны укыту, киләчәгендә файдасы күрелмәячәк нәрсә белән шәкертләрнең башын вату һәм гомерен юкка чыгарудан гыйбарәт калыр,” – дип язган. Мәктәптә 10-11 нче сыйныфларда профильле укыту программалары (физик –математик , информатик - технологик) кулланыла.

“Мәктәпнең вазифасы фәкать гыйлем укыту гына булмыйча, бәлки эченә жыелган балаларның күңелләренә ... яхшы гадәтләр, үз дигәнәнә ирешү, тырышлык, туганлык, батырлык, гаделлек, гүзәл холык, тугрылык, гайрәтлек, активлык кебек яхшы холык орлыкларын тәмам игътибар белән чәчү һәм тәрбияләп үстерү булачактыр,” – дип язган Р.Фәхрәддин. Чыннан да, балаларны тәрбияләү – иң мөһим максатларыбызның берсе.

Тәрбия бирү ул белем алудан аерылгысыз. Бигрәк тә хәзерге инкыйлабый үзгәрешләр барган, иске идеаллар жимерелгән, ә яңалары әле формалашмаган чорда Р.Фәхреддин хезмәтләренә нигезләнгән махсус тәрбия системасы булдыру аеруча әһәмиятле, дияр идем мин. Р.Фәхреддин, милләтне аң-белемле һәм һөнәрле итү белән бергә, әдәп-эхлак ягыннан тәрбияләүгә дә зур игътибар бирә. Ул балаларны бишәктән үк тәрбияләргә кирәк дип искәртә һәм, иң беренче, эти-әниләрне тәрбияләү кирәклегенә басым ясый. Чөнки бала иң беренче тәрбияне ата-ана үрнәгендә ала бит. Гаилә һәм мәктәпнең балага таләпләре бер төрле булсын өчен һәрдаим ата-аналарга бик күп бурычлар йөкләнүен аңлатабыз. Укытучы һәм эти-әниләрнең уртак тырышлыгын һәм хезмәтен уртак максат – балаларга дәрәс тәрбия бирүгә туплау өчен һәр чирек саен ата-аналар жыелышлары үткәрәбез. Без даими рәвештә укучыларның өйләрендә булабыз, аларның гаилә хәлләрен, тормыш шартларын күзәтеп торабыз. Шулай ук лицеебызда ата-аналар катнашында үткәрелә торган чараларның да әһәмияте бик зур. Ул эти-әниләрнең туган көннәрен үткәрү, 1 нче сыйныф укучыларының ата-аналары белән үткәрелә торган “Танышу. Дуслык” кичәләре, Корбан ашлары, Әниләр көне, Этиләр көне һ.б. Аларда милли традицияләргә, горөф-гадәтләргә, Р.Фәхреддин нәсыйхәтләренә зур игътибар бирелә. Укыту-тәрбия эшен системалы итеп алып бару өчен гаилә, укытучы һәм укучының тырышлыгын бергә кушу бик әһәмиятле, дип саныйм.

Ризаэддин Фәхреддин хезмәтләрен куллану – киләчәк буынны шәхес итеп тәрбияләүдә бик мөһим. Россия Федерациясе Президенты Д.А.Медведевның Федераль жыенга юлнамасындагы “Безнең яңа мәктәп” проектын Татарстанда тормышка ашыру өчен төп нигез булып Ризаэддин Фәхреддин хезмәтләре, аеруча “Адабе тәгълим” (“Укыту кагыйдәләре”) китабында күрсәтелгән принциплар торырга тиеш.

*А.В. Леднева,
старший преподаватель СИФК (г. Стерлитамак)*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В эпоху межъязыкового взаимодействия большое значение имеет межкультурная коммуникация. «Коммуникация – это отношения между людьми. Эти отношения возможны благодаря языку» [1: 24]. «Коммуникация – это акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому, ряду лиц» [1: 14].

«В общении друг с другом люди могут использовать разные каналы связи: оптический (зрительный), звуковой, тактильный (например: похлопывание по плечу или поглаживание по щеке). Коммуникация может быть непосредственной, прямой, так и опосредованной, предполагающей ис-

пользование тех или иных технических средств для передачи и приема сигналов (звонок на занятия, уличный светофор, телефон, радио, телевидение, Интернет)» [3:34-35].

Любая коммуникация (вербальная и невербальная) тесно связана с межкультурной коммуникацией. Существуют различные определения термина «межкультурная коммуникация». В широком смысле слова всякая коммуникация является «межкультурной». «Межкультурная коммуникация – это общение людей, представляющих разные культуры» [1: 17].

Межкультурная коммуникация связана с определенным языком. Общение может осуществляться как в устной, так и в письменной речи. Овладение иностранным языком предполагает изучение как устного, так и письменного аспекта. При изучении иностранного языка необходимо заучивание не только слов и грамматических правил, но и углубление в культуру, вживание в языковую картину мира, чтобы избежать «культурный барьер». По мнению С.Г. Тер-Минасовой культурный барьер гораздо опаснее и неприятнее языкового. «В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т.д. <...>. Только выйдя за рамки своей культуры, т.е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т.п., можно понять специфику своего общественного сознания, можно «увидеть» различие или конфликт культур» [4:114]. Узнав какое-либо иностранное слово, необходимо узнать о его месте и функциях в том мире, где это слово употребляется. Вот почему необходимо изучение культуры наряду с языком. «Культурный барьер» выявляется только при сопоставлении двух языков. Усваивая чужой язык, человек усваивает другой мир с его культурой, традициями и обычаями. Изучая другой язык, мы изучаем вторичную картину мира, а также приобретаем национальные черты другой культуры.

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин ввели термин «коммуникативный шок» Коммуникативный шок появляется при непонимании культуры другого народа, при неадекватной интерпретации культуры другого народа.

Для того чтобы избежать «культурный шок», необходимо обучать коммуникативному поведению параллельно с изучением языка. Коммуникативному поведению обучают на примере стандартных ситуаций в магазине, в транспорте, в других общественных местах. Нужно обращать внимание, как на вербальное, так и на невербальное коммуникативное поведение. При изучении иностранного языка учитывают нетипичные ситуации в общении для представителей другой культуры. Набор коммуникативных ситуаций достаточно велик. Лучше всего изучать культуру народа при непосредственном общении, поскольку в ситуативной модели можно наблюдать вербальное и невербальное коммуникативное поведение. По мнению С.Г. Тер-Минасовой языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. При изучении иностранного языка важно преодолевать барьер не только языковой, но и

барьер культурный. «К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести, как минимум следующие: а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи и обряды; б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее называют традиционно-бытовой культурой; в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности; г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры; д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса» [4:114].

Непосредственное общение с людьми другой культуры и языка помогает нам понять менталитет другого народа. Ю.Е. Прохоров и И.А.Стернин определяют менталитет как специфический способ восприятия и понимания действительности, порождаемой совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для конкретной личности, социальной страты или этнической группы людей. Менталитет народа формируется под влиянием экономических, исторических, бытовых и природных условий. Под влиянием менталитета формируется определенный стереотип поведения как народа в целом, так отдельной языковой личности.

Ю.Е. Прохоров и И.А.Стернин выделяют следующие стереотипы в поведении русского народа: неосмотрительность, бытовая импульсивность, соборность, историческая терпеливость, законобрежение. Например, наличие в русском языке слова «авось» предполагает русскую непредусмотрительность в поведении. Бытовая импульсивность проявляется во вспыльчивости, активности в спорах. Соборность подразумевает заботу о поколениях, установка на взаимопомощь чужих людей, нелюбви к конкуренции. Историческая терпеливость связана с неприхотливостью. Законобрежение – неисполнительность, нарушение законов.

В представлении о немцах мы сталкиваемся с абсолютно другими стереотипами поведения: трудолюбие, организованность, исполнительность, пунктуальность, экономность, ответственность. Но, все же невозможно сказать, что все немцы трудолюбивы, или все русские импульсивны. Воспитание, личностные черты также влияют на человека.

Стереотипы – это также символы, метафоры, синонимы. Они всегда национальны и присущи всем языкам. Метафоры создают картину мира, специфичную для определенного языка и его носителей.

Пословицы и поговорки также представляют собой стереотипное мышление, давая оценку поведению и поступкам. Пословицы и поговорки представляют собой комплекс знаний о мире. В них фиксируется отношение к ряду явлений, например, к труду, к здоровью, к обучению ит.д.

Стереотипы меняются, поскольку меняется экономика страны и история. Влияние СМИ также способствует изменению стереотипов. В каждой стране живет много эмигрантов. В эпоху глобализации и единой Европы национальные черты стираются. «Наблюдается процесс смешения культурных стереотипов – коммуникативных, поведенческих, речевых» [5: 113].

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: «Русский язык», 1983. – С. 14, 17, 24.
2. Прохоров Ю.Е. Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. – М.: «Флинта», «Наука», 1996.
3. Сусов И.П. Введение в языкознание. – М., 2007. – С. 34–35.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство МГУ, 2004. – С. 114.
5. Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций. – Уфа: БГПУ, 2005. – С. 90, 113.

*М.В. Лобода,
магистр БГПУ им. М. Акмуллы (г.Уфа)*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ В РАЗГОВОРНОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Разговорный английский язык (Spoken English) составляет основу полноценного общения в стандартных ситуациях, стилистика этого языка может быть разнообразной, но и профессора, и люди криминального мира в быту говорят на разговорном языке. Из функций языка в разговорном стиле реализуются эмотивная, контактоустанавливающая, и менее характерна эстетическая функция, свойственная просторечиям. К особенностям неформального языка можно отнести редуцицию и озвончение слов (because > [coz]), усеченные формы часто употребляемых словосочетаний (going to > gonna, would not > won't), двойное отрицание, инверсию, компрессию информации за счет аббревиатур и т.д. Одно из самых ярких отличий разговорной речи является то, что в ней практически не встречаются полные предложения.

На протяжении последних десятилетий в современных европейских языках увеличивается количество аббревиатур и возрастает частота их употребления, а аббревиация становится одним из ведущих способов словообразования. В общем виде процесс образования сокращений (аббревиацию) можно определить как замену какого-либо устойчивого языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более коротким выражением на базе материала первого выражения и с сохранением общего смыслового содержания.

В терминологическом словаре Ахмановой О.С. приводится иная трактовка термина «аббревиация». Она определяется как процесс образования «аббревиатуры», а саму «аббревиатуру» определяют как сложносокращенное слово, составленное из сокращенных элементов (морфем) словосочетания или инициальный тип сложносокращенного слова, образованный путем сложения начальных букв или звуков исходного слова или словосочетания [2; 5].

Чаще всего возникновение таких лексических единиц объясняется «принципом наименьшего усилия» или «законом экономии речевых средств». Аббревиация не является случайным явлением или некоей «порчей языка», прихотью отдельных лиц, а представляет собой объективный и закономерный процесс, обусловленный изменениями в потребностях общения в связи с развитием общества и внутренними закономерностями развития языка [4].

Принципы классификации сокращений многочисленны и неоднородны, так как все работы, посвященные проблеме сокращений, не охватывают ее полностью и, рассматривая разный круг проблем, дают разное толкование самого термина. Традиционно же выделяются два типа сокращений: графические и лексические. Графические сокращения являются результатом сокращения слов и словосочетаний только в письменной речи, в то время как в устной речи используются соответствующие полные формы, которые используются для экономии места в письменной форме. Лексические сокращения – это сокращенные варианты слов и фраз, употребляющиеся в речи как самостоятельные лексические единицы с определенным звуковым образом и собственной семантической структурой. Некоторые из них встречаются как в устной, так и в письменной речи (bus < omnibus, phone < telephone), другие – только в разговорной речи (maths < mathematics, bro < brother) [3; 87].

В связи с быстро растущим количеством сокращенных лексических единиц, используемых как в неформальной речи, так и в различных официальных документах, поднимается вопрос о появлении качественно нового способа аббревиации – омоакронимия, под которой понимается создание сокращенных единиц, совпадающих по своей фонетической структуре с общеупотребительными словами. В настоящее время омоакронимия является наиболее развитой и важной степенью аббревиации. Особенно охотно прибегают к омоакронимии при создании специальных терминов, что вполне объяснимо: обилие терминов затрудняет их запоминание, но «подогнанные» под какое-либо широко известное и всеми употребляемое слово, они быстро входят в речевой обиход, а потом закрепляются в языке, так как стереотипность форм сокращения даёт возможность легко сохранить их в памяти. В качестве модели выбирается не только наиболее знакомое слово, но и такое, чтобы его значение ассоциировалось с внутренней

формой, например: TOP (termination of pregnancy) – предполагаемый срок родов и top - вершина.

Очень многие сокращения обладают яркой стилистической окраской и бытуют в профессиональной, газетной или обиходной разговорной лексике. Например, для разговорной речи более характерны усечения (апокопы, синкопы, аферезисы): fess – professor, doc – doctor, frig - refrigerator и так далее. Но популяризация среди молодежи подобных усечений не исключает широкое применение таких буквенных аббревиатур как TGIF (Thanks God it's Friday) – слава Богу, что сегодня пятница, LT (living together) – проживающие вместе, FOB (Fresh off the boat) – наивный, глупый и т.д. Для специальной терминологической лексики характерно широкое использование акронимов. Сферы употребления акронимов и аббревиатур, как правило, четко ограничены рамками компьютерной лексики, терминологии медицины, экономики и т.д.

Таким образом, аббревиатурные усечения разговорного типа достаточно широко представлены в таких областях неформального регистра речевого общения, как молодежный сленг, жаргон школьников и студентов. Молодежь, особенно подростки, в целях возрастного «самоутверждения» начинает употреблять слова и словечки, отличающиеся от общепринятой речевой нормы. Популярны в среде подростков средства одобрения, положительной оценки: treach < treacherous – крутой, fab < fabulous – потрясающий, великолепный, сказочный. А также усечения, несущие в себе отрицательную характеристику: lobe < earlobe – зануда, feeb < feeble-minded – слабоумный, trog < troglodyte – неандерталец, пещерный человек, para < paranoid – параноик, retard < retarded person – отсталый [1; 8].

Кроме общепотребительного пласта молодежного сленга, особую значимость имеет «школьно-студенческий» жаргон, ориентированный на употребление аббревиатурной лексики в речи студентов и, прежде всего, в связи с процессом обучения. Усечения, используемые студентами в сфере обучения представляют из себя сокращения типа prep < preparation - приготовление домашней работы, prof < professor – профессор, co-ed < co-educated - студентка колледжа, dip < diploma -диплом, или grad < graduate - выпускник колледжа. Также преобладающую массу представляют усечения в сфере досуга и повседневности: caf < cafeteria – кафе-закусочная, rep < repetition – репетиция, digs < diggings – меблированная квартира, hols < holidays – выходные, каникулы, ems < empty bottles - пустые бутылки, get < a tobacco cigarette – сигарета и другие примеры.

Буквенные аббревиатуры, которые часто употребляются в студенческой среде, появляются благодаря своему постоянному применению в общении среди сверстников: BYOB (Bring your own Bottle) – «напитки приносить с собой», BF (Best Friend) - самый лучший друг, NGL (Not Gonna Lie) - не буду врать, IMO (In My Opinion) - по моему мнению, я думаю.

Основная масса слов-слитков используется в средствах массовой информации и рекламе. Они привлекают внимание и оказывают определенный эффект на читающего в силу своей свежести и неожиданности: sit-com (situation+comedy), kidvid (kid +video). Хотя многие ученые задаются вопросом можно ли отнести слова-слитки к лексическим сокращениям или они представляют собой иной пласт лексики со своим собственным словообразованием.

В настоящее время наблюдается рост терминологических сокращений, что объясняется стремлением кратко передать понятие в языке. Сферы употребления акронимов и аббревиатур, как правило, четко ограничены. Одни единицы ограничены рамками медицины (ER (emergency room) – служба экстренной медицинской помощи, DOA (Dead on Arrival) – доставлен мертвым) или криминальной среды (OD (overdose of drug) – передозировка наркотиками).

Мы считаем, что письменная форма электронных сообщений также относится к разговорной речи. При написании сообщений в электронных текстах принято использовать сокращения. Это делается для того, чтобы сократить объем и тем увеличить скорость набора информации. С того времени как общение в Интернете стало самой популярной формой письменного общения в мире, изучение принципов написания электронных сообщений стало очень важным. Кроме того, активно используются цифры для образования сокращений, часто употребляемых в сетевом общении: 2nite (tonight) – сегодня вечером, 4get (forget) - забудь. Широко применяются сокращения, состоящие из отдельных букв, такие как OMG (Oh, My God!) – О, Боже мой!; LOL (Laugh Out Loud) – очень смешно, которые при устной речи звучат так же, как отдельные слова или части слов. При написании смс-сообщений люди часто прибегают к сокращениям с использованием только согласных букв (pls (please) - пожалуйста; tks (thanks) – спасибо) для того, чтобы кратко и компактно передать свое послание.

Аббревиатуры помогают сократить до минимума речевые усилия, языковые средства и время, оставаясь при этом понятными и доходчивыми. Все это способствует росту их числа и использованию в различных областях коммуникации, таким образом, и возрастает необходимость в их дальнейшем исследовании.

Изучение аббревиации становится сегодня очевидной необходимостью, без которой невозможно представить общую картину словообразования, несмотря на то, что до сих пор диктуется вопрос о том, насколько правомерно считать аббревиацию одним из способов словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопянц А.М. Прагматизация аббревиатуры в речевом общении [Текст] / А.М.Акопянц // Университетские чтения 2008. 10-11 янв. 2008. Часть III. - Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2008. - С.6-22.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М: Советская энциклопедия, 1969 г.
3. Дубенец Э. М. Лексикология современного английского языка: лекции и семинары. Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: «Глосса-Пресс», 2002. - 192 с.
4. Stern G. Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Language. - Göteborg, 1931

*Ю.В. Маскаева,
магистрант БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОДНОГО ЯЗЫКА

Язык – это «естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облеченных в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации» [1; 652]. Коммуникация – это форма взаимодействия людей, предполагающая обмен мыслями, чувствами и т. д. В акте коммуникации с помощью языка происходит передача информации одним человеком другому, при этом информация, как некая идеальная сущность, передается посредством языковых выражений, представляющих собой определенным образом организованные последовательности звуков или начертаний.

Язык как система представляет собой внутренне упорядоченное множество элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом. Элементы языковой системы неоднородны и различаются по своим функциям: фонемы (звуки языка) являются смыслообразующими единицами, морфемы (значимые части слов) служат для выражения смысла, слова – для называния явлений действительности, а предложения – для выражения сообщения. Однородные единицы языка объединяются в подсистемы и образуют уровни языка: фонемный, морфемный, лексический, синтаксический. Между единицами разных уровней существуют иерархические отношения включения: фонемы входят в звуковые оболочки морфем, морфемы – в слова, слова – в предложения, при этом свои функции единицы нижележащего уровня реализуют в составе единиц вышележащего уровня. Внутри каждого уровня единицы вступают в парадигматические отношения, образуя классы – парадигмы, и синтагматические, сочетаясь между собой и образуя речевые цепи.

Овладение языком – длительный, многоступенчатый процесс развития языковой способности, когда в результате переработки и упорядочения речевого опыта у ребенка складывается несколько последовательно сменяющихся друг друга временных языковых систем, соответствующих уровню его когнитивного развития и обеспечивающих реализацию его коммуникативных потребностей. Эти временные языковые системы формируют

в совокупности некоторые этапы освоения языка. Установление этих этапов – важная задача лингвистики детской речи.

Языковая способность определяется как «функциональная система, являющаяся следствием отражения элементов системы родного языка, обеспечивающая человеку овладение и владение языком. [2; 190]. К компонентам языковой способности относятся: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический.

Речь представляет собой сложную психическую деятельность, подразделяющуюся на различные виды и формы. Речь есть специфическая психологическая функция, которую можно определить как процесс общения посредством языка.

Детская речь – это особый этап в овладении языком и речью, речь детей дошкольного и младшего школьного возраста (до 8–9 лет). Внимание к изучению детской речи обусловлено ее своеобразием, в котором проявляются особенности начальных этапов формирования и развития языковой способности, когда она осуществляется по особым правилам. Эти особые правила и являются предметом лингвистического изучения. С середины XX в. исследования детской речи в основном ведутся в рамках психолингвистики, формирующейся в это время научной дисциплины, в задачи которой входит изучение процесса овладения языком, выявление его внутренних механизмов.

В обыденном сознании процесс овладения языком связывается прежде всего с усвоением его словарного состава, лексики. Подобное знание языка отнюдь не сводится только к знанию слов этого языка, но в таком складывающемся стихийно представлении проявляется осознание человеком слова как единицы, занимающей центральное место в системе языка. Именно слово служит средством закрепления в языке и передачи в речи знаний и опыта людей. Слово как основная единица языка, является и важнейшим элементом индивидуальной языковой системы, языкового сознания каждого носителя языка. Однако это не значит, что слово представляет собой одну и ту же сущность, выступая в роли единицы лексической системы языка и единицы, которой оперирует человек в реальных процессах восприятия и продуцирования речи.

Смысл слова (его семантика) понятен носителям языка в силу его общественной закрепленности, хотя он непосредственно не отражается в его звуковой оболочке. Всю совокупность слов какого – либо языка, его словарный состав, а также какую – либо его часть называют лексикой или словарем. Слово как единица языкового сознания человека, которой он оперирует в речи, индивидуально, для каждого человека оно наполнено субъективным содержанием, личностным смыслом. Это субъективное содержание слова может в той или иной мере отличаться от лексического значения слова в языке, так как является продуктом переработки в психике человека его опыта, протекающей хотя и под контролем социально выра-

ботанных систем лексических значений, но по законам индивидуальной психической деятельности.

Очевидна неоднозначность использования терминов «словарь» и «лексикон» в современной лингвистической и научно-методической литературе: каждый применяется для описания как словарного состава языка, так и внутренней формы его представления в языковом сознании индивида, в некоторых работах они выступают как синонимы, в других – противопоставляются. При этом использование термина «словарь» (индивидуальный словарь, словарь личности, словарь учащегося и др.) традиционно для лингвометодических исследований в области развития речи детей в норме и патологии, а термин «лексикон» (внутренний лексикон, субъективный лексикон, ментальный лексикон) чаще встречается в работах по психологии, психолингвистике и когнитивной лингвистике.

В связи с тем, что помощью слов ребёнок обозначает лишь, что доступно его пониманию, в словаре ребёнка рано появляются слова конкретного значения, позднее слова обобщающего характера

По мере того, как ребенок знакомится с новыми предметами, явлениями, признаками предметов и действий, обогащается словарь. Освоение окружающего мира ребёнком происходит в процессе неречевой и речевой деятельности при непосредственном взаимодействии с реальными объектами и явлениями, а также через общение со взрослыми.

Применительно к изучению лексической стороны детской речи как в лингвометодическом, так и в психолингвистическом ключе понятия «словарь» и «лексикон» практически не разграничиваются и соответствующие термины используются чаще всего как синонимы (М.Р. Львов, С.Н. Цейтлин, И.Г. Овчинникова и др.) [2; 153]

В любом языке слова являются его главенствующими составляющими, и служат для обозначений вещей, предметов, процессов, свойств. Поэтому важнейшее значение в развитии речи имеет работа над самим словом. Владение словарным запасом языка является обязательным моментом освоения грамматики языка, более полного развития связной монологической речи и формирования ее звуковой стороны. Так как слово является основной единицей языка его основная задача это смысловая нагрузка, которую оно несет. Осознание многогранности значения слов к человеку приходит на протяжении долгих лет. Ребенку нужно систематически объяснять различные понятия одних и тех же слов, для более точного дальнейшего их использования. Умелое манипулирование ребенком своим речевым запасом, дает ему возможность в выборе языковых средств, при использовании слов, фраз и умению легко и правильно связывать их по смыслу.

Систематическая работа над речью ребенка позволяет увидеть удачное становление ассоциативных связей, гораздо быстрее происходит усвоение слов и употребление их в смысловом значении. Объединение слов в тематические группы одна из важнейших задач в развитии словарного

запаса ребенка дошкольного – младшего школьного возраста. Ребенок учится понимать, что в произносимой им речи, слова связаны между собой и находятся в зависимости друг от друга.

Словарная работа должна быть направлена на дальнейшее развитие понимания обобщенного и переносного значения слов, их многозначности, отношений целого и частного. Обогащение словаря включает в себя усвоение новых слов, углубление понимания уже известных, выяснение их оттенков, различий, подбор синонимов и антонимов. Постепенно по мере накопления соответствующих лексических единиц необходимо увеличивать работу по развитию словарного запаса ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Функции языка [Текст] // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-ое - М., 1997.
2. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи [Текст] / С.Н. Цейтлин. – М. : Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
3. Шахнарович, А.М. К проблеме языковой способности (механизма) [Текст] // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 185-220.

*Т.И. Матвеева,
аспирант БашГУ (г. Уфа)*

ЮРИСЛИНГВИСТИКА НА СЛУЖБЕ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «НАГРАДНОЙ ДОКУМЕНТ»)

На нынешнем этапе развития общественно-языковой ситуации в России наблюдается острая потребность в получении юридическо-лингвистической помощи, которую предлагает сравнительно недавно сформировавшаяся научная дисциплина *юрислингвистика*, занимающаяся взаимоотношениями языка и права, изучением функционирования языка в сфере права, разработкой юридического языка, определением принципов юридического регулирования языковых конфликтов, изучением конфликтного функционирования языка, разработкой единых правил судебной экспертизы различных видов, терминологическим, переводческим и лексикографическим обеспечением юридической деятельности, лингвистическим образованием специалистов в области права.

Сам термин «юрислингвистика» был предложен в 1999 году научным коллективом Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского госуниверситета и региональной ассоциацией лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (научный руководитель профессор Голев Н.Д.) и далее развит в одиннадцати выпусках межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» (1999–2011). Среди наиболее известных юрислингвистов-экспертов можно выделить А.Г.Баранова, К.Д.Бринева,

Е.И.Галяшину, Н.Д.Голева, Т.А.Гридину, В.И.Жельвиса, О.С.Иссерс, В.С.Третьякову, Е.А. Яковлеву и др.

Чаще всего объектом лингвистической экспертизы становятся конфликтные, неоднозначно интерпретируемые субъектами правовой коммуникации речевые действия и произведения. В этом случае лингвистическая экспертиза является одним из источников судебной истины. Основные виды экспертиз спорных речевых произведений, выделяемые по их правовой цели: 1) экспертиза речевых произведений в связи с делами по защите чести и достоинства граждан (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду т.д.); 2) лингвистическая интерпретация текстов закона, спорных документов (договоров); 3) анализ текстов, вовлеченных в дела, связанные с разжиганием межнациональной и религиозной розни и др.

В методологии лингвистического исследования существует множество методов анализа: атрибуция стилистической принадлежности и жанровой разновидности предоставленного для лингвистического исследования текстового изложения; лингвистический анализ языковых единиц различных уровней текста высказывания, в т.ч. синтаксический анализ предложения и его смысловая интерпретация; дискурсный анализ, раскрывающий содержание отдельных языковых единиц предоставленных материалов в обыденном/языковом сознании читателей и др.

На примере текста Почетного диплома, врученного Тишкову Георгию Павловичу, можно показать, как с помощью синтаксического анализа верно интерпретировать его содержание. Данная лингвистическая экспертиза была назначена в связи с тем, что в тексте Почетного диплома были пропущены запятые, регулирующие смысловые отношения фрагментов текста. Результаты экспертизы играли важную роль в деле присуждении звания «Ветеран труда» гражданину Тишкову Г.П.

Текст: *«Почетный диплом [был выдан] товарищу Тишкову Георгию Павловичу, электромеханику специализированного управления «Башиф-ремонт» [,] члену коллектива, награжденного по итогам Всероссийского социалистического соревнования Почетным вымпелом [,] за повышение эффективности производства, качества работы и успешное выполнение социалистических обязательств, принятых на 1974 год [,] Министр жилищно-коммунального хозяйства РСФСР С.М. Бутусов Председатель ЦК профсоюза рабочих местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий Г.П. Сорокина».*

На разрешение лингвистического исследования были поставлены вопросы: 1. *Каков статус документа «Почетный диплом», согласно его стилю, жанру и композиции?* 2. *Каково значение словосочетания «Почетный диплом»?* 3. *Каково «содержание» текста указанного Почетного диплома: 1) Кто награждает? 2) Кого награждают? 3) Чем награждают? 4) За что награждают?*

Было отмечено, что язык предложенного к исследованию текста Почетного диплома принадлежит к **официально-деловому стилю** современного русского литературного языка. Этот стиль «используется в сфере официально-деловых отношений между людьми и учреждениями, в области права, законотворчества и законодательства». Разновидностью официально-делового стиля является юридический стиль (язык законов, указов, договоров, наградных документов и пр.). Согласно нашему анализу, текст договора принадлежит к строго очерченной предметной области – **правовой сфере**, что позволяет говорить о его тематической цельности и завершенности. Он обладает тематической композицией и представлен набором языковых средств, соотнесенных в подсознании субъекта (адресанта и адресата) с данной предметной областью и сферой деятельности; текст построен как ментально-лингвистическая модель знаний о мире и о языке [1; 8-9].

Жанровая принадлежность указанного текста обусловлена его функцией – фиксацией правовых отношений; он является юридическим документом, свидетельствующим о факте награждения кого-, чего-л. Жанр – **наградной документ** – Почетный диплом.

Композиция текста определена его стандартизацией. Подобного рода документы характеризуются (в аспекте синтаксиса): 1) инверсией (непрямым порядком слов); 2) неполнотой синтаксических клишированных конструкций; 3) неточным графическим исполнением (отсутствие запятых). В тексте выделены части: 1. Наименование документа – **что?** – (Почетный диплом). 2. Указание адресата – **кому?** – (товарищу Тишкову Георгию Павловичу, электромеханику специализированного управления «Башлифтремонт», члену коллектива, награжденного по итогам Всероссийского социалистического соревнования Почетным вымпелом). 3. Пояснительная часть, т.е. причина официального факта награждения – **за что вручен данный вид документа?** – (за повышение эффективности производства, качества работы и успешное выполнение социалистических обязательств, принятых на 1974 год). 4. **Кем подписан документ** (статус, должность). Подпись на документе, свидетельствующая о юридическом статусе ответственного лица (лиц) (Министр жилищно-коммунального хозяйства РСФСР С.М. Бутусов и Председатель ЦК профсоюза рабочих местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий Г.П. Сорокина). 5. Печать. 6. Дата.

Отвечая на второй вопрос «*Каково значение словосочетания «Почетный диплом»?*», мы выявили, что «Почетный диплом» является официальным документом, свидетельствующим о победе в социалистическом соревновании кого-либо, о его общественном признании.

Для ответа на третий вопрос (*Каково «содержание» текста указанного Почетного диплома: 1) Кто награждает? 2) Кого награждают? 3) Чем награждают? 4) За что награждают?*) мы воспользовались методом синтаксического анализа.

Предложенный текст представлял собой со стороны синтаксиса конструкцию, являющуюся по своей структурной характеристике (по составу) простым неполным двусоставным предложением, осложненным двумя приложениями, причастным оборотом и однородными членами предложения.

Мы выделили структуру представленного для исследования предложения, которая выглядела следующим образом:

Главные синтаксические позиции в двусоставном предложении занимают **подлежащее** и **сказуемое**, образующие его **предикативный центр**. **Подлежащее** (что?) – Почетный диплом (несвободное словосочетание-клише), в форме им. падежа, ед. числа. **Сказуемое** (что сделано?) [был выдан] – данный член предложения – составное сказуемое, выраженное глаголом-связкой «был» и кратким страдательным причастием прошедшего времени совершенного вида «выдан», – является пропущенным. Такие предложения, в которых пропущен один из членов предложения, называются **неполными**.

Помимо главных членов, в предложении имеются и второстепенные члены: **Дополнение**: Почетный диплом [был выдан] (кому?) - товарищу Тишкову Георгию Павловичу – второстепенный член предложения, выраженный тремя существительными, представляющими собой стандартную официальную формулу номинации человека «фамилия, имя, отчество» (имена собственные, ед.ч., муж. Род., дат. падеж). **Приложения** (два), относящиеся к именной формуле Тишков Георгий Павлович. Он (кто?) – 1) электромеханик специализированного управления «Башлифтремонт» [,] 2) (он кто еще?) член коллектива – однородные приложения, разделяются запятой; сами приложения, согласно правилам русской пунктуации, выделяются двойными выделительными знаками: запятыми или тире – в данном случае запятыми, хотя после второго приложения запятая отсутствует, что является пунктуационной ошибкой. **Определение**, относящееся к слову «коллектив», – коллектив (какой?) – награжденный по итогам Всероссийского социалистического соревнования Почетным вымпелом [,]; определение выражено причастным оборотом в конце которого пропущена запятая.

Таким образом, текст Почетного диплома должен иметь следующий вид:

Почетный диплом [был выдан] товарищу Тишкову Георгию Павловичу – 1) за (что?) повышение (чего?) эффективности (чего?) 1а) производства, [за повышение] (чего?) 1б) качества (чего?) 1в) работы и 2) [был выдан за] (что?) выполнение 2а) (какое?) успешное (чего?) 2б) социалистических обязательств [,] (каких?) принятых на 1974 год (определение, выраженное причастным оборотом).

Вывод: Таким образом, содержание Почетного диплома свидетельствует о том, что им был награжден товарищ Тишков Георгий Павлович (лично), как член производственного коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – М., 1997, 8-9.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
3. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88–98.
4. Яковлева Е.А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов. Юрислингвистика – 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Межвузовский сборник научных статей. Барнаул 2010.

*С.В. Мотин,
к.ю.н., доцент УЮИ МВД РФ (г. Уфа)*

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА В 1850-Е ГОДЫ

1850-е годы – это весьма насыщенное событиями срединное десятилетие в жизни и творчестве И. С. Аксакова [см.: 1]. Начало 1851 г. застаёт И. С. Аксакова (далее – А.) служащим при МВД в Ярославской губернии, где он находился в служебной командировке с мая 1849 г. [подр. см.: 2].

1851 г. – «Краткая записка о странниках или бегунах». Записка представляет собой извлечение из служебного донесения, поданного А. министру внутренних дел Л. А. Перовскому (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 73; Впервые: «Русский архив». 1866. № 4. С. 627-644. Издатель П. И. Бартенев).

19.2.1851 г. – А. направляет на имя министра внутренних дел графа Л. А. Перовского рапорт: «...я имею честь представить при сем Вашему сиятельству просьбу мою на Высочайшее имя об увольнении меня от службы по Министерству Внутренних Дел» [3, 207].

15.4.1851 г. – Письмо Гвоздева и Арсеньева к А.: «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел министерства. Отделение 2. Стол 3. 15 апр. 1851. № 1514. Господину надворному советнику Аксакову. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апр. № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы. О сем департамент общих дел министерства Вас извещает... Директор Гвоздев. Начальник отделения Арсеньев» [4, 476].

2.6.1851 г. «Аттестат о службе надворного советника Ивана Сергеева сына Аксакова, С. Петербург 2 июня 1851 года» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 132) [5].

Лето 1851 г. – С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и А. ездили в свои имения после состоявшегося в Надёжине крестьянского бунта [4, 559; 3, 218].

Осень 1851 г. – Вернувшись осенью из поездки за Волгу, А. хотел приискать для себя службу, но А. И. Кошелев сильно восстал против этого намерения служить и обещал найти для него деятельность. Деятельностью этой явилось издание журнала «Московский сборник», на который Кошелев дал свои деньги [3, 218]. А. составил проект первого номера «Московского сборника» [6, 109].

Октябрь 1851 г. – май 1852 г. – А. в Москве готовил к печати I том «Московского сборника» и наблюдал за печатанием «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова [4, 559].

А.: «В 1852 году он издал “Московский сборник”, том 1-й, и готовился уже издать 2-й том, но продолжение издания было запрещено, самая рукопись 2-го тома конфискована при Московском цензурном комитете [12, 32].

14.1.1852 г. – А. подал официальную просьбу о дозволении «Московского сборника» [3, 218].

22.1.1852 г. – А. начал печатать «Московский сборник» сразу в двух типографиях – у А. Семена и Л. Степановой [6, 110].

26.2.1852 г. – Письмо А. к И. С. Тургеневу. Пишет под впечатлением от смерти Гоголя. Письмо является своеобразным черновым наброском статьи А. «Несколько слов о Гоголе», помещенной в «Московском сборнике» [7, 18-20].

21.4.1852. – Вышла в свет первая книга «Московского сборника» [7а]. Купюры были сделаны в статье И. В. Киреевского, не было пропущено окончание статьи К. С. Аксакова [5, 111]. Здесь опубликованы: статья А. «Несколько слов о Гоголе» и его отрывки из 1-й части «Бродяги», очерка в стихах А. [7а, VII-XII, 383-427].

Май 1852 г. – А. приступил к составлению 2-го тома «Московского сборника», который должен был выйти к 1 октября (3, 219).

1.8.1852 г. – А. представил рукопись 2-го тома и Программу «Московского сборника» в Московский цензурный комитет [8, Приложение: 14-15]. Во 2-м томе 4 статьи А.: об общественной жизни в губернских городах, о ремесленном устройстве, о фабричных работах, об одном мирском приговоре [9, 235].

С августа 1852 г. по март 1853 г. последовало изучение рукописи: сначала в московской цензуре, потом в Главном управлении в Петербурге.

Зиму 1852–1853 гг. А. провел в Абрамцеве [3, 220].

1853 г. датировано предисловие А. к «Судебным сценам» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 69. 101 л.). См.: 6.9.1853 г.

23.1.1853 г. – Рукопись т. 2 «Московского сборника» вернулась из III отделения с резолюцией Л. В. Дубельта: дальнейшее издание сборника прекратить [10, 145-146].

3.3.1853 г. – В Главном управлении цензуры была решена участь «Московского сборника». Почти во всех материалах сборника (за исклю-

чением материалов А. И. Кошелева, С. Т. Аксакова, <Д. О.>Шеппинга и А. Н. Попова) было усмотрено «открытое противодействие правительству», а посему печатание рукописи 2-го тома было запрещено, как и продолжения, в чем с А. взяли подписку [6, 121].

В июне – июле 1853 г. А., приехав погостить в рязанское имение А. И. Кошелева Песочню, на досуге вел разговоры с хозяином, очень увлеченным в ту пору чтением Святых Отцов [11, 73].

Конец августа 1853 г. – А. отправляется в Петербург [4, 576]. Неудачная попытка кругосветного путешествия [см.: 3, 220-221].

6.9.1853 г. А. присутствовал на обеде в семействе Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней А. Д. Блудовой – фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. После обеда А. читал свои «судебные сцены», которые привели в восторг графа Д. Н. Блудова [4, 248].

22.11.1853 г. – ноябрь 1854 г. А.: «...Аксаков принял предложение Русского географического общества: описать торговлю на украинских ярмарках, – и отправился в конце 1853 года в Малороссию, где и путешествовал до конца 1854 года» [12, 32]. А. удалось через Штейнбока получить от РГО поручение отправиться на год в Малороссию для обозрения и описания главнейших украинских ярмарок. Обзорение должно было начаться с Сумской ярмарки, 22 ноября [3, 222].

Императорское РГО в собрании 30.10.1854 г. избрало Надворного советника А. своим Действительным членом (см.: Письмо официальное РГО к А. от 11.11.1854 г. с дипломом на это звание (№ 2026) и уставом общества // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 10).

18.11.1854 г. – Приезд А. в Абрамцево с обозрения Украинских ярмарок [13, 12].

Начало 1855 г. – март 1856 г. А.: «Вернувшись в Москву во время самого разгара войны, Аксаков добровольно вступил в ополчение, именно в Серпуховскую дружину, в начале 1855 года и вместе с дружиной совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию» [12, 32-33]. Штабс-капитан А. был квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины, ведал всем ее хозяйством: провиантом, амуницией, фуражом, оружием [8, 112].

11.4.1855 г. – А. прибыл в Серпухов и вступил в исправление должностей казначея и квартирмейстера [4, 346-348].

18.7.1855 г. – Выступление Серпуховской дружины № 111 в поход.

23.11.1855 г. – А., опережая дружину, прибыл в Бендеры [4, 400].

Март – 1856 г. – декабрь 1856 г. – А.: «В марте 1856 года, при первом известии о мире, он бросил дружину и возвратился в Москву, но в мае того же года был приглашен князем Виктором Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интенданства во время войны. Вследствие этого он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, он в декабре 1856 года возвратился в Москву» [12, 33]. К комиссии В. И. Васильчикова А. был прикомандирован

временно, т. к. официальный приказ об отставке его от службы в ополчении был издан только 29.9.1856 г. [14, 540].

31.5.1856 г. – Выезд А. из Москвы в Крым.

2-я половина декабря 1856 г. – начало марта 1857 г. – «На этот раз А. не празднично провел в Москве три месяца: он успел наконец расквитаться с Географическим обществом и дописал свой отчет об исследовании украинских ярмарок и сам повез его в Петербург» [15, 3].

После 13.3 – после 10.9.1857 г. – А. впервые отправился за границу, побывал в Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии.

До 8.8.1857 г. – Встреча с А. И. Герценом. В 1857-1861 гг. А. был одним из тайных корреспондентов А. И. Герцена.

Осень 1857 г. – А.: «Он хотел было в 1858 году взять на себя и продолжать издание газеты “Молва”, в которой брат его Константин был деятельным участником, но попытка эта не удалась...» [12, 33].

17.2(1.3).1858 г. – Поступила в продажу «Полярная звезда», книга IV. Здесь анонимно с предисловием Герцена была напечатана пьеса А.: «Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшем товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел» [16, 9-106].

28.2.1858 г. – Тютчева А. Ф.: «Вчера у меня был Иван Сергеевич Аксаков; это один из наших так называемых московских славянофилов» [17, 391]. Возможно, это была первая встреча будущих супругов.

15.3.1858 г. – Есть основания полагать, что пьеса «Русские в Париже в 1858 г.» («Колокол». 1858. Л. 11) также принадлежит перу А. [подр. см.: 18, 76-79].

29.3.1858 г. – Официальное разрешение на издание газеты «Парус» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 4363. Л. 5).

4.6.1858 г. – № 1050. Выписка из журнала заседания Совета 4 июня 1858 года: «§ 12. Доложено об окончании печатания исследования Действительного Члена И. С. Аксакова о торговле на украинских ярмарках. – Определено: 1) выдать И. С. Аксакову 200 экземпляров его сочинения; 2) назначить покупную цену книги в 3 руб. сер.» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 19: Материалы, относящиеся к деятельности И. С. Аксакова в РГО. Л. 5-6 об.) [см.: 19].

С июля 1858 г. – А.: «В половине 1858 года Аксаков принял на себя, но неофициально, редакторство журнала “Русская беседа” и выдал III и IV тома за этот год» [12, 33]. А. И. Кошелев возлагал на А. ответственность за «Беседу» только с IV-й книги (11, 138).

Август 1858 г. – Появилось печатное объявление об издании новой еженедельной газеты «Парус» [15, 33].

10.11.1858 г. – 114-е распорядительное заседание Общества любителей российской словесности. Общество пополнилось 17-ю новыми молодыми членами: братья Аксаковы, Бессонов, Берг, Гиляров-Платонов, Лонгинов, Катков, Островский, Миллер, Самарин... [20, 44; 21, 452].

1859 г. – А.: «Продолжая заниматься редакцией “Русской беседы”, Аксаков в этом 1859 году издал 6 томов этого журнала. Издатель А. И. Кошелев просил Главное управление цензуры дозволения передать Аксакову звание официального и ответственного редактора, но Главное управление нашло это “неудобным” и отказало» (12, 33). Всего А. как редактор подготовил и издал 8 томов журнала из 20-ти вышедших в течение 5 лет (1856-1860).

3 и 10.1.1859 г. – А.: «Получив дозволение, после долгих хлопот, издавать газету “Парус”, он в январе 1859 года выдал два №№ этой газеты, но на 3 № она была запрещена» [12, 33].

К весне 1859 г. для А. окончательно выяснилось, что ему лично не дано будет разрешение на новую газету... [15, 34].

30.4.1859 г. – В Москве в третьем часу утра в доме на Верхней Кисловке, близ Арбатской площади, скончался С. Т. Аксаков [22, 217].

Осень 1859 г. – А. предпринял попытку добиться разрешения на издание новой еженедельной газеты, которую намеревался назвать «Дума», но получил отказ. Одновременно А. написал письмо Александру II, прося дозволения издавать журнал или газету и уверяя в своей благонамеренности [23, 65-66].

А.: «Аксаков в начале 1860 года уехал за границу и посетил славянские земли» [12, 33], прежде прожив около 4-х месяцев в Германии.

4.1.1860 г. – А. выехал из Москвы [15, 34]. – И далее: Варшава, Лейпциг, Гейдельберг, Мюнхен, Вена, Марбург, Клагенфурт, Люблина, Триест, Цетинье, Река, Каттаро, Рагуза, Фиуме, Загреб, Белград, Нейзатц.

3.4.1860 г., Мюнхен. – Письмо А. к К.С.Аксакову о проекте славянофильской антологии на немецком языке [24, 301–310], которая вышла в свет спустя два года, благодаря усилиям А. и Ф. фон Боденштедта [см.: 25]. Кстати, К.С.Аксаков предлагал назвать это издание «Русские идеи».

20.8.1860 г. – Родные отправили К. С. Аксакова из Кронштадта на пароходе «Владимир» за границу к А. на лечение виноградом [см.: 26, 145].

22 или 23.8.1860 г. – А. встретил К. С. Аксакова в Штеттине [27, 97]. – И далее они перемещались уже вдвоем: Берлин, Дрезден, Лейпциг, Гейдельберг, Вена, Прага, Вена, Веве, Женева, Веве, Вена.

27.10.1860 г. – Мамаенька – О. С. Аксакова – выехала из Москвы к больному сыну Константину вместе с дочерьми Верой и Любовью [15, 505-506].

8.11.1860 г., Бреславль. – Встреча на вокзале А. с маменькой и сестрами [15, 506]. – И далее уже все вместе: Вена, Триест, остров Занте...

С 6 на 7 декабря 1860 г. – Кончина К. С. Аксакова на греческом острове Занте [см.: 15, 516-517]. – Ныне остров Закинф.

1.1.1861 г. – Гроб с телом К. С. Аксакова в сопровождении Г.С. Аксакова прибыл по железной дороге в Москву к 8 часам вечера [см.: 15, 217]. 2.1.1861 г. – Аксаковы, О. С., В. С., Л. С. и А., проехав через Петербург, добрались до Москвы в 8 часов утра [15, 215, 217].

Таким образом, на протяжении 1850-х гг. А. редактировал и издавал ряд славянофильских изданий: «Московский сборник» (1851–1852), журнал «Русская Беседа» (1858–1859), газету «Парус» (1859). В 1853-1854 гг. по поручению Российского географического общества А. исследовал украинские ярмарки. В 1855-1856 гг. штабс-капитан А. служил квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины № 111 Московского ополчения. Во 2-й половине 1856 г. – работал в составе комиссии князя В. И. Васильчикова. В 1857 и 1860 гг. А. совершил два заграничных путешествия по Западной Европе и славянским землям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 3: в 2 ч. 1851-1860 / под ред. С. В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2011. – 304, 308 с.

2. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. <Вып. 2>. 1848-1851: Годы службы при Министерстве Внутренних Дел Российской Империи / под ред. С. В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2009. – 175 с.

3. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849-1857 гг. – М.: Русская книга, 2004.

4. Иван Сергеевич Аксаков. Письма к родным. 1849-1856 / издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994.

5. Мотин С. В. Аттестат о службе И. С. Аксакова, 2 июня 1851 года // Аксаковские чтения: материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. – Уфа: Вагант, 2009. – С. 82-90.

6. Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

7. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. – М.: Университетская типография, 1894.

7а. Московский сборник. Том I. Сочинения: К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, И. Д. Беляева, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, А. И. Кощелева, С. М. Соловьева, А. С. Хомякова. – Москва. В типографии Александра Семена на Софийской улице. 1852. – 448 с.

8. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. – М., 1892.

9. Из переписки московских славянофилов (Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову) // *Голос минувшего*. – 1918. – № 1-3. – С. 231-249.
10. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22. – СПб., 1888-1910. – Кн. 12.
11. Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. Т. 2. – М., 1892. [Приложение восьмое. Переписка А. И. Кошелева с членами славянофильского кружка и И. С. Аксаковым. – С. 41-73].
12. <Автобиография И. С. Аксакова> // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 31-34.
13. Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855 гг. – М., 2004.
14. Иван Сергеевич Аксаков. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / Вступ. ст., сост. и прим. Т. Ф. Пирожковой. – М.: Правда, 1991.
15. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. Письма 1857-1886 гг. – М.: Русская книга, 2004.
16. Полярная звезда. Кн. 4. – Лондон, 1858.
17. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / пер. с франц. Л. В. Гладковой. – 3-е изд., доп. – М.: Захаров, 2004.
18. Дудзинская Е.А. Славянофилы на страницах герценовских изданий // *Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки*. – М., 1986.
19. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.
20. Общество любителей Российской словесности при Московском университете: историческая записка и материалы за 100 лет. – М., 1911.
21. Кошелев В. А. А. С. Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. – М.: НЛЮ, 2000.
22. Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.
23. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М., 1978.
24. План издания (Письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о славянофильской антологии на немецком языке) <Публикация и комментарии А. П. Дмитриева> // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб., 2011.
25. Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. – Bd. I. XXVII, 314, <2> S.; Bd. II. 389 S. [Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии / Введение и издание Фрид-

риха Боденштедта. Лейпциг: Ф. А. Ефрон, 1862. – Т. I. XXVII, 314, <2> с.; Т. II. 389 с.].

26. Из переписки Хомякова и Аксаковых (1852-1860) / Публикация и комментарии Т. Ф. Пирожковой // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск: Издательство «Водолей», 1998.

27. Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева к Ив. С. Аксакову // Мурановский сборник. Вып. 1. Изд. Музея имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1928.

*А.К.Никулина,
к.ф.н., доц. БГПУ им М.Акмуллы (г. Уфа)*

«ЛОТЕРЕЯ» К.ПРИСТА И «ЭГИПЕТ» Д.КРАУЛИ: МОТИВ «НЕНАПИСАННОЙ КНИГИ»

Англичанин Кристофер Прист (р.1943) и американец Джон Краули (р.1942) пришли в литературу практически одновременно: в начале 1970-х годов. Оба быстро приобрели славу в кругу поклонников научной фантастики. Джон Фаулз назвал К.Приста «одним из наиболее одаренных и поэтических писателей-фантастов» [1]. Д.Краули именовали «Брэдбери 80-х годов» [2]. Однако оба писателя при этом чувствовали, что рамки традиционного жанра для них тесны. Прист занят прежде всего исследованием внутреннего мира человека. Хотя он и утверждает, что «не придерживается в своей работе определенных методов и психологических приемов» [3], его романы – это попытка проанализировать и понять душевное состояние современного человека. Краули же, по словам критика Джеральда Джонаса, должен быть отнесен к «писателям, которые чувствуют необходимость заново пересмотреть архетипический материал в свете современного опыта» [2]. Его произведения, непростые по форме и содержанию, погружают читателя в атмосферу напряженных интеллектуальных дискуссий. Не случайно Майкл Дирда предложил определить жанр ключевого для творчества Краули произведения «Эгипет» как «философский беллетристический роман» (philosophical romance) [2].

Романы К.Приста «Лотерея» (The Affirmation, 1981) и Д.Краули «Эгипет» (Ægypt, 1987) являются фантастическими произведениями, если исходить из определения фантастики как «формы отображения мира, при которой на основе реальных представлений создается логически несовместимая с ними («сверхъестественная», «чудесная») картина мира» [4, 266]. Но наряду с присутствием в сюжете мистических элементов, на анализе которых сосредоточены сегодня все критические комментарии, эти романы объединяет также то, что оба они строятся вокруг попытки центрального персонажа написать книгу. Этот важный мотив, определяющий внутреннюю организацию обоих произведений, критикой игнорируется, хотя

именно он, на наш взгляд, помогает раскрыть суть авторского замысла. «В сравнительном изучении мотивом называют тематическое единство, встречающееся в различных произведениях», – отмечает Б.В.Томашевский [5, 182]. Мотив «ненаписанной книги» – книги, тщательно планируемой, начатой, но так и не могущей быть завершённой – определяет тематическую общность проблематики двух романов.

В чем смысл литературы? Для чего люди пишут книги? Эти вопросы каждая эпоха задает снова и снова. По словам Бориса Хазанова, «пишут ради известности... Повинуясь потребности выразить себя. Высказаться по поводу той или иной злободневности... Пишут для заработка... И все же вы чувствуете унылую недостаточность этих доводов, слишком сиюминутных, – между тем как остается без ответа нечто такое, чему невозможно дать конкретное и прагматическое объяснение» [6]. Нередко писатели самых разных взглядов, стремясь отразить в произведении собственное мироощущение, выбирают в качестве персонажей тех, кто после череды жизненных перипетий приходит к идее литературного творчества как единственной возможности обрести себя в мире.

Главные герои в романах К.Приста и Д.Краули оказываются типологически схожи: и Питер Синклер в «Лотерее», и Пирс Моффет в «Эгипте» предстают перед читателем как люди среднего возраста, интеллектуально развитые, оказавшиеся на пороге серьезного психологического кризиса. Ни тот, ни другой не являются писателями (первый – химик, второй – преподаватель истории), но на определенном жизненном этапе оба вдруг оказываются захвачены идеей написать книгу. Для обоих творчество является попыткой разобраться в себе и определить свои отношения с окружающим миром. Питер Синклер начинает свой роман как автобиографию: «Я писал из внутренней потребности; этой потребностью было создать четкое представление о своей личности и я писал то, что должен был писать» [7, 30]. Пирс Моффет задумывает исторический труд, но скоро понимает, что он неминуемо приобретет автобиографические черты: «Собственно, былые дни тоже должны были стать частью этой книги, а почему бы, собственно говоря, и нет? Дни, когда он стал одним из самых популярных лекторов в Барнабас-колледже, когда из окошка этой ветхой квартиры ему открывались совершенно немыслимые горизонты, – ему придется воссоздать атмосферу тех дней, точно так же, как смысл приходивших ему тогда на ум метафор» [8, 227]. Моффет, в отличие от Синклера, думает о возможности издания своего произведения, но даже в этом случае коммерческая выгода отходит на второй план по сравнению с желанием обрести в этой книге себя.

В результате, оба произведения быстро выходят за рамки первоначально задуманного жанра. Жизнеописание Питера Синклера превращается в фантастический роман: «Я... решительно отдалился от чисто автобиографического повествования; я перевел процесс на новые рельсы и поместил главного героя, мое метафорическое «я», в обширное, выдуманное,

стимулирующее окружение» [7, 44]. Историческое исследование Пирса Моффета оказывается окутано мистическим ореолом: он пишет о том, «как история пытается принять форму мифа; как сюжеты и персонажи покидают романы и сказки, чтобы поселиться под крышами вполне реальных дворцов, контор и соборов...» [8, 226]. То есть в обоих случаях книга становится своеобразным окном в иной мир, уходом из повседневной действительности в воображаемую реальность. Обоим героям такое «окно» оказывается насущно необходимо, поскольку оба страдают от абсолютного одиночества: и Синклер, и Моффет незадолго до того расходятся со своими возлюбленными, теряют работу и удаляются в деревенскую глушь, чтобы там прийти в себя и обрести силы для дальнейшей жизни. Общение с собственным художественным произведением становится для героев заменой живого человеческого общения, в котором оба они перед этим разочаровались. Показательно, что первоначальный вариант заглавия романа «Эгипет» был «The Solitudes», которое В. Темнов правомерно перевел на русский язык не как «Уединения» (хотя здесь действительно присутствует прямая отсылка к одноименной поэме Луиса де Гонгоры), а как «Одиночества», что больше соответствует содержанию произведения.

Но в конечном итоге литература и жизнь, несмотря ни на что, оказываются неразделимы. В романе «Эгипет» еще задолго до конца, автор начинает создавать образ жизни-книги: «Но были и такие романы..., в которых, дочитав до половины, а то и до двух третей объема, начинаешь вдруг понимать, что сюжет сделал петлю и разворачивается теперь в обратную сторону.... выходит, и у жизни тоже могла оказаться своя вторая, зеркальная половина, а видимое ее течение в одну и только в одну сторону на поверку могло обернуться иллюзией» [8, 291]. Создание литературного произведения и для Синклера, и для Моффета становится, на самом деле, подсознательным поиском такой обратной дороги – в обыденную реальность, к любимым людям. Книга выполняет свою роль, меняя жизнь ее создателя, открывая ему новую сторону действительности, заставляя острее переживать собственную судьбу и активнее искать пути примирения с миром. И Синклеру, и Моффету нужно было попытаться написать книгу для того, чтобы в финале понять, что писать ее, на самом деле, не нужно, что главная цель жизни – это сама жизнь, которая и представляет собой величайшую книгу, нужно лишь уметь ее прочесть. Пирс Моффет в финале обнаруживает, что задуманную им книгу задолго до него написал другой человек: «Он знал теперь, что вся его жизнь до этого момента, религия, в которой он был рожден, истории, которые он слушал, сочинял и рассказывал, образование, которое получал или не получал, книги, которые ему выпадало прочесть... – все они готовили его вовсе не к тому, чтобы написать книгу (как то ему казалось раньше), а к тому, чтобы книгу прочесть. Вот эту» [8, 534]. Питер Синклер в финале «Лотереи» держит в руках пачку чистых листов бумаги, которые он прежде принимал за свой сочиненный роман:

«Фабула четко вставала перед моим мысленным взором, но слова со страниц исчезли» [7, 328].

Оба героя осознают конечную невозможность создать такое произведение, которое бы вобрало в себя всю жизнь, ибо жизнь неминуемо оказывается больше любой книги; невозможность достичь полного самовыражения, ибо живой человек больше и сложнее литературного образа. Кроме этого, герои обнаруживают, что их воображаемые идеальные книги никогда не смогут обрести конец, логическое завершение: «Если я выброшу эти страницы, история останется нерасказанной, а значит, я снова смогу начать все сначала», – размышляет Питер Синклер [7, 329]; «...эта книга не отличалась от его собственной книги – она тоже была незаконченной (а потому до сих пор и не начатой); ...и его собственная жизнь казалась такой же ненаписанной книгой, книгой, которую, впрочем, и невозможно написать», – заключает Пирс Моффет [8, 534]. Оба героя в финале делают решительный шаг из мира литературных грез в мир реальной жизни: Синклер находит свою прежнюю возлюбленную, Моффет обретает новую любовь. И если в «Лотерее» читатель расстается с главным персонажем, когда тот все еще стоит на перепутье, хотя и приняв решение вернуться в Лондон из воображаемой Джетры, то «Эгипет» заканчивается более определенно: «Он раздобыл кофе и уселся с ним за столик возле буфета под полосатым зонтом; открыл «Soledades», возвращенные Споффордом. Одиночество Первое. В сладко-цветущую пору. Начинается с кораблекрушения, заканчивается свадьбой; как доброе большинство романов, подумал Пирс, как многие из шекспировских историй. Но, кстати, совсем не как у него. Кстати. И вдруг внезапный страшный удар, кошмарный приступ удивления, что все и впрямь именно так и было, вновь потряс его до самой глубины души. Именно так все и было. Медленно и аккуратно он положил ногу на ногу и отпустил страницы «Одиночеств» – они закрылись веером» [8, 529]. Литература, выполнив свою миссию, уступает место действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристофер Прист [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/prist_kristofer
2. John Crowley. Biographical Sketch [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://research.hrc.utexas.edu:8080/hrcxtf/view?docId>
3. Бабурин А. Интервью с Кристофером Пристом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fantlab.ru/article411>
4. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект, 1999.

6. Хазанов Б. Смысл и оправдание литературы // Новый журнал. – 2005. – № 239. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2005/239/hazan14.html>

7. Прист К. Лотерея. – М.: Эксмо, 2007.

8. Краули Д. Эгипет. – М.: Эксмо, 2006.

*Г.У. Нурфайзова,
С.Бәйішев атындағы Ақтөбе университетінің магистранты,
(Қазақстан, Ақтөбе)*

ОРЫС ТІЛІНЕН ЕНГЕН СӨЗДЕРДІҢ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ ҚЫСҚАРТЫЛЫП ҚОЛДАНЫЛУЫ

Тіліміздегі сөздердің белгілі бір тобы «қысқарған сөздер». Сөздердің қысқарып барып бірігу жолы орыс тілінің әсерінен келіп дами түсті. Орыс тілінің де, соған орай қазақ тілінің де сөйлеу, жазу дағдысында жиі қолданылатын суреттеме атауларды қысқартып айту және қысқартып жазу дәстүрге айналды. Осының нәтижесінде, қысқарған сөздер әдеби тілде жаңадан сөз тудырудың белгілі бір тәсілі болып қалыптасты. Мысалы:

- ҚМҰУ – *Қазақтың мемлекеттік ұлттық университеті*;

- ТМД – *Тәуелсіз мемлекеттер достастығы*;

- МАИ – *Мемлекеттік автоинспекция*. Қысқарған сөздер деп ұйым, мекеме аттарын білдіретін күрделі атауларды айтамыз. Күрделі атаулар сөйлеу тілімізде де, жазу тілімізде де бірде толық, бірде қысқартылып қолданылады. Қысқарған сөздерді тіл ғылымында **аббревиатура** дейді. Олар: колхоз, совхоз, облсовет, ҚазМҰУ сияқты сөздер. Бұл сөздер үш түрлі жолмен қысқарған.

1) орыс тілінде де, қазақ тілінде де құрамындағы сөздердің толық түрінің де, қысқарған түрінің де тіркесу реттері бірыңғай келетін сөздер. *Мысалы:*

• *ҚазТАГ – Қазақстан телеграф слеттігі*;

2) қазақ тіліндегі сөз тіркесіне сәйкес қысқартылған сөздер. *Мысалы:*

• *БҰҰ – Біріккен ұлттар ұйымы*,

• *ҚМҰУ – Қазақ ұлттық мемлекеттік университеті*.

3) орыс тіліндегі сөз тіркесі заңына сәйкес қысқарып, қазақ жұртшылығына түсінікті болып енген сөздер. *Мысалы: жоғарғы оқу орындарында қолданылып жүрген факультет атауларының қысқартулары:*

• *биофак – биология факультеті*

• *физмат – физика және математика факультеті*

• *филфак – филология факультеті*

Күрделі атаулар тілде жиі қолданылатын болғандықтан, оларды айтуға, жазуға жеңілдету мақсатымен ықшамдап қолданамыз. Ол үшін тіркескен сөздер қысқартылып жұмсалады.

Қазақ тілінде сөздерді қысқарту орыс тілі арқылы, ондағы сөздерді қысқарту үлгісі бойынша қалыптасады.

Қазақ тіліндегі күрделі атау сөздер төмендегідей жолдар арқылы қысқарады:

1) Күрделі атау сөздердің құрамындағы әрбір жеке сөздер тек басқы дыбыстарынан ғана қысқарады да, бас әріппен жазылады. *Мысалы:*

- *АҚ – Акционерлік Қоғам*
- *АҚШ – Америка Құрама Штаттары*
- *БҰҰ – Біріккен Ұлттар Ұйымы*

Бас әріптер арқылы қысқарған сөздерге қосымша жалғанғанда, қосымшалар соңғы әріптің әуеніне қарай жалғанып, қысқа сызықша (-) арқылы жазылады. *Мысалы:*

- *АГУ-де*
- *ҚазМҰУ-да т.б.*

2) Күрделі атаулардың құрамындағы бірінші сөздің басқы буынынан және соңғы сөздің дыбысынан қысқарады. *Мысалы:*

- *Қаз МҰУ – Қазақ мемлекеттік ұлттық университеті .*

Мұнда сөздердің алғашқы буыны және қысқартылып алынған және соңғы сөздің басқы әріптері бас әріппен бірге жазылады.

3) Күрделі атаулардың құрамындағы әрбір сөздің басқы буындары алынып, бір сөз жасалады да, біркелкі кіші әріптермен бірге жазылады. *Мысалы:*

- *обком – облыстық комитет*

Бұл сөздерге қосымша дефиссіз сөзбенен бірге жазылады. *Мысалы:*

- *Райкомның – аудандық комитеттің,*
- *обкомда – облыстық комитетте, т.с.с.*

4) Күрделі атаулардың құрамындағы алғашқы сөздің басқы буыны және соңғы сөз тұтас алынып, бір сөз жасалады. *Мысалы:*

- *Еуропарламент – еуропалық парламент*
- *пединститут – педагогикалық институт*
- *педколедж – педагогикалық коледж.*

Мұндай қысқарған сөздер кіші әріппен жазылады, қосымшалары оларға қосыла жазылады. *Мысалы, пединституттың – педагогикалық институттың, педколеджде – педагогикалық коледжде т.б.[1].*

ТУ-104, ИЛ-18, ГАЗ-69, ДТ-54 секілді самолет, машина, трактор маркаларын білдіру үшін алынған шартты белгілер де қысқарған сөздер қатарына жатады.

Жазуда қолданылатын *см (сантиметр), мм (миллиметр), кв (киловатт)* т.б. (тағы басқалар), т.с. (тағы сондайлар, т.с.с. тағы сол сияқтылар) секілді шартты белгілер де қысқарған сөздер тобына жатады [2].

Қазіргі кезде әсіресе, орыс тілінен енген сөздерді қысқартуда бірдей қысқартулар көбейіп барады және жиі кездесетіндігі баршаға мәлім. Оларды біреулердің білуі, ал біреулердің білмеуі мүмкін. Сөйтіп, әркім оларды өздерінше атап жүреді. Мысалы, «кв» – негізінен «киловатт» сөзінің қысқарған түрі.

Ал қазіргі кезде жарнамадан көп нәрсе жоқ. Сол жарнама беттерінде ол көбінесе «квартира» деген мағынада қолданылып жүр. Бірақ, бұл жарнаманы жиі қарайтын адамдар үшін қиын жағдай болып саналмайтыны анық.

Қазіргі ХХІ ғасыр білім мен технологияның дамыған кезеңінде жазу да қалыс қалған жоқ. Ол көбіне адамдардың өз уақыттарын үнемдеу мақсатында өте қажет.

Еліміздегі жоғарғы оқу орындарында студенттерге дәріс жазу кезінде өте пайдалы. Өйткені, қысқартып жазу арқылы студент ұстаз оқыған дәрісті толығымен үлгеріп жаза алады. Егер әрбір сөзді толығымен жазатын болса, ең қажет жеріне келген сәтте үлгере алмай қалуы мүмкін.

Кейбір жағдайларда қысқартуларды алып тастау мүмкін емес. Олар:

1. Ғылыми жұмыстарда, техникалық құжаттамаларда, қолданылған әдебиет нұсқауларын жазған кезде қысқарған сөздерді қолданбау мүмкін емес;

2. Математика, информатика (программалау тілдерінде), астрономия, физика, химия, тарих, грамматика, музыка сияқты жекелеген ғылымдарда қысқартулар, тіпті, шартты белгілер өте қажет;

3. Өлшем бірліктерінде;

4. Ақшаларды көрсету үшін;

5. Күнтізбелерде;

6. Кейбір әдеби көркем шығармаларда жиі қайталанатын сөздерде [3].

Қазіргі қазақ тілімізде орыс тілінен енген қысқарған сөздерді аударып, ана тілімізде пайдалану белең алуда. Алайда, олардың көпшілігі орыс тілінен ғана емес, басқа да шет тілдерден енген және жұрттың құлағына сіңісті болып кеткен ұғымдар. Оларды аудару, ең алдымен, сол ұғымның мағынасын көмескілендіреді, екіншіден, дыбысталуы жағынан да, мағыналық тұрғысынан да ұлт тілінің заңдылықтарымен қабыспай, қойыртпақ болып кетеді. Бір жағынан, тілдердің ара салмағы да қазір әртүрлі болып тұр. Бірақ, орыс тілінің ықпалы күштілеу екендігі жасырын емес. Дегенмен, енді бір жиырма жылдан кейін осының барлығын салауатты түрде жасауға болады. Ал әзірге, қысқарған сөздерді қалай айтылып жүрсе, солай қолдана берген дұрыс дегендей пікірлер де айтылып жүр.

Қысқарған сөздерді ғана емес, жұрттың санасына қонбаған, ұғымына кіріге қоймаған техникалық, ғылыми терминдерді де мағынасын білмей тұрып жапа-тармағай аударудың, қазақшалаудың қажеті жоқ деп есейтіндер де аз емес. Бірақ та, барлығын жаппай қазақшыландырамыз

деп, тіл үшін күресіп, ұрандатып жүрген азаматтар да аз емес. Негізінен, күрделі сөздерді қысқартқан кезде, оларды қазақтың сөйлеу тілінің ыңғайына бейімдеп, дыбысталуына қарай өзгертіп пайдаланған дұрыс. Қысқарған сөздер мен терминдер тұтастай аударылған жағдайда көп жағдайда мәтін мағынасын жоғалтып жататындығы белгілі. Сондықтан, оларды әзірге сол қалпында алған дұрыс секілді.

Дегенмен, қазір ол термин бе, кірме сөз бе, ештеңеге қарамастан, бәрін жаппай қазақшалау үдерісі кең етек алды да, соның салдарынан мағынасыздық көбею үстінде десек те болады.

Қай тілдің болмасын, басқа тілден енген сөздерді меңгерудегі өзіндік әдіс-тәсілдері болады. Әрине, тілге ешқандай зорлық жоқ. Сіңетін сөз сіңеді, ал сіңбейтін сөз сіңбейді. Кеңес дәуірінде біраз ұғымдар аударылып пайдаланылды.

Ахмет Байтұрсынов сияқты өз ана тілі үшін жанын пида еткен ағаларымыз орыс тіліндегі сөздерді бірден Кеңес өкіметі, Кеңес дәуірі деп аударды. Бірақ кейіннен бәрібір СССР, КПСС, ВЛКСМ болып қалыптасып кетті.

Көпшілік елдер небір күрделі ұғымдардың өзін қысқартпай-ақ, толығымен жазуда да, айтуда да пайдалана береді. Ал, америкалықтар сөзді қысқартып пайдаланғанды жақсы көреді.

Негізінен, қазақ тілімізде шет тілдерден еніп қолданылып жүрген қысқарған сөздердің қазақша баламасын ұсыну үшін ең алдымен, біраз уақыт бойы оларды толықтай күйінде пайдаланған жөн. Ал, қысқартылған түрін қасына жақшаның ішіне жазып қою керек. Өйткені, алдымен халықтың көзі үйренуі қажет. Кез-келген жаңа термин болсын, жаңа ұғым, не болмаса қысқарған сөз болсын, оны халық ең бірінші баспасөз беттерінен көріп, ұғынып, есте сақтауға тырысады. Бұл үшін әрине уақыт керек. Ал бірден қысқарған сөз күйінде беріліп жатса, ол түсініспеушіліктерге әкеліп соғады. Алайда, бұл тұрғыдан алғанда бізде әлі де тыңғылықты жұмыстар басталмаған сияқты. Әркім әртүрлі жазады, әртүрлі айтады. Яғни, бірізділік жоқ. Сол себепті де кей жағдайда мүлде түсініксіз мәтіндер кездесіп жатады.

Тіл – мәңгілік нәрсе. Қысқарған сөздер, олардың аударылу-аударылмауы біздің бүгінгі заманымыздың бір ерекшелігі болып қала береді. Әрине, қазақ тілі осы күнге дейін өз заңдылығымен қалай дамыған болса, келешекте де солай дами беретіндігі хақ.

Қазіргі ХХІ ғасыр жаһандану заманында елбасымыз Н.Ә.Назарбаевтың халыққа жолдауында тіл мәселесін алдыңғы орынға қояды.

Тіл – ұлтымыздың тірегі. Сол патша үкіметінің отарлау кезеңінің өзінде Ахмет Байтұрсынов ана тіліміздің тазалығын сақтап қалуға тырысып, аянбай еңбек еткен. Ал қазір, біз тәуелсіз мемлекетпіз. Биыл тәуелсіздігімізге жиырма жыл толады. Ендеше, осы орайда, неге тіліміздегі

басқа тілден енген сөздерді қазақшыландырмасқа деген сұрақ туады. Неге барлығымыз осы мәселені шешуге қол жұмылдырмасқа.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Оралбаева Н., Мадина Ғ., Әбілқайев А.. Қазақ тілі. Алматы «Қазақ университеті» 1992, 128б.
2. Қараев М.Ә. Қазақ тілі. Алматы «Ана тілі» 1993, 75б.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890-1907).

*В.А. Петешева, д.ф.н., профессор,
А.А. Петешев, д.ф.н., профессор БирГСПА (г. Бирск)*

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПОЖАР»

В процессе мотивного анализа повести «Пожар» необходимо обратить внимание на фигуру одинокого человека. Это сквозной образ произведения, литературный архетип¹, определивший структуру, направление и характер движения сюжета распутинской повести. Достаточно отметить, что повествование о душевном состоянии Ивана Петровича обрамляет произведение, усиливая его внутренние и социальные конфликты. В первой главе повести буквально все: форма и содержание, авторская позиция и эмоциональный настрой текста подчинено стремлению повествователя передать душевный дисбаланс и физическое бездомье героя, ищущего и не находившего себя в хаотичном, противоречивом мире. В эпиграфе – своеобразной художественной концепции и ключе к общему смыслу произведения в экзистенциальном ракурсе выражено авторское понимание основного замысла: «Горит село, горит родное... // Горит вся родина моя // Из народной песни»². Эмоционально-содержательному развитию внешнего сюжета повести способствует пейзажное описание – конкретное с точки зрения земного времени – ранняя весна; географически узнаваемое – берег могучей Ангары, но какое-то смутное и мерцающее: «Вечер был мякотный, тихий... Как растеплило днем, так и не поджало и вроде не собиралось поджимать. Мокрый снег и по твердой дороге продавливался под ногами, оставляя глубокие следы; продолжали булькать, скатываясь под уклон, ручейки. В загустевших чистой синью бархатных сумерках все кругом в это весеннее половодье казалось затопленным, плавающим беспорядочно в мокрени» (357-358).

---

¹ Современные словари литературных терминов в слово «архетип» (от греч. arche – «начало» и typos – «образец») вкладывают понятия «первообраз», «праформа», «первичные тип, идея». Важнейшими чертами архетипа наряду с первичностью и абстрагированностью, являются его наследственность, типологическая повторяемость и вариативность неизменности.

² Распутин В.Г. Пожар. Собр. соч.: В 3-х т. – Т. 2. – М., 1994. – С. 357. В дальнейшем ссылка на это издание – в тексте статьи. В круглых скобках арабской цифрой указывается страница.

Эмоционально-психическое состояние героя адекватно первичной установке повествователя: в завтрашний день, констатируется в начальной главе, Ивану Петровичу верилось с трудом, «<…> и какое-то недоброе удовольствие чувствовалось в том, что не верилось. Пусть бы долго-долго, без меры и порядка ночь, чтоб одним отдохнуть, другим опаматоваться, третьим протрезветь... А там – новый свет и выздоровление. Вот бы хорошо» (357). Уставший и разуверившийся герой ощущал себя после рабочего дня прескверно, ему «ничего не хотелось. Как в могиле <…> Он лежал и вяло и беспричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова «март» и «смерть». Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю» (358).

Движение мотива одиночества идет на фоне социальных сюжетных конфликтов-столкновений³ сосновцев с огнем. В самом начале пожара стихия представлена так: «Мутное прерывистое зарево извивалось сбоку и словно бы далеко вправо от складов <…> на миг показалось, что горят сухие огородные прясла и банька, стоящая на задах, но в ту же минуту зарево выпрямилось и выстрелило вверх, осветив под собой складские постройки» (359). Затем повествователь, «играя» художественным временем, то ускоряя его, то замедляя, то вовсе приостанавливая (литературный прием ретардации) все более повышает рецепционное напряжение и внимание читателя: «Пламя позади поднималось высоко, жарко, освещая двор и широкими взмахами отблесков прыгая по крышам ближних домов <…> Там огонь тем был страшен, что он выфукивал из-под крыши длинными яркими языками <…>» (363). В унисон реальным событиям показаны размышления героя о прожитом, окрашенные в трагические тона. Например, Егоров вдруг вспомнил, как он, часто проезжая мимо брошенной лесозаготовителями Березовки, «<…> всякий раз с невольной тоской и растерянностью смотрел в ее сторону, на заколоченные и оставленные избы: стоял вот так же леспромхоз, отработал и ушел – и ни одной живой души в покинутом поселке, лишь осатаневшие туристы, пуская дым в двери, разжигают в домах костры» (365). Было что-то пугающее и роковое в том, что «кочующие люди» без боли в душе оставили навсегда свои домишки, стайки и баньки, могилы с отцами и матерями и собственные прожитые годы. Писатель будто заставляет задуматься над соотношением творческого и разрушительного начал в человеческой жизни. Созидательное начало, считают автор и близкие ему герои, «<…> включает в себя верность корням, привя-

---

³ В литературоведении различают четыре типа конфликтов (столкновений): «<…> 1) природные, 2) социальные, 3) внутренние (психологические), 4) провиденциальные (противостоящие законам судьбы или божеству)». (См.: Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов. – М., 2003. – С. 206).

занность к месту, где родился, постоянство, память в широком смысле слова»⁴.

Последующее развитие главных сюжетных линий идет по принципу двучленного параллелизма⁵, в основу которого положено сопоставление природных явлений и человеческой жизни. Вот одна из сцен буйствующей стихии: «<…> жар становился все нестерпимей, огонь по потолку и по стенам проворно подвигался влево, глаза слезились, в горле першило, казалось, горел даже дым, которым приходилось дышать. Что-то сильно, как на сковороде, шипело, что-то по-снарядному взрывалось; оборвалась сверху подгоревшим концом еще одна плаха; закачалась, помахивая огнем, и оборвалась другим» (373-374). Волновалась и душа Егорова, бездомного и одинокого, не находя успокоения в суетном мире и не понимая смысла собственной жизни: «<…> Дня единого не проходило, – сообщил повествователь, – чтобы не вспоминал Иван Петрович свою старую деревню. Вспоминал всякий раз, когда вольно или невольно бросал взгляд на воду, под которой осталось нагретое деревней за три столетия место. Вспоминал и мимолетно, кивнув, как поздоровавшись, на ходу в ее сторону, и в тяжелых и частых раздумьях вспоминал, пытаюсь в сравнение понять, что это, что за жизнь была там и к чему пришли здесь» (370).

Огонь наступал все решительнее, полыхающим ревом пробивал себе дорогу, проникая в любую щель: «<…> ворвавшись внутрь, он завладел половиной задней стены, перекинулся на потолок, откуда в каком-то своем ритме вымахивал вниз длинными ухающими языками» (384). В кульминационный момент противостояния естеству Егоров вспомнил вдруг диалог с Афоней Бронниковым – совхозным мужиком, работавшем на трелевочном тракторе. Обращаясь к Ивану Петровичу, он изложил свой «резон», свой взгляд на жизнь: «Что ты <…> кипятишься? – с укоризненной улыбкой на широком и твердом кержацком лице увещевал он. – Кому ты что докажешь? Я так считаю: я работаю честно, живу честно, не ворую, не ловчу – и хватит. У кого глаза есть, тот видит, как я живу и как другие живут. Кто куда расположен, туда и пойдет. Наше дело – жить правильно, пример жизнью подавать, а не загонять палкой в свою отару. От палки толку не будет» (382).

Но «половинчатую правду» Афонии Егоров всегда воспринимал как кривду. «Правда, – рассуждал герой, – это река, ложе которой выстелено твердым камнем и берега которой в отчетливых песчаной и каменистой линиях, река с чистой и устремленной вперед водой <…> Правда происте-

---

⁴ Скаковская Л.Н. Фольклорные символы природы в современной русской прозе // Природа в художественной литературе: материальное и духовное. Сборник научных статей. – СПб., 2004. – С. 167.

⁵ Образный параллелизм стоит у истоков композиционных аналогий, сближений и контрастов (антитез). Впервые он был изучен А.Н. Веселовским на примерах исторически ранней поэзии, прежде всего, народной. (См.: Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 107-117).

кает из самой природы, ни общим мнением, ни указом поправить ее нельзя» (388). Жизненные принципы Ивана Петровича также были прямыми: «Когда нужно было говорить правду, он говорил; когда требовалось дело – делал. Да он только и делал, что не сворачивал с правды и дела» (388).

Важно констатировать, что мировосприятие труженика вступило в противоречие с социальными условиями и парадоксальным временем: «Что бы он ни делал – все не так, куда бы ни пошел, за что бы ни брался, какая-то сила останавливает его и вышептывает с мстительной выправкой в голосе: а больше ты ничего не мог придумать? А больше он ничего действительно не мог придумать, у него опускались руки и пронизывающим пустодольем обносило все тело» (387). Не потому ли так трагичен финал неравной борьбы людей с неистовой стихией? Когда отошла ночь и настало новое утро, стали видны размеры понесенного ущерба: он исчислялся не только подчистую сгоревшими товарными складами, но и погубленными человеческими жизнями: «Под огромным новым брезентом так и лежало посреди двора спасенное орсовское добро. И под брезентом же лежали до сей поры не разлученные дядя Миша Хампо и Соня. И там и там стояла над брезентами охрана, никого не подпуская и не вступая в разговоры» (413).

Примечательно, с тех пор, как главный герой потерял жилище, он каждодневно готовился в путь для поиска нового дома. Отметим, что мифологема «путь»⁶ в мифопоэтических, фольклорных и религиозных источниках обозначает линию поведения (часто нравственного или духовного). С древнейших времен этот фольклорный образ ассоциировался в сознании людей с поисками правды и кривды. Путь ищущего вымышленного героя, как правило, был непредсказуем и полон неожиданностей: перекрестков и развилок, огненных рек, драконов и змей и т.п. Преодолеть путь – значит познать вечные проблемы бытия: жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть и др.

Символические образы дома и бездомья пронизывают все творчество В. Распутина. С особой силой они проявились в «Пожаре». Дом для героев повести – это не только «строение для жилья», но и характеристика человека, его нравственности, места в обществе и природном окружении, это квинтэссенция мировосприятия героя и его отношений к семье и коллективу. В приподнятом настроении уходил Иван Петрович от прошлого в неведомое и заманчивое будущее. Легко, освобождено и ровно шагало ему, «<...> будто случайно отыскал он и шаг свой и вздох, будто вынесло его наконец на верную дорогу. Пахло смолью, но не человек в нем чуял этот

---

⁶ В мифопоэтических и религиозных моделях мира мифологема «путь» ассоциируется с подвигом, подвижничеством героя. «Конец пути – цель движения, где находятся высшие сакральные ценности мира, либо то препятствие (опасность, угроза), которое, будучи преодолено или устранено, открывает доступ к этим ценностям». (См.: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. // Гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 2. – М., 1992. – С. 352).

запах, а что-то иное, что-то слившееся воедино со смоляным духом; стучал дятел по сухой лесине, но не дятел это стучал, а благодарно и торопливо отзывалось чему-то сердце» (415). Вместе с героем оживала от зимней спячки природа и земля: «<…> Натягивались отзывчиво, поддаваясь первому отогреву, сосенки на берегу и пригарчивал воздух, уже вязко проседал под ногами снег и отмякал дальний речной раствор. Весна отыскала и эту землю – и просыпалась земля» (415).

В финале «Пожара» мотив Агафеста – вечного скитальца – проявился новой гранью. Для В. Распутина странничество – категория философская, содержание которой составляет служение идеалу, верность своей мечте. Странничество осознается писателем не как охота человека к перемене мест, а как напряженный нравственный поиск личности, стремление угадать свое предназначение и координату в изменчиво необозримом мире. Человек «не похожий на других», считает автор повести, обречен на одиночество и длительный духовно-нравственный поиск. Не случайно произведение завершается философскими размышлениями прозаика о человеке и земле, о жизни и смерти, о вечном движении и обновлении бытия. Иван Петрович уходил в обетованную даль: «Издали-далеко видел он себя: идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас за перелесок и скроется навсегда» (415).

Необходимо отметить, что земля – первородная сущность всего живого и мифопоэтический символ – воспринимается героями «Пожара» как сакрализованная основа бытия. Поистине, «земля является незыблемой ценностью, припадая к которой человек обретает силу, мощь и прощение»⁷. Именно такой, всепрощающей и доброхотной, показана мать сыра-земля в последнем эпизоде произведения: «Устраивать ей теперь переклик, – отметил автор, – что уцелело и что отмерло, что прибавилось от людей и что убавилось, собирать уцелевшее и неотмершее в одну живую и приготавливать к выносу. Разогреется солнышко – и опять, как и каждую весну, вынесет она все свое хозяйство в зелени и цвету и представит для уговорных трудов. И не вспомнит, что не держит того уговора человек» (415).

В повести «Пожар» (1985) отчетливо проявились элементы поэтики экзистенциального типа мышления⁸, важнейшей составляющей которого является «<…> экзистенциальная ситуация выбора»⁹. Она проявляется во всех уровнях повести – от литературных конфликтов и концепции героев,

---

⁷ Вахитова Т.М. Природные стихии в творчестве Леонида Леонова // Русская литература. – 2005. – № 3. – С. 87.

⁸ Экзистенциализм – одно из направлений философии, возникшее в прошлом столетии. Философия «существования», как ее иногда определяют, утверждает миропонимание, отвечающее взглядам современного человека, и развивается как мировоззрение пессимистическое. Его суть можно определить как «<…> примат существования над сущностью». (См.: Эстетика. Теория. Литература. Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борев. – М., 2006. – С. 536).

⁹ Экзистенциализм // Философия XX века. – М., 1996. – С. 147.

стилевой доминанты и сюжетно-композиционной специфики до жанрово-видовой принадлежности произведения.

С чувством глубокой озабоченности писатель изобразил негативное отношение селян и заготовителей леса к социально-экономическим порядкам периода первых послевоенных десятилетий. При этом автора повести волнуют и общественные противоречия, и внутреннее состояние близких ему героев, их решительные попытки противостоять изъясам жизни, парадоксальным условиям времени.

Следует отметить композиционное своеобразие повести, в основе которой лежит противоборство сосновцев и природной стихии в образе огня. Важно также, что основные события произведения изображены через восприятие Ивана Петровича Егорова, который не только наблюдает за происходящим, но и активно участвует в главных конфликтах: будь-то внешние – сюжетные (Великая Отечественная война; тяжелые послевоенные годы – голод, нищета и разруха; работа на заготовках леса; неустроенность жизни в совхозе Сосновка и др.) или столкновения внутренние (душевная опустошенность героя от того, что окружающие не хотели слушать и понимать передового рабочего; его глубокие переживания по причине всеобщей неустроенности и расхлябанности в хозяйстве; болезненный поиск «настоящей» правды, которая бы устроила и «наших» и «ваших») и др. «Страшное разорение чувствовал в себе Иван Петрович, – сообщил повествователь, – будто прошла в нем иноземная рать и все вытоптала и выгадила, оставив едкий дым, оплавленные черепки и бесформенные острые куски от того, что было как-никак устоявшейся жизнью» (387).

Мотив утраты доминирует в повести, определяя ее сюжетодвижение и композицию. Неожиданное изменение привычного образа жизни Ивана Петровича, вызванное войной, привело к необратимым потерям – физического и душевного покоя, мирной гражданской жизни, родных и близких, оставшихся в далекой, суровой Сибири. Война несла в себе неисчислимое множество горьких утрат. На что только не нагляделся герой, неся бремя защитника земли русской: «<…> и на несчастья, и на бедность, и на поруху, все кругом вопило от страданий и молило о помощи, много что было переверочено и обезображено, но даже в самых пугающих разрушениях просматривалась надежда: дайте время, дайте руки – оживет и отстроится, человек не потерпит разора» (370).

Вернувшись со щитом с поля брани, Иван Петрович пережил новое душевное потрясение, глядя на запустение отчей земли и бездомье. Повсюду в тисках застывшего и безгласого времени отчаянно бедствовали не только егоровцы, но и вся до боли близкая округа. Где-то там, вдали от тайги, роилась другая жизнь, «здесь же все оставалось и словно навсегда остановилось без перемен. Ничего не убавилось, но ничего и не прибавилось, и как бы даже не положено, чтоб прибавлялось» (370). Грустно размышлял бывший солдат, сознавая свое бессилие что-либо изменить в тепе-

решней жизни, переживая необъяснимое чувство вины: словно он принес с войны к мирному очагу громовое проклятье: «<…> все то же, все то же, все то же... как представишь, да еще на первых порах, и будто пришел с войны помирать своей смертью» (371). Художественный прием ретардации, использованный автором, несомненно повысил напряжение основного конфликта произведения.

Очередной потерей главного героя повести и окружающих его людей стало «исчезновение» Егоровки в могучих ангарских водах, которую, словно заговоренную, всегда обходили стороной новая жизнь и другие времена: «<…> Пятнадцать лет прожили после войны, – констатировал автор, – но как была скроена Егоровка о сорока дворах, с тем и осталась, и ни баньки, ни стайки к разношенному больше не подшилось» (370-371). Судьбу деревеньки решила возведенная внизу по течению реки гидроэлектростанция: Егоровка стала ложем водохранилища, навсегда похоронив в водах величавой и невозмутимой реки историю осиротевших егоровцев, нешумное прошлое селян и их чаяния. Во вновь отстроенном совхозе жизнь сразу же пошла наперекосяк, стала непосильным испытанием физической и душевной прочности и чистоты героя, который, не смотря на свои недюжинные способности трудом облагораживать окружающий мир, потерпел поражение. В финале повести он вновь, еще раз простился с неудобным прошлым, теперь уже навсегда. «Иван Петрович все шел и шел, – отметил повествователь, – уходя из поселка и, как казалось ему, из себя, все дальше и дальше вдавливаясь-вступая в обретенное одиночество. И не потому только это ощущалось одиночеством, что не было рядом с ним никого из людей, но и потому еще, что и в себе он чувствовал пустоту и однозвучность» (415).

Испытаниям и утратам подвержены как люди, так и природные стихии, которые пронизывают весь текст «Пожара», выступая в форме различных описаний – статистических, развернутых или минивставках (конкретно-реальных, символических и т.п.), а также в виде динамичной, развивающейся живой природы, например, воды, огня или леса. Лес в повести воссоздан не только как проявление материального мира, но и как важнейшая составляющая сюжетных конфликтов и противостояний внутренней жизни героев, а также авторских отступлений, диалогов и монологов персонажей независимо от исторического контекста, народно-поэтического или мифологического континуумов¹⁰. Природные стихии В. Распутина выступают в тексте то в качестве «сквозных» образов-метафор или разновеликих лейтмотивов, то как архетипический фон или философский символ, выражая мировидение повествователя.

---

¹⁰ Литературные критики, как правило, природные стихии (воды и воздуха, солнца и огня, земли и растительного мира и др.) соотносят, с одной стороны, с историко-культурным пространством, с другой, бытием и бытием литературного героя. (См.: Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе. (Пушкин – Достоевской – Блок) // Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб., 1997. – С. 814-820).

Природные стихии, величественные, могучие и не подвластные людскому желанию, изображены в повести параллельно суетливой и временной жизни в Сосновке, они словно безучастны к судьбам героев и конфликтам произведения. Стихии в тексте выполняют знаковую художественную функцию. Например, когда огонь, оттеснив людей и завладев «инициативой», перемалывал в своем гремучем тигле все, что способно было гореть, сосновцы потеряли веру отстоять промтоварные склады: «Никто, похоже, больше не тушил – отступились, а только вытаскивали, что еще можно было вынести» (374). Между тем окружающая природа продолжала жить своей жизнью. «Огромная, всходила за горой луна. Выкатываясь из-за леса, она подвигалась вправо, и, как на экране, всплывали в нее и в холодном кипении сгорали в ней верхушки деревьев» (376).

Обращение повествователя к знаковым природным картинам далеко не случайно. Подобно И. Тургеневу, он уверен, что в природе заключена «та общая, бесконечная гармония, в которой <...> все жизни сливаются в одну мировую жизнь»¹¹. Природа – колыбель разума. Постигая ее тайны, величественное равнодушие, ее утилитарную и чувственно-созерцательную притягательности, люди учатся не только жить в гармонии с естеством, но и научно соразмерно пользоваться его благами. Человеку к природе всегда следует обращаться на «Вы»; она, в свою очередь, воздаст сторицей, как это случилось в повести в послевоенные годы: «Вскоре подоспел голод, спастись от которого легче было все-таки здесь, возле Ангары и тайги <...>» (371). Поистине, бездонные кладовые добра скрыты в неоглядной сибирской тайге: не ленись, человек, работай, будь рачительным хозяином! «В первые годы, – отметил автор, оценивая размах лесодобычи, – и весь леспромхоз был – один этот участок. Потом открыли второй, потом третий, четвертый, и только по прямой береговой линии протянулось нынешнее порубочное хозяйство на сто с лишним километров» (379).

Чем глубже рубщики с армией заготовителей, вооруженные мощной техникой, проникали в тайгу, тем небрежнее работали люди. Постепенно их главным делом и жизненным принципом стало «валить лес, только валить и валить, не заботясь, останется, вырастет что-нибудь тут после них или нет. Это теперь заставляют на вырубках делать посадки, да и то как заставляют: вроде и обязан, как обязан время от времени думать о смерти, чтоб чище жить, но можно и не думать о ней, жить, и все, а жизнь состоит в том, чтоб рубить. За невыполненный план по посадкам – пожурят, за план по вырубке – семь шкур сдерут» (377).

Со временем масштабы лесозаготовок стали угрожающими: древесину из ближайшей округи сосновцы взяли за семь лет, затем в поисках строевого леса перешли за Ангару – там работы хватило еще на пять лет.

---

¹¹ Тургенев И.С. Ася. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. – Т. 4. – М., 1988. – С. 516-517.

Затем «снова пошли по своим старым наделам, по вырубкам, но если прежде брали только деловую древесину, только сосну и лиственницу (было время – травили березу и осину ядохимикатами, чтоб не засоряли леса), то теперь вычищали под гребенку» (365).

С годами, бездумно вторгаясь в мир живой природы, люди теряли чувство меры, становились безразличными к себе и окружающим: поселок, в котором они жили долгие годы так и остался не обустроенным, его широкие улицы «<…> разбиты были тяжелой техникой до какого-то неземного беспорядка, летом лесовозы и трактора намешивали на них в ненастье грязь до черносметанной пены, которая тяжелыми волнами расходилась на стороны и волнами потом засыхала, превращаясь в каменные гряды, а для стариков – в неодолимые горы» (364). В совхозе не действует детсад, клуб «уже двадцать лет размещается в общественной бане, вывезенной из одного из старых поселков» (366). Повествователь с тревогой спрашивает: «Что ожидает сосновцев впереди?» И горько рассуждает, отвечая на вопрос: «<…> Работы «под гребенку» хватит года на три, на четыре. А дальше? А дальше, говорят, как на отхожий промысел в старину, будут уезжать бригады за десятки километров на долгие смены <…>» (366).

Подводя итоги, укажем, что в «Пожаре» В. Распутина довлеет трагическое мироощущение, по этой причине в повести обнажены мотивы социальных утрат, душевных потерь и природных дисгармоний. Автор и герои убеждены, что утилитарный подход к жизни и окружающей среде, «<…>стремление только извлечь из природы «пользу» для себя, без желания постичь ее красоту и вечную мудрость, не могут породить ничего долговечного»¹². Вместе с тем прозаика не покидает вера в лучшее завтра. Не случайно «Пожар» завершается сценой весеннего обновления земли. «Никакая земля не бывает безродной» (415) – уверенно заявил художник в финале произведения.

*И.О. Прокофьева,
ст. преподаватель БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ ИГОРЯ ФРОЛОВА «НАША МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА» (ИЗ ЦИКЛА «ТЕОРИЯ ТАНЦА»)

«Наша маленькая скрипка» Игоря Фролова была опубликована в девятом номере журнала «Бельские просторы» за 2010 год. В центре сюжета повести - судьба трёх героев: фотохудожника, поэта, журналиста-писателя, от имени последнего и идет повествование. Весь текст распадается на части, на отдельные зарисовки, миниатюры, которые цементирует и связывает в единое целое история появления одной «гениальной в своей простоте и красоте черно-белой фотографии».

---

¹² Литература / Под ред. В.К. Сигова. – М., 2005. – С. 495.

Действие в рассказе начинается осенью, она по своему творческому подъёму и изобилию для героя-повествователя становится почти болдинской осенью. Но телефонный звонок прерывает творческую лихорадку, призывая героя встретиться со старым знакомым и помочь ему в самом обычном и прозаичном деле – переезде на съёмную квартиру. Здесь повествователь и свободный фотохудожник Каплин, освятив своим присутствием и сорокоградусным напитком новое пристанище поэта Чугунова, вспоминают о событии десятилетней давности. Событие, которое обещало быть в начале самым заурядным и обыденным. Нужно было просто написать репортаж о юбилее детской музыкальной школы, сделать снимки. «Так, втроем, – хмурый от недосыпа Каплин, угрюмый по причине трезвости Чугунов и я, не верящий, что найдем кого-то, кроме очкастых мальчиков и девочек с натертыми подбородками и благоприобретенной кривошеей, – мы вошли в школу в конце учебного дня».

Встреча со «скрипачкой от бога», «девочкой-пацанкой» Настей, её фотография, сделанная Каплиным, обрели особую значимость для героев рассказа. Жизнь не часто дарит человеку совершенно случайно возможность открыть что-то по-настоящему чистое, хрупкое, прекрасное, что нельзя спугнуть и то, к чему потом хочется возвращаться вновь и вновь.

Именно поэтому автор рассказа постоянно возвращает нас к ключевой сюжетной ситуации постоянно меняя временные планы (утро, ночь, на следующий день, десять лет назад, ещё на три года позже, стояла осень, был апрель, той весной и т. д.), вводя в текст череду мелких происшествий, целый ряд персонажей, отвлекающих на время наше внимание от главного. Ретроспективы в прошлое, приём ретардации необходимы писателю, на наш взгляд, чтобы противопоставить суетное, бытовое, в какой-то степени мелочное, мимолётному, постоянно манящемуся и поэтому ускользающему от нас прекрасному.

Жизненные ситуации, создаваемые автором, хорошо узнаваемы и погружают читателя в реалии российской жизни. Здесь истории учительницы музыки Ланы, поэта Чугунова, фотохудожника Каплина, юноши Малика из церковного хора, истории которые, на наш взгляд, могли бы быть положены в основу сюжета отдельных рассказов.

Рыжеволосая Лана «сама издалека школьница, – эта миниатюрность в сочетании с недетской фуриозностью движений и порочной усмешкой» привлекли внимание героя-повествователя. Лёгкий любовный «дивертимент» быстро закончился, так как «...Лана искала мужа и была в своем поиске настойчива и принципиальна. Вскоре после того, как мы расстались друзьями, она забеременела – или от стройного чернокудрого рок-гитариста, или от приземистого, лысого и бородатого химика, писавшего докторскую по хемилюминесценции. Гитарист все время исчезал, а химик был константен, – он мазал ее смычок своими светящимися смесями, чтобы показать в полной темноте траекторию музыки, он оклеил ее потолки

бумажными звездами, которые горели ночью холодным зеленым огнем, пугая меня, когда я просыпался у нее в редкие случайные встречи». Судьба рыжеволосой учительницы, по современным меркам, сложилась удачно: она вышла замуж по Интернету за ветерана вьетнамской войны, уехала в Америку, живет на берегу океана, растолстела, счастлива и спокойна.

Фотохудожника Каплина мы встречаем уже в начале рассказа. Ход его жизни неразрывно связан с появлением фотографии Насти: «Крупным планом – хохочущая девочка. Она смотрит за мое левое плечо, куда-то вверх, в ее глазах – восторженное удивление, словно она увидела чистое счастье, – рядом со щекой – смычок, ее косичка обвилась вокруг натянутого пучка конского волоса, костяшки ее тонких пальцев, сжимающих рукоять смычка и гриф скрипки, перекликаются с белыми колками...» Именно этот снимок попадает на конкурс репортажной фотографии и занимает первое место. С этой победы начинается карьерный рост Каплина: переезд в Москву, снимки для центральных газет, глянцевого журналов и т. д. Стремительное восхождение на олимп закончилось неожиданно. Сделанный фотографом фривольный снимок высокопоставленного мужчины не понравился его «высокопоставленной» жене. И с этого момента Каплин: «...должен просто исчезнуть, словно его никогда в Москве и не было. Никуда обращаться не надо, – два молодца из ларца показали Каплину свое портфолио, где на снимках были не похожие на людей люди».

Фамилии двух героев, Каплина и Чугунова, на наш взгляд, по замыслу автора, «говорящие». Кроме одного по-настоящему талантливого снимка фотохудожник Каплин не снял ничего заслуживающего внимания. Его работа десятилетней давности – единственная чистая капля настоящего искусства, а всё остальное, по замечанию самого героя, – «одна публицистика, коммерция».

Фамилию поэта Чугунов с трудом можно отнести к благозвучным. Да и сам житель Парнаса не производит благодатного впечатления. «Трезвым он не любил людей, во всяком случае на его лице было написано величественное отвращение. <...> Пьяным он бывал по-щенячьи дружелюбен, но это состояние длилось недостаточно долго для налаживания общения. Быстро наступала фаза «Скучно, друзья!» – а через пару рюмок друзья – и знакомые, и незнакомые – хорошо поставленным баритоном поэта-чтеца посылались по короткому адресу. Такое могло случиться в самый тонкий момент, когда вероятный спонсор только-только дошел до кондиции и кто-то подобострастно играл на рояле, скалясь в его сторону, кто-то держал пепельницу в полупоклоне, – и тут вдруг нате вам!»

Не сложилась жизнь Чугунова и после его отъезда из родного города в Питер. «В чужом городе, без мамы, которая всегда сварит бульон изнемогающему от мировой дисгармонии сыну, без родных улиц, по которым пьяные ноги несут тебя сами, и твой автопилот настроен на курс домой, – в совсем чужом городе, где даже ночной развод мостов отрезает тебя от

твоего нового дома, и ты никак не можешь привыкнуть к этой зыбкости бытия, – в этом городе нужно терпеть и вживаться, пока не станешь своим». Собственно перед нами достаточно типичный образ поэта, творческой личности, которая всем нутром не принимает банальной повседневности. Поэтому пьянство Чугунова не связано с его местопроживанием, поэт пил горькую ещё до расставания с матерью, до переезда в северную столицу и до развода с женой.

И ещё один персонаж, он завершает галерею причудливых и в то же время узнаваемых героев, густонаселённого рассказа Игоря Фролова «Наша маленькая скрипка», – Малик. Юноша «смуглый, эль-грековский, черные волосы до плеч, брови, ресницы, белые свободные одежды...». Его Чугунов встретил в храме на холме, приняв юношу в мерцании свечей за девушку, за одну из певчих на клиросе.

Малик и поэт после службы в церкви, находясь под действием «благодати», которую усилила допитая чекушка, бродят по городу. Заходят в гости к поэту, где окончательно разогревшись крепким напитком, Чугунов замечает, что у юноши «дрожат руки, и вообще он зябнет, и зрачки его бездонны». Утром поэт обнаруживает в своей квартире пропажу последних пяти тысяч, золотой медали Каплина за победу в конкурсе репортажной фотографии, мобильного телефона и короткую записку: «Спасибо».

Но эклектичность сюжета всё-таки не заслоняет от читателя главное – образы скрипачки Насти и героя-повествователя, персонажей которые связаны в рассказе с мотивами творчества, вдохновения, красоты, упоения музыкой.

Новая встреча в городском подземном переходе с когда-то подающей большие надежды талантливой скрипачкой, наполнена истинной поэзией. В этом фрагменте текста слились в единое целое – «разъяренная и одновременно жалобная музыка»; гроза, разразившаяся над городом и танцующая под аккомпанемент скрипки; чувства человека, впустившего и впитавшего в себя «бешенную» игру скрипачки, «страшную музыку», вызывающую озноб. «Я никогда прежде не слышал этого произведения, но мне показалось, то была праматерь музыки, или, наоборот, высшая точка ее развития, – в ней слышались и огненные барабаны джунглей, и флейта тихого ручейка, ритм вселенского метронома и прерывистость дыхания страсти. Я не сомневался уже, что там, наверху, гроза танцевала именно под эту скрипку. Никаких иных инструментов, кроме маракаса, который встряхивал сидящий на бетонном полу у ног Насти такой же худой и бледный юноша, не было».

Весь текст, все жизненные ситуации, создаваемые автором в произведении, пронизывает лёгкая ирония. И только в эпизодах, связанных с Настей и, пожалуй, в пейзажных городских зарисовках, тон повествования меняется. Благодаря этой смене эмоциональных тональностей, в рассказе Игоря Фролова можно выделить два мира. В одном живут осень, весна,

творчество, красота, музыка, поэзия и любимый город, а в другом – грубая, порой жестокая действительность, неустроенность человека, его стремление получить, то что совсем не делает его счастливым.

Композиция рассказа кольцевая. Начинается текст со встречи героя-повествователя, фотохудожника и поэта, воспоминаний о гениальном снимке и заканчивается посиделками старых приятелей на берегу реки у костра, репликой Чугунова, в которой он заявляет о своём желании написать статью о Насти, заключительным ночным пейзажем. «Костер, потрескивая, разгорался. Его пламя сгущало сумерки в тьму. Теплоход у пристани обвели по контуру огоньками. Громкая музыка на палубе смолкла. Стали слышны тарахтенье двигателей и всплески, – теплоход отходил от причала. И когда он достиг фарватера, на его верхней палубе возникла музыка. Невидимая далекая скрипка играла мой любимый полонез. Она пела так чисто, словно по краснеющим облакам, по зеленому небу с прозрачной долькой Луны, задевая темные силуэты домов, опор моста, верхушки деревьев, легко и плавно кто-то писал мягким тонким пером, обмакивая его в золотую реку. Нам на память».

Наша маленькая скрипка – это вечная, неугасаемая мечта современного человека, героя нашего времени, о возвращении к тому чистому незамутнённому повседневностью началу, которое позволит избавиться от наносного и ложного, позволит всё исправить и прожить «новый круг» жизни иначе, светло и радостно.

*Ю.В. Псянчин,
д.ф.н., профессор Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московский
государственный гуманитарный университет им. М.А.Шолохова»
(г. Уфа)*

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА

1. Термин «лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности» впервые в истории башкирского языкознания был введен в научный оборот З.Г.Ураксиным еще в 1981 году [4; 124]. Указанные значения форм принадлежности в силу особых лексически, контекстуально и ситуационно обусловленных условий перестают выполнять свою прямую, конкретную функцию и тем самым превращаются в средства эмоционально-оценочного отношения адресанта-говорящего к адресату-читателю, слушателю. Все это способствует выявлению частных значений той же категории принадлежности.

Форма первого лица единственного числа, функционируя в составе имен существительных и субстантивированных форм с семантикой ласка-

тельности, уменьшительности и близкородственных отношений, начинает выражать ласковое отношение к кому-либо [4; 124]: например, *йән-ем* «душа моя», *туған-ым* «родной мой», *Һөйөклө-м* «милый мой», *бала-м* «ребенок мой», *бәгеркәй-ем* «сердечко мое».

Итак, отсюда можно уже сделать следующий предварительный вывод: здесь имеет место одностороннее понимание автором З.Г.Уракиным названной им ранее проблемы, которая сводится только к подтверждению факта ласкового обращения.

2. Мы полагаем, что данный процесс можно квалифицировать как результат **транспозиции**, при которой обычно подразумевается «переносное употребление грамматической формы в контекстуально обусловленном значении, расходящемся с ее собственным значением» [2; 51], что воспринимается как использование одной формы в функции другой [9; 519]. Однако обозначенная выше ситуация требует более узкого подхода, что могло бы выразиться в определении конкретного типа и этапа транспозиции применительно к категории принадлежности. Попробуем развить эту мысль на примере подстилей поэзии и прозы литературно-художественного стиля современного башкирского языка: например, **Әй, Ҡыҙ-ым, Ҡыҙ-ым, Ҡыҙ-ым, Һине генә һағынам** (Т. Йосопов. Ҡыҙым) досл. «Ой, доченька моя, доченька моя, доченька моя, Только по тебе и скучаю»; **Мин бит башланамын һинән, унан, Ҡешеләр-ем, һезҙән башланам!** (Р.Бикбаев. Башҡортостан бында башлана) досл. «Я ведь беру начало от тебя, от него, Люди мои, беру начало от вас»; **Бәтә донъям һиңә тороп Ҡала, Хуш, Ҡәҙерле-м, һау бул, Һөйгән-ем** (Н.Нәжми. Һау бул) досл. «Весь мой мир остается тебе, прощай, дорогая моя, до свидания, любимая моя»; **Партия-м, Мин - һинең сафыңда, Һин – минең иманым** (Т.Йосопов. Мин һинең сафыңда) досл. «Партия моя, Я – в твоих рядах, Ты – моя совесть»; **Әй, Урал-ым, һине күп ураным, Ҡитек-китек тәнең мөнтәлгән** (Т.Ғәниева. Уралым) досл. «Ой, Урал мой, много раз тебя исходил, твое отколотое туловище почти стерто в порошок»; **Хәҙер ҠотҠарам да Әсир итәм үзем, бөркөтөм** (Т.Ғәниева. Ҡурайсы) досл. «Сейчас сама освобожу и возьму в плен, орел мой»; **Һиңә килдем, иркә-м, Үткән юлдарымдың Һанай-һанай саҠрымдарын. Килдем, тормошомда Ҡисеп яҙмышымдың Шатлыҡтарын, һағыш ялҠындарын** (Ғ.Изрисов. һиңә килдем, иркәм) досл. «Пришел к тебе, ласковая моя, считая далекие километры моих пройденных дорог, пришел, преодолев радости судьбы, пламенение тоски»; **Ил-ем, йәллә, зинһар, Ҡарт-Ҡороно, Урам саттарында Һорай хәйер** (Ф.Туғыҙбаева. Илем, йәллә, зинһар, Ҡарт-Ҡороно...) досл. «Страна моя, пожалей, пожалуйста, стариков и старух, на перекрестках улиц просят милостью»; **Эшкә бара алманың шул, бала-Ҡай-ым** (А.Йәғәфәрова. Килендәр) досл. «Ведь не сможешь пойти на работу, дитя мое»; **Шул Ҡәҙере эсендергән икән, ТаулыҠай-ым, һинең сәхрәләрең, Муйыл тулы Ҡороюл буйҙары һуң!...** (Х.Назар. ТаулыҠай сәхрәләре) досл. «Оказывает-

ся, так сильно привык, Таулыкай мой, к твоим просторам, полным черемухи берегам реки Короюл!»; *Ос, Юшсог-ом! Ос Гин, Мөхәббәт-ем!* (Ф.Туғызбаева. Мәрхәмәтле булсы, мөхәббәтем) досл. "Лети, пташка моя! Ты лети, любовь моя!"; *Бабайыңдың рухына тоғро булырға яҙған Гиңә, ул-ым* (Ғ.Хисамов. Ақтамыр) досл. «Быть тебе верным духу своего деда, сын мой».

Представленные нами двенадцать примеров наглядно подтверждают тот факт, что форма первого лица единственного числа категории принадлежности может обладать значением ласкового отношения к кому-либо или чему-либо только при создании ей особых условий, из которых доминирующим является проявление **неполной** или же **синтаксической транспозиции**. Действительно, при синтаксической (неполной) транспозиции способна изменяться лишь синтаксическая функция исходной единицы, которой в нашем случае соответствует та же форма первого лица единственного числа той же категории принадлежности, но, как правило, без изменения ее принадлежности к части речи [9; 519]. Данная форма, изредка функционировавшая в составе предложения в качестве подлежащего (например: *Атай-ым бәтә егеттәр менән бергә фронтта фашистарҙы туктап йөрөй, ә әсәй-ем* колхозда эшләй ине (М.Кәрим. Безҙең әйҙең йәме) досл. «Отец мой вместе со всеми джигитами бил на фронте фашистов, а мать моя работала в колхозе»), начинает выступать в роли обращения, поскольку это предопределено первым этапом транспозиции [11; 22, 9; 519].

Синтаксическая транспозиция служит убедительным доказательством того, что обращение, кроме основной, **первичной функции адресации речи** (функции **контактоустановления**), способна обладать и **вторичными функциями**. Имеющий место в отечественной русистике тезис о том, что обращение включается в состав высказывания только из-за того, что развиваются его дополнительные, вторичные функции [10; 165], доказывается на примере башкирского языка за счет активного применения формы первого лица единственного числа категории принадлежности в роли обращения. В этом случае является логично обоснованным включение лингвистом-татароведом М.З. Закиевым обращения в состав предложения на правах его самостоятельного члена, потому что оно по своим функциональным обязанностям должно выражать те или иные модальные отношения [6; 137], хотя в сложившейся ситуации употребление самого термина «модальные отношения» носит несколько противоречивый характер по причине разнородного и разнопланового толкования его содержания [5; 11]. На наш взгляд, под названным термином могут подразумеваться и стилистические особенности обращения.

Таким образом, благодаря потенциалу выделенных выше отношений из первичной функции обращения развиваются вторичные, которые на самом деле представляют собой ее преобразованные или же перерожденные типы. Сделанный вывод в более конкретном и расширенном плане допускает такую интерпретацию: на основе **функции адресации** (функции кон-

тактоустановления) развивается *функция характеристики*, параллельно ей присущая первичная функция трансформируется в *функцию номинации предмета речи* (с целью уточнения) [10; 165]. Но точное определение названных двух типов вторичных функций возможно только при условии выявления основных тематических разновидностей обращений, которые были представлены нами ранее.

3. Традиционно в отечественном языкознании выделяют обращения к лицам и не к лицам [8; 96; 10; 167].

3.1. В первую группу входят обращения к друзьям, возлюбленной и другим близким людям: *Кыҗ-ым, Кыҗ-ым, Кыҗ-ым* «доченька моя, доченька моя, доченька моя»; *кешеләр-ем* «люди мои»; *Кәҗерле-м* «дорогая моя», *һөйгән-ем* «любимая моя»; *иркә-м* «любимая моя»; *ба-ла-Кай-ым* «дитя мое»; *ул-ым* «сын мой»; *бөркөт-өм* «орел мой»; *Кюш-соғ-ом* «пташка моя»; *мөхәббәт-ем* «любовь моя».

Первые семь обращений (*Кыҗ-ым, кешеләр-ем, Кәҗерле-м, һөйгән-ем, иркә-м, бала-Кай-ым, улым*) представлены именами существительными в своих первичных, прямых значениях.

Обращения-существительные *Кәҗерле-м, һөйгән-ем* являются результатом конверсии: а) первая форма – субстантивированное имя существительное с семантикой признака качества предмета или же характера человека; б) вторая форма имеет отглагольное происхождение; она возникла от причастной формы на *-ган/-гән*, семантика которой обычно выражает лицо и предмет, характеризующиеся результатом того действия или процесса, который обозначен глагольной основой [3; 42].

Обращения-метафоры *бөркөт-өм* «орел мой», *Кюшсоғ-ом* «пташка моя», *мөхәббәт-ем* «любовь моя» в основном представлены в поэтических текстах.

3.2. Вторую группу – группу обращений не к лицам образуют такие существительные в форме первого лица единственного числа категории принадлежности, как *партия-м, Урал-ым, ил-ем, ТаулыКай-ым*. Следует уточнить, что выделенные нами типы обращений, как правило, представляют собой широко распространенное явление в лирической поэзии [7; 97], что в конечном счете характерно и подстилю поэзии литературно-художественного стиля башкирского языка.

Основные виды обращений не к лицам, характерные для языка башкирской лирики, актуализируют отношение адресанта-говорящего: а) к странам и местам, которые можно рассматривать и в качестве обращений к родной стране и даже к малой родине (*Урал-ым* «Урал мой»; *ил-ем* «страна моя»; *ТаулыКай-ым* (родина башкирского поэта Х.Назара - прим. Ю.П.) "Таулыкай мой»; б) к явлениям общественно-политической жизни (*партия-м* «партия моя»). Естественно, сюда же следовало бы включить и обращения к растениям (цветы, деревьям), что доказывается на примере следующих строк:

Һаумы, һаумы, *Кайын-Кай-ым*,
Йылмай, йылмай, көл, *ай-ым*
(Р.Ғарипов, һаумы, КайынКайым)
досл. «Здравствуй, здравствуй, березонька моя,
Улыбайся, улыбайся, смейся, месяц мой».

Обращение *ай-ым* «месяц мой», присутствующее в этой же строке, относится к тематической группе «Обращения к не лицам - к земле и небу, явлениям природы, стихиям» [7; 98].

4. Характеризация, будучи вторичной функцией обращения, непосредственно апеллирует к таким понятиям, как «квалификация», «характеристика», «оценка» [10, с.169]. В итоге сложившуюся ситуацию можно вполне ясно и доступно интерпретировать и с другой позиции, согласно которой «... нередко основной функцией обращения является не желание привлечь внимание собеседника (Читателя) к сообщению, а дать его качественно-оценочную характеристику» [1; 174]. Таким образом, форма обращения начинает использоваться говорящим (адресантом) для конкретизации его отношения к лицу, для его оценки и выражения отдельных чувств, т.е. тем самым обращение становится способом субъективной оценки.

На основе краткого анализа представленных нами двух способов выражения говорящим оценки лица можно заключить, что обращение-характеризация является своеобразной формой субъективной оценки. Лексическая основа таких обращений-характеризаций традиционно отличается своей устойчивостью. Например, *Бәтә донъям һиңә тороп кала, Хуш, Кәзерле-м, һау бул, һөйгән-ем* (Н.Нәжми. Һау бул) досл. «Весь мой мир остается тебе, прощай, дорогая моя, до свидания, любимая»; *һиңә килдем, иркә-м, Үткән юлдарымдың һанай-һанай алыҫ саҡрымдарын, Килдем, тормошомда Кисеп яҙмышымдың Шатлыҡтарын, һағыш ялҡындарын* (Ғ.Изрисов. Һиңә килдем, иркәм) досл. «Пришел к тебе, ласковая моя, считая далекие километры моих пройденных дорог, пришел, преодолев радости судьбы, пламя тоски».

4.1. Выразительность использованных автором в поэтической речи обращений-характеризаций (*Кәзерле-м, һөйгән-ем*) усиливается за счет использования аффиксов формы первого лица единственного числа категории принадлежности *-м, -ем*, которые своим присутствием непосредственно воздействуют на слушателя-адресата. Однако следует определиться с совершенно новой функцией усиления, поскольку обращение здесь представлено именами существительными – субстантивированными прилагательными, из-за чего сложившаяся ранее ситуация кардинально меняется. Но данные наблюдения имеют в своей основе поэтическую речь, в которой обращения-субстантивированные имена прилагательные, оставаясь обращениями-характеризациями, не несут эмоционально-экспрессивной нагрузки, наоборот, отличаются своим характеризующим, признаковым значением.

Аналогичная ситуация характерна и для русской поэтической речи, только с тем отличием, что в функции обращения выступают имена прилагательные, также исключают эмоционально-экспрессивную основу отношения говорящего-адресанта к слушающему-адресату [8; 106]. Факт доминирования одного только характеризующего, выделяющего признаки значения слушающего-адресата ведет к постепенной утрате апеллятивной функции обращения, вследствие чего оно приобретает условный характер присутствия в жанрах поэтической речи.

Последние выводы интерпретируются следующим образом: обращения, представленные субстантивированными прилагательными, в конечном счете не столько выражают чувства к слушающему-адресату, сколько характеризуют его, выделяют различные признаки путем использования для этого одного слова или же словосочетания. В данном случае особая роль возлагается на аффиксы первого лица единственного числа категории принадлежности *-м*, *-ым* и их алломорфы, являющиеся средствами усиления тех признаков, которые имеются у слушателей-адресатов. Наши наблюдения наглядно подтверждаются примерами из поэтической речи, в которых обращения-характеризации, выражающие оценку лица, представлены существительными-субстантивированными прилагательными с семантикой близких дружеских и уважительных отношений *кәҙерле-м* «дорогая моя», *һөйгән-ем* «любимая моя», *иркә-м* «ласковая моя», примененных авторами с целью полной и всесторонней характеристики слушателей-адресатов.

4.2. Проанализированная ситуация способна иметь продолжение и на синтаксическом уровне. Например, первое предложение «*Бәтә донъям һиңә тороп Кала, Хуш, кәҙерле-м, һау бул, һөйгән-ем*» (Н.Нәжми. һау бул) является бессоюзным сложносочиненным предложением, состоящим из трех предикативных частей и характеризующимся семантикой выражения одновременности действий, явлений и событий [4; 448]. Первая часть «*Бәтә донъям һиңә тороп Кала*» является простой, двусоставной, распространенной, полной, тогда как вторая «*Хуш, кәҙерле-м*» и третья «*һау бул, һөйгән-ем*» – простыми, односоставными, определено-личными, нераспространенными, полными, но осложненными обращениями. Присутствующие во второй и третьей частях обращения-характеризации усиливают выражение оценки лица.

5. Сделанные нами наблюдения еще раз подтверждают тот факт, что лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности в башкирском языке обладают широким семантическим и стилистическим потенциалом, хотя круг данных изысканий был ограничен только подстилями прозы и поэзии литературно-художественного стиля. В ближайшей перспективе возможно продолжение подобных работ и на примере других функциональных стилей башкирского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В трех частях. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
2. Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 180-201.
3. Ганиев Ф.А Конверсия в татарском языке. Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. – 112 с.
4. Грамматика современного башкирского литературного языка.- М.: Наука, 1981. – 495 с.
5. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория: На материале башкирского языка.- Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – 123 с.
6. Закиев М. З, Татарская грамматика. Т.3: Синтаксис.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.-448 с.
7. Ковтунова И. И. Порядок слов в стихе и прозе // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 43-64.
8. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «СЭ», 1990. – 685 с.
10. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
11. Шигуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: Учеб. пособ. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1988. – 88 с.

*В.И. Рогачев,
д.ф.н., профессор МГПИ им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
Е.Н. Ваганова,
к.ф.н., доцент МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)*

МИРОВОЕ ДРЕВО КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ФИННО-УГОРСКОЙ МИФОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Концепция мирового дерева находит яркое выражение в словесных текстах различных жанров, памятниках изобразительного искусства, архитектурных формах, ритуальных действиях и хореографическом искусстве. Мировое дерево известно почти во всех древних культурах. Универсальность образа мирового дерева очевидна и засвидетельствована в этнических традициях. Многие исследователи (М.Е. Евсевьев, П.И. Мельников-Печерский, У. Харва, И.Н. Смирнов, Н.Г. Юрченкова) указывали на то, что у мордвы Мировое дерево выполняло функцию центра, составляло его сердцевину. Воплощением Мирового дерева являлись священные деревья. Мировое дерево имеет трехъярусное членение: корни уходят в подземный мир, в мир предков, средняя часть олицетворяет живущих на земле, а вер-

шина простирается в мир покровителей, небесных богов, к которым относится верховный бог Шкай (мордов.-мокш.) и Инешки паз (мордов.-эрз.). По дохристианским представлениям мордвы священное дерево растет на земле и связывает мир предков людей и покровителей, объединяя трехмерное пространство. В данной статье делается попытка реконструкции образа мирового дерева на основании фольклорных и этнографических источников.

В фольклоре эрзи и мокши большое место занимают песни связанные с умариной – яблоней. Природа оставляет в душе человека неизгладимый след, накладывает свой отпечаток на выбор поэтических средств (символов, метафор, сравнений). В фольклорных произведениях деревья часто выступают олицетворением девушки. Высокой частотностью использования в национальном фольклоре характеризуется образ яблони, олицетворяющей девушку и упоминаемый в многочисленных сравнениях, например: «*Мазы умарь тюскеван*» («*На красное яблочко похожа я*»), девушка сравнивается с цветущей яблоней на зеленом лугу – «*Лугань куншкасо ульнекинесь шач умарина – яблоня, пижень грушат лопанзо, ашо шалевойть тветензэ*» («*На лугу красивая яблонька, словно медные груши листья, словно белая шаль цветы*») [1, л. 17].

Встречаются и другие мотивы, обращенные к яблоне, как символу священного древа:

Дерево хорошее – яблоня,
Дерево красивое – яблоня,
По всей земле она корни пустила,
По всему небу ветки раскинула [2; 32].
С цветов ее капает мед,
На листьях воск оседает [3; 73].

Анализ состава пословичного фонда мордовского языка и особенностей употребления паремий показывает, что образ дерева наиболее употребляемый в этнической паремии. Так, к примеру, отношения между родителями и детьми передаются фитоморфным кодом: через гипероним *дерево*, плодородное дерево *яблоню*, злаковые культуры – *пшеницу* или хвойное дерево – *ель*: «*Кодама шувта (коронь), стама и тарад – Каково дерево (у эрзи: корень), таковы и ветви (отростки)*»; «*Кодама марлюсь, стама и марьське – Какова яблоня, таковы и яблоки*»; «*Марлюда ичкози марьсь афкевори – Яблоко от яблони далеко не укатится*» [4; 73]; «*Ве курсо ве раськень пангт понгонить (касыть) – В одной грибнице одной породы грибы растут*» [4; 74]; «*Умарь чувто пряс умарь чачи – На яблоне и рождаются яблоки*»; «*Лама таратта, а шуфтсь фкя – Ветвей много, а дерево одно*» [4; 77]; «*Эйкашитома ломанесь – коське чувто, конань пряс варакаяк а валги – Человек без детей, что сухое дерево без ветвей (букв. на крону которого и ворона не сядет)*» [4; 78]; «*Тараттомо – а чувто, эйкашитома – а семия – Без веток – не дерево, без детей – не семья*» [4; 80]; «*Марлюста*

свят марь, а кузста – кузмарь – От яблони – яблоко, от ели – шишка»; «Тозерсонга сор ули – И в пшенице есть сор»; «Марлюсь аф мувор, што маренза аш – Не яблоня виновата, что яблук нет» [4; 81]. Среди приведенных примеров наиболее часто встречается ‘яблоня’.

Так, верх курника, украшенный завитками, птичками из теста, зигзагами, олицетворяющий яблоню, дерево (сосну), стал называться «сюрмень». По поверьям он заключает силу хлеба, будущее плодородие. В песнях он еще называется *шачи умарина* «плодоносящая ветвь», *той цветка* (*той* – «свадебный пирог», *цветка* – «цветок»). После завершения свадьбы эту ветку прикрепляли к изголовью молодых, для чадородия.

Образ умарины получил распространение в декоративно-прикладном искусстве мордвы всех регионов. Особенно часто он встречается в вышивке на женских свадебных и праздничных платьях. Это объясняется тем, что этот образ в национальной мифологии тесно связан с представлениями об умарине как о чистом, божественном дереве. В национальной мифологии яблоня выступает в образе мирового древа или древа жизни, которое служило символом плодородия, богатства, связи с миром предков, с небесными божевами. Оно также соединяет пространство по вертикали, а также время – прошлое, настоящее и будущее. В представлениях древних о трехмерном пространстве мировое древо является связующим звеном между тремя мирами – небом, землей и подземным миром.

Яблоня в народной поэзии изображается растущей в самом центре земли: ветки ее поддерживают небесный свод, а корни удерживают землю. Из под его корней бьют живительные родники, с листьев стекают воск, а с цветов нектар. Неслучайно яблоня относится к числу чистых деревьев. До сакрализации яблони в качестве мирового древа таковыми могли быть береза, липа, дуб, сосна. Объяснением этому служит то, что у мордвы, проживающей в лесной зоне, существовал культ леса, деревьев, производились моления в честь деревьев: Килей-озкс, Пекше озкс, Тумо-озкс, Пиче озкс и т. д.

Понятие «Мировое древо» существует в мифах многих народов мира. Например, по представлениям древних славян, «в самом центре вселенной возвышается гигантское дерево, чья макушка упирается в небеса, корни достигают преисподней, по чудесному дереву можно проникнуть в иные миры вселенной, по нему будто бы спускаются и поднимаются боги.

В вышивке на мордовском головном уборе панго женщин Кочкуровского района изображены деревья, растущие вверх и вниз от горизонтальной осевой линии подразделяющей верхний и нижний миры. По веткам деревьев душа жертвенного животного могла попасть на небеса или в подземелье. В фольклоре мордвы, мари, удмуртов можно отыскать ряд элементов, которые можно связать с культом березы в качестве мирового древа. Так, у мари священное дерево, березу, перед молением одевали как человека: из веток изготовлялось нечто похожее на юбку, ее укрепляли на

ствол с помощью лыкового пояса, окропленного кровью жертвенного животного; на определенной высоте на стволе дерева вывешивался, так называемый облик *тусшо*, изготовленный из олова.

В день праздника, посвященного березе (олицетворяющей культ, растительности, плодородия), одну из женщин наряжали в одежду, имитирующую березу – мировое дерево. С этого момента она как бы становилась двойником – духом березы. Праздничные ритуальные мероприятия начинались с воспроизведения ею звуков и движений, имитирующих березу (шелест, покачивание). Вполне естественно встает вопрос, а не являются ли эти обряды отголоском языческих анимистических и антропоморфных воззрений, когда женщина олицетворяла мировое дерево? Праздничные костюмы мариек, мордвовок (покай и др.), украшенные богатейшим орнаментом наталкивают на эти размышления. На эту же мысль наводит практически весь массив терминологии мордовской вышивки связанный с растительным и животным миром. Следует отметить и тот факт, что пантеон богов у финно-угров изначально и по преимуществу представлен женскими божествами и лишь вслед за ними появляются мужские божества, да и то во многих случаях в виде химер, угрожающих человеку. Все это позволяет говорить, о сложных мифологических трансформациях, когда культ мирового дерева, постепенно распространяется на женщину, символизирующую богиню, так же рожаящую, плодоносящую как деревья (яблоня), колосья. Мы наблюдаем яркий пример олицетворения по аналогии.

Возможно, что с представлениями о мировом древе связаны и воздушные захоронения мордвы на деревьях, бытовавшие длительное время в прошлом. В 50-е гг. XX в. в селе Подгорное Конаково Темниковского района Мордовии у мордвы-мокши этнографами было записано предание о «священных» липах, росших невдалеке от села. В далекую старину на них, якобы, подвешивали в корзинах умерших стариков. К священным липам приезжали свадебные поезда для поминания этих стариков [5; 102]. Одновременно молодожены, как бы, освящали свою свадьбу, испрашивая благословения у духов этих святых старцев. Можно выдвинуть предположение о связи целого ряда свадебных фольклорных произведений с древним обычаем «воздушных захоронений». Исследователи отмечают, что у эрзи и мокши «все предания, о так называемых *урлях*, *урыкспрят*, *урнема таркат*, связаны с похоронами на деревьях. В некоторых местах говорят, что погребения на деревьях носили временный характер, в иных местах утверждают, что трупы висели на деревьях до истления» [6; 230]. Возможно и способ излечения ребенка путем расщепления дерева и его пропускания через щель во время болезни обращен к мировому древу. Суеверное стучание русских по дереву, вероятно, тоже обращено в седую древность, когда существовала вера в дерево как магический символ, часть мирового древа, обладающего способностью оберегать. В культуре мирового дерева языческой мордвы отразились анимистические воззрения, которые нашли во-

площение в обрядовой культуре, устном поэтическом творчестве, в орнаментике национального женского костюма.

Фольклор, обрядовая, материальная и духовная культура мордовского народа, расцвеченные языческим сознанием, до настоящего времени сохранили образ мирового дерева.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА РМ ФР–267, оп. 1, д. 27, л. 17.
2. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. (УПТМН). – 400 с.
3. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 2. Лирические песни. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – 372 с.
4. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 4. Кн. 1. Пословицы, присловья и поговорки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. – 374 с.
5. Федянович, Т. П. Похоронные и поминальные обряды мордвы / Т. П. Федянович // Бытовая культура мордвы. – Саранск, 1990. – С. 96-125.
6. Маркелов, М. Т. Саратовская мордва: этнографические материалы / М. Т. Маркелов // Саратовский этнографический сборник. – Саратов, 1922. – Вып. 1. – С. 51-238.

*Ф.С. Сайфулина,
д.ф.н., профессор Института филологии
и искусств К(П)ФУ (г. Казань)*

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЖАН РӘХӘТЕ» ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ

В современном литературоведении актуальным остается вопрос исследования средневековых письменных памятников, не находивших до настоящего времени внимания ученых. Безусловный научный интерес имеют литературные произведения средневековья, обнаруженные во время научных экспедиций, хранящиеся в государственных и частных архивах, которые имеют как научную, так и эстетическую и воспитательную ценность. Анализируемое в данной работе объемное поэтическое произведение «Рәхәте-дил» – «Жан рәхәте» («Душевная благодать») поэта средневековья Хувайды (Һөвәйдә) нами исследуется в русле Тюменской региональной литературы. Краеведение, направленное на исследование письменных литературных текстов отдельного региона является также одним из приоритетных направлений современного литературоведения. Изучение и анализ местного литературного разнообразия открывает исключительную воз-

возможность общего взгляда на литературное наследие края, позволяет многое прояснить в современном состоянии литературы, в выявлении духовных приоритетов народа как в историческом плане, так и в современный период развития. Географическая сопринадлежность писателя и исследователя, в свою очередь, делает изучение литературы края по-особому актуальным и интересным. Нужно отметить, что в последнее десятилетие особо актуализировалось изучение татарской литературы Тюменского края, как современного ее состояния, так и истории ее развития. Комплексное исследование истории формирования, развития татарской литературы региона и ее современного состояния является назревшей проблемой татарского литературоведения, так как она связана с актуальной проблемой современности – сохранения родного языка, возрождения и развития национальной культуры в регионе.

Отрадно что, к настоящему времени в литературоведении определилось несколько взаимосвязанных подходов к изучению и анализу краеведческого материала: текстологический, исторический, литературоведческий, литературно-критический. Эти направления дают возможность комплексного исследования литературного процесса в регионе, что дает возможность восстановления утраченных культурных ценностей, многовековых литературных традиций, выявить, с одной стороны, особенности изучаемого материала в контексте литературы Сибири, с другой стороны, определить место регионального словесного наследия в едином процессе национальной литературы.

Композиционное построение анализируемой книги подчинено традициям средневековой суфийской литературы. Произведение «Рэхәте дил» состоит из введения (Башлам), здесь можно найти также строфы, которые можно отнести к части Мунаджат и многочисленных глав-хикаятов (рассказов), объединенных между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями. Вся книга направлена на религиозно-нравственное воспитание читателей. Содержание произведения позволяет отнести его к суфийской поэзии, что является весьма распространенным направлением в литературе средневековья. Как и многие произведения средневековья, «Душевная благодать» создано автором в жанре стихотворного дастана. По традиции тюрко-татарской литературы, в одном из глав, озаглавленном как «О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)», поэт оставляет некоторые биографические факты, откуда узнаем, что собственное имя автора Хужа-Назар сын Гаиб-Назара.

В данной статье нас интересует идейно-эстетическая направленность основной части произведения «Жан рэхәте» анализируемого автора. Данная часть произведения состоит из отдельных глав, направленных на назидание и наставление читателей на праведный путь, воспитание людей по канонам шариата.

В отличие от некоторых произведений суфийской литературы в анализируемом произведении поэта Хувайды, кроме глав сугубо назидательно-нравоучительного направления, есть отдельные главы, которые имеют определенную сюжетную канву, развитие событий. Одним из таких глав является «Рассказ пятый. О том, как три брата нашли в дороге клад и из-за своей алчности погибли» («Хикаятүл-хамсүн. Өч карендэш сәфәрдә кәнже табып, нәфсе вә Шәйтанга әварә булып һәлак булганнары»). Сюжет рассказа не сложен, уже в его названии заложена событийная канва произведения.

На жизненном примере автор произведения обращает внимание читателя на последствия человеческой алчности. Нужно подчеркнуть, что образ змеи-искусителя или же сатаны часто встречается в суфийской литературе. Глава заканчивается назиданиями по поводу веры и преклонения Всевышнему Аллаху, и наоборот, поэт призывает читателя не быть рабами своих страстей, не преклоняться мирским богатствам, не служить дьяволу в обличье денег и богатств. Иначе, пишет автор, всех ждет наказание муками ада. В Судный день не будет таким людям покровительства, не поможет отец – сыну, мать – дочери. Каждый человек, в конечном счете, получит по заслугам, по тем богоугодным делам, которые совершал, прибывая на земле. Человек, не знающий и не думающий о будущей загробной жизни, будет раскаиваться, но будет поздно, напоминает автор. Все люди предупреждены об этом, но в мирской суете они забывают о своей вере, о служении Всевышнему. Хувайда призывает читателей не быть равнодушными, задумываться о своей душе, не предаваться мирским утехам, не собирать материальные блага, так как все в этом мире – бременно, а вечна только душа. Поэт-суфи еще раз напоминает о том, что все мирские блага – это яд, который убивает душу человека, не оставляя даже родственных чувств

После этой главы следует логически с предыдущим связанная глава, где автор отдельно останавливается на описании ада и тем мукам, которым подвергаются там несправедливые мученики, пренебрегавшие наставлениями Корана, не придерживавшиеся канонов ислама. Ужасающие картины ада, представленные автором в эмоционально-экспрессивном стиле, направлены на зарождение в душе читателя страха перед Судным днем. В противовес вышеописанному далее следует рассказ о райских наслаждениях, которые уготованы праведникам, придерживавшимся религиозных канонов. Красоты рая и блаженства, испытываемые там человеком, описаны автором поэтической образностью и выделяются особым красноречием. Здесь автором использованы многочисленные метафоры, сравнения, эпитеты и др. виды поэтических тропов, которые дают возможность более образно представить те блага, которые ожидают в загробном мире праведников, живущих по канонам шариата.

Здесь автором использованы многочисленные метафоры, сравнения, эпитеты и др. виды поэтических тропов, которые дают возможность более образно представить те блага, которые ожидают в загробном мире праведников, живущих по канонам шариата. Рассказав о месяце рамадан и деяниях, которые должен совершать мусульманин во время месяца поста, поэт продолжает свои наставления по этому поводу. Таким образом, автор дастана еще и еще раз напоминает читателям о том, что нужно придерживаться религиозных кононов, особенно обратить внимание на выполнение пятикратного намаза, придерживаться поста.

В таком же духе описывается глава, названная «Коръэне-Шэриф укымакның эжере бэянендэ» («О пользе чтения Священного Корана»), «Хикэяте елан бинамаз хакында» («Рассказ о змее (который появился от того, что не молились (не читали намаз)»). Данный рассказ, как и многие другие, также начинается с представления того лица, от которого автор как бы слышал его, что является, по нашему мнению, влиянием традиции литературы адаба. Подобно мастерам адаба, автор произведения «Духовная благодать» старается подчеркнуть, что сообщаемые им истории на самом деле имели место в жизни и сведения об излагаемых событиях почерпнуты им из достоверных источников. Поэтому, следуя данной традиции, он постоянно сообщает об очевидцах и рассказчиках, из уст которых он слышал ту или иную историю.

Адаб, оформившееся в IX в. направление в арабо-исламской культуре, означающее воспитание через литературу «похвального образа поведения», унаследованного от предков, термин, которым в арабо-исламской мысли обозначается, в частности, жанр морально-дидактической литературы. Основное значение термина – жанр сборников образцов изящной словесности, прежде всего поэзии, а также отрывков из Корана и сунны. Слово «литература» (адаб) по-арабски означает также «воспитание, воспитанность, вежливость, учтивость, благопристойность». Соответственно, адиб – это литератор, взявший на себя обязанность заниматься совершенствованием наиболее деятельной части общества.

Изначально культура адаба была направлена на выработку свода светских правил, которым должны следовать люди, находящиеся на государственной службе, приближенные к власти и желающие сделать успешную карьеру, т.е. судьи, учителя, чиновники и т.п. Это определяло форму и содержание «адабной» литературы: сочинения на моральные темы; собрания изысканных стихов, прозаических отрывков и др. Благодаря адабу постепенно возникла и сформировалась мусульманская интеллигенция, игравшая в классический период исламской цивилизации исключительно важную роль в общественной и культурной жизни.

Таким образом, анализируемое произведение региональной литературы суфийского направления сближает с литературой адаба целевая установка на назидательность и нравоучение. Данные произведения основаны

на исламской теории и направлены передать читателю специальные познания по шариату и преподать ему нравоучение.

При подобном совмещении двух планов сообщение о реально имевшем место событии сочетается с его художественной интерпретацией. В итоге, хотя анализируемое произведение по содержанию относится к суфийской литературе, но некоторые главы по развернутой тематике, интересу к изложению отдельных случаев из жизни пророков или простых людей, близки к современным ему произведениям направления адаба.

Не проявляя большого вкуса к композиционной организации всего собрания в целом, автор обнаруживает мастерство профессионального литератора в фабульном построении каждой истории в отдельности, что также сближает его произведение с литературой адаба.

На протяжении нескольких столетий художественная, дидактико-просветительская литература выполняла очень важную просветительскую миссию и удовлетворяла духовные нужды и запросы представителей разных тюркоязычных народов. Одним из таких книг, получивших достойное место в образовании и воспитании людей, бесспорно, могла бы быть анализируемая книга поэта Хувайды «Душевная благодать».

Таким образом, благодаря научным изысканиям последнего десятилетия ученых, на сегодняшний день мы можем вести речь о нескольких именах поэтов, так или иначе причастных к Сибирской земле. Творчество Хувайды, введенный в научный оборот в данном издании, также является интересным явлением средневековой суфийской литературы, направленной на исправление нравов.

*А.А. Саляхов,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Существенную роль в системе средств сленговой номинации играет создание формально новой номинативной единицы. Специфика сленгового словообразования состоит в том, что здесь ярче, чем в других стилистических пластах лексики, проявляется игровая, экспрессивная функция. Словообразование в молодежном сленге служит не только созданию новых номинаций, сколько порождению ярких, образных слов, многие из которых являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных и разговорных слов.

Сленговые единицы могут образовываться как на базе одной корневой морфемы, так и путем композиции, то есть на базе двух и более корневых морфем. Конечный результат в обоих случаях одинаков - образуется одно цельное слово. Сленгизмы, основанные на одной

корневой морфеме, образуются посредством таких способов, как **конверсия, аффиксация, усечение, фонетическая трансформация.**

В результате конверсии имеет место не только простое изменение синтаксических функций слова, но и изменение в семантике сленговых лексем. Как правило, объем значения производящего слова шире объема значения производного слова. Наиболее распространенной моделью конверсии в французском языке является модель $N > V$; ср. фр. *casique* «первый по успеваемости ученик в классе» $>$ «*casigner*» «получить лучшую отметку в классе». Модель $N > A$ практически не применяется в создании французских сленгизмов; вместо нее распространена обратная модель $A > N$ (*muet, -te* «немой, молчаливый» $>$ *muette* «абсолютное молчание в классе в качестве проявления неодобрения, бойкот»). Таким образом, конверсия представляет собой продуктивный способ образования новых сленговых номинаций.

Аффиксация является одним из наиболее продуктивных способов образования лексики. Суффиксальный тип лексем развит в сленге, в частности в образовании существительных. Французский язык отличается широким инвентарем суффиксов, с различной степенью продуктивности. Наиболее продуктивными являются следующие суффиксы: *-ard* (*costard* «костюм» $<$ *costume*), *-eur* (*colleur* «экзаменатор» $<$ *col* «экзамен»), *-eux (-euse)* (*sagieux* «слушатель подготовительных курсов при филологическом факультете в высшей школе» $<$ *sagne* «подготовительные курсы»), *-age* (*bidochage* «списывание у соседа по парте» $<$ *bidocher* «списывать»), *-al* (*tabla1* «классная доска» $<$ *tableau*).

Французский язык отличается широким репертуаром суффиксов (*-oss, -eux (-euse), -ard*), применяемых в образовании сленговых имен прилагательных, однако все они являются малопродуктивными. Суффиксация не играет существенной роли в образовании сленговых глаголов во французском языке.

Французский сленг достаточно широко использует префиксальный и парасинтетический способы образования лексики. Большинство слов, образованных префиксальным способом, являются именами существительными. Здесь встречаются следующие префиксальные модели: *hypo-+ R, archi-+ R, mono-+ R, anti-+ R, bi-+ R, mega-+ R, de-+ R, en- (em-)+ R* и др.

Наиболее распространенными парасинтетическими моделями в сленге стали модели, содержащие префиксы, *hypo-, en-(em-), dй-*. К парасинтетическому типу лексем относятся два вида моделей; во-первых, модели существительных, образованных от именных основ (*engueulade* «строгий выговор» $<$ *gueule* «рот, глотка»); во-вторых, модели прилагательных, образованных от именных основ (*dйgueulasse* «некрасивый, неопрятный, грязный» $<$ *gueule*). Большинство сленговых лексем, созданных на базе суффиксации, являются существительными.

Деривация может основываться на искусственной деформации производящей основы, проявляющейся в элиминировании некоторой части означаемого. В данном случае речь идет об усечении слов, под которое подводятся такие виды усечения, как афферезис, апокопа. Известно, что вследствие психологического и физиологического устройства человека первые компоненты слов запечатлеваются в сознании человека легче и быстрее, чем их конечные и срединные элементы. Этим объясняется преобладание финальных усечений над другими типами усечений (86% во французском языке). Посредством апокопы образованы многие сленговые лексемы, входящие в такие лексико-семантические группы, как «человек» (фр. *agri* «учащийся сельскохозяйственного вуза» < *agriculteur* «земледелец»), «оценочные слова» (фр. *pro* «компетентный человек» < *professionnel*) и «учебный процесс» (фр. *manip* < *manipulation* «практические занятия»).

Вторым по продуктивности способом усечения слов является афферезис. С его помощью в сленге образованы лексемы, обозначающие человека (фр. *piou* < *espion* «надзиратель в школе»), и лексемы, обозначающие конкретные или отвлеченные понятия (фр. *blime* < *problime* «математическая задача»).

Благодаря активному использованию различных видов усечения в сленге достигаются две основные цели: 1) усеченные лексические единицы ярко передают эмоциональные намерения говорящего; 2) их употребление позволяет экономить усилия и время говорящего.

Во французском языке фонетическая деформация слов проявляется в изменении порядка слов или звуков в слове, то есть в верлане (фр. «*verlan*»). Существуют разнообразные модели верланизации слов. Так, например, в односложных словах изменяется либо порядок согласных (*fkte* «праздник» > *teuf*) при сохранении количества слогов, либо они становятся двусложными (*coke* «напиток Кока-Кола» > *keuco*). Двусложное слово может оставаться неизменным по количеству слогов, которые меняются местами (*bizarre* «странный, чудной» > *zarbi*); они могут быть трансформированы из двусложных в односложные (*metro* «метр» > *trom*) или в трехсложные (*pitasse* «девушка» > *tasserif*). Трехсложные слова чаще всего не изменяются по количественному составу (*Marocain* < «марокканец» > *camago*).

Как показывают примеры, при верланизации наблюдается искажение орфографии многих слов. В современном сленге наблюдается верланизация слов в два этапа (*arabe* «араб» > *reubeu* > *beur*). Данный вид деформации слов продуктивен во французском языке; по количественному составу верланизированные слова опережают жаргонизмы, созданные путем конверсии, метонимии, словосложения и некоторые другие.

Таким образом, в создании сленговых слов, в основе которых лежит один корень, участвуют разнообразные формальные способы. Такие слова образованы главным образом посредством усечения финала слов и суффиксации. Производные слова, созданные на основе одной корневой морфемы, численно преобладают во французском языке.

К формальным способам образования жаргонных единиц на базе двух и более корневых слов относятся следующие способы пополнения лексики: акронимия, словосложение, редупликация, контаминация, сокращение сложных слов. Во французском языке наибольшее распространение получили сложносокращенные слова: например: *sup'ilec* < *École Supérieure d'Électricité* «высшая электротехническая школа». Небольшая часть лексики образована путем акронимии (*TD* < *travaux dirigés* «семинарские занятия») и редупликации (*gengen* < *argent* «деньги»). Менее продуктивными являются словосложение (*rat-mort* (букв. «мертвая крыса») «зубрежка») и контаминация (*dareuf* «старший брат < *daron* «отец» + *reuf* «брат»).

Сленговые словосочетания превосходят сленговые слова по степени своей экспрессивности, которая достигается образностью, семантическим переосмыслением общеизвестных слов, употребленных в необычном языковом окружении и обозначающих либо новые понятия, либо явления, уже имеющие свое обозначение в нормативном пласте лексики.

Во французском сленге, наряду с внутренними средствами, используются внешние средства обогащения словарного запаса. В современном «*français branché*» наблюдается значительное число заимствований из английского языка (*il est looky* - он модно выглядит; *top - a la mode*).

Английские слова не только проникают во французский язык, но и составляют новый аргот (*un nouvel argot «de luxe»*), владение которым очень престижно (*driver m - chauffeur de taxi*).

Часть слов, старые французские аргот, составляют основной фонд молодёжного языка (*caisse - voiture; taupé - fille; mater - regarder*).

Рассмотрев основные источники пополнения сленга, можно сделать следующий вывод. Во французском языке более половины общего числа сленговой лексики образовано формальными способами на базе одной корневой морфемы. Менее существенными в количественном отношении оказываются семантические способы образования сленга. Далее в порядке убывания следуют формальные способы образования слов, основанных на двух и более корневых морфемах, заимствования и создание словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова Л.В. Структурно–семантические особенности молодёжного сленга в английском и русском языках. Уфа, 2004
2. Антрушина Г.Б. Стилистика современного английского языка. СПб, 2002.
3. Береговская Э.М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование//вопросы языкознания. М., 1996, №3.
4. Грачёв М.А. Место арготического слова в мировоззрении декласированных элементов. http://ksu.ru/tat_ru/science_news/lingv_97/n58.htm
5. Ермакова /Земская /Розина 1999: Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона. – М., 1999.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1974.
7. Колтунова М.В. Что несёт с собой жаргон// Русская речь, 2003, № 1
8. Calvet Louis-Jean. L'Argot en 20 Lecons. - Paris: Payot, 1993.
9. Dictionnaire du Francais Contemporain: Manuel et Travaux Pratiques pour L'Enseignement de la Langue Francaise. – P.: Librairie Larousse, 1971
10. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire francaise. Paris, Gembloux, 1986.
11. Petit Robert 1: Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. – Paris: Les Dictionnaires LE ROBERT, 1992.

*Т.Л. Селитрина,
д.ф.н., профессор БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ЕДИНСТВО МИРА И МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР (АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ)

Известно, что регионоведение изучает историю, политику, общественную жизнь, религию, культуру своей и чужой страны. Все более значимыми в эпоху глобализации становятся проблемы сосуществования, взаимодействия и сохранения национальных культур. Вытесняется ли локальное глобальным? Возникает ли единая мировая культура? Эта проблема до недавних пор трактовалась достаточно однозначно.

Еще в 1827 году Гете в разговоре с Эккерманом впервые отметил, что начинает складываться всемирная литература. Эта, отмеченная Гете тенденция, становится на рубеже XIX-XX веков ведущей. «Второй промышленный переворот и интернационализация духовной жизни – факторы глобального характера», – отмечает В.А.Луков [2; 357]. По его мнению, формирование мировой литературы выражается в усилении взаимодействия крупнейших литературных регионов – Европы, США, Востока, России; вхождении в их число Латинской Америки, что приводит к необходи-

мости по-новому описывать историю литературы: не по региональному, национальному признаку, а в соответствии с получившими международное развитие и признание направлениями, течениями, школами [2; 357]. «Пересечение и даже сближение – очевидная особенность развития литературы в XX веке: весь интеллектуальный багаж XX века привлекается, усваивается искусством», – замечает Л.Г.Андреев [1; 18].

В самом деле, в истории человечества всегда были определенные формы единства разных культур: сказки, пословицы, поговорки, предания, героический эпос и т.д. Культуры взаимодействовали (в особенности, в послереволюционной России), синтезировались и расходились. Последнюю тенденцию можно наблюдать в 90-е гг. XX века в постсоветском пространстве. В настоящий момент, после взвешенного анализа произошедших событий в России последних десятилетий, выявляются проблемы, ранее не существовавшие. По мнению ученых, начался процесс гомогенизации мира, а вслед за ним – нивелирование культуры, то есть, она становится все более и более космополитичной.

Но как тогда быть с культурной идентичностью? Как ее сохранить? Означает ли это консервацию того, что есть? Мы видим, как Англия из последних сил стремится сохранить все то, что является по понятиям англичан «английскостью»: природные ландшафты, старинные замки и парки, этикет, связанный с королевским двором и т.д. Однако процесс глобализации нельзя остановить. По свидетельству видного английского писателя и литературоведа М.Брэдбери, самая яркая черта английской культуры последнего десятилетия – интернациональность. В самом деле, фактом культуры Великобритании стали Надин Гордимер из ЮАР, японец Кадзуо Исигуро, Салман Рушди из Индии. Действие их романов разворачивается на Востоке: в Гонконге, Пакистане, Японии.

То, что современная европейская художественная культура открыта «чужому» миру, - свидетельство стремления интегрироваться в общечеловеческую культуру. Изучая контекст современного английского романа, можно заметить, что писатели-иммигранты фактически монополизировали Букеровскую премию. Выходец с африканского континента Бен Окри получил премию за роман «Голодная дорога». Ханиф Курейши и Кадзуо Исигуро открыто признают свою смешанную национальную и культурную идентичность.

Философы, размышляющие о проблемах мультикультурализма, подчеркивают, что каждая культура все же рассматривает свои базовые ценности в качестве универсальных, что ведет к навязыванию своих культурных ценностей другим. В XXI веке этот путь представляется нам неперспективным. Более перспективен, на наш взгляд, тот диалог культур, который опирается на общие предпосылки, общее понимание Мира и места человека в нем, единство ценностного пространства и взаимного уважения.

По мнению известного философа В.Лекторского, традиционная культура имеет корни, традиции, связанные с историей и временем. Глобальная – с Интернетом, она вне времени и пространства. Самое опасное сейчас – конфронтация культур, конфронтация ментальностей. Для того, чтобы избежать противостояния, следует всячески поощрять духовный обмен между нациями, странами, континентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарубежная литература XX века/ под. ред. Л.Г.Андреева. – М., 1996.
2. Луков В.А. Зарубежная литература от истоков до наших дней. – М., 2003.

*Т.Л. Селитрина,
д.ф.н., профессор БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК КОМПОНЕНТ ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Среди множества аспектов, рассматриваемых в магистерской программе «Отечественное и зарубежное регионоведение», обращает на себя внимание один из самых перспективных: «Государственные институты США, Великобритании, Германии и Франции».

В понятие «государственные институты» мы вкладываем: политическую систему, институты судебной власти, государственную службу, органы местного самоуправления, финансы и банки, национальную службу здравоохранения, образование, средства массовой информации, культуру и искусство.

Выделение обозначенных выше стран не случайно, поскольку на ИФОМК преимущественно изучаются английский, французский и немецкий языки. Пальма первенства принадлежит в настоящий момент английскому языку, который уже давно является языком международного общения. Взгляд на Британию как на страну застывших государственных устоев и изоляционизма нуждается в корректировке. Все государственные институты переживают в настоящий момент эволюцию, поскольку страна все более ощущает себя частью Европы.

Со времен Средневековья в Великобритании существуют две ветви государственной власти, две партии, сменяющие друг друга. Со сменой политической власти, в определенной мере, меняются особенности государственной службы. Какие традиционные качества сохранились до наших дней? Начнем с того, что государственная служба в Великобритании не имеет отношения к политике в чистом виде. Государственные служащие не назначаются политиками, не имеют права избираться в Палату общин и Европарламент. Они могут работать в любом правительстве. Политики

меняются, а чиновники остаются. Срок нахождения в должности не ограничен. Никто не помышляет сменить шестидесятилетнего чиновника, обладающего репутацией, знаниями, опытом, каким-нибудь двадцатипятилетним юнцом. Никто не говорит о пресловутом «омоложении кадров». Государственные чиновники представляют необходимую информацию и оказывают помощь министрам в решении того или иного текущего вопроса. Все они работают на «постоянной основе». Но сами они остаются «анонимными». Это те самые «винтики», без которых работа министерств и ведомств невозможна.

Нужно отметить, что набирают государственных служащих по очень жесткому конкурсному отбору. Что характеризует английского государственного служащего? Честность, беспристрастность, справедливость, чувство общественного долга. По мнению западных аналитиков, государственную службу Великобритании отличает согласованность, единообразие и сплоченность. В стране существует около 30 основных ведомств и 50 второстепенных.

В 70-е гг. XX века небольшие службы были объединены с крупными. Например, Министерство занятости присоединено к Министерству образования. Как видим, «англичанин-мудрец» произвел умную рокировку. Была установлена жесткая связь между образованием и возможностями трудоустройства, а это основное средство снижения безработицы, то есть Министерство образования и Министерство занятости тщательно следят за проблемой трудоустройства населения, не полагаясь, как это бывает в некоторых иностранных государствах, на «липовые» цифры, которые дают им вузы.

В Великобритании выделяют четыре главных министерства: Министерство финансов, Министерство образования и занятости, Министерство здравоохранения и Министерство обороны. Обратим внимание на то, что Министерство образования, как и Министерство здравоохранения, входит в четверку ведущих министерств. Когда-то лауреат Нобелевской премии А.Солженицын сказал, что главной задачей России является «сбережение нации». Как видим, для англичан этот девиз является непреложным.

Причем, Министерство финансов имеет возможность контролировать все другие ведомства. А чтобы поступить в финансовую службу, надо показать блестящие знания в ходе исключительно жесткого отбора.

Любопытно, что управления и ведомства разбросаны по всей Англии – совсем не в столице государства, как это часто бывает у иностранцев. Например, Управление социальным обеспечением находится на севере страны, в Лидсе (кстати, в Лидсе есть превосходный университет с очень хорошим факультетом славистики. «Добро пожаловать в Лидс!»). А Управление занятости находится в Шеффилде.

Все управленцы делятся на две категории («генералисты», отвечающие за общие вопросы, и «специалисты»). Первая категория, как правило,

имеет гуманитарное образование: история, классические или иностранные языки. «Специалисты» имеют дипломы экономистов, юристов, ученых-исследователей. У них можно получить любую консультацию по любому вопросу.

Кстати сказать, никто из них не будет сидеть до конца своих дней на одной и той же должности. Считается, что люди должны учиться и совершенствоваться непосредственно на рабочем месте. Их будут переводить из подразделения в подразделение. В результате сотрудник способен сам выработать концепцию, работающую на формирование общей политики министерства, превратившись в креативную фигуру.

Высшие руководители – это, как правило, мужчины, большая часть которых закончила Оксфорд или Кембридж. Они составляют элиту страны. Выпускники вузов отбираются централизованно через специальные кадровые агентства. Сначала их ждет жесткое тестирование, затем собеседование, и только потом их заслушивают в Государственной отборочной комиссии. Как видим, никакое кумовство, никакие телефонные звонки не помогут в устройстве на государственную службу. Только блестящие знания, умения, навыки и компетенции, полученные в университетах (в основном, в Кембридже и Оксфорде), дадут перспективу быстрого продвижения по службе и возможность влиться в костяк ведущего корпуса управленцев.

Среди служащих высших категорий только 10 процентов составляют женщины. В основном, они занимают секретарские должности.

Естественно, с приходом к власти Маргарет Тэтчер произошли определенные реформы государственной службы: уточнялись вопросы стратегии, вопросы управления. Маргарет Тэтчер завела порядок, по которому директора управлений лично отчитываются за каждый потраченный пенс в их ведомстве. Заседания транслируются по телевидению, то есть, по сути, идет отчет перед народом, перед налогоплательщиками. И всюду менеджмент, менеджмент, и менеджмент, который дошел и до нас!

*Т.Л. Селитрина,
д.ф.н., профессор БГПУ им. М.Акмуллы (г. Уфа)*

«УФАВЕДЕНИЕ» КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

В одной незамысловатой песенке еще советских времен, помнится, были такие слова: «Снятся людям иногда их родные города, кому Москва, кому Париж». Но мы живем в Башкирии. И для многих из нас родным городом стала Уфа. Но хорошо ли мы знаем наш город? Его истоки, прошлое, настоящее?

Последнее время в России стали появляться знаковые работы, часто под характерным названием: «Пермь как текст культуры», «Екатеринбург как текст культуры» и т.д. В них центральные города России рассматриваются как сложное социокультурное явление. У академика В.Н.Топорова есть знаменитая работа «Петербургский текст русской литературы», в которой говорится о том, как Россия пыталась осмыслить суть своей природы, понять последнее слово о самой себе в свете феномена Петербурга, столицы Российской империи.

Во вступлении к книге В.Топоров подчеркнул, что «Около века ушло на появление, становление и развитие самой петербургской темы, введение основных объектов, городов как «природных», так и «культурных», связанных с цивилизационной деятельностью человека» [1;с. 5] Следует добавить, что в этой фундаментальной книге выдающегося исследователя русской культуры город выступает как особый художественный текст, включающий и сам объект, и его отражение в культурном сознании, в творчестве поэтов Серебряного века – Анны Ахматовой, Александра Блока, Андрея Белого.

У города, в котором живем мы, внешне небольшая история – всего-то чуть более 400 лет, если принять во внимание, что крепость, основанная в 1574 году, получила статус города лишь в 1586.

Из дореволюционных историографов Уфы известны Н.Гурвич, А.Пекер, М.Сомов, П.Пекарский, Р.Игнатъев. Однако, в советское время лишь в начале 1930-х гг. была поставлена задача перед краеведами научной разработки истории городов и сел. В 1974 году был опубликован однотомник «История Москвы. Краткий очерк», а затем последовали книги по истории всех крупных городов России. В этом ряду стоит отметить вышедшую в 1981 году «Историю Уфы», подготовленную Институтом истории языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР при участии отдельных преподавателей БГУ, БГПИ и Уфимского филиала Московского технологического института.

В этой серьезной и содержательной книге представлено место Уфы в экономической, политической и культурной жизни края. Прослежено бурное промышленное развитие города в военные и послевоенные годы, показана деятельность учителей-просветителей в ликвидации безграмотности. Именно в это время быстрыми темпами идет развитие общего, специального среднего, а также высшего образования. В книге подробно рассказано о становлении в Уфе театрального искусства, музыки, живописи и литературы. Вся она пронизана идеями интернационализма, гуманизма, мыслью о великой дружбе русского народа с башкирским и другими народами без тени национализма и местечковых понятий и привычек.

А затем на рубеже XIX-XX вв. начался буквально «бум» по изучению родного края и Уфы как столичного города. В этом ряду стоит отметить работы Г.Азаматова об уфимском земстве, Р.Аюпова о почтовой и

электросвязи, об истории сберегательного дела в Башкирии. О Васильев и В.Латыпова написали содержательную книгу об истории религиозных учреждений г. Уфы. О депутатах Госдумы от Уфимской губернии поведал Ю.Ерофеев. Обращают на себя внимание книги журналиста и писателя С.Синенко «Город над Белой рекой», «Краткая история Уфы в очерках и зарисовках» и т.д.

Считаю, что в этом ряду изданий особо выделяется учебник «Уфаведение» (История Уфы с древнейших времен до XIX века) для общеобразовательных учебных заведений под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Г.Т.Обыденновой. Как и в предыдущих изданиях, в этом учебнике рассказывается о первых строителях города, о первых ее жителях, о формировании Уфимского посада и т.д.

Однако в этой книге ощущается значительный археологический компонент, поскольку авторы, преподаватели исторического факультета БГПУ сами постоянно проводят вместе со студентами летнюю практику на раскопках. И целый ряд фактических материалов обнаружен непосредственно профессорами Г.Обыденновой, В.Ивановым, В.Горбуновым.

Книга написана на основе анализа устных и письменных источников, архивных материалов. Она содержит необходимый фактический материал, фрагменты исторических свидетельств и документов, методический аппарат и справочные блоки. Впервые учащиеся 8-9 классов обрели возможность при изучении отечественной истории факультативно получить сведения из истории Уфы до конца XIX века. Стоит особо отметить продуманную методическую составляющую пособия: вопросы и практические задания, справочный аппарат.

Среди последних книг об Уфе выделяется «Родословная Уфы», выпущенная издательством «Белая река». Авторы этой книги задались целью воссоздать атмосферу эпохи, через судьбы обыкновенных людей увидеть изнутри движение «большой истории», через «микрокосм» узреть «макркосм».

И безусловным подарком всем уфимцам можно считать книгу С.Синенко «Неторопливые прогулки по Уфе» (Китап, Уфа, 2010).

В аннотации к книге указано, что она состоит из 40 очерков прогулок. Погружая читателя в исторический контекст, путеводитель меняет восприятие городского пейзажа, создает «память места». В книге архивные материалы соседствуют с современными фотографиями, выполненными самим автором.

С.Синенко, опираясь на труды многочисленных предшественников-краеведов и историков, сумел предать чарующую красоту родного города. Многие страницы книги написаны «щемяще», они задевают за живое. Дети военного лихолетья вспоминают вместе с Сергеем Синенко и «базар» на современной площади перед Авиационным институтом, и Ушаковский парк с его великолепной кованой оградой, и театр «Идель». И пастельные

особняки на улице Ленина, и многие примеры провинциального дворянского города еще XIX века, утопающего в зелени сирени, жасмина и раскидистых лип. С.Синенко подчеркивает, рассуждая об Уфе второй половины XIX века, что «Уфа поражала столичных гостей свежестью дамских нарядов, сшитых по последней парижской моде, светским изяществом кавалеров, роскошью мебели, изысканным убранством комнат. Существовали дамские общества и благотворительные спектакли, и лотереи в пользу бедных, и маскарады с высокой нравственной целью.

Всякий раз, бывая за границей на крупных международных симпозиумах, в частности, в Париже, мне приходится объяснять, откуда я прибыла. Понятно, что из России. Но что же это такое – Башкирский педагогический университет? И всякий раз я, разумеется, по-английски, сообщаю, что Уфа – это город, расположенный на отрогах Урала, родина Аксакова, Нестерова и знаменитого танцовщика Рудольфа Нуреева. И иностранцы радостно кивают мне в ответ. В последний раз в Париже мне был задан вопрос: «А почему бы не провести очередную международную конференцию по Генри Джеймсу в Уфе?». В самом деле, почему бы и нет? Нам есть, что показать и чем гордиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб., 2003.
2. Синенко С.Г. Неторопливые прогулки по Уфе. – Уфа, Китап, 2010.

*Т.Л. Селитрина,
д.ф.н., профессор БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

СИСТЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В Великобритании в последние десятилетия все реформы в системе образования рассматриваются, как средство повысить его экономическую эффективность. Новая терминология, используемая в системе образования, пришла из сферы бизнеса и менеджмента: «управление», «оказание услуг», «аудиторская проверка» (в России в настоящий момент наблюдаем подобные явления). В Англии, где я побывала этим летом с группой профессоров МГУ, МПГУ и Литературного института им. Горького, многие сомневаются в правильности подобной практики. Ведь общение преподавателя и студента является педагогическим процессом, а не обыденным оказанием услуг. Тем более, что в процессе обучения главное – научить думать, сравнивать, сопоставлять, созидать. Не случайно новые образовательные стандарты требуют компетентностного подхода в обучении.

В Великобритании существует восемь типов университетов. Старейшие из них – Оксфордский и Кембриджский (сокращенно их называют

«Оксбридж») основаны в XII–XIII веках. Это богатые учебные заведения привилегированного типа. С этими вузами связаны имена таких великих ученых как Ньютон, Дарвин, Резерфорд и писателей - Байрона, Шелли, Уайльда. Особенностью Оксфорда и Кембриджа является система колледжей. В Оксфорде их 39, в Кембридже – 29. Это своего рода университеты в университете, автономные корпорации со своей автономной структурой. Оксфорд и Кембридж занимают господствующее положение во всей системе английского образования. В них обучается социальная элита общества. Выпускники этих вузов занимают престижные посты во всех государственных учреждениях (80% послов, высшего духовенства, директоров банков и управляющих крупнейших промышленных и финансовых компаний имеют диплом либо Оксфорда, либо Кембриджа). С течением времени роль и значение этих старейших университетов увеличивается. Для поступления в них до сих пор необходимо сдавать приемные экзамены в отличие от других университетов страны, которые принимают абитуриентов на основании результатов выпускных экзаменов средних школ.

Второй тип охватывает группу шотландских университетов. Среди них самыми известными являются Абердинский, Эдинбургский, Университет Глазго и Сент-Эндрюс. Эти учебные заведения появились в XV–XVI веках. Доступ в них был достаточно демократичным, плата за обучение – вполне приемлемой для среднего класса.

В 1828 году был основан Университет Лондона, а вскоре после этого – Королевский колледж в Лондоне. Лондонский университет, как и Оксбридж, не представляет собой единого целого. Он включает несколько десятков школ, институтов, колледжей, каждый из которых является фактически самостоятельным учебным заведением. В настоящий момент в нем обучается более 80 тысяч студентов, что составляет 20% от числа всех студентов Великобритании.

К 1900 году университеты появились в таких городах как Шеффилд, Лидс, Манчестер, Бирмингем, Ливерпуль и Ньюкасл. Это так называемые «красно-кирпичные» университеты (они были выстроены из красного кирпича). Эти университеты образовались на базе университетских колледжей, основное место в которых занимали предметы естественнонаучного и технического циклов.

К концу Второй мировой войны в Англии и Уэльсе было около XX университетов и колледжей высшего образования. К 1970-м годам XX века количество высших учебных заведений перевалило за 40. Параллельно с ними создавались политехнические институты, выпускавшие специалистов для нужд промышленности. Все университеты Англии и Уэльса – государственные. Правительство страны справедливо полагает, что чем больше будет в стране людей с университетскими дипломами, тем вероятнее достижение благосостояния и процветание государства. Особое внимание, уделяемое техническим специальностям, привело к преобразованию поли-

технических институтов в университеты. К настоящему времени в Великобритании около 90 университетов и 20 колледжей высшего образования. Можно сказать, что высшее образование стало массовым.

Основанием для зачисления в университет являются результаты государственных экзаменов (либо сданные по программе общего государственного стандарта профессионального образования, либо общего свидетельства о продвинутом образовании). Престижные университеты признают только общее свидетельство о продвинутом образовании.

Обычно студенты учатся в течение трех лет, после чего им присваивается степень бакалавра. Некоторые из них, пройдя трехгодичный курс обучения, продолжают учиться, чтобы получить степень магистра или доктора философии. Поскольку финансирование последующего обучения очень ограничено, даже лучшие студенты не всегда могут получить грант и продолжить свое образование на степень магистра или доктора. В результате, чтобы оплатить свое обучение, многим приходится брать большой заем в банке или работать.

Любопытно, что в Великобритании интерес к точным и техническим наукам падает, и встает вопрос о том, кто же будет преподавать эти дисциплины в школах.

Правительство в своем стремлении установить больший контроль над системой образования создало специальное Управление педагогического образования. Это привело к реформированию всей системы педагогической подготовки.

Обычно подготовкой учителя занимались педагогические факультеты вузов, на которых люди, уже получившие высшее образование, в течение года осваивали педагогику и методику. В настоящий момент появились иные формы подготовки учителя, многие из которых осуществляются школами.

Цель новой системы: заставить учителей играть активную роль в подготовке молодой смены. Но в стране уменьшается количество людей, желающих посвятить себя профессии учителя, в особенности в преподавании современных языков и точных наук. Неслучайно, англичане приглашают учителей английского языка из России для работы в школах, где учатся выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки.

В британских университетах большое место отводится самостоятельной работе студента. Студентам объясняют требования к программам курса обучения. Английские педагоги считают, что лекции и беседы один на один с преподавателем являются стимулом в работе учащегося. Подлинное понимание предмета приходит в результате постоянного контакта с книгой, первоисточником, электронным учебником.

В Англии всем студентам дают задание на каникулы, где они обязаны еще раз внимательно подумать над тем, что они изучили в течение семестров. А также продолжить исследовательскую проблему курсовой ра-

боты или будущей дипломной, написать определенное количество рефератов. Таким образом, весь срок пребывания в университете рассматривается как непрерывный процесс.

*Е.В. Сергеева,
м.н.с. ЧГИГН (г. Чебоксары)*

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ЗАСТОЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ ЧУВАШЕЙ

Говоря о традиционном питании чувашей, прежде всего, стоит сказать о застольном этикете. Еда и напитки, стол и утварь, сам процесс принятия пищи в общем характеризуют важнейшие стороны жизни народа: материальное производство и другие общественные отношения, нормы и правила поведения, образ жизни, а «все это, вместе взятое, составляет общую совокупность этикета, церемониала, этических и эстетических нормативов трапезы» [1]. Постовые застолья отличались более строгой регламентацией поведения участников и особым составом пищи. Повседневные застолья в целом имели существенную региональную вариативность (состав блюд, пищевые запреты, этикет). Праздничные застолья основываются на символике совместного поедания ритуальной пищи и напитков. Трапеза сопровождалась различными формами веселья (балагурство, пение, пляска, музыцирование, хороводные и подвижные игры, розыгрыши, сценки ряженных) [5]. Размещение во время трапезы во многих культурах связано с членением внутреннего пространства жилища на части. Рассаживание – наглядная модель половозрастной и социальной стратификации коллектива, причем «верх» и правая сторона, как правило, означают более высокую престижность, а «низ» и левая сторона – более низкую [3].

Здесь затрагивается лишь малая часть застольного этикета чувашей, а именно – повседневная. Семья – маленькое государство в государстве. Здесь царят свои законы и правила. Большинство из них выработаны опытом столетий. Некоторые порядки устанавливал глава семьи – старейший в роде. Семьи были разные, а уклад жизни всюду был почти одинаков. Его определяли традиционные обычаи и правила, выработанные веками. За их соблюдением строго наблюдали старейшие [9].

С малых лет детей приучали к этикету. Когда малыш начинал самостоятельно кушать, он усваивал нормы посещения за столом: вести себя аккуратно, разговаривают только старшие, смеяться нельзя, облокачиваться за столом могут только взрослые мужчины, правившие сохой. Черпать из общей миски следовало по старшинству. Нарушитель получал ложкой по лбу от старшего. Лишение обеда в наказание у чувашей не встречалось [11].

По воспоминаниям этнографа Н.М.Охотникова в «Записках чувашина о своем воспитании», дети учились нормам поведения, взаимоотношениям в семье, уважительное отношение к гостям с ранних лет. За столом нельзя было разговаривать и смеяться над чем-нибудь. В описании чуваш-

ского гостеприимства отмечает, что чувашаи приглашали за стол всех, кто бы ни вошел в избу во время трапезы. В то же время отмечает, что младшие члены семьи никогда не выражали благодарность старшим, потому что этого требовала скромность [4; 7; 10]. За столом хлеб резал глава семьи – отец. Как отмечает автор, горбушку оставлял себе, а «первый кусок за горбушкой, т.н. у чуваш плясовой ломоть (*ташлама чёлё*) доставался мне, второй брату и т.д.». Сначала подавались щи или суп в деревянном блюде без мяса, оно подавалось только со вторым блюдом. Мясо делил дед. Иногда вместо мяса подавали пирог *хуплу* (с заячьим мясом) [10].

Аналогичные упоминания находим в трудах первого чувашского ученого Н.В.Никольского. Он отмечает, что прежде чем резать хлеб, «старший» произносит «*пёсмелле*», затем режет горбушку. Горбушка доставалась главе семьи. Чувашаи различали русские и чувашские ломти. В первом случае – русский ломоть *выргсла чёлё* – круглые, которые разрезались на части, а чувашские – *чгвашла чёлё* – резались от половины каравая к краю. Хлеб раздавался от младшего сына к старшему. К примеру, мальчику менее 10 лет вручался кусок под названием *ташлама ташиши* (круглый ломоть), следующий кусок хлеба давался сыну более 10 лет, который назывался *зуппи* (напоминал собой *чгвашла чёлё*) [6; 8].

У детей воспитывалось бережное отношение к хлебу (не крошить, крошки со стола подбирать и съесть), другой еде (ничего не оставлять, пища богами-духами дана не для того, чтобы ею кормить животных) [11].

Особое поведение за столом соблюдали снохи. В трудах ученых содержится материал о том, что «сноха у чуваш не садится за один стол со свекром, т.к. считает себя недостойной сидеть с ним за одним столом» [10], поэтому семья ужинала за двумя столами. Но в то же время чувашаи приглашали за стол «всякого вошедшего в избу» [2; 10] что говорит о большом гостеприимстве.

Застольный этикет и нормы поведения за столом всех участников трапезы регламентировалось правилами, которые веками закладывались в умах людей и передавались из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А. Введение // Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. – М., 1981. – 256 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. 1. Казань-Чебоксары, 1928.
3. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.
4. Денисов П. Никифор Охотников: очерк жизни и творческой деятельности. – Чебоксары: Чуваш. кн.изд-во, 1986. – 127 с.
5. Морозов И.А. Традиционное застолье в структуре повседневной и праздничной жизни // III КЭА России. – М., 1999. – С. 243.

6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 320.
7. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2248.
8. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн.изд-во, 2004. – 527 с.
9. Овсянников Ю.М. Картины русского быта. – М.: Аст-пресс, Галарт, 2000. – 352 с.
10. Охотников Н.М. Записки чувашина о своем воспитании // Известия общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Т. 31. Вып. 1. 1920. – С. 19-48.
11. Чуваши: история и культура. В 2-х томах. Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 335 с.

*Х.Х. Сулайманова,
учитель МБОУ «Лицей-интернат №79»
(г. Набережные Челны)*

УКУЧЫЛАРНЫҢ ЯЗМА ЭШЛӘРЕНДӘ ОЧРЫЙ ТОРГАН ХАТАЛАР ҺӘМ АЛАРНЫ БЕТЕРҮ ЮЛЛАРЫ

Хәзерге чорда жәмгыять үсеше белән бергә мәгариф системасы да зур үзгәрешләр кичерә. Соңгы елларда белемнең сыйфатын күтәрүнең бик күп юнәлешләре барлыкка килде, мәктәп практикасына яңа технологияләр кертү көн тәртибенә куелды, мәктәпләрдә дәресләрне оештыруның яңа формалары өстенлек ала башлады, берничә ел элек кенә күз алдына китерә алмаган электрон журналлар, интерактив такталар хәзер гадәти күренешкә әйләнеп бара.

Белем бирүнең эчтәлеген яңарту – мәктәптә уку-тәрбияне камилләштерүнең мөһим мәсьәләләреннән берсе. Балаларның белемне аңлы рәвештә үзләштерүе, төпле белем алуы, аларны практикада куллана белүе – уку процессының төп шарты.

Жәмгыятьтебез татар теле укытучылары алдына да житди бурычлар куя. Ана теле укытучысы бүген һөнәр иясе генә түгел. Аңа, заман сулышын тоеп, уку-тәрбия өчен үзенә дә яңалыкларны үзләштереп, аларны үз дәресләрендә кулланып эшлэгәндә генә, югары нәтижәләргә ирешергә мөмкин.

Татар теле һәм әдәбиятын уку-тәрбия программаларында балаларны ана телендә үз фикерләрен логик эзлекле, жыйнак, төгәл һәм матур итеп сөйли һәм грамоталы итеп яза белергә өйрәтү, аларда үз халкына, аның әдәби теленә һәм культурасына мэхәббәт тәрбияләү, укучыларга комплекслы тәрбия бирү, мәктәптә укытыла торган башка предметларны үз ана телендә үзләштерүгә жирлек эзерләү бурычы куела.

Телдән һәм язма сөйләм нормаларына ия булу – мәктәптә татар телен өйрәнүнең әһәмиятле бурычы булып тора. Укучыларның сөйләм культурасын үстерү мәсьәләләренә житди игътибар бирелә. Бу эштә радио,

матбугат, телевидениенен дә уңай йогынтысын әйтеп китәргә була. Ә менә укучыларның тиешле дәрәжәдә грамоталы булмавы – хәзерге вакытта мәктәпләрдә күпләрне борчый торган мәсьәлә. Укучылар диктант, сочинение һәм изложение кебек язма эшләрдә генә түгел, хәтта күчереп язганда да хаталар жиберәләр. Бу, әлбәттә, туган тел укытучысы буларак, мине дә бик борчый. Мин татар теле дәрәсләрендә, укучыларның язма эшләрендә жиберә торган хаталарын бетерү һәм алдан кисәтү максатыннан, яңадан-яңа эш төрләрен һәм алымнарын кулланырга тырышам. Әлбәттә, бу очракта һәр укучының шәхси үзенчәлекләрен исәпкә алу да бик әһәмиятле. Укучыларны һәр сүзгә игътибарлы булырга, жиберергә мөмкин булган хаталарны алдан күзалларга, ягъни дәрәс язу күнекмәләренә, ничек өйрәтергә соң? Әлеге сорауга җавап бирү өчен, күпеллык эш тәҗрибәмә таянып, үземнең кайбер нәтиҗәләрем белән уртаклашуны максат итеп куйдым.

“Хаталар ясый-ясый өйрәнәләр”, “Авызы пешкән өреп кабар” дигән мәгълүм гыйбарәләр бик тирән мәгънәгә ия. Сүзем укучыларның үз эшләрендә жибергән хаталары, аларны бетерү, алдан кисәтү юллары, хаталар өстендә эш турында.

Мин Яр Чаллы шәһәренең 79 нчы лицееда татар теле дәрәсләре алып барам. Безнең уку йортында 7 нче сыйныфтан 11 нче сыйныфка кадәр ир егетләр генә белем ала. Укучылар Яр Чаллы шәһәре һәм республикабызның төрле районнарыннан гына түгел, Пермь, Башкортстан якларыннан да килеп укыйлар. Төрле җирләрдән килеп укучылар булганга, язма һәм телдән сөйләмнәрендә татар әдәби теленнән аермалы яклар да шактый очрый. Безгә дәрәсләрне шушы фактларны искә алып төзәргә туры килә. Диктант, изложение кебек язма эшләрдә кайбер укучыларга шактый кыенга туры килә, алар төрле диалект үзенчәлекләренә бәйле хаталар жиберәләр.

Укучыларның язма эшләрендә күзәтелә торган төрле диалекталь хаталардан түбәндәгеләрне атап китәргә була:

- 1) Ж – лаштыру күзәтелә. Мәсәлән, җыракта, җылама.
- 2) Кайбер очракларда, киресенчә, сүз башында й-ләштерү хас: [йырлыйлар] – җырлайлар.
- 3) Инфинитив фигыльне –мага, -мәгә кушымчасы белән бирү. Мәсәлән, Әни мине алмага килгән.
- 4) Ирен гармониясе күзәтелгән сүзләрдә ы, е хәрәфләре урынына о, ө хәрәфләрен язу. Әдәби телдәге о, ө сузыклары урынына даими рәвештә ы, е сузыклары тәңгәл килә. Бу язма эшләрдә бик еш күзәтелә торган үзенчәлек. Мәсәлән, [телке] – төлке, [тырмыш] – тормыш.

Әлеге үзенчәлек мишәр диалектының төп дифференциаль билгесе [1; 52], шуңа күрә ул күбрәк шул яктан килгән укучыларның язма эшләрендә күзәтелә.

5) Әдәби телдә кулланылган бәйләкләрдән (сыман, төсле, кебек, күрә һ.б.) тыш, башка төрле вариантлар да очрый. Мәсәлән, арты – соң. Иртәгә арты (иртәгәдән соң) без авылга китәбез.

6) Исемнәрнең килеш белән төрләнүендә аерымлыklar күзәтелә. Мәсәлән, иялек килешендә -ның/ -нең кушымчасы урынына -ныкы/-неке кушымчасы кулланыла. Алсуныкы китап – Алсуның китабы. Әнинеке яулык. – Әнинең яулыгы. Ә -ның/-нең кушымчасы кайбер балаларның эшендә әдәби телдәге -ныкы/-неке кушымчасына туры килә. Дәфтәр укучының. – Дәфтәр укучыныкы.

Мисаллардан күренгәнчә, бу ике кушымча үзләренең семантик функцияләрен алыштырганнар кебек, чөнки алар үзләренең төп функцияләре буенча бер-берсенә бик якын торалар.

7) Н тартыгы авазының [ң] авазына тәңгәл килүе дә шактый күп очрый. Мәсәлән, анарда – аңарда.

8) Жөмләдә сорау кисәкчәсен логик басым төшкән теләсә нинди сүзгә ялгау очраklары бар. Мәсәлән, Син мәктәпкәме барасың? Син миңамы аны бирәсең? Ә бит сорау кисәкчәсе әдәби телдә фиғыльләргә ялганып килә.

Гомумән, сөйләшләрдә сорау кисәкчәсенәң диалекталь вариантлары күп. Мәсәлән, себер диалектларында аның киң варианты актив [2; 420]

9) Саннарны кулланды да кайбер үзенчәлекләр күзәтелә. Жыю саны аергыч булып килә. Мәсәлән: Сумкада берәү китап, өчәү дәфтәр бар.

10) Фиғыльләрдә II зат боерык фиғыльне күплек санды -ын/-ең кушымчасы белән ясау күзгә ташлана. Мәсәлән: килең – килегез, алың – алыгыз һ.б.

Диалекталь үзенчәлекләрдән тыш, укучыларның эшләрендә еш күзәтелә торган башка хаталар да бар. Аларга о, ө; һ, х; ь, ы хәрәфләрен язуда, кушма һәм алынма сүзләрдә, тыныш билгеләрен куюда жиберелгән хаталарны кертергә була.

Шәһәр балаларының бер-берсе белән аралашу теле, нигездә, рус теле булганлыктан, аларның язмаларында алынма сүзләр һәм рус телендәгә жөмлә төзелеше еш очрый.

Югарыда санап кителгән мисаллардан күренгәнчә, укучыларның язма эшләрендә диалекталь хаталар да, башка хаталар да шактый күп очрый.

Еш күзәтергә туры килә: укучылар тарафыннан татар теле дәрәсләрендә укучыларның язма эшләрдә жибергән хаталары өстендә эшкә, гадәттә, әллә ни игътибар бирелми, ул билгеле бер системага салынмаган, формаль рәвештә генә уздырыла. Укучы укучының хатасын төзәтеп билге куя, укучы үзенәң билгесе белән таныша, ә хаталарына игътибар бирми. Күп очракта укучы тарафыннан эшләренә тикшерү укучыларны алга таба, аңлап, үз хаталарын төзәтергә юнәлеш бирми. Дөрес, кайчакта укучылар хаталы сүзләренә 3-4 тапкыр күчәртеп

яздыралар, ул сүзләр белән жөмлөләр төзөтөләр һәм хаталар өстендә эш, нигездә, шушы эш төрлөрөннән гыйбарәт була.

Минемчә, мондый эш төрлөрөнөң генә файдасы юк, чөнки алар фикерләү сәләтен, укучыларның хәтерен үстерүгә, үтелгән материалны кабатлауга, белемнән ныгытуга бернинди дә йогынты ясамый. Ә бит язма эшләрдә укучылар жибәргән хаталарны анализлаганда, аларның сәбәпләрен дә ачыкларга кирәк. Мәсәлән, укучы кагыйдәләренә белми, яки, киресенчә, кагыйдәләренә белә, ә аларны практикада куллана алмый, яки кагыйдәләренә бутый, яисә аңлап язмый, укучының үз сөйләмәндә кимчеләкләр бар һ.б. Шушы яки башка сәбәпләр аркасында укучы хаталар жибәрә.

Даими рәвештә һәр баланың язма эшләрдә жибәргән хаталарын исәпкә алып барырга кирәк. Моны төрлечә башкарырга була. Мәсәлән, дәфтәрнең һәр битенә бер тема языла (яки кагыйдә), укучының исеме һәм фамилиясе, хаталы сүз теркәп барыла. Һәр уку елында дәрәс язылышка 10-15 кагыйдәдән артык өйрәнелми дә.

Түбәндөгечә эшләү тагын да уңайлы:

Дәфтәрнең өске өлешен кисеп, 10-15 графага кыскача гына дәрәс язылыш кагыйдәләре күрсәтелә. Дәфтәрнең битләре тышкы ягыннан укучыларның алфавит буенча исемлегендәгә хәрәфләренә язу өчен киселә. Бу тиз генә һәр баланы табу өчен уңайлы.

Укучының эшен тикшергәндә, мәсәлән, Галиева А., “Г” хәрәфе бите ачып куела һәм укучының хаталары тиешле кагыйдә графасына куела. Шул рәвешле хаталар бите даими тутырыла һәм әлегә укучы жибәргән хаталар турында тулы күзаллау булдырырга ярдәм итә. Аерым кагыйдәләренә эш үтәлмәве укучының нинди теманы үзләштермәвен күрсәтә. Ә бу исә үз чиратында алга таба укучылар белән эшнә дәрәс оештырырга ярдәм итә. Төрле эш төрләре кулланырга була: дәрәстә сорау да, әлегә укучы тарафыннан кагыйдәләренә аңлату, индивидуаль өй эшләре, мөстәкыйль эшләр һ.б. Ягъни һәр эш төре укучы жибәргән хаталарны бетерүгә юнәлтелгән була.

Эш кына укучылар үзләре дә белешмәлек ярдәмәндә хаталар өстендә эш башкаралар. Мәсәлән, кагыйдә дәфтәрләрнең аерым битләрендә, кыска-кыска гына итеп, дәрәстә өйрәнелгән кагыйдәләр языла, мисаллар китерелә, табарга уңайлы булсын өчен, һәр бит номерлана. Дәфтәрләренә тикшергәндә укытучы хаталарны төзәтми генә астына сыза һәм поляда карандаш белән кагыйдә номерын күрсәтә (№3, яки №5). Укучы шушы номерга туры килгән кагыйдә һәм мисалларны укый һәм, шуларга нигезләнеп, сүзнең дәрәс язылышын аңлата. Ә үз хаталарын мөстәкыйль аңлата алмаган йомшаграк укучыларның хаталары төзәтелә.

Гомумән, балаларга әдәби телдә дәрәс язу күнекмәләрен һәр дәрәстә бирергә кирәк. Әлбәттә, эшнә төрле юллар белән оештырып була. Шундый

эш төрлөрөнөң берсе – карточкалар куллану. Мәсәлән, диалекталь формаларны әдәби телдә язып чыгарга:

Алмага –

Килдем дәген –

Күрдемей –

Карадымый –

Күрмәгә –

Бардым дагын –

Сүзләрдә һ һәм х хәрәфләрен бутап язуны кисәтү, яки о һәм ө хәрәфләренөң беренче ижектә генә язылуы турындагы кагыйдәне үзләштергәндә, сүзләр язылган таблица элөп куела. Әледән-әле бу сүзләренөң язылышы кабатлана, алар белән жөмлөләр төзелә. Алдагы дәрәсләрдә сүзлек диктантлары яздыру, карточкалар белән мөстәкыйль эшләр, интерактив тестлар эшлөтү максатка ярашлы.

Шул рәвешле, методик чараларның, грамматик анализларның, күрсәтмә материалларның күп төрлөрөн кулланып, укучыларның грамоталыкларын күтәрүгә, аларның әдәби тел нормаларына ия булуларына ирешергә мөмкин. Эш, әлбәттә, жиңел генә бармый. Шулай да, максатчан эш алып барганда, яхшы нәтижәлөргә ирешергә була. Моны укучыларның республика олимпиадаларындагы уңышлары, БДИ нәтижәләре дә раслый. Укучыларның хаталары өстендә эшнең татар теленнән белем сыйфатын күтөрүнең төп юлы икәнлегенә мин елдан-ел инана барам.

ӘДӘБИЯТ

1. Кадыйрова Э.Х. Мәктәп укучыларының язма эшләрендә диалектизмнар./Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. – Казань, 2011 – 52-55 с.

2. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап/Ф.С.Баязитова, Д.Б.Рамазанова, Т.Х.Хәйретдиноваһ.б. – Казан: Мәгариф, 2008 – 463 б.

3. Багаева С. Работа над ошибками // Магариф, 1998, №12.

*Р.Ф. Сулейманов,
ст. преподаватель ИРО РБ (г. Уфа)*

БАШКОРТСТАН ТАТАР ПРОЗАСЫНДА КЫРЫС РЕАЛИЗМ ЧАЛЫМНАРЫ

Кырыс реализм – тәнкыйди реализм традицияләренә нигезләнеп, төрле ялкынсынулар, үзгәртеп корулар аша тоталитаризм догмаларыннан ваз кичөп, демократик вөзгыятьләренә алга сөргән жәмгыятебез асылын ачып салырга омтылган әдәби агым.

Аның төп чалымнары:

А) Әдәби әсәр тукумасында кеше камил булмаган тирәлектә яши, аның уй-фикерләре, теләк-омтылышлары аны уратып алган дөнья белән бәйләлектә, кеше – үзгәртеп кору чоры жимеше икәннен ачык чагылдыру;

Б) “Яңа байлар”, “яңа татарлар”, “яңа урыслар” белән беррәттән “урта хәллә”, “хәерче”, “көрчөккә терәлгән” кешеләрнең яшәешен күрсәтү;

В) Мафия башлыклары, яңа байлар хакимлеге астында көн күрергә теләмәгән, аларга каршы чыккан геройны үзәккә кую;

Г) “Кара көч”ләр (яңа байлар, мафия башлыклары һәм аларның куштаннары) белән “ак көч”ләр (яңа байларга, мафия башлыкларына каршы чыгарга жөррият иткән геройлар) арасында яралган конфликтның, я соңгылары, я тәүгеләре унаена хәл ителүе һ.б.

Безнең карашка, татар әдәбияты жирлегендә кырыс реализм чалымнары белән баатылган белән беренче әсәр ХХ гасырның азақларында ХХІ гасырның башларында языла. Ул да булса, Т.Галиуллинның “Сәет Сакманов” трилогиясе. Анда тәүгеләрдән булып үзгәртеп кору чорында барлыкка килгән күпсанлы мафия оешмаларының көнкүреше реаль буяуларга буялып бирелә. Анда Сәет Сакманов белән беррәттән мафия башлыгының жинаят эшләренә теләктәшлек белдермәгән автор образы да гәүдәләндерелә. Һәм ахыр чиктә, иртәме-соңмы, кара көчләр фанилыкта кылган гөнаһлары өчен язучы тарафыннан бер-бер артлы фажиғалә үлемгә тартыла.

Т. Галиуллинның яңа дулкында киң колачлы, күркәм әсәр тудыра алуы башка язучыларыбызга да көчлә тәәсир ясыя. Кыска гына вакыт аралыгында кырыс реализм кануннарына нигезләнәп язылган дистәләгән ижат жимешләре барлыкка килә. Башкортстан жирлегендә дә кырыс реализм чалымнарын үз эченә алган байтак әсәрләр ижат ителә.

3. Әкбәровның “Үч” повесте үзәгендә ике язмыш, ике герой. Алар икесе дә киләчөккә якты өметләр, якты хыяллар баглап яшиләр. Тик берзаман кырыс чынбарлык ул өметләренә, якты хыялларны чөлпәрә китерә, бар нәрсәне үзенчә хәл итә. Берсен канлы сугышка, икенчесен мафия дөньясына алып кереп китә. Кайсы хәят, кайсы тирәлек алар өчен аяусызрак булып чыга соң? Мафия дөньясы. Галинур Чечня мәхшәрәннән исән-имин әйләнәп кайта, ә Биктимер исә Гарун башкисәрләре тарафыннан явызларча үтерелә. Шул мизгелдән соң автор Галинурны кискен рәвештә Фараонов, Гарун, Гаркавиннарға каршы куя. Ул бар көч-күәтен жыеп, аларға канлы алыш игълан итә һәм жиңеп чыга. Мафия хужаларына еллар буена жыелган акчалары да, кәлгә шәкелендә төзелгән йортлары да, моңа кадәр бәхетсезлекләрдән саклап килгән “түбәләре” дә ярдәм итә алмый. Хәрәм байлык, ялган дуслар, канлы тормыш – барысы да юкка чыга, жылгә оча. Иртәме-соңмы гаделлек гаделсезлектән, дөреслек ялганнан, вөждан вөждансызлыктан өстен булып чыга.

К. Караның “Лашбайга сәяхәт” әсәрендә дә төп герой, үзе дә теләмәстән, мафия хакимлек иткән дөньяның уртасына үтеп керә. Әлбәттә,

ялгышып, ялган, вакытлыча биеклекке күтөрелгән кыйммәтләрне мәңгелек рухи кыйммәтләрдән өстен күрәп.

“Нәрсә генә эшләмәсеннәр, ни генә сөйләмәсеннәр, барысының да нигезендә акча ята. Шулай булгач, бүгенге көндә Фәрит тик бернәрсә турында гына уйларга тиеш: кайдан акча табарга? Үз-үзеңне бу дөньяда ирекле итеп сизү өчен күп акча кирәк. Чәнчеләп китсен ижат эше, ул – бай кешеләр шөгыле.” – дигән дөньяви карашы аның язмышын алданулардан, ялгышулардан, югалтулардан торган сикәлтәле юллардан алып китә [4, с 137-138].

Шул юлларда кемнәрне генә очратмый да, кемнәр белән генә аралашмый Фәрит. Зур акчалар эшләүне тормыш мәгънәсе итеп тойган Вадик алдында баш ияргә, кеше жанын кыерга эзер торган Жора белән гөнаһлы гамәлләр кылырга туры килә аңа. Әмма, ниләр генә кылмасын, ниләр генә эшләмәсен ул алар шикелле намусын жуйган, иманын югалткан, таш бәгерле кансыз кешегә әверелә алмый. Вакытында аның аңын төрле икеләнүләр, тормыш мәгънәсе турында уйланулар, фанилыкка: “Тик дан-шөһрәт тә, байлык та, дәрәжә дә – бөтенесе ялган максатлар түгелме?”, – дигән четерекле сораулар биләп ала [4, с.165]. Шул уйлар, уйланулар, мине телемнәргә телгән сораулар аны түбәндәге асыл нәтижеләргә китерә: “Дөньяда эле бурыч, мәрхәмәтлелек, ярату, хакыйкәт һәм башка күп төрле төшенчәләр бар бит эле. Бөтенесен дә янадан башлап карарга кирәк аңа. Тәүбәгә килү беркайчан да соң түгел. Аның бит эле улы бар, ничә еллар бергә гомер иткән хатыны бар” [4, 165]. Ә нәтижеләр, үз чиратында, кискен гамәлләргә этәрә: Фәрит көннәрдән бер көнне үзендә рухи күәт табып, мафия куштаннары таптаган юллардан ваз кичә. Үз юлына, бәхетле балачагын, юләр яшьлеген искә төшергән, якты киләчәккә әйдәгән Лашбай юлына аяк баса.

Ш. Исмәгыйлеваның “Гөнаһлы хыяллар” хикәясендә Нариманның аңын зур акчалар, иксез-чиксез байлыкларга ия булу теләге томалый. Сөйгән ярына хыянәт итеп, ул башка берәүне хатынлыкка ала. Бу адымы аны бай йортлы, “текә” машиналы, гүзәл хатынлы итә. Әмма “житеш” тормышына бәхет өстәми. Киресенчә, ачы кайгылар, рухи газаплар, янадан-яңа тетрәнүләр алдына китереп бастыра. Ул, эле гаилә бәхете татый алмадым дип борчыла, эле бала сөяргә, аны тәрбияләргә насыйп булмады дип изалана. Әле кайчандыр үлеп яраткан Раузасы белән кавышмаганга үкенә. Бу үкенүләр, изаланулар, борчылулар көннән-көн көчәя, тирәнәя, күңел чоңгылларына, йөрәк төпкелләренә үтеп керә. Ниндидер дәрәжәдә рухи тынычлыкка ирешер өчен, вөждан газавларыннан котылу бәрабәренә ул кайчандыр үзе теләп алган “бәхет”тән баш тарта: соңлап булса да, үзе яраткан, аны өзләп сөйгән Раузасы белән кавыша. Бу адымы исә Нариманга чын-чынлап жан тынычлыгы, зарыгып көткән ихлас бәхетен алып килә. Вакыты белән бу дөньяда үзеңне бәхетле тояр өчен, житеш мэхәббәтсез

тормышка караганда гади, эмма саф сөю хисләре белән ташып торган тормышны өстен күрү дә житә шул.

Югарыда без игътибар иткән эсәрләрдә уңай конфликтизм күзгә ташлана, ягъни алар үзәгендә яткан теге яки бу конфликт явызлыкны үз иткән геройлар файдасына түгел, ә уңай уйларга, уңай гамәлләргә тартылган геройлар файдасына тәмамлана.

Эмма чынбарлыкта катлаулы вакыйгалар гел уңай гына хәл ителәме соң? Әлбәттә, юк. Чынбарлык байтак очракта капма-каршылыкка юнәлә. Тормыш вакыйгалары еш кына кире чишелеш таба. Никадәр фаталь яңгырамасын, еш кына явызлык яхшылыктан, гаделсезлек гаделлектән көчлерәк булып чыга. Кырыс реализм кануннарына нигезләнеп язылган эсәрләрдә тормышның бу ачы хакыйкәте исәпкә алына. Бу хәзерге заман татар хатын-кызының гыйбрәтле язмышын чагылдырырга омтылган эсәрләрдә ачык чагыла.

Ш. Исмагыйлеваның “Йөзекләр югалгач” исемле хикәясендә күркәм зат, хатын кыз, ике дә уйламыйча, урта кул тормышны баерак, күркәмрәк тормышка алмаштыра. Уфа шәһәренең югары уку йортларының берсендә очын-очка ялгап укытып йөрегән ирен ташлап, Мәскәү эшкуарына кияүгә чыга. Яшәү рәвеше контрастлы рәвештә үзгәрә: ул инде Уфаның соры урамнарыннан түгел, ә Мәскәүнең төрле төсләр белән балкыган урамнарыннан атлый; ике бүлмәле “хрущевка” да түгел, ә дүрт бүлмәле, сарайга тиң фатирда яши; өстенә кигән киёмнәре үзәк базарда очсыз бәягә алынмаган, ә аның өчен махсус зур акчаларга чит илдән кайтарылган; ашар ашы да гади түгел, мәртәбәле рестораннарда гына эзерләнгән. Элек төшләрдә генә чалымланган жәннәт хәзер чынбарлыкта урын алган. Ул шул кадәр гүзәл, шул кадәр камил ки, беркайчан жимерелмәс, беркайчан тоныкланмас, мәңге ничек бар, шулай торыр кебек хатын-кыз күңеленә. Ә дөнъя – икейөзле. Әле генә кешегә ачык йөзен күрсәтә, әле көтмәгәндә кара йөзе белән борыла. Аны “бәхетле” иткән, Гомерен “бәхетле минут”лар белән бизәгән жәннәте бер мизгел эчендә чәлпәрәмә килә. Исәпсез-сансыз акчасы белән күпләрне тез чүктергән “Халява” компаниясенең президенты Владислав Воробьев үзе яшәгән йорт каршында вәхшиләрчә үтерелә. Котычкыч чынбарлыктан качып, Ләйлә үткәннәргә кайтыр иде, үткәннәргә юл юк. Тәүге ире башка берәүне үз иткән. Башын күтәрәп, киләчәгенә таба атлар иде, таянычы юк. Владислав – гүр иясе. Кая карама – мәхшәр. Нәрсә генә эшләмә – барысы да бушка. Гомереңнең заяга үтүе белән килешмичә мөмкин түгел. Бәхетсезлек божрасыннан чыгарга бер чара тапсаң иде...

Х. Мөдәрисованың “Яр” эсәрендә Радмир Зөбәржәтне алтын-көмештән, сый-нигъмәттән ташып торган дөнъяга алып керә: “Бөтен нәрсә дә бар, “ашау байдан, үлем хоҗадан” дигәндәй, киём-салым зиннәтле”, гаражда бер түгел, өч машина, өйдә хезмәтчеләр һәр теләген “баш өсте дип үтәп кенә торалар” [5, с. 94]. Аллаһның биргәннә, өзлеп сөйгән берәүнең байлыгына шөкер кыл да яшә. Тик Зөбәржәткә генә нәрсәдер житми. Рад-

мир янында ул үзен ханбикэ итеп түгел, э кәнизәк, кол итеп хис итә. Радмирга карата йөрәгендә сөю хисе дә тоймый, э аның шашып-шашынып сөясе килә. Ирек юк бу дөнъяда, мэхәббәт юк. Байлык Зөбәржәтне кызыксындыра, әмма канәгәтьләндерми. Аның күнеле югарыга, иреkkә, саф мэхәббәткә омтыла.

Кырыс чынбарлыкның катгый бер кануны бар: нәрсәгәдер омтылу, ниндидер теләкләрне тормышка ашыру, нәрсәгәдер ирешү тик көрәш, көч сынашу аша. Жиңәсең икән, барысы да син теләгәнчә була. Жиңеләсең – бигайбә, чынбарлык киләчәк тормышыңны үзенчә хәл итә. Нәрсәнедер үзгәртәргә сиңең кодрәтең юк. Зөбәржәт тә гасырлар дәвамында меңнәр буйсынган, гасырлар дәвамында меңнәр буйсыначак бу канунны урап уза алмый. Саф мэхәббәт һәм ирек өчен ул көрәшәргә тиеш. Радмирга, аның тугры этләре Леон һәм Жанагага каршы.

Жиңәрме, яки, киресенчә, жиңелерме? Кызганыч, бар табигате, бар булмышы белән байлык хакимнәренә каршы торса да, ул тантаналы жиңү минутларын кичерә алмый. Жиңелә. Ә жиңелү аны ачы хакыйкәт алдына китереп бастыра: жиңелүдән соң сиңа яшәү юк. Яшәү дигәннән, яшәр өчен тәндә тамчы кадәрәдәй көч булса. Бар көч аянычлы көрәшкә бирелгән.

Ф. Латыпованың “Югалган бриллиант” повестында Лена үз тормышын кора алмый изалана. Әле бер ир, әле икенчәсе, әле өченчәсе алдый аны. Бу алдануларның, ялган мэхәббәткә таруларның, чиге дә булмас кебек. Әмма, гадәттә, син бер төрле уйлыйсың, э чынбарлыкта шул уйлар бөтенләй икенчә төрле төсмерләр ала. Бар, дип уйлыйсың нәрсәнедер, э ул әйбер фанилыкта юк булып чыга. Я киресе, юк, дисең, э ул күз алдында хасил була. Язмыш жилләре аны көтмәгәндә бай бер йортка алып килә. Бу сагасын атлап керсә, сөйләп бетерә алмаслык байлык: төшләрендә генә күрәргә мөмкин булган йорт жиһазлары, хыялларында гына урын алган тәмле-тәмле ризыклар, э каршысында ничә еллар буена зарыгып көткән саф мэхәббәте, Жәвите тора. Ходай бүләге. Күпме жәфа, күпме афәт кичергәннән соң бәхет елмаюы. Дөнъяның түгәрәкләнә башлавы. Ләкин тәмам түгәрәкләнүе түгел шул.

Абсолют бәхеткә, тулы бәхеткә ирешер өчен тормышның соңгы сынавы үтелмәгән әле. Алда үтә мәкерле, хәйләкәр мафия колы, үзбәк Хосровка каршы канлы алыш. Аңардан өстен чыксаң, дөнъяда син бар идең – барсың һәм ары табан да булачаксың. Әгәр ул өстен чыкса, ничек кенә кырыс яңгырамасын, син бар идең һәм юксың. Инде мәңгегә булмачаксың.

Ленә энә шул соңгы сынауны исән-имин үтә алмый. Упкынга оча. Аның белән киләчәккә якты хыяллары, изге уйлары, бөек максатлары юклыкка томырыла. Алар гынамыни? Мэхәббәте дә, түгәрәкләнәп килгән дөнъясы да, бөтен бәхете дә...

А. Зәкиевның “Йөзек” хикәясендә Гүзәл очраклы рәвештә “Алмаз-Холдинг” фирмасы директоры Ренат Илдусович белән таныша. Тегесе үз чиратында исеме жисеменә туры килгән хатын-кызга алтын таулар вәгдә

итә. Аңа таба синең бер адымың, тормышың капма-каршыга үзгәрәчәк: син хәерчесең – бай булачаксың; әле булдыксыз көндә исерек ирең сине бар дип тә белми – алтын куллы эшкуар өрмәгән жиргә дә утыртмас; бәгырьләргә үткән авыр колхоз эшендә тир түгәсең – эшләргә дә кирәкмәс.

Тик Гүзәл, үз нәфесен авызлыклап, эшкуар өзлегеп көткән адымны ясамый. Күптән тамырланган тормышына кискен үзгәрешләр кертүдән баш тарта. Нәтижәдә болай да бәхет чаткылары белән чагылып тормаган хатын-кыз дөнъясын тәмам бәхетсезлек сөрәме чолгап ала. Хәзер инде бәхетле булам димә. Сиңа көндә исерек ирең көйсез күңелен күрергә, тиеннәргә, бөлгенлеккә төшөп барган колхозда лашман тартырга. Гомереңнең соңгы көннәренә кадәр. Бу ачы язмыш. Аңардан качып котылып та, аны урап узып та булмый. Телисең-теләмисеңме, бер генә юл – бар сабырлыгың берлә ачы язмышыңа күнәсе генә кала. Аяныч.

Үзенчәлекле әсәрләр. Анда ерак үткәнәбез дә, ерак киләчәгебез дә түгел, ә бүгенгебез. Бүгенге жәмгыять. Аның ачык йөзе.

Ничек кенә кырыс яңгырамасын, кешеләр акчага табыналар. Алар өчен акча – яшәү көче, азатлык, бәйсезлек. Кыскасы, үзләреннән кала иң бөөк бер субстанция.

ХакиMLEк вәзгыятә күпләрнең канына сенгән. Берәүләр кемдер өстеннән идарә итәргә, аларның язмышларын ничек телиләр, шулай хәл итәргә омтыла. Икенчеләр исә рухи табигатьләренең йомшаклыгы, көчсезлеге нәтижәсендә шул хәкимнәргә буйсына. Күзгә күренеп, “хакиMLE-кол”, “кол-хакиMLE” мөнәсәбәтләре чәчәк ата.

Дан-шөһрәт, байлык, дәрәжә кебек дөнъяның вакытлы кыйммәтләренә ирешүне яшәүнең асыл мәгънәсе итеп күзаллау һәм бернинди авырлыкларга, чоңгыл, киртәләргә карамыйча шуларга омтылу кешеләрне рухи бөлгенлеккә төшерә. Рухи ярлыларның исәбе юк. Ике кешенең берсе рухи ач, рухи сусау кичерә.

Кырыс реализм боларның барысын да искә алырга тырыша. Аларны үзәндә гомумиләштерә. Аның әһәмияте шунда. Әсәр тукымасында ялганга, хакыйкәтсезлеккә урын бирелми. Бу яхшы фал. Димәк, язучыларыбыз иске ижади стереотиплардан азат булырга омтыла. Алар хәзер шагыйранә ялганнан кырыс дәрәслекне өстен күрәләр. Чынбарлыкны хак төсләрдә сурәтләгән әсәрләр ижат итәргә омтылалар.

Фикеребезне йомгаклап, шуны әйтәсе килә: әдәбиятнең чынбарлык хакыйкәтенә йөз белән борылуы беркайчанда аңа хилафлык китермәде. Киресенчә, даими рәвештә яңарышларга гына этәрде. Хәзерге Башкортстан татар прозасында кырыс реализмның урын алуы да моның ачык бер дәлиле. Чөнки, һичшиксез, кырыс реализм – ул әдәбиятыбызның яңаруы. Аның яңа сыйфатлар, яңа чалымнар, яңа төсмерләр белән күркәмләнә төшүе генә.

ӘДӘБИЯТ

1. Әкбәров З.Н. Әрем исе.Хикәяләр һәм мажаралы повесть.–Уфа: Китап, 2007.
2. Зәкиев А. М. Кешеләр илендә: хикәяләр һ. б. / Айдар Зәкиев. – Уфа : Китап, 2006.
3. Исмәгыйлева Ш. С.Язымыш учаклары. Хикәяләр.– Уфа: Китап, 2001.
4. Кара К.Без әнкәйнең йөргеннән чыктык.: повестьлар һәм хикәяләр.– Уфа: Китап, 2009.
5. Мөдәрисова Х.С. Бәйге хакы: Шигырьләр, повестьлар. –Уфа: Китап, 2003.

*Zh. I. Sultan,
candidate of philological Science,
associate professor of S.Baishev Aktobe
university (Aktobe)*

ANALYSIS OF ARGUMENTS CONCERNING THE RACE-PHYSIOLOGICAL CONDITIONS OF SYNHARMONIZM

Synharmonizm (< Greek *sun* together+*harmonia*) morphonological phenomenon consisting in likening of vowels (sometimes consonants) within the limits of one word by one or some phonetic signs, such as row, openness or labialization. The phenomenon is mainly inherent in the agglutinative languages. Synharmonizm is typical by row and labialization for vocalism of the majority of the Turkic languages. In western languages of Finno-Ugric group acts the law of harmony of vowels by row of sound formation (front or back).

Synharmonizm – is a quite real low and not obsolete but acting now; consequently, it is not reactionary in form, in which it has the force in the Turkic languages. So, the affix of plural form has six variations, used depending on the sounds of the last syllable of the stem. 1) if the sounds of the last syllable of the stem are hard (guttural) the vowel of affix will be hard, if they are soft (palatal), it will be soft, for example from the stem бала – «child» the plural form will be бала-лар – «children», but from бәле – «misfortune» - will be бәлелер – «misfortunes». 2) If the last consonant of the stem is voiceless, the initial sound of the affix will be voiceless, if it voiced, so the affix also will have voiced sound: тартыс – «fight», тартыстар - «fights», жалғыз – «one», «lonely», жалғыздар – «lonelies». 3) If the last sound of the stem is a vowel or «р», «и» or «в», the first sound of the affix of the plural form will be бала – балалар, бәле – бәлелер, қасқыр – «wolf», қасқырлар – «wolves», жұмыскер – «worker», жұмыскерлер – «workers» [1].

As we see, the function of synharmonizm is like «cement» – holds on suffixes in unity with the stem and in subordination of the last, as ademician

V.Radlov pointed out in 1882 [2], and he repeated the same in 1906 [3] and as Boduen de Kurtene had said before [4].

Academician O.Betling stated, that synharmonizm is the result «einer eigentümlichen Organisation der Sprachorgane aller ural-altaischen Völker» - «peculiarities of speech organs structure of all ural-altay people» (Über die Sprache der Fakoten, p.II)

G.Shteingal in his turn «fixed» in synharmonizm «eine geistige Tragheit» «spiritual laziness» of these people [5].

These explanations are absolutely antiscientific and absurd. Because, first of all, all people on the Earth normally have absolutely the same organs of speech and hearing. All people are anatomically identical. Yes, it is impossible to deny, that human organism is indifferent to the construction of the language mechanism. It tries to react in definite way to all the phenomenon arising in the language mechanism, which insufficiently corresponds to the definite physiological peculiarities of the organism. Thus, the constantly acting tendency to the adaptation of language mechanism to the peculiarities of the human organism arises, practically expressing in tendencies of more private character. The presence in the language of well-known tendency to the relief of pronunciation is repeatedly marked by researchers. At the same time, there were skeptics, inclined to attach no special value to it. They gave reasons for justifying skeptical attitude, such as the criterion of lightness and difficulty of pronunciation is too subjective as they are usually regarded through the prism of one or other concrete language. What seems difficult to pronounce because of action of systematic «phonological synt» to the native speaker of one language, can have no difficulties for the speaker of the another language. It depends mainly on the pronunciation habits, adopting by the speakers of the concrete languages and their articulation base, on peculiarities of the phonetic system, types of syllable structure and on typical for this language sound combinations, type of stress, melody of speech and on the other factors. One must obligatory take into account all these arguments, but they cannot serve as enough telling argument against existence of the above-stated tendency in various languages of the world.

Observations over history of the development of phonetic system in different languages give evidence with sufficient persuasiveness also about that, that there are sounds and sound-combinations in all languages, which are relatively difficult to pronounce, and every language tries to free itself from them or change them into easier for pronunciation sounds and sound-combinations. So for example, it was established with sufficient part of probability that in Indo-European language-base there were labiovelar consonants qw, qwh, gw. gwh, possessing, apparently, a rather complex articulation. It will be interesting to point out, that they don't preserve in modern Indo-European languages. Either they had coincided with not labial k and g or they had converted into labial, occlusive. It is possible to suppose, that complex articulation of these sounds was

the negative factor, and different Indo-European languages tried during the history development to remove this articulation by different ways.

All is said before proves that synharmonism is not the result of «peculiarities» or even «backwardness of speech organs structure» of these or those people. In the second place, as for G.Shteintal's opinion about «spiritual laziness» of those folks, which have sinharmonism in their phonetics, it requires concrete proof. It is impossible to divide people into hard working and lazy, merry and gloomy and so on. If it is so judged, we come to the conclusion that some nations have some features of character and the other nations don't. But these traits of character are inherent in all people, but are shown in different ways, because conditions of life, lifestyle and history are different. According to this fact every folk possess its specific colouring of feelings and emotions, impressions and the manner of actions.

At last we come to the conclusion: synharmonism is a characteristic mainly of the agglutinative languages where it provides integrity and individuality of word-form, and is based on suffixal-agglutinative morphology of the language

(K.Zhubanov) but not on race-physiological peculiarities of people.

LITERATURE

- 1) Zhubanov X «Researches in Kazakh language» Alma-Ata, 1966.
- 2) Radloff W. Phonetik der nordlichen Turksprachen, Lpz, 1882, p77
- 3) Radloff W. Einleiten-de Gedanken zur Darstelleng der Morphologie der Turkschprachen// «Notes of Asadedy of Science» volume VII, Peterburg, 1906.
- 4) Boduen de Kurtene I.A. «Rezya and Rezyane» Slavonic collection Volume 3. P, 1876, page 323.
- 5) Steinthal H., «Charakteristik der hauptsachlichsten Typen des Sprachbaues» Berlin, 1860, p. 180.

*Л.И. Султанова,
студентка БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

САБЛУКОВ ГОРДИЙ СЕМЕНОВИЧ – ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК КОРАНА

Крупная роль в поддержке востоковедных интересов общества принадлежит скромному семинарскому преподавателю Гордию Семеновичу Саблукову (1804–1880). Историки почувствовали значение Саблукова на фоне провинциальной жизни 40-х годов, тогда как востоковедам он известен в лучшем случае только как переводчик Корана, ничем не выделяющиеся из серой массы казанских исламоведов - миссионеров, труды которых для науки прошли бесследно, а иногда оказались даже вредными.

Сам Саблуков в области восточных языков был в сущности самоучкой. Он происходил из глухой провинции. Родился он в 1804 году на Ар-

хангельском заводе который находится верстах 80 от столицы Башкортостана Уфы. Уже в детстве он часто видел башкир. Сколько-нибудь основательного знания языка это ему, однако, не дало, и, по собственным его воспоминаниям, сведения ограничились только отдельными словами, которые он любил записывать, так же интересовался верой мусульман. Все же обстановка детства должна была наложить известный отпечаток, и, вероятно, в ней надо искать объяснения интереса к Востоку, проявившегося в более зрелом возрасте.

В 1826 году Саблуков окончил курс Оренбургской семинарии и поступил в Московскую духовную академию. Единственный предмет, связанный с востоковедением, являлся в академии еврейский язык. Саблуков интересовался еврейской библией и помимо частей, комментированных на занятиях профессором, сам прочитывал книги. За время пребывания в академии он составил еврейский словарь, который в связи с его болезнью остался незаконченным. Академию Саблуков окончил в 1830 г.

По окончании академии Саблуков был назначен преподавателем гражданской истории и еврейского языка в Саратовскую семинарию. Если для этих предметов он мог считаться подготовленным, то с 1837 г. положение его стало труднее. В семинарии было введено преподавание татарского языка, и Саблукову начальство предложило взяться за этот предмет, так как считали, что у него есть познания по этому предмету. Он попытался заняться с одним саратовской муллой, но ничего из этого не вышло, так как этот мулла всегда одобрял его как бы только он не читал и не переводил, но никак замечаний не делал.

Уцелели сведения, что Саблуков упражнял своих учеников в переводе и разборе изречений, басен Лукмана и «Славнейшей книге» по истории. Об этом говорят и школьные записи Чернышевского, от 1844 г, ученика Гордия Семеновича. Впоследствии, будучи уже в Казани, Саблуков преподавал арабскую грамматику по учебнику Болдырева, дополняя отделы о глаголе и синтаксисе по своим собственным запискам. Но к сожалению эти записи по синтаксису с массой других материалов не сохранились, сгорели во время пожара в 1856 г. Вероятно, в Саратове как и позже в Казани, к читаемым текстам присоединился Коран.

Можно быть уверенным, что преподавание языков у Саблукова не ограничивалось сообщением элементарных лингвистических сведений. В семинарии наблюдается усиление научной деятельности Саблукова, нашедший свое печатное выражение главным образом довольно в многочисленных статьях «Саратовских губернских ведомостей» и «Ученых записок Казанского университета». Разбирая местные коллекции и случайные находки древностей, он постепенно становится серьезным нумизматом и археологом; свое внимание он посвящал главным образом истории кыпчаков и Золотой Орды, равно как быту русских татар. Для «Саратовских губерн-

ских ведомостей» помещает ряд статей, и так же для них переводил рассказ Ибн Фадлана про русов и болгар.

О типе его преподавания Н.А.Аристов пишет так: «Г.С. Саблуков был отличным знатоком восточных и классических языков; он преподавал у нас греческий язык замечательным образом. Каждое слово, каждое выражение выделял путем сравнительной филологии, сообщал громадную массу сведений историко-этнографических, литературных, бытовых и археологических. Вообще его примеры преподавания можно считать образцовыми. Он постоянно для объяснения византийских писателей прибегал к восточной литературе и указывал их взаимную связь... Он был полным олицетворением идеала ученого мужа, образцом необычного трудолюбия, высокой честности и святой жизни».

Личные свойства Саблукова, о которых говорится в конце отзыва, в таких же тонах отмечают и другие воспоминания о нем. Несколько особняком стоят замечания в статье А. Лебедева о биографии писателя-публициста, известного редактора «Русского слова» Г.Е. Благосветлова: «Саблуков был эгоист, человек самоуверенный; слово его закон, но очень умный». Но лица, знавшие его близко говорят, наоборот, о большой его скромности, переходившей в застенчивость.

«Кафедра греческого языка определяла положение Саблукова только номинально; одно время он преподавал по прежнему еврейский язык сумел поставить дело на большую высоту. Историк академии писал: «Время его преподавания было самым цветущим временем для еврейской кафедры. Как знаток языка арабского, он вел свое преподавание сравнительными методами анализировал оба языка до мельчайших потребностей их строя». [2; 228] Всеми этими предметами Саблукову приходилось, однако, заниматься скорее урывками. Назначенный с первого же года пребывания в Казани учителем татарского языка в семинарии, он должен был уделять основное внимание переводу библии и богослужебных книг на татарский язык. Эта линия была окончательно закреплена в 1858 г., когда Саблукова перевели на кафедру миссионерских наук, арабского и татарского языков в академии. В 1862 году Саблуков выходит в отставку.

Лет через десять после смерти Саблукова роль исламоведных работ казанской школы была ярко освещена в ряде статей В.Р.Розеном; выяснилось, что значение в их науке или отрицательно, или ничтожно. Некоторые работы Саблукова сохраняют относительное значение в арабистике даже до наших дней. В первую очередь это надо сказать о его трудах по Корану и в частности о переводе его. Нам не известно, сколько времени он над ним работал, но есть основания предполагать, что перевод это явился трудом всей его жизни. Он был опубликован только 1878 году- тогда, когда автору исполнилось 74 года. Этот перевод остается единственным русским переводом, выполненным с оригинала. Пережил уже 3 издания (1878, 1894, 1907 гг.).

При жизни Саблукова вышла в свет еще и вторая часть задуманного им труда «Приложения к переводу Корана» (1879 г., второе изд. – 1898). В ней заключается собственно только одно «Приложение 1» с подзаголовком «Указание содержащихся в Коране исторические, географические, этнографические имена. Так же слова, выражающие понятия в учении религии, указывающие предметы физического мира». Таким образом, это нечто вроде развернутого систематического или предметного указателя с русским переводом.

Есть еще и третья книга Саблукова связанная с Кораном. Она вышла уже посмертным изданием в 1884 году под заглавием «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения». Основное значение работы о том, что она дает полный и систематизированный свод представлений мусульман о Коране во всех отношениях и характеристику роли его как в канонических науках, так и в быту. Вторая часть посвящена «рассмотрению внутренних качеств Корана» и построена по обычным полемическим приемам казанской школы, но и здесь приводится ряд ценных материалов из арабских и татарских источников, не всегда легко доступных.

Так же можно назвать еще две работы Саблукова, связанных не только с Кораном, сколько с исламом вообще. Первая из них, посвященная разбору мусульманского учения об именах Аллаха, вышла еще при жизни, в 1873 году; вторая, трактующая о мусульманских представлениях о кыбле, – уже в 1889 году. Важно отметить, что в приложениях к этим работам Саблуков опубликовал ряд арабских материалов по рукописям, в частности тем, которые из Казани перешли в библиотеку нынешнего Ленинградского университета.

Приходится, конечно, жалеть, что Саблуков не мог остаться в русле тех историко-археологических и этнографических работ, которые он очень удачно начал в Саратове и которые много обещали для нашей науки. При всем том надо констатировать, что с переходом в Казань, пойдя по другому направлению, он сумел в области арабистики и исламоведения составить несколько трудов, которые не вполне утратили свое значение до наших дней. Это говорит о том, что историки русской литературы не забывают Гордия Семеновича Саблукова, так как он известный тюрколог и арабист, неустанно трудившийся в тяжелых условиях своей эпохи и среды.

*Т.А. Терентьева,
аспирант БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ТРАДИЦИИ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ АКСАКОВЫХ)

Во второй половине XIX века в России быть человеком читающим – «homo legens» – было нормой времени. Во многом этому способствовало

развитие традиции семейного чтения у дворян, уже тогда было принято, читать друг другу книги вслух.

Домашнее чтение способствовало в дворянской семье появлению высоких помыслов и чувств, особого творческого настроения и вдохновения, развитию критического мышления и сплочению всех домочадцев. Наряду с семейным чтением проводились музыкальные и театральные вечера, на которых присутствовали все члены семьи. Подобные вечера были неотъемлемой частью жизни большого семейства Аксаковых. Это была особая семья, в которой весь уклад и быт были проникнуты культурными интересами.

День семьи с утра был наполнен занятиями. В одном из писем С.Т. Аксаков сообщал: «От утреннего чая и до завтрака и потом до позднего обеда все мы заняты своими делами: играют, рисуют, читают: Константин что-нибудь пишет, а я диктую... После обеда мы уже не расходимся по своим углам, а сидим вместе: весь вечер продолжается уже общее чтение. Каждый вечер мы читаем что-нибудь... по порядку выхода» [1; 7].

Чтение вслух устанавливало определенные связи: во-первых, слушателей с автором читаемого текста и, во-вторых, между слушателями. В ходе чтения присутствовавшие обменивались мнениями о персонажах, книге, ее авторе, нередко спорили и в результате приходили к единой точке зрения. Подобное обсуждение способствовало единению членов семьи.

Литературные вечера у Аксаковых не всегда проводились исключительно в семейном кругу. Известны аксаковские субботы, на которых можно было встретить видных театральных и литературных деятелей, писателей и поэтов того времени. Дом Аксакова был особенным по тем отношениям любви, радушия, сердечности, которые царили в нем. Домашнее чтение в этой семье превратилось в традицию, которой следовали ежедневно. Особенно любили Аксаковы читать произведения Н.В. Гоголя. «Каждый вечер мы читаем что-нибудь ваше по порядку выхода. Вчера кончили все; через несколько месяцев станем опять читать. Собирайте, укрепляйте ваши силы; да подействует на вас благодатно и плодотворно воздух вечного Рима», – пишет Аксаков в письме Гоголю [2; 316].

На литературные субботы к Аксаковым приходили и сами авторы произведений, чтобы прочесть свои творения собравшейся публике. Известны такие факты.

1839-1840, зима. Гоголь по главам читает Аксаковым «Мертвые души» в большом кругу слушателей: Аксаковы, Погодин, Щепкин, Киреевский, Самарин, Панов и пр. Январь 1840 года. Константин пишет в Петербург братьям Григорию и Ивану: «Гоголь бывает часто у нас, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю» [3; 119].

Январь 1856 год. С.Т. Аксаков пишет М.П. Погодину: «Всякий день пребывает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошлась целая дюжина. Между прочим, пришел познакомиться со мной граф Л.Н. Толстой и завтра читает у меня свою новую пьесу из крестьянского быта и просит, кажется, искренне, самых строгих замечаний» [4; 296].

Сам Аксаков отводил чтению значительную роль в своей жизни. Чтение было его страстью с самых ранних лет, он доставляло ему душевное наслаждение в кругу близких людей. Известно, что у Сергея Тимофеевича даже было намерение написать нечто вроде рассуждения об искусстве читать. Аксакова заслужено считали мастером декламации. Не вызывает сомнения то, что писатель стремился привить любовь к чтению своим детям. Он понимал, насколько важен этот процесс в развитии ребенка. Об этом Сергей Тимофеевич будет говорить со страниц автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука». Чтение здесь представлено не как поверхностное явление, способ скоротать время, а как существенная, неотъемлемая часть жизни дворян. Сложный мир человека, с чувствительностью и ранимостью, свойственными юному сердцу, формируется под влиянием книг.

Как свидетельствуют автобиографические произведения классической литературы XIX века, чтение – серьезный труд. Учить ему – правильно и ненавязчиво – искусство. Сергей Тимофеевич овладел этим искусством и передал его своим детям. Чтение вслух, являлось важнейшим компонентом дворянской культуры, было нормой времени.

К сожалению, в 21 веке чтению уделяется мало времени, а вечернее чтение в кругу семьи – большая редкость. Хотя чтение вслух – это своеобразный тренинг чувств, способ самоанализа и самопознания, диалог, на основе которого происходит культурное, нравственное и духовное обогащение семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтоловская Э.Л. С.Т.Аксаков в кругу писателей-классиков: Докум. очерки. [Для ст. возраста]. – Л.: Дет. лит., 1982. – 220 с.
2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. – М.: Правда, 1966.- 407 с.
3. Кошелев, В.А. Сто лет семьи Аксаковых / В.А. Кошелев. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. – 380 с.
4. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. Н.П. Барсуков. – СПб., 1888 – 1910. Кн. 14. – СПб., 1900.

*Л.Н. Фаттахова,
учитель МБОУ «Татарская гимназия
с отделением искусств» (г.Белебей)*

БЕЛЕМ ҺӘМ ТӘРБИЯ БИРҮДӘ Р. ФӘХРЕДДИН МИРАСЫ

“Хәлбүки, һәрбер кеше үз кулыннан килгән кадәр эшләргә, байлык вә һөнәр һәм дә сәнгать тугрылыкларында милләтнең күтәрелүенә ярдәм кылырга тиешле...”

Р.Фәхреддин

XX йөз башында татар ижтимагый тормышында зур урын тоткан шәхесләр бик күп. Ләкин алар арасында үзенә хезмәтләре белән Ризаэддин Фәхреддин аерым бер урын алып тора. Аның татар мәгарифен үстерү өлкәсендәге хезмәтләре әйтеп бетергесез мөһим. Ул үзенә эшчәнлеген һәм фәнни хезмәтләрен тулысынча туган халкының аң-белем дәрәжәсен, әхлакый тәрбиясен күтәрү максатларына багышлый.

Р. Фәхреддин кеше тәрбияләүне һәм камилләштерүне үзенә төп максаты итеп санып. Хезмәтләрендә, милләтне белемле һәм һөнәрле итү белән бергә, әдәп-әхлак ягыннан тәрбияләүгә зур игътибар бирә. “Кеше булу өчен, – ди ул, – гыйлем белән күркәм холык кирәктер, һәм дә боларны бер-берләреннән аеру дәрәс булмас”. Соңгы елларда аның мирасын өйрәнүгә игътибар аеруча артты.

Кеше рухи яктан бай булса, тәртипле тормыш алып барса, кешелек сыйфатларын жуймаса, ул әхлаклы булчак, милләтнең чәчәк атуына ярдәм итәчәк. Тормыш дәрәжәсында үз урынын табачак. Дөнъяда яшәргә һәм башкалар рәтендә булырга теләгән милләт үзенә үткәннән, олуг шәхесләрен белергә тиеш. Өлкән яшьтәге балалар өчен “Шәкертләр әдәбе”, кече яшьтәге балалар өчен “Тәрбияле бала”, барысы өчен дә “Гаилә” хезмәтләрендә дә әдип, галим-педагог Ризаэддин Фәхреддиннең халыкның тәрбия тәҗрибәсен тирәннән белүе, аны нигезләп гомумиләштерүе һәм ихлас күңелдән пропагандаларга омылуы сизелә. “Әдәбе тәгълим” исемле китабында, жәмгыятьтә шәхес тәрбияләүнең никадәр авыр, катлаулы һәм дәвамлы эш икәнлеген асызыклап күрсәтеп, Р.Фәхреддин болай яза: “...Тәрбия – акрынлык вә тәртип белән камиллек булдыру димәктер...” “Тәрбиясе булмаган жирдә гүзәл ашлык житешмәгән кебек, тиешле тәрбия бирелмәгәндә, гүзәл кеше дә житешмәс. Шулай икән, тәрбия – иң кирәкле бер эш булчактыр...”

Тәрбия эшенә нечкәлекләренә һәм үзенчәлекләренә тукталып, галим аны чорларга бүлөп карый һәм шәхес тәрбияләүдә гаилә, мәктәп һәм жәмгыятьнең рольләре гаят зур икәнлегенә басым ясый.

Гаиләдә булган тәрбия – “беренче” тәрбия. Мәктәптә булган тәрбия – “икенче” тәрбия. Аннан соң булган тәрбия – “өчүнче” тәрбия ди. Бу

тәрбияләрден беренчесе – аналардан, икенчесе – мөгаллимнәрдән, өченчесе – шулай ук мөгаллимнәрдән һәм укылачак китаплар һәм газеталар, дус мөгамәләдә булачак затлардан өйрәнәләр,” дип яза.

Р.Фәхрәддин әлеге хезмәтәндә гүзәл холык тәрбияләүнең нигезе гаделлек икәнлеген аңлатып бирә. Аның фикеренчә, һәр кеше гадел булганда гына максатына һәм теләгенә ирешә алачак.

“...Гаделлек. Гүзәл холыкларның иң гүзәле – гаделлектер”, ди бөек галим. Галимнең “Тәрбияле бала” хезмәтен һәр уку йортының диварларына алтын хәрәфләр белән язып куяр идем мин

“Алтыннан да кыйммәтле, ождама нигъмәтләреннән дә кадерле булган нәрсә – тәрбияле баладыр. Ата һәм ана өчен тәрбияле бала кебек олы байлык һич булмас. Тәрбияле бала дөньяда жанга шатлык һәм ахирәттә йөзгә аклык китерер. Тәрбияле бала- дөнья байлыгына да һәм бер дәүләт патшалыгы белән дә алмаштырылмас; аны һәркем яратыр һәм мактап телгә алып сөйләр, ни сораса да бирерләр.”

Галимнең кыз балаларга мөрәжәгать итеп язган сүзләре дә гыйбрәтле “Холкы гүзәл булган кыз бала – бөтен гаиләсә өчен олуг байлык вә бәхеттер,... укыган вә холкын тәрбияләгән кыз – алтыннан да кыйммәтле вә энжәдән дә кадерле байлыктыр,... мондый кызлар карендәш-кабилә өчен генә түгел, бәлки бөтен милләт вә бөтен дөнья халкы өчен дә мактаныч булыр

Ризаэддин Фәхрәддиннен әхлак гыйлеменә багышланган хезмәтләре аеруча зур кызыксыну уята. Аның кебек әхлак, тәрбия мәсьәләләренә игътибар биреп, бер-бер артлы китаплар чыгарган башка кеше бармы икән? Галимебезнең белем алу, әдәп, тәрбия, әхлакка багышланган хезмәтләре 100 гә якын (барлык иҗат иткән китапларының яртысы бу). Ризаэддин Фәхрәддин хезмәтләре һәркем аңларлык гади тел белән, үтемле, тормыштан алынган мисаллар һәм чагыштырулар белән бастылып язылган. Шуна күрә дә үз вакытында алар яра-тылып укылган, кайберләре ун-унбер мәртәбә дөнья күргән. Бу Ризаэддин Фәхрәддиннең зур тәҗрибәгә ия булуы белән дә аңлатыла. Төрле мэдрәсәләрдә белем бирү, озак еллар бие казый һәм мөфти вазый-фаларын башкару – чын мөгънәсендә үз эшенең белгече итә. Шушы тәҗрибәгә нигезләнеп, галимебез Уфада казый булып эшләгән елларда ук күпләп хезмәтләр иҗат итүгә керешә. Бу елларда аның иң мэшһүр китаплары дөнья күрә: “Тәрбияле бала”, “Тәрбияле ана», «Тәрбияле ата», «Тәрбияле хатын», “Нәсый-хәт”, “Шәкертлек әдәбе” һ. б. Бу китаплар кат – кат басылып чыга һәм мэдрә-сәләрдә дәреслек буларак кулланыла. Хезмәтләренең күбесе соңгы мэртәбә ХХ гасырның башында дөнья күргән. Гарәп графикасында басылганга күрә һәркем алар белән таныша да алмый. Соңгы елларда гына «Тәрбияле хатын», «Тәрбияле бала», “Нәсыйхәт” әсәрләре бүгенге хәрәфләргә күчерелеп дөнья күрдә. Ризаэддин Фәхрәддиннең “Шәкертлек әдәбе” хезмәте таныш. Бу хезмәт мәктәп-мэдрәсәләрдә белем алучы

шәкетләргә, яшьләргә багышлап язылган. Ризәтдин Фәхрәтдин шәкертләргә әхлакый, рухи тәрбия турында төшенчә бирә.

Казанда 1908 елда бастырган «Адабе тәгълим» китабының исеме астына Р. Фәхрәтдин гарәп телендә Гали хәлифәнең «Балаларыгызны үзегезнең зама-ныгыздан башка бер заман өчен укытыгыз, чөнки алар сезнең заманыгыздан башка бер заманда яшәү өчен дөнъяга килгәннәр!» дигән бик хикмәтле сүзләрен китергән.

Тәрбия темасына багышланган дәрәсләкләрендә Р. Фәхрәтдин: яшь буынны тәрбияләү әшә – ул бик мөһим социаль мәсьәлә һәм ул үзенә укучыларның вә ата-аналарның даими игътибарын таләп итә”, – дигән фикерне әйтә. Ул жаны-тәне белән чын күңелдән шуларны аңлатырга тырышып яши. Мәгърифәт һәм белем тарата: әдәби һәм био-библиографик хезмәтләрендә тормышны реалистик карашлардан чыгып бәян итә. Аңарда акыл һәм белемнең чикләnmәгән көченә ышану, мәгърифәтне ялкынлы пропагандалау, үстерү нәтижәсендә үз халкын бәхетле итәргә омтылу хас. Галимнең язган барлык хезмәтләрен бергә жыйсаң, саллы бер энциклопедия тәшкил итәр иде.

Киң карашлы мәгърифәтче һәм педагог буларак, Р. Фәхрәтдин яшь буынның милли аңын һәм культура дәрәжәсен үстерүне алгы планга куя. Аның хезмәтләре балаларны кешелекле, инсафлы, әдәпле, әхлаклы булырга өйрәтә. Бүгенге мәктәп-гимназияләрдә татар теле һәм әдәбияты дәрәсләрендә тәрбияви темаларны үткәндә галимнең әдәп-әхлак кебек гомумкешелек сыйфатларына багышланган хезмәтләреннән файдалану бик урынлы.

Р. Фәхрәтдин хәзрәткә киң сәләтлелек һәм күпъяклы әшчәнлек хас. Гаделлек принципларына корылган жәмгыятьтәге үзгәртеп коруларны Риза халыкны тәрбияләүдә күрә. Ул иң әүвәл укытучы-тәрбияче булуы белән данлыклы, чөнки ул хезмәтен укытучы буларак башлый һәм тәрбия өлкәсендә яңалыклар, шул исәптән яшүсмерләргә дөнъяви фәннәр укытуны кертәп, үзен алдынгы педагог буларак таныта.

Безнең буынның өмете – киләчәк яшьләребез. Максат – татар яшьләренең тотрыклы, иманлы булуы.

Без камил затыбыз – Риза Фәхрәтдиннең дин һәм тәрбия дәрәсләрен буыннан-буынга дәвам иттерәргә тиешбез. Бөек шәхесне без генә түгел, киләчәк буын да онытмасын, аны өйрәнсен, аның хезмәтләрен куллансын һәм аның белән горурлансын иде!

Олугъ мәгърифәтче .

Тарихта эз калдырган

Шәхесләр шактый икән.

Игътибарга лаеклы-

Галим, остаз, мәгърифәтче

Ризәддин Фәхрәтдин.

Бик күп телләргә белгән:

Гарәп, фарсы, төреген.
Өйрәнүгә зур көч куйган
Татар халык тарихын.
Имам, казый, мөфти булып
Халыкка хезмәт иткән.
Һәр минутын кадерләгән-
Гыйлемгә сарыф иткән.
Тәрбия эше, нәсихәтләр-
Мирас итеп калдырган.
Әдәбият тарихына
Бәһасыз өләш керткән.
Тәрбияче, олугъ шәхес
Риза казый – зыялы.
Киләчәккә тапшырылып
Аның изге мирасы..

ӘДӘБИЯТ

1. Гыймадиева Н.С. Имтиханнар өчен сочинениеләр. – Казан: Яңалиф, 2003. – 136 б.
2. Мәшһүр мәгърифәтче-галим, педагог Ризаэддин Фәхриддин мирасын укыту-тәрбия процессында файдалану. – Казан: РИЦ “Школа”, 2004 – 124 б.
3. Фәхреддинев Р.С. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 287б.

*Л.Г. Хабибов,
к.ф.н., профессор БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ПРИЧИНЫ НЕВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМЫ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ НА -АУ, -ӘУ ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ВОСЕМЬ (8) И ДЕВЯТЬ (9) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Числительные как часть речи выражают общее и абстрактное значение, потому что в их семантике отсутствует понятие предметности, признака или процесса.

Количественные числительные и формы разрядов числительных в урало-алтайских языках образовались путем сложных комбинаций. Как справедливо отмечает Дж. Г. Киекбаев, «это объясняется внутренней природой числительных, которые вне связи с определяемым существительным указывают на отвлеченные числа, выражающие предельную абстрактность и в конечном итоге являются результатом деятельного развития абстрактного мышления человека. С этой точки зрения, т. е. вне связи с предмета-

ми, подлежащими счету, числительные связаны с понятием абстрактности или неопределенности.» [3; 323].

Характерной особенностью урало-алтайских числительных является то, что они числовое значение предметов передают предельно и полно определено. В тех случаях, когда числительное является определением, определяемое существительное стоит обычно в единственном числе. Сравни: напр., татар. *алты эшче*, удм. *куать ужась*, халха-монг. *зургаан ажилчин* «шесть рабочих» и т. д.

Числительные в урало-алтайских языках могут также принимать притяжательные аффиксы, а в тех языках, где имеется категория сказуемости (например, в тюркских) способны принимать аффиксы сказуемости. Причем, в тюркских языках к количественным числительным может присоединяться только притяжательные аффиксы множественного числа, а аффиксы сказуемости, соответственно, к собирательным числительным на **-ау, -әү**. Например, *берәү-мен* (я один), *берәү-сең* (ты один), *икәү-без* (нас (мы) двое), *алтау-быз* (нас (вы) шестеро) и т. д.

По сравнению с количественными числительными собирательные числительные в урало-алтайских языках не выступают в функции количественного определителя перед существительными.

Основная семантика собирательных числительных заключается в том, что они выражают количество как совокупность. В этом отношении они как бы являются формой множественного числа имен числительных. На эту особенность собирательных числительных обращал внимание Дж. Г. Киекбаев. В частности он отмечал, что «... исторически в развитии форм собирательных числительных и множественного числа имен в урало-алтайских языках обнаруживается структурное единство» [3; 328].

Вероятно, на основе этой особенности в первых тюркских грамматических (К. Насыри, Дж. Валиди, Г. Ибрагимов) собирательные числительные на **-ау, -әү** рассматривались только как разновидность количественных числительных.

В современном татарском языке форма собирательных числительных образуется при помощи аффикса **-ау, -әү** в пределах первого десятка за исключением числительных *сигез* (восемь) и *тугыз* (девять). Однако, в научных грамматических татарского языка отмечается, что от них образуется форма собирательных числительных *сигезәү, тугызау* [5], [6]. При этом авторы не приводят ни одного примера из литературного языка, не из диалектов.

Татарский лингвист Л. Залая отмечает, что в древних тюркском и татарском языках мы можем фиксировать следующие формы собирательных числительных; а) образованных при помощи аффикса **-ау, -әү...** и б) образованных при помощи аффикса **-ласы, -ләсе**” [2; 116-117]. Данный аффикс также отмечается у В. Г. Кондратьева [4; 22]. Оба они приводят примером одно и то же древнетюркское предложение “*Бу үчәгү*

кабысыр” (Эти трое соединяются). Присхождение этого аффикса Л. Заляем объясняется следующим образом: “... данный аффикс состоит из $\text{ag}+\text{y}$: в древнетюркском $-\text{ag} / -\text{ok} / -\text{ык} / -\text{к}$ является указательным местоимением, выражающим значение “коллектив”, “много”, оно из одного корня с $-(\text{ы})\text{к}$ из *бардык* = $\text{бар}+\text{д}+\text{ы}+\text{к}$ (сходили) в аффиксе $\text{ag}+\text{y}$ последний показатель происходит из y (*ул*), являющимся указательным-принадлежностным местоимением, выступающим древней формой аффикса принадлежности $\text{ы}-\text{э}$. По фонетическому закону в слове $\text{yч}+\text{ag}+\text{y}$ произошел переход $\text{ag} \rightarrow \text{эy}$.

Таким образом, на основе понятия множественности за показателем $\text{ag} // \text{ок} // \text{ык}$ закрепилась функция собирательности [2; 115].

Аффикс $-\text{ау}$, $-\text{эy}$, который образует собирательные числительные от количественных, восходит к древнетюркской форме на $-\text{ag}$, $-\text{эг}$. Данный аффикс в современных тюркских языках развивался на $-\text{ам}$, $-\text{эм}$, $-\text{ем}$ графически $-\text{ау}$ $-\text{эy}$, $-\text{еy}$. В языке желтых уйгуров, как отмечает Э. Р. Тенишев, сохранился один из вариантов древнетюркского собирательного числительного на $-\text{го}$: *ошко-го* (вдвоем), однако в сочетании с именем существительным данный аффикс опускается и получает форму *ушкысы* (*ушкысы*) “три человека” (втроем); *торткысы* “четыре человека” (вчетвером). [7; 22-23].

Следует также отметить, что в современных татарском и башкирском языках при образовании собирательных числительных конечные узкие гласные y количественных числительных $-\text{ы}$, $-\text{е}$ опускаются, их место занимают широкие гласные $-\text{а}$, $-\text{э}$: *ике-э-y* > *ик-э-y* (вдвоем), *жиде-э-y* > *жид-э-y* (вседмером) [1; 142]. Исходя из этого мы можем прийти к выводу о том, что широкие гласные $-\text{а}$, $-\text{э}$ проявляют значительную активность в выражении множественности в тюркских языках.

Древнетюркский однозвучный элемент $-\text{г}$ ($-\text{к}$) на конце собирательных числительных также связан со значением множественности. Это подтверждается наличием предикативной формы множественного числа 1-го лица в азербайджанском языке: *адам-ам* (я человек) и *адам-ыг* (досл. мы человек).

В татарском языке (также и в башкирском, шире и в других тюркских языках) от числительных *сигез* (восемь) и *тугыз* (девять) не образуются собирательные числительные типа *сигез-эy* (ввосемером), *тугыз-ау* (вдевятиером). Причиной этого языкового явления, по нашему мнению, становится наличие древнего показателя множественности $-\text{з}$ в составе рассматриваемых количественных числительных. Дж. Г. Киекбаев также отмечает, что «в кыпчакско-тюркских языках от числительных *сигез* // *сегиз* (восемь), *тугыз* // *тогыз* (девять) собирательная форма не образуется и не может образоваться, так как аффикс $-\text{ыз}$, $-\text{из}$ являются показателем множественного числа» [3; 329].

Он также справедливо отмечает, что аффикс -w (в письме -у, -ү) восходит к древнему показателю двойственного числа -г (-к), который как звук перешел в полугласный звук w (тат. и баш. *икәү* (двое) из *икә-г* или *икә-гү*, *алтау* (шестеро) из *алта-г* или *алта-гү*) [3;329].

Таким образом, конечный показатель -з у числительных *сигез* и *тугыз* являются древним аффиксом множественности. Если так, то нет необходимости ещё раз присоединять грамматический показатель -(а)г, -(а)к в последующем перешедший в -aw, -(ә)ү. Поэтому не может образовываться формы собирательного числительного *сигез-әү* и *тугыз-ау* в татарском и в других тюркских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка. – Уфа: Изд-е БГУ, 1983.
2. Заляй Л. Историческая морфология татарского языка (очерки). – Казань : Фикер, 2000 (на татарском языке).
3. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996.
4. Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л., 1970.
5. Современный татарский литературный язык. – М. : Наука, 1969.
6. Татарская грамматика, том 2. Морфология. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993.
7. Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. – М., 1996.

*Д.Г. Халикова,
преподаватель УГНТУ (г.Уфа)*

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Любой исследователь Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), изучающий ее творчество с той или иной целью, в том или ином контексте – историческом, литературно-биографическом, социально-культурном, всегда обращается к письмам и дневниковым записям, что неудивительно, поскольку здесь он может на несколько мгновений прочесть мысли писателя, заглянуть в его душу, понять, как и о чем он думал, и увидеть для себя ответы на вопросы, которые он ставит перед собой.

Первые два наиболее крупных и выделяющихся биографа Элиот – ее муж Джон Кросс и профессор Гордон Хайт пытались открыть читателю человека, который в глазах современников имел крупнейшую популярность, и при этом был известен своей далеко неординарной частной жизнью, часто несоответствующей принятым канонам морального облика дос-

тойной личности своего времени: человека, не верящего в бога, женщину, открыто живущую с женатым мужчиной, и, наконец, непозволительно превосходящую многих ученых мужей своим интеллектом. При всем этом, Джордж Элиот притягивала читателей как магнит, и, не важно, знали ли они о частной жизни писательницы или нет, к ней обращались как к духовному наставнику и утешителю. Джон Кросс попытался создать, верный с его точки зрения, но субъективный портрет; Г. Хайт же, наоборот, позиционировал свой труд как максимально беспристрастный: излагая известные и кропотливо собранные им факты, он довольно часто воздерживался давать определенные оценки или делать однозначные выводы.

С начала XX века и по сегодняшний день ряд авторов (Алисон Бут, Барбара Прентис, Барбара Смолли, Даниел Витаглионе, Лина Райт Берле) описывают жизнь и творчество Элиот в сравнении с жизнью и творчеством других писателей: Т. Харди, сестер Бронте, В. Вулф, Г. Флобера, Ж. Санд, Д. Остен. К концу XX века все чаще появляются монографии о Элиот-женщине, где на первый план выводится ее частная жизнь (Р. Филлис и др.). Наконец, многие современные исследователи (Кэтрин Хьюджес, Розмари Боденхаймер, Кэрри Мак-Суини, Розмари Аштон и др.), изучая частную и литературную жизнь Элиот, представляют ее личную жизнь и социально-политический уклад современного ей общества во взаимосвязи, как оказавшие непосредственное влияние на развитие ее творчества. Так, специалист по английской литературе XIX века К. Хьюджес («Джордж Элиот: последняя викторианка») пытается нарисовать внутренний психологический образ Элиот, определивший во многом специфику ее творчества; профессор К. Мак-Суини («Джордж Элиот: литературная жизнь»), представляет интеллектуальное развитие Элиот, жизнь женщины-писателя и просто женщины как одно целое, отразившееся на тоне и характере ее романов. В книге профессора Р. Боденхаймер («Настоящая жизнь Мэри Энн Эванс: письма и творчество») письма и романы Элиот становятся одним целым, своего рода гибридом литературного критики и биографии. Другими словами, современные исследователи рассматривают творчество писательницы в симбиозе с ее личной жизнью, интеллектуальным и духовным «я». Чем продиктован такой подход?

Жизнь Элиот во многом отлична и вместе с тем схожа с жизнями других писателей, поскольку представляет собой постоянное развитие и рост интеллектуального и духовного начала (который можно отследить по ее письмам). Именно этим она так не похожа на других писателей-современников и благодаря этому ее романы нравственно и содержательно насыщены: они имеют глубокий философский смысл, содержат тонкие психологические портреты людей, нравоучительны и в какой-то мере бытоописательны, в них кроется глубокая вера в человека, желание и убеждение верить в его способность развиваться, перерождаться, творить добро. Увидеть и дать анализ творческим истокам и связям невозможно без

изучения автобиографического материала, в данном случае – это переписка и дневниковые записи.

Для современных исследователей основным источником служат девяти томное издание Г. Хайта «Письма Джордж Элиот» (1954-1957), «Журналы Джордж Элиот» под редакцией Маргарет Харрис и Джудит Джонстон (1998), и несколько других изданий корреспонденций людей, входивших в круг непосредственного общения с ней: Генри Льюиса, Джона Блэквуда, Чарльза Брэя, Джона Чэпмана. Что эти письма представляют собой?

Благодаря кропотливому труду Г. Хайта, который более 50 лет посвятил изучению корреспонденции Элиот, современные исследователи имеют ценный и важный материал для анализа. Письма, верные спутники трудов и бытия Элиот, расположены в хронологическом порядке, где-то говорящие очень много, где-то очень мало и нередко доступны для понимания только благодаря комментариям редактора и вставкам из других источников. Читая их, можно «услышать» мысли великой писательницы, заглянуть одним глазком в ее мир. Иногда это поток сознания, иногда это размышляющие, ищущие, полные иносказательности, метафор (даже есть «язык цветов») послания, иногда это записки, обрывистые, лаконичные, но неизменно обращенные на себя: иногда говорящие о чувстве собственной незащищенности и зависимости, необходимости полагаться на кого-то и быть нужной кому-то, в то же время не лишённые острых, язвительных фраз и всегда морализующие, наставляющие, требующие...

Особое внимание письмам Элиот уделяется еще потому, что все сохранившиеся журналы и дневниковые записи (опубликованные М. Харрис и Дж. Джонстон) датируются, начиная с 1854 года, тогда как первый том корреспонденции под редакцией Г. Хайта содержит самые ранние письма, написанные с 1836 по 1851 год. Этот период – взросление будущей писательницы, во многом определит ее дальнейшую жизнь и творчество. Неустанно критики и биографы проводят параллели между Мэги Талливер и Мэри Энн, их семьями; пейзажами и картинами сельской и промышленной жизни Уорикширского графства с описаниями природы и быта людей в ее романах.

Разделение переписки на тома было сделано не случайно и с большой проницательностью: каждый из них охватывает один или несколько периодов жизни Элиот, представляя очередную логическую ступень на пути становления свободномыслящей женщины и талантливого новелиста. Когда Хайт в 1968 году опубликовал биографию Джордж Элиот, названия многих глав совпадали с подзаголовками в «Письмах». Не случайно, в монографиях современных исследователей встречаются те же названия, те же цитаты, бесконечно повторяемые (“Holy war” - «Святая война», “I fall in love with every one” - «Я влюбляюсь в каждого», “need to lean upon” - «не-

обходимость опереться на кого-то») и соблюдается такое же периодическое разделение [2],[3].

Первый том представляет письма девочки-подростка, интеллектуально одаренной, начитанной, талантливой, тщетно пытающейся сделать фундаментом своей жизни религиозные учения. Но в 1842 году последует отказ от канонизированной веры – кирпичик за кирпичиком, сносит будущая писательница вязкий и непрочный фундамент и строит новый: Бог есть, но он в самом человеке, в его деяниях, не нужна церковь и все прочие атрибуты не нужны для служения ему. Почвой для нового фундамента служит знакомство с семьей социального реформатора и филантропа Чарльза Брея, женой Каролин и ее сестрой Софией Хеннел – свободно-мыслящих, образованных, умных людей. Знакомство быстро перерастет в теплую и близкую дружбу на долгие годы, эти люди станут для Мэри Энн семьей. Период, когда родственники всеми силами пытаются наставить «заблудшую овцу» на путь истинный, а отец просто отвергает дочь, Хайт назвал «Святая война». Формальное примирение с отцом и возвращение в его дом знаменует конец «Святой войны».

В 1844 году Мэри Энн начинает перевод с немецкого книги Штрауса «Жизнь Иисуса». Она с энтузиазмом берется за работу: желание ощутить себя нужной, почувствовать себя значимой на фоне недавних событий становится особенно острым. Путь перевода был негладким, письма, сопутствующие этому периоду, адресованы ее близкой подруге Саре Хеннел, краткие, ограничивающиеся обсуждением тех или иных вариантов перевода. Хорошую службу сослужили здесь доскональные знания теологических проблем. В комментариях к переводу уже ощущается глубокий ум, интеллект находит среду для своего интенсивного развития. Однако, переводчица сама неоднозначно относится к переводу, мучимая постоянными головными болями и сомнениями в собственном таланте, ей приходится бороться зачастую с собственной усталостью и нежеланием переводить. Перевод (анонимно) был опубликован в июне 1846 года, и как отметил Хайт «немногие книги девятнадцатого века оказали более глубокое влияние на развитие религиозной мысли в Англии». Несомненно, немаловажное влияние книга Штрауса оказала на мировоззрение Элиот.

После публикации Мэри Энн возвращается к своему любимому занятию – чтению, которое позволяла себе лишь скудными урывками в течение двух лет перевода и «поглощает» книги Мильтона, Вордсворта, Диккенса, Теккерея, Карлейля, Фредерики Бремер, Ламартина. В письмах она размышляет над взглядами Дизраели, Ж. Санд и Руссо.

Благодаря тому, что постоянными гостями в доме Чарльза Брея были политики, философы, ученые, растет круг знакомств: Эмерсон, Роберт Оуэн, Харриет Мартино и др.

В июне 1846 года Чарльз Брей становится владельцем еженедельной газеты «Дейли Геральд», и Элиот публикует в течение двух лет там несколько статей и эссе.

Тяжелым ударом для Мэри Энн явилась смерть отца, возле которого она находилась неотлучно в последние годы, глубоко переживая и страдая вместе с ним. После похорон, семья Бреев, желая отвлечь ее от горестных мыслей, приглашает в путешествие по Европе. Отсюда начинается следующая глава жизни молодой женщины: покинув отчий дом, она впоследствии возвращается туда лишь, чтобы навестить родных и друзей. Париж – Авиньон – Альпы – Женева, – здесь Мэри Энн прощается с друзьями, – теперь она на несколько месяцев постоялец пансиона, а позже – постоялец дома художника Д' Альбера Дюрад. Самый известный портрет Джордж Элиот, исполненный в 1850 году, принадлежит его кисти. В его доме Мэри Энн обретает некоторый покой, чувствуя материнскую заботу и ласку со стороны Мадам Дюрад, и не лишенная живого круга общения, благодаря хозяину дома и его посетителям.

Письма из Женевы, которые в основном адресованы семье Бреев-Хенелл, полны живых и точных описаний постояльцев пансиона, иногда затрагивают финансовые вопросы; поначалу Элиот мало говорит о себе, и только позже, когда она снимает комнату в доме Дюрадов, появляется некоторое спокойствие и внутренняя теплота. Вместе с тем в письмах звучат и ностальгические нотки – тоска по друзьям, по Англии, одновременное желание и нежелание вернуться на родину.

На родину Элиот возвращается в 1850 году, и, проведя некоторое время у друзей и родственников, переезжает в Лондон, где открывает новую главу творческой жизни – взрослой независимой женщины, еще не писателя, но уже литературного критика и негласного редактора журнала «Вестминстерское Обозрение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Bodenheimer, Rosemarie. The Real Life of Mary Ann Evans: George Eliot, Her Letters and Fiction. – USA, Ithaca: Cornell University Press, 1994.
2. Haight Gordon S. George Eliot: A biography. – USA, New York: Oxford University Press, 1968.
3. Haight Gordon S. The George Eliot Letters, vol. 1: 1836-1851. – USA, New Haven: Yale University Press, 1954.
4. Hughes, Kathryn. George Eliot: The Last Victorian. USA, New York: Cooper Square Press, 2001.
5. McSweeney, Kerry. George Eliot (Marian Evans): A Literary Life (Macmillan literary lives). Hong Kong: Macmillan Academic and Professional, LTD, 1991.

А.Г. Хәлиуллина,
к.ф.н., доцент БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)

К.КАРА ПРОЗАСЫНДА ТӨП МОТИВЛАР

Кәрим Кара – хәзерге татар прозасында актив ижат итүче язучыларның берсе. Аның төрле елларда язылган «Гафу ит мине», «Инфракт», «Лашбайга сәяхәт», «Качкын», «Принцлар һәм принцессалар», «Банан Хисами» кебек повестьларны язучының стиль-чалымын тоемларга, тормыш материалын сүрәтләү алымнарын билгеләргә һәм автор позициясен ачыкларга ярдәм итә.

К.Кара повестьларының күбесендә «автор концепциясенә мәгънәви тирәнлеген ачарга юл күрсәтүче өлеш», сюжетны бер жепкә жыеп тотучы, аны хәрәкәтләндрүче уртак мотив – *ялгышу мотивының* бирелүе чор турында тулы картина тудыруга, геройларны тулырак аңларга мөмкинлек ача. «Шаяру»дагы Марат байлык артыннан куып, «Принцлар һәм принцессалар»дагы Нурия үз хыял дөньясында тудырган принцны көтеп, чын хакыйкәтне төшенә алмый ялган эчендә яшәве белән ялгыша, «Качкын»дагы Сәлим тирә-яктагылар белән конфликтка кереп, сынауларга түзә алмыйча ялгышлык эшли, «Лашбайга сәяхәт»тәге Фәрит үз-үзен алдап яшәве белән хакыйкәттән читләшә. Ялганның фашлануы геройларга рухи сынау, күңел газаплары алып килсә дә, аларны һәрчак чынбарлык белән очраштыра, үткәннәргә бәя бирергә, тормыш-яшәеш асылы турында уйланырга мәжбүр итә.

К.Кара повестьларында ялгышу, алдану белән янәшә, кайбер очракларда аның нәтижәсе буларак та *ялгызлык мотивы* килеп керә. Өметсезлек чикләренә ташланган Фәрит тә, Марат та яңача яшәргә тиеш булып чыгалар; Нурия исә ялгызлыктан чарасыз булып үз хыялын жимерә, баласын ялгыз үстергән Ана күпме рәнжетү-сынауларга дучар була. Ялгызлыкны жиңүнең бердәндер юлы итеп мэхәббәтне, гаиләле булуны тану гомумкешелек фәлсәфәсен конкрет жирлектә тергезә. «Принцлар һәм принцессалар» повестенң нигезендә яткан ялгызлык мотивы әсәрнең конфликттын билгеләүгә ярдәм итә. Тормышта рухи таянычын таба алмаган (Нурия), я югалткан (Марат, Фәрит, Ана һ.б.) геройлар үз дөньясына бикләнергә, кешеләрдән ераклашырга мәжбүр ителәләр. Фәрит – авылга, Марат – шәһәр читендәге ял йортына китеп тынычлык эзләсәләр, хатын-кызларның ерагаю-күчеш даирәсе күпкә таррак, ул бары тик күңел кысалары белән генә чикләнә. Тышкы дөнья белән элементәне өзгән геройлар, билгеле, ялгызлыкта калгач, яшәлгән көннәренә, башкарылган эш-гамәлләренә бәя бирәләр һәм күп очракта үкенәләр. *Үкенү мотивы* геройларның үз хатасын тану итеп кенә түгел, ә үсәргә-үзгәрергә омтылышы итеп тә аңлатыла. Аларның үткәндәге вакыйгаларны «уяну» халәте кичергәннән соң, тормышка башкачарак күзлектән карап

бөялүүләре язучыга фәлсәфи гомумиләштерүләр ясарга, укучы белән әдәби диалог корырга мөмкинлек бирә. Марат *«Тән ихтыяҗларын канәгатләндерү өчен гомеремне сарыф иткәнмен, акча, корсак, киём, нәфсе колы булып яшагәнмен»* дип үкенүен белдерсә, Нурия исә ул ышанып яшәгән дөньяның җимерелеп төшүенә ачына.

Чынбарлыкның көтелмәгән ваклыклары алдында каушап-куркып калу, күнегелгән яшәү рәвешен үзгәртәргә әзер булмау әсәрләрдә *курку мотивы* буларак калкып чыга. Курку һәрчакта да җәмгыять һәм кеше арасындагы бәйләнешне өзү белән яный, билгесезлек алдында калган геройга рухи газаплар алып килә. Эчке куркунны җиңү өчен һәр герой диярлек башка бер кабыкка төренеп яшәргә мәҗбүр ителә. Бәхет һәм тук тормыш «битлеге» кияргә дучар ителгән Хисами («Банан Хисами»), гомерендә санаулы гына китап чыгарган шагыйрь дә («Инфаркт»), беренче карашка бик бәхетле тоелган Марат та, тормышыннан кәнагәт булып күренгән Нурия дә вакыт-вакыт башка маска астына яшеренергә мәҗбүрләр. Чөнки хакыйкәтне кабул итү җиңелүгә тиң булачак икәнлеген тормыш логикасы искәртә килә.

Кыскасы, геройлар характерында чалынган уртак сыйфат, бер-берсен тулыландырып килгән вакыйгалар тезмәсенә салынган мәгънә автор концепциясен тулы күзалларга мөмкинлек бирә.

«Лаишбайга сәяхәт» әсәре сюжетның төенләнешне булып киткән фаҗигале күренеш – талантлы журналист Фәритнең эштән куылуы белән башланып китә. Автор аны очны-очка ялгап яшәүче сыйныф вәкиле кебек тәкъдим итә, гаиләсендә булган авырлыкларны, хатыны белән булган мөнәсәбәтләргә ачыклай. Җиңел акчага кызыгып ялган юлга басуга кадәр үстерелгән сюжет герой уйлары белән үрелеп бара. Язучы герой кичерешләренең чылбырын тергезә һәм психик барышны сүрәтли, эчке сөйләмнең үсешен күзәтә. Биредә мохитнең, шартларның герой өстеннән хакимлек итүе, аның язмышын гаделсез көрәш юлына юнәлтүе күздә тотыла. А.Гыйләжевның “Балта кем кулында?” романындагы инженер Нәжип кебек Фәрит тә хакыйкәтне юллап таба алмый. Конфликтның чишелеше дә көтелмәгәнчә оештырыла – Фәрит урау-урау юллар үтеп, ахырда, башкача яшәргә карар кылып, улын ияртеп туган авылына юнәлә. Әсәр, гомумән, иҗат кешесенең тормышын башка агымга кертәп җибәргән шартлар, нинди генә кыен очрақларда да кеше булып калырга омтылуы, үзгәндә көч табучы шәхес хакында.

«Принцлар һәм принцессалар» повестендагы Нурия образында язучы югары омтылышлар белән илһамланып үскән яшь кызның, тормыш майданына чыгу белән, канатлары каерылуын, идеалларының тапталуын сүрәтли. «Ләлә чәчәге» кебек кадерләп үстерелгән, киләчәктә югары дәрәҗәләргә ирешәчәк, танылган сәнгать яки фән әһеле булачак дигән кыз, үзе тудырган хыялый дөньяда гына яшәргә сәләтле булып чыга. Балачактан шөгыйльләнгән музыка, рәсем сәнгәтендә дә уңышка

ирешмәячәген төшенгәч, Нурия (шулай ук эти-әнисе дә) зур тетрәнү кичерә. Эти-әнисенәң үлеме дә (алар юл фаҗигасенә очрап һәлак булалар) кызны зур сынаулар алдына куя. Моны без Нурияның үз-үзен тотышында, тирә-яктагылар белән нинди мөнәсәбәттә булуын искә алуында ачык күрә алабыз.

Әлеге повестьта Нурия күңелендә барган хис һәм акыл, аның хыяллары һәм чынбарлык арасындагы бәрелешне ача торган киеренке-драматик һәм катлаулы-каршылыклы барыш укучы күз алдына бастырыла. Бу каршылык эсәрдәге урын-вакыт оештырылышының барлык яссылыкларында ачыклана. Кәрим Кара Нурия тормышының бер көнен сурәтләп, аны истәлек-хәтирәләр белән тулыландырып, үзәк геройның тулы бер язмышын бәян итә сыман. *«Ходаем, бар бит әле бу җирдә чын-чынлап принцлар!..»* дип хыялланган шәфкать туташы Нурияның «караңгы авыл малае» Фердинанд кочагында төн үткәрүе табигый да, кызганыч та килеп чыга. Герой күңелендәге психологик киеренкелек реаль вакыйгалар белән кушылып китә, сәбәп-нәтиҗә бәйләнешен булдыра.

Принцлар һәм принцессалар дөньясы – ул хыял, анда күңелен җилкәндәргән «фырт егет», матурлыклары бәхәссез булган принц Чарльз белән принцесса Диана. Ә чынбарлык – иренә әйтми генә яңа күлмәк алган Зөлфия, көнче ирдән гарык булган Алсу, баласын зур кеше итеп үстерү өчен яшьлеген корбан иткән карчык. Нурия әлеге дилеммада үзенә урын эзли, тик принц һәм принцессаларның да бер үк җир шарында хәрәкәт итүен, кешелек ихтыяҗлары белән яшәвен онытып тора (Принцесса Диана мисалында тарих моны исбатлады да инде).

Нурия Ф.Әмирханның Хәяты кебек бай рухлы кеше, эмма ул да шулай ук альтернативасыз сайлау алдында кала. Дөньяга романтикларча караган шәхес җиргә төшәргә, андагы кануннарны кабул итәргә мәҗбүр була. Нәкъ Алсулар (Ф.Бәйрәмованың «Болын»), Сәвиләләр, Саралар (Н.Гыйматдинова «Сихерче», «Ак торна каргышы») кебек «мәхәббәтне ялгызлык һәм яшәүнең мәгънәсезлегеннән качуның бер юлы» итеп караган Нурия, тагын да зуррак сынау алдына бастырыла. Тик әлегә ул көткән, *«җырларда җырланган, күкләргә күтәргән мәхәббәт»* шулай ук якин һәм артык гади, табигый булуына ышана алмый. *«Искитәрлек бу дөнья, гаҗәп кешеләр яши анда. Гел принцлар һәм принцессалар...»* дип фикер йөртүендә дә геройның экзистенциаль фәлсәфәсе чагыла.

Повестьта Нурияның эчке монологлары шактый урын алып тора. Шунда да аерым билгеләп үтәргә кирәк, К.Кара эсәрләре өчен эчке сөйләм композицион чара булып тора, урыны-урыны белән алар автор сөйләмә белән кушылып китә. Эчке монолог, билгеле булганча, эчке сөйләмнең күңел хәрәкәте закончалыкларына буйсынуы, герой уйларын турыдан-туры тергезү омтылышы. Алар кеше күңелендә барган тирән психологик процессларны үтемле чагылдыру мөмкинлегенә ия. *«...Китсә дә ялгыз, кайтса да ялгыз...»* булган Нурияның күңел монологлары эчке фактор

белән генә чикләнеп калмый, ә күз яшьләре рәвешендә тышка да ургыла: «..Үзенең дә ахирәтенә кушылып елыйсы килә иде аның...». «Елау – хакыйкәткә төшенү билгесе» буларак кабул ителә башлый. Эмоцияләрне тулы белдерү, кичерешләрнең кискенлеген күрсәтү чарасы булган күз яшьләре психологизмның бер алымы булган күңел елавы рәвешен дә ала. Нигездә лирика өчен хас булган медитатив башлангыч үзен сиздерә. Әсәргә салынган фикер һәм сюжет тукумасында чагылган хис бөтенлеге драматик, сентименталь пафос сыйфатларын үз эченә ала.

«**Банан Хисами**» повестенда жыйнак кына тормыш материалында тирәлекнең шәхескә тәэсире дә, кешеләрнең үзара мөнәсәбәте дә, рухи кыйммәтләрнең үзгәрүе дә оста күрсәтелгән. Колхозда машина йөртүче булып эшләгән, барына шөкер кылып тыныч кына яшәп яткан Хисами мисалында язучы капиталистик тәртипләргә күчү чорының төп сыйфатларын гомумиләштереп бирә алган.

Повестька язучы укучыны кызыксындырырлык вакыйга, ерак Африка илләрендә яшәп ятучы туганының Хисамины юллап табу тарихына бәйле сюжет сызыгын кертәп жиберә. Геройның туганы белән чит илгә кунакка юллануы да, туганы бүләккә банан жибергәч, Хисаминың, киң күңелләнеп, жыелып киткән Каргалы авылы кешеләренә тартма-тартма банан таратырга тотынуы антик театрда киң таралган буффонада (шаяру) элементын хәтерләтә башлый. Реальлектән шактый ерак булса да, әлеге эпизодны ясалма дип булмый. Соңыннан үзәк геройның исемен ачыклап килүче кушамат тарихына әверелгән вакыйга беренчедән, вакыйгаларга интрига өстәү өчен кирәк булса, икенчедән, Африка белән Россияне бәйләп торучы бердәнбер хәтирә булып кала. Чит илдә, туганы янында үткәргән өч көн Хисамида туганлык хисләрен генә түгел, ә ризасызлык тойгылары да уятуга сәбәпче була. Тик гомере буена хатыны, завгар, бригадир сүзеннән чыкмаган Хисами көрәшергә сәләтле түгел.

Язучының жәмгыять тәртипләренә булган бәя-сүрәтләмәсе (Хисамины кунакка жыю вакыйгасы, дөя төшкән кыйммәтле тәмәкене күргәч туган уйлары, һ.б.) инвектива рәвешен, кискен көлү, хәтта ачулану, нәрсәдәдер гаепләргә омтылу тонын ала башлый. Язучы табигый күренешләрдән читләшми генә фәлсәфәгә бирелә, гомумиләштерүләр ясау осталыгына да ия.

Гомумән, К.Кара әсәрләрендә сюжет кору һәм аны үстерү, композицион оештыру, геройларны гәүдәләндерү кебек мәсьәләләр шактый уңышлы башкарыла. Язучының осталыгы бүгенге вазгыятьне укучыны уйландырырлык итеп бирүдә, чынбарлыкның тулы картинасын тергезүендә чагыла. Хакыйкәткә тугры калган язучы каләмә геройларны да тормыш логикасына ярашлы рәвештә гәүдәләндерә.

ӘДӘБИЯТ

1. Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 22 б.
2. Кара К. Без әнкәйнең йөрәгеннән чыктык... – Уфа: Китап, 2010.
3. Хәлиуллина А. Г. Заман һәм герой. – Уфа, 2007.

*Н.У. Халиуллина,
к.ф.н., доцент БГПУ им. М.Акмиллы (г.Уфа)*

МӨНӘСӘБӘТ БЕЛДЕРҮЧЕ ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ СЕМАНТИК КЫРЫНДА “ЯРАТУ” КОНЦЕПТЫ

Тел гыйлемендә концептларны лексик семантика белән бәйләп өйрәнүнең иң мөһим мәсьәләләренең берсе – лексик мәгънәнең комбинаторлыгы. Лексик мәгънәнең комбинаторикасы лексикологиядә бүгенге көндә киң чагылыш таба һәм лингвистик тикшеренүләрдә сүзләрнең мәгънәви кисәкләрен – компонентларын бүлүп чыгарып семантик яктан анализлауга нигезләнә. Компонентларны анализлау теориясе һәм методикасы түбәндәге ике мөһим фарызга нигезләнә:

1) тел структурасының билгеле бер баскычындагы һәр берәмлекнең (шулай ук сүзнең дә) мәгънәсе минималь мәгънәви элементлар жыелмасыннан – семалардан тора.

2) телнең бөтен сүзлек байлыгы шушы чикләнгән һәм чагыштырмача күп булмаган семалар ярдәмендә тасвирлана ала. Мәсәлән, “ярату” концепты бу яклап караганда киңрәк мәгънәгә ия булган мөнәсәбәт суперконцепты чикләрендә карала. Бу сема концептосферага караган һәр тел берәмлегендә чагылыш таба.

Компонентларны анализлауга багышланган хезмәтләрдә лексик мәгънәнең минималь берәмлегенә уртақ бер билгеләмә юк. Ул аны белдерү өчен кулланылган терминнар чуарлыгында чагылыш таба: сема, мәгънәнең атомы, дифференциаль билге, семантик маркер, нозма, семантик ваклаучы, мәгънә компоненты һ.б. Ләкин аерма терминологик яктан гына түгел, аларның асылын аңлатуда да чагылыш таба. Безнең хезмәттә сема дөнъяны танып белүне (когницияне) чагылдыручы тел берәмлеге эчтәлегенең бер элементы буларак карала. Галимнәр күрсәтүенчә, “сема – тел берәмлегенең эчтәлеге тарафыннан билгеле когнитив модель белән күрсәтелә торган терминал, ягъни телдән тыш эчтәлеккә тел аша керү”.

Семантик кырга караган тел берәмлекләренең һәм аларны төзүче элементларның – семаларның функциональ охшашлыгы лексиконның структур оешуын, аларның берәмлекләренең охшашлыгын һәм бәйләнешен китереп чыгара. Семема семалар комбинациясе буларак карала ала һәм сөйләм мәгънәләре аша тормышка ашырыла.

Аңлатмалы сүзлеклөрдө ярату хисе тирэн эмоциональ кичереш, омтылыш, көчле йөрәк хисе (мәсәлән, *бер күрүдән ярату, гашийк булу*), тирэнгә (эчкә) үтеп керү, тирэн хис урнашуы, фидакарь, чын йөрәктән ияләшү (мәсәлән, *ата-анага мәхәббәт, бала ярату*), яки нәрсә белән дә булса чынлап кызыксыну, мавыгу (мәсәлән, *йөггерергә ярату, хайваннарны ярату, дәрәслек ярату, алдашырга ярату*), яки тартылу, нәрсәгә булса да мөнәсәбәт (*тәмле ашарга ярату – тәмлетамак, йокы ярату*) буларак билгеләнә [5; III, 311-312]. Шулай итеп, әлеге билгеләмәләрдән чыгып та, мәхәббәтнең 4 төрөн аерып карарга мөмкин;

1) Физиологик (женси) хисне мәдәни репрезентацияләүче ярату хисе либидо тарафыннан, гомумән, репродуктив функция – нәселне дөвам итү омтылышы белән нигезләнә;

2) кешеләр арасында социаль функция үтәүче буларак гаилә мөнәсәбәтләрендә чагылыш табучы ярату хисе, кан-кардәшлекне яки рухи кардәшлекне үз эченә ала;

3) чынбарлык объекты яки кешелек культурасының нинди дә булса күренеше белән көчле кызыксыну нәтижәсе буларак ярату хисе;

4) канәгатьләнү һәм ләззәт алу хисе буларак ярату.

Кешелек мәдәниятендә универсаль феномен буларак ярату кемгә яки нәрсәгә булса да шәхси, уңай (позитив) мөнәсәбәт белдерүче хис дип аңлашыла. Ул тарихи күренеш, аерым алганда, жәмгыятьтә гаилә ячейкасы үсү белән беррәттән диахрон яссылыкта караганда, күрсәтелгән төшенчәләр арасында икенче аңлатма беренче урынга чыга. Синхрон күзлектән чыгып тикшергәндә, сүзнең женси (сексуаль) мәгънәсе хәзерге телләрдә алга чыга, калганнары аңа карата мәгънәви яшәеше буенча маргиналь булалар. Ләкин мәгънәләре буенча эквивалент тел берәмлекләрен тикшергәндә “ярату” концептының семантик кыры эчендә канәгатьләнү тойгысы алу белән бәйлә коррелятларны аерып карарга кирәк. Мәсәлән, *туган илне ярату – тәмле ашарга ярату, музыка ярату – матур киенергә ярату, мин бу кешене яратам – мин алма яратам* һ.б.

Когнитив карашка нигезләнгән хәзерге лингвистик парадигма күзлегеннән караганда кешедәге ярату хисенә төрлечә чагылышы белән бәйлә төшенчәләрне барысын бергә ярату концептының берәмлекләре дип атарга була. Беренче субкатегория субъект мәгънәсендәге атамалар, ә икенче субкатегория объект мәгънәсендәге атамалар белән тасвирлана. Мондый атамаларның ике тибы арасындагы аерманы Л.М.Васильев нигез предикатлар (*ярату, сөю, гашийк булу*) һәм каузативлар (*сөендерү, баш әйләндерү, әсир итү*) дигән терминнар ярдәмендә күрсәтә [2; 64]. Субстантив категорияләренң үз эчендә тагын субкатегорияләр аерыла: 1) субъектның объектка омтылуын белдергән эмоция атамалары; 2) ярату хисенә үзлекләре атамалары; 3) романтик мөнәсәбәт атамалары; 4) ярату хисенә субъектлары атамалары; 5) ярату хисенә объектларының атамалары; 6) романтик мөнәсәбәтнең субъектлары (ир-ат белән хатын-кыз

арасындагы) атамалары. Күрсәтелгән категорияләр семантик кыр эчендә аның өлешләрән, ягъни дифференциаль билгеләрән тәшкил итәләр.

“Ярату” концептосферасына караган тел берәмлекләре семантик үсешнең бик борынгы чорларында ук системалылык үзлегенә ия булганнар. Мондый сүзләрнең мәгънәви үзенчәлекләре телләрнең эчке үсеш сәбәпләре белән дә бәйле. Икенче төрле әйткәндә, лексик берәмлекләрнең үзләрнең мәгънәләре арасында төрле бәйләнешләр күзәтелә. Шуңа күрә “ярату” концептын ачыклаучы сүзләрнең семантик ягын тикшерү аларны системалы анализлау белән бәйле. Үз чиратында, “ярату” концепты гомумирәк булган мөнәсәбәт белдерүче макроконцептосферасына кертеп карала.

Татар телендә ярату исем фигыленә тиндәш булган лексик берәмлекләргә аерым бер төркем буларак карарга мөмкин. Икенче төрле әйткәндә, болар – “ярату” концептының субстанциональ билгеләрән белдерүче сүзләр.

“Ярату” концептының семантик оясының доминантасы булып *ярату* сүзгә тора. Ярату – берәр нәрсәгә яки кешегә бик якин итү, тартылу, хөрмәт итүгә аңлата һәм тагын өч мәгънәдә кулланыла. Беренчедән, икенче женестәгә мөһәббәт хисе тою. Мәсәлән, *Мин яратам аны яшерен генә*. Икенчедән, берәр нәрсә белән мавыгу, теләп шөгыйльләнү: *Мин уйнаганны карарга яратам* (Ш.Камал). Өченчедән, яхшы үсү, яшәү өчен кирәкле шартны билгели: таләп итә, кирәк саный. Мәсәлән, *Акча санауны ярата* (Әйтәм).[5; III, 645].

Ярату тамырыннан кушымчалау ысулы ярдәмендә *яратучан, яратучанлык, яратылу, яратылыш, яратырлык, яратышу* кебек сүзләр ясалган. *Яратучан, яратучанлык* сыйфатлары һәм *яратылыш* исеме күп вакытта кешенең табигатен, холык-фигылен ачыклау өчен кулланылалар. Мәсәлән, *Нәфисә кечкенәдән үк бөтен нәрсә белән кызыксынучан, күп белергә, һәм нәрсәгә төпченергә яратучан дәрәҗәгә бала булып үсте* (Г.Бәширов). *Яратылу* сүзгә, бигрәк тә дини эчтәлекле текстларда, ягалу, дөньяга килү, туу, барлыкка килүгә дә аңлата.

Яратылу, яратышу фигыльләргә бер кеше тарафыннан сөюне шулай ук бер-береңгә сөю процессларын белдерәләр. Мәсәлән, *Яратылу яратуга караганда күпкә әңгелрәк. Яратыша идек тә, хәзер яратышмыйбыз* (Н.Такташ).

Шулай итеп, ярату фигыленнән кушымчалар ярдәмендә төрле сүз төркемнәренә караган лексик берәмлекләр барлыкка килә. Алар кешенең табигатен, холык-фигылен һәм хисләрән белдерү өчен кулланылалар.

Әйтергә кирәк, карап үткән лексик берәмлекләр *яр [йар]* тамырыннан ясалганнар. *Йар* тамыры ике төрле мәгънәгә ия. Алар бер-берсә белән омонимик мөнәсәбәттә торалар. Р.Г.Әхмәтъянов фикеренчә, беренче мәгънәсә “берег, овраг” гомумтөрки сүзеннән алынган, ә икенче мәгънәсә “возлюбленный, милый” фарсыдагы *йар* “дус, яраткан кеше”

сүзеннән. Шуннан ук татар диалекталь *жәрән* “эшнә, дус” лексемасы да кергән [1; 265]. Бүгенге көндә бу ике сүз дә үзләренәң мәгънәләрен югалтмыйча актив кулланылалар. Борынгы төрки сүзлегендә бу сүз түбәндәгечә аңлатыла: *jartii* 1) половина; 2) разделенный, находящийся по обе стороны [3; 243]. Бу ике тамырны омонимнар дип күзәтсәк тә, нигездә алар бер бөтеннең ике өлешенең бер сыңарын күрсәтүче лексемалар. Мәсәлән, *Елганың ике яры; парларның сөйгән ярлары*.

Казах галиме Е.З.Кажибеков төрки телләрдәге *йар* ~ *жар* “помощь, помощник, товарищ, любовник, возлюбленная” һәм **jar* «рассекать, расщеплять» ~ **jar* «овраг; крутой склон, обрыв; скала» һәм башка мәгънәдәге бер ижекле тамырларны гомоген берәмлекләр дип күрсәтә [4; 55, 119].

Татар телендә *яр* тамырыннан шулай ук *ярты*, *ярашу* ~ *ярәшү* тел берәмлекләре барлыкка килгән. Димәк, *яр* һәм күрсәтелгән сүзләр деривацион мөнәсәбәттә торалар. *Ярты* лексемасының төп мәгънәсе нәрсәне дә булса тигез икегә бүлгәннән соң килеп чыккан бер өлеше [5; III, 649].

Гадәттә, *ярты* сүзе алдагы сүзтезмәләр составында килгәндә, мәсәлән, *жанымның яртысы, йөрәгем яртысы*, кешенең сөйгән ярына карата әйтелә торган мөрәжәгать яки атау сүзенә әверелеп китә.

Син минем жанымның яртысы,
Яшисең йөрәгем түрендә (Жыр).

Ярау, туры килү; үзара бәйләнеш, гармония булу мәгънәләре татар телендә *ярашу* сүзе белән белдерелә. Мәсәлән, *Исеме жисеменә ярашып тора*. **jaraši* “подходящий, годный”, **jarašiq* “подходящий, пригодный” сүзләре нәрсәнең дә яки кемнең дә булса яравы, туры килүен белдергәннәр.

Татар телендә ярашу сүзенәң сингармоник пары – *ярәшү* “кыз атасы йортында кызны кияүгә сорап, үзеннән һәм ата-анасыннан ризалык алып, рәсми рәвештә килешү процессын белдерә. Мәсәлән, *Галимжан Кырлайның бер кызан ярәшкән* (Ә.Фәйзи). Гомумән, *ярашу* ~ *ярәшү* лексемалары тиңдәш булып киләләр. Бу ике фигыль татар телендә семантик яктан караганда бер-бер артлы килүче процесслар рәвешендә күзаллана.

Ярату фигыленең мәгънәләре белән абсолют рәвештә татар телендә исем сүз төркеменә караган ***мәхәббәт*** сүзенәң семантик төзелеше туры килә. Мәхәббәт – чыганагы буенча гарәп телендәгә *мәһабәт* сүзеннән кергән. Ул киләсе мәгънәләрдә кулланыла: 1) хөрмәтләр, ихтирам итү; 2) курку, өркү; 3) бөөклек, күңелгә курку салырдай бөөклек.

Татар телендә ***мәхәббәт*** лексик берәмлегенең түбәндәгә мәгънәләре күрсәтелә:

1. Кемне яки нәрсәне дә булса бик нык якын күрү, чын күнелдән бирелгәнлек хисе. Мәсәлән, *Зариф та бу балага биргән мэхэббәтен һәм назын үз Фәридәсенә биргән кебек тоядыр* (Ә.Еники).

2. Башка женестән булган бер кешегә карата кайнар йөрәк хисе, ярату хисе; гыйшык:

Димдә минем яшьлек мэхэббәтем,
Димдә минем яшьлек сагышым (М.Жәлил).

3. Нәрсә белән дә булса кызыксыну, нәрсәгә дә булса омтылыш, теләк, һәвәслек. Мәсәлән, *Романда Зыя ике нәрсәгә бирелгән хәләндә күрсәтелә. Берсе – Мәрьямга, икенчесе – сәнгать-музыкага мэхэббәт* (Г.Нигъмәти) [5; III, 423].

“Ярату” концептосферасының бер компоненты булып *сөю* сүзе чыгыш ясый. Сөю лексемасы гомумтөрки сүз һәм борынгы төрки теленнән башлап ук актив кулланылган. Р.Г.Әхмәтияновның кыскача тарихи-этимологик сүзлегендә *сөй-ү* “любить, ласкать”, диалекталь *сәү-ү*, гомумтөрки телендәгә *сүй* “иминлек, шатлык; бүләк” нигезеннән дип бирелә [1; 178].

Борынгы төрки телендә күрсәтелгән тамырдан ясалган 13тән артык берәмлек табылды. *Sev, sevgän, sevdür, sevgüsür, sevig, seviglig, sevin, sevinç, sevinçlän, sevinçlig, sevinçsiz, seviş, sevitmäk* һ.б. лексемалаы сөю семантик кырына карыйлар [3; 498-499].

*Sev- “любить” тамыры мәгънәсе буенча ярату фигыленә туры килә. Бу тамыр бик күп сүзләр биргән. *Sevär* “любимый, любящий” – *сөяр* → *сөяркә*. Мәсәлән, *Sevärin esän tut jayisın keçür*. – Любящих [его] береги, врагов его удаляй. *Sevig* “1.любимый, милый; 2. любовь” – *сөекле, seviglig* “любимый, приятный” – *сөйкемле, sevin* “радоваться” – *сөенү: eşitti elig söz sevindü qatıy*. – Услышал правитель [эти] слова и очень обрадовался. *Sevinç* “радость, веселье” – *сөенче, sevinçlän* “радоваться”, *sevinçlig* “радостный, веселый” – *сөенечле, seviş* “они оба любили друг друга” – *сөешү: öz öz edgü ögli köñülläri üzä alquyun sevişzünlär*. – Благодаря своим разумным чувствам пусть все любят друг-друга. *Sevmäk* “любовь”, *sevüg* “любимый, любящий, милый” – *сөекле* һ.б. яңа сүзләр ясалган [3; 498-499].

Күрүебезчә, бу тамырдан ясалган берәмлекләрдә “ярату, яраткан, яратучы” мәгънәләре генә түгел, ә “шатлык, куаныч, күнелле” семантик компонентлары булган лексемалар да барлыкка килгән. Мәсәлән, *Бу китан миңа әйтеп бетергесез сөенеч, ләззәт бирде* (Г. Кутуй). *Гөлсем ана балалары өчен сөенеп туя алмый* (Г. Гобәй).

Борынгы төрки телендә *sev тамырыннан ясалган капма-каршы мәгънәләре – антонимнары да шушы ук тамырдан ясалган. Мәсәлән, *sevinçsiz* “нерадостный”, *sevgüsüz* “отгаликывающий, неприятный”.

Кул белән сыйпап, күкрәккә кысып, үбеп һ.б. шул рәвешчә иркәләү, назлау, яратуыңны белдерүне татар телендә сөю дип атыйлар. Мәсәлән,

Кичә генә әле иркәләп мине,

Йомшак кулы белән чәчләремне сөйде кызым (М.Жәлил).

Сөю сүзенен икенче мәгънәсе – ярату, эш сөю: *Мансур яшьтән эш сөйде*.

Татар телендә **дәрт** төшенчәсен ярату, мәхәббәт хисе белән беррәттән куеп карыйлар. Субъектта мәхәббәт хисе кабынсын өчен, мотлак рәвештә дәрт булуы таләп ителә, ягъни ул бу очракта мотив буларак чыгыш ясый. Дәрт фарсы теленнән алынган сүзләрнең берсе: *дард* “газаплану, йөрәкләнү, газап, авыру, дәрт” сүзеннән. Иске әдәби телдә *дәрд* “күңел авыруы, авыру” дигәнне аңлаткан [1; 61].

Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә дәрт сүзенен күп мәгънәле булуы ачыклана:

1. Ашкыну һәм рухи күтәрәнкелек, омтылыш, рухи көч: *Ижади дәрт, Дәрт сүрелү*.

2. Ярату, мәхәббәт хисе: *Шаһзадәнең гыйшык уты көннән –көн көчәя барды. Ул дәртенә чыдый алмастан, авыруга сабышты* (К.Насыри). Икенче женескә тартылу хисе яки тойгысы да дәрт сүзе белән белдерелә: *Женси дәрт*.

3. Дәртле, ашкынучан, берәр нәрсәгә омтылучан: *Балыкка дәртле кеше*.

Димәк, дәрт атамасы ашкыну, омтылу, күтәрелү, тартылу фигыльләре аша аңлатыла. Бу сүз сыйфатлашып килеп, дәрте булган, ашкынулы, омтылучан һәм, икенчерәк мәгънәдә, женси хискә, тойгыга тиз бирелүчән, темпераментлы кешене *дәртле* дип атый. Мәсәлән, *Дәртле йөрәк; Дәртле кыз*.

“Ярату” концептосферасында карап үткән тел берәмлекләренең күп өлешенең антонимнары булган кебек, ярату фигыленә дә капма-каршы мәгънәдә **күрә алмау** тотрыклы сүзтезмәсе кулланыла. Ул яратмау, нәфрәтләнүнең югары дәрәжәсен тәшкил итә. Мәсәлән, *Яратмау гына түгел, хәтта күрә дә алмыйм мин аны*.

Шулай ук, исем сүз төркеменә караган **нәфрәт, хыянәт** кебек тел берәмлекләре дә “ярату” парадигмасына карата поляр мәгънәдә торалар. Иң көчле дошманлык, иң көчле күрәлмау хисен нәфрәт сүзе белән атыйбыз. Мәсәлән, *Юк, түзәлмим йөрәк әрнүемә, Ачуыма нәфрәт утына* (Ш. Маннур). Татар телендә хыянәт лексик берәмлек буларак түбәндәге мәгънәләрдә кулланырга мөмкин: сатылу, дошман ягына чыгу, илне сату. *Хыянәттән мең кат артык саныым Керсез намус белән үлүне* (Г.Хужси); нинди дә булса эштә, мөнәсәбәттә турылыксызлык. *Антка хыянәт; семьяга яки мәхәббәткә турылыксызлык. Ул, Шакирның энә очы кадәр генә хыянәтен сизеп калса, нинди ләззәт белән үч аласын уйлап хыяллана* (Ә.Еники). Гомумән, ялганлау, алдау, алдакчылыкны хыянәт сүзе белән атыйбыз.

ӘДӘБИЯТ

1. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990.
3. Древнетюркский словарь. – Л.:Наука, 1969.
4. Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). – Алма-Ата: Наука, 1986.
5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Т.І-ІІІ. – Казан, І – 1977. – 476 с; ІІ – 1979. – 726 б.; ІІІ – 1981. – 832 б.

*Э.У. Халиуллина,
преподаватель Кушнареновского педагогического колледжа
(с. Кушнареново)*

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ КАК КУЛЬТУРООРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ

Любой язык, даже самого малочисленного народа, отражает историческое прошлое и настоящее его носителей. На нем во многом основываются патриотические чувства, этническое самосознание. Не зря родной язык зовут материнским, пронося сыновью любовь к нему через всю жизнь, как любовь к матери, к родине.

Процесс развития двуязычия в сознании нерусского человека происходит во взаимодействии двух языков, причем в большинстве случаев разносистемных. На начальном этапе усвоение русского языка идет на основе уже прочно закрепившегося в сознании ребенка родного, материнского языка.

Учащиеся, овладевая родным, русским и еще иностранными языками, порою незаметно для себя сравнивают особенности этих языков, способы выражения тех или иных явлений, особенности лексики, фонетики, способы выражения грамматических форм, и все это способствует более глубокому пониманию каждого из изучаемых языкам.

Сопоставительное изучение языков воспитывает интерес к языкам, способствует более глубокому усвоению особенностей каждого из них.

Особенно полезны сопоставления на уровне лексической семантики, раскрывающие особенности языковой картины мира сопоставляемых языков. В разносистемных языках не всегда совпадают значения кажущихся одинаковыми слов.

Если сказать по-русски: Я поранил палец, то неясно, о каком пальце идет речь, и нужно говорить поранил палец на руке или поранил палец на

ноге. В языках абхазо-адыгской группы это понятие, т.е. пальцы на руке или же на ноге обозначаются разными словами (например, в абазинском – *мачва*, *щачва*). [1]

В русском языке глагол идти имеет, по словарю С.И. Ожегова, 26 разных значений.

Для русского языка является нормой употребление таких словосочетаний: *дождь идет*, *снег идет*, *человек идет*, *лошадь идет*, *время идет*, *жизнь идет*, *дым идет* и т.д. во многих других языках значение русского слова *идет* передается в каждом данном случае другим словом. Например, в языках абхазо-адыгской группы по отношению к снегу говорят: *снег – снежит*, а не *идет*; *дождь – дождит*, а не *идет*.

В русском языке глагол ходить сочетается с существительным пешком, тогда как в некоторых других языках соответствующий глагол ходить сочетается с существительным ногами, в результате получается ходить не пешком, а ходить ногами.

В русском языке четко различаются по смыслу слова *мыл* и *стирал*; во многих языках нет такого семантического различия, в результате чего школьники говорят: *стирал лицо*, *мыл носовой платок*.

Не во всех языках различаются глаголы *читать* и *учиться*, что приводит к ошибкам типа: *мой брат уехал читать* вместо *уехал учиться*.

Это же слово *учить* на татарский язык переводится тремя словами: *учить (детей) – укыту*; *учить (стихотворение) – өйрәнү*; *учить (кататься на лыжах) – өйрәтү*.

Так, встречающиеся в речи нерусских учащихся ошибки: *пойдет на машине*, *взял ответ* – проявление незнания особенностей функционирования в русском языке слов *пойти*, *взять*. В русской речи встречаются ошибочные выражения типа *крутить часы* (вместо *заводить часы*), *на лошади идти* (вместо *ехать верхом*) и т.д.

Эти ошибки очень устойчивы. Мы целиком и полностью разделяем мнение известного филолога В.И. Абаева: «при переходе с одного языка на другой можно в совершенстве усвоить произношение чужого языка, полностью овладеть его лексикой, не примешивая к ней ни одного слова из старого, родного, но трудно, почти невозможно отрешиться целиком от привычных семантических связей и ассоциаций. Именно потому что семантика и идиоматика относятся к самым интимным сторонам языка, до которых мы доходим только при весьма совершенном знании, они остаются при субстратном анализе вне сферы нашей досягаемости». [1]

В русском языке слово *чай* сочетается с прилагательным *крепкий*. В некоторых языках эти два слова не могут сочетаться. В то же время для многих языков вполне закономерны такие сочетания: *чай черный*, т.е. обыкновенный чай; *чай белый*, т.е. чай с молоком или калмыцкий; *чай желтый*, со сливками; *чай густой*. В связи с такими особенностями родного

языка учащиеся не понимают, как может быть чай крепким, а не черным, белым или густым.

Очень распространенным для большинства учащихся является смешение значения глаголов поставить и положить. Относительно этих двух глаголов В.И. Абаев пишет: «Я владею русской речью с детства, а последние тридцать лет почти постоянно живу в русском окружении. И однако же я до сих пор нередко ловлю себя на том, что продолжаю мыслить на родном мне осетинском языке. Например, мне случается иногда употребить глагол положить (стакан) вместо поставить (стакан). Почему? Несомненно, потому что в осетинском языке положить и поставить выражаются одним и тем же глаголом.

С другой стороны, я до сих пор чувствую какое-то неудобство от того, что в русском языке легкий в смысле нетяжелый (по весу) и легкий в смысле нетрудный выражается одним словом, а не двумя разными, как в осетинском. В этом и других семантических представлениях больше, чем в чем-либо другом, сказывается до сих пор то, что моя речь формировалась на осетинском субстрате». [1]

Таким образом, родной язык служит как бы базовым кодом. Ни один другой язык не может в этом смысле ни заменить его, ни стать с ним рядом. И сколькими бы языками ни владели участники речевой коммуникации, в конкретном акте речи, они используют язык и соотносят речевое произведение также с одним языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межкультурная коммуникация: К проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1 – Уфа, 2001. – 194 с.

2. Муллагалиева Л.К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации. Словарь. Элективный курс для 10-11 классов школ гуманитарного профиля. – М., 2006. – 234 с.

3. Муллагалиева Л.К. Русский язык как родной. Учебное пособие для учителей и учащихся общеобразовательных школ. Под ред. Саяховой Л.Г. – Уфа, 2003 – 155 с.

*Л.Т. Хамидова,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КУХНИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Т. АКСАКОВА

У любого народа есть свои традиции, в том числе связанные с едой. Они складывались веками и в первую очередь определялись трудовым ритмом и распорядком дня. В крестьянских семьях в старину этот ритуал

назывался «выть» и соблюдался неукоснительно. Отступать от него разрешалось только во время полевой страды.

Обедали и ужинали всегда в строго определенное время. При этом вся семья собиралась за столом, где у всякого было свое место. Первым во главу стола садился хозяин дома, за ним в соответствии с возрастом или семейным рангом все остальные домочадцы [1; 6].

Правила поведения за столом были довольно строгими: нельзя было стучать или скрести ложкой о дно посуды, бросать остатки пищи на пол, громко разговаривать, смеяться. Перед тем, как сесть за стол, каждый должен был перекреститься. Все это лишний раз подтверждает то почтение и даже благоговение, которое русские люди испытывали по отношению к хлебу насущному.

В зажиточных семьях старинный русский обеденный стол состоял обыкновенно из четырех подач: «холодных еств, горячих, или похлебок, жареного, взваров и пирожных» [1; 7]. Особенно роскошными были царские и боярские праздничные обеды.

Вот, как, например, описывается царский пир, устроенный Иваном Грозным для своих опричников, в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный»: «...На столах в это время, кроме солонок, перечниц и уксусниц, не было никакой посуды, а из яств стояли только блюда холодного мяса на постном масле, соленые огурцы, сливы и кислое молоко в деревянных чашах <...>. Множество слуг, в бархатных кафтанах фиалкового цвета, с золотым шитьем, стали перед государем, поклонились ему в пояс и по два в ряд отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся сотни две жареных лебедей на золотых блюдах. Этим начался обед <...>. Когда съели лебедей, слуги вышли, попарно, из палаты и возвратились с тремя сотнями жареных павлинов, которых распущенные хвосты качались над каждым блюдом в виде опахала. За павлинами следовали кулебяки, курники, пироги с мясом и с сыром, блины всех возможных родов, кривые пирожки и оладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки с медами: вишневым, можжевелевым и черемховым. Другие подавали разные иностранные вина: романею, рейнское и мушкатель <...>. На столы поставили сперва разные студени, потом журавлей с пряным зельем, рассольных петухов с инбирем, бескостных куриц и уток с огурцами. Потом принесли разные похлебки и трех родов уху: курячью белую, курячью черную и курячью шафранную. За ухую подали рябчиков со сливами, гусей со пшеном и тетерок с шафраном. Тут наступил прогул, в продолжение которого разносили гостям меды, смородинный, княжий и боярский, а из вин: аликант, бастр и мальвазию. Уже более четырех часов продолжалось веселье, а стол был только во полустоле. Отличились в этот день царские повара. Никогда так не удавались им лимонные кальи, верченые почки и караси с бараниной. Особенное удивление возбуждали исполинские рыбы, пойманные в Студеном море и присланные в Слободу из Соловецкого монасты-

ря. Их привезли живых, в огромных бочках; путешествие продолжалось несколько недель. Рыбы эти едва умещались на серебряных и золотых тазах, которые вносили в столовую несколько человек разом. Затейливое искусство поваров выказалось тут в полном блеске. Осетры и шевриги были так надрезаны, так посажены на блюда, что походили на петухов с простертыми крыльями, на крылатых змиев с разверстыми пастями. Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости, как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночною подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном. Но вот, по знаку столыльников, убрали со столов соль, перец и уксус и сняли все мясные и рыбные яства» [2; 48-54].

Подобных описаний немало в произведениях русских писателей. В романе И.А. Гончарова «Обломов» гастрономические страницы имеют важнейшее значение для характеристики героя, вышедшего из Обломовки: «Но главною заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом; и престарелая тетка приглашалась к совету. Всякий предлагал свое блюдо: кто суп с потрохами, кто лапшу или желудок, кто рубцы, кто красную, кто белую подливку к соусу. Всякий совет принимался в соображение, обсуживался обстоятельно и потом принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались беспрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о том, прибавить это или отменить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотреть, все ли положит повар, что отпущено. Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Сколько тонких соображений, сколько занятий и забот в ухаживанье за нею! Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами; гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтоб они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» [3; 145-146].

В романе И.С. Шмелева «Лето Господне» – это описание Великопостной трапезы, состоящей из огромного богатства постных блюд, которое поражает своим изобилием: «Ковры убрали, можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно, Великий Пост: раскатишься – и сломаешь ногу. От «масленицы» нигде ни крошки, чтобы и духу не было. Даже заливную осетрину отдали вчера на кухню. В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, – великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа, и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, – такая прелесть. Я хватаю щепотками, – как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый

хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»... а «грешники», с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!..» [4; 18 - 19].

Для С. Т. Аксакова подробнейшее описание обеденной трапезы его дедушки в «Семейной хронике» – это способ рассказать о жизни и быте русского помещика 18 века: «Горячие щи, от которых русский человек не откажется в самые палящие жары, дедушка хлебал деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними следовала ботвинья со льдом, с прозрачным балыком, желтой, как воск, соленой осетриной и чищеными раками и тому подобные легкие блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасом, даже со льдом. Обед был превеселый» [5; 31], или: «Можно себе представить, что обед был приготовлен на славу. На этот раз Степан Михайлыч отказался от всех исключительно любимых блюд: сычуга, жареного свиного хребта (красная часть) и зеленой ржаной каши. Достали где-то другого повара, поискуснее. О столовых припасах нечего и говорить: поеный шестинедельный теленок, до уродства откормленная свинья и всякая домашняя птица, жареные бараны – всего было припасено вдоволь. Стол ломился под кушаньями, и блюда не умещались на нем, а тогда было обыкновенье все блюда ставить на стол предварительно. История началась с холодных кушаний: с окорока ветчины и с буженины, прошпигованной чесноком; затем следовали горячие: зеленые щи и раковый суп, сопровождаемые подовыми пирожками и слоеным паштетом; непосредственно затем подавалась ботвинья со льдом, с свежепросольной осетриной, с уральским балыком и целою горою чищенных раковых шеек на блюде; соусов было только два: с солеными перепелками на капусте и с фаршированными утками под какой-то красной слизью с изюмом, черносливом, шепталой и урюком. Соусы были уступка моде. Степан Михайлыч их не любил и называл болтушками. Потом показались чудовищной величины жирнейший индюк и задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, мочеными яблоками, солеными груздями и опенками в укусе; обед заключился кольцами с вареньем и битым или дутым яблочным пирогом с густыми сливками. Все это запивалось наливками, домашним мартовским пивом, квасом со льдом и кипучим ме-

дом. И всё это кушали, не пропуская ни одного блюда, и всё благополучно переносили гомерические желудки наших дедов и бабок! Кушали не торопясь, и потому обед продолжался долго <...>. После обеда перешли в гостиную, где два стола были уставлены сладостями. На одном столе стоял круглый, китайского фарфора, конфетный прибор на круглом же железном подносе, раззолоченном и раскрашенном яркими цветами; прибор состоял из каких-то продолговатых ящичков с крышками, плотно вставляющихся в фарфоровые же перегородки; в каждом ящичке было варенье: малинное, клубничное, вишенное, смородиновое трех сортов и костяничное, а в середине прибора, в круглом, как бы небольшом соуснике, помещался сухой розовый цвет. Этот конфетный сервиз, который теперь считался бы драгоценной редкостью, прислал в подарок свояку Николай Федорыч Зубин. Другой стол был уставлен тарелочками с белым и черным кишмишем, урюком, шепталой, финиками, винными ягодами и с разными орехами: кедровыми, грецкими, рогатыми, фисташками и миндалем в скорлупе» [5; 165-167].

На страницах произведений С.Т. Аксакова можно встретить не только описания роскошных обедов, но и конкретные рецепты приготовления некоторых блюд, рассказ о вкусе той или иной дичи или рыбы, некоторые рассуждения автора по поводу их качества и даже экскурсы в историю.

Вот, например, отрывок из «Детских годов Багрова-внука» (глава «Зима в Уфе») о кулинарных изысках матери: «Миндальное пирожное всегда готовила она сама, и смотреть на это приготовление было одним из любимых моих удовольствий. Я внимательно наблюдал, как она обдавала миндаль кипятком, как счищала с него разбухшую кожицу, как выбирала миндалины только самые чистые и белые, как заставляла толочь их, если пирожное готовилось из миндального теста, или, как сама резала их ножницами и, замесив эти обрезки на яичных белках, сбитых с сахаром, делала из них чудные фигурки: то венки, то короны, то какие-то цветочные шапки или звезды; все это сажалось на железный лист, усыпанный мукою, и посылалось в кухонную печь, откуда приносилось уже перед самым обедом, совершенно готовым и поджарившимся. Мать, щегольски разодетая, по данному ей от меня знаку, выбегала из гостиной, надевала на себя высокий белый фартук, снимала бережно ножичком чудное пирожное с железного листа, каждую фигурку окропляла малиновым сиропом, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась к своим гостям. Сидя за столом, я всегда нетерпеливо ожидал миндального блюда не столько для того, чтобы им полакомиться, сколько для того, чтоб порадоваться, как гости будут хвалить прекрасное пирожное, брать по другой фигурке и говорить, что «ни у кого нет такого миндального блюда, как у Софьи Николаевны». Я торжествовал и не мог спокойно сидеть на моих высоких кресельцах и непременно говорил на ухо сидевшему подле меня гостю, что всё это маменька делала сама» [5; 292].

С.Т. Аксаков, в отличие от других писателей-классиков, идет намного дальше в описании традиционных обедов своей семьи. Он радуется читателей любопытнейшими старинными рецептами и кулинарными рекомендациями. Так, с бытовой точки зрения и сегодня представляются любопытными его советы по хранению пищи без холодильника.

В «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» даются 43 подробных указания о вкусовых качествах дичи и некоторые советы по их приготовлению. А сам автор выступает не только в роли страстного охотника и любителя щедрот русской природы, но и гурмана, хорошо разбирающегося во вкусовых качествах той или иной птицы. Именно в этой книге, четко разделенной на несколько частей, в зависимости от классификации различных пород птиц, предложенной самим писателем, почти в каждой главе есть не только детальное описание птицы, ее места обитания, характеристика повадок, но и способ ее приготовления – ведь это добыча охотника.

На наш взгляд, полезно составить «Поваренную книгу по рецептам С.Т. Аксакова». Вот несколько рецептов из нее:

1. «Там, где этой превосходной птицы (*гаршнепа – Л.Т.) слишком много, можно готовить их впрок, мариновать под желе с уксусом или слегка посоля, заливать свежим коровьим растопленным маслом, как перепелок. Посуду должно поставить на лёд, и, когда наступят морозы, можно перевозить ее куда угодно. Недавно узнал я от одного почтенного охотника, П.В. Б-ва, что дупелей, бекасов и, пожалуй, всякую другую дичь, стрелянную даже в июле, сохраняют у него совершенно свежую хоть до будущей весны. Птицу кладут в большую форму, точно такую, в какой готовят мороженое, вертят её и крепко замораживают; потом форму зарубают в лёд, и, покуда он не пропадет в леднике, птица сохраняется так свежа, как будто сейчас застрелена» [6; 58].

2. «С весны кулички-воробьи всегда сыты, а перед отлетом жирны; мясо их отлично вкусно, но его уже чересчур мало; их употребляют для соусов и паштетов» [6; 75].

3. «Мясо лебедя было так жестко, что, несмотря на предварительное двухдневное вымачиванье, его трудно было разжевать. Вкус походил на дикого гуся, но гусь гораздо мягче, сочнее и вкуснее <...>. Не понимаю, отчего лебедь считался в старину лакомым или почетным блюдом у наших великих князей и даже царей; вероятно, знали искусство делать его мясо мягким, а мысль, что лебедь служил только украшением стола, должна быть несправедлива <...>. Лебедей стреляют не для мяса, а для пуху, первоклассное достоинство которого известно всем» [6; 95 – 96].

4. «К концу сентября, то есть ко времени своего отлета, гуси делаются очень жирны, особенно старые, но, по замечанию и выражению охотников, тогда только получают отличный вкус, когда *хватят ледку*, в исходе сентября у нас не редкость, ибо от утренних морозов замерзают

лужи и делаются закраины по мелководью около берегов на прудах и заливах. От ледку или от чего другого, только чем позднее осень, тем вкуснее становится гусь» [6; 101 - 102].

5. «Хороша в это время вся облитая жиром перепелка! <...>. Для предохранения от порчи жирного мяса травленных перепелок их слегка просаливают и заливают в кадках или бочонках коровьим маслом; по мнению многих, свежепросольные перепелки лучше свежих» [6; 187 - 188].

6. «Мясо молодых глухарей очень вкусно, в чём согласны все; мясо же старых, жесткое и сухое, имеет особенный, не для всех приятный вкус крупной дичи и отзывается сосной, елью или можжевельновыми ягодами; есть большие любители этого вкуса» [6; 201].

7. «Жирный дрозд считается лакомым куском. Он славился своим изящным вкусом ещё в Древнем Риме, на пирах Лукулла, который плачивал баснословную цену за серых дроздов. Дрозд один из всей дичи пользуется знаменитою привилегиею, то есть его жарят в кастрюле не потрошенным. За что он удостоивается этой чести – совершенно не знаю. Не за славу ли предков? Но во всяком случае этот способ приготовления очень хорош, и я уже советовал поступать таким образом со всеми породами дичи. По моему мнению, жирный дрозд очень вкусен, но не лучше всякой другой жирной дичи. Впрочем, нет никакого сомнения, что дрозды, питающиеся исключительно одними ягодами, плодами или виноградом, как то бывает в тёплых странах, должны иметь превосходнейший вкус» [6; 235]. В «Записках об ужении рыбы» также немало подробнейших описаний рыбных блюд.

Можно сказать, что С.Т. Аксаков не только продолжил славную традицию изображения щедрых русских трапез, но и во многом явился новатором в развитии «гастрономического» направления в литературе. Он представил в своих произведениях много рецептов приготовления известных ему, как страстному охотнику, различных пород дичи, птиц и рыб. Их вполне можно возродить и использовать сегодня в практической жизни, следуя заветам наших предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейная энциклопедия. Традиционная русская кухня. – М., 2007.
2. Толстой А.К. Князь Серебряный. – М., 2001.
3. Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях. – М., 2001.
4. Шмелев И.С. Лето Господне. Книга для ученика и учителя. – М., 1996.
5. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. – Москва, 2007.
6. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. – Башкирское книжное издательство. – Уфа, 1984.

НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СЛОВА *ЮК*

В татарском языке имеется множество средств отрицания. Среди них значительное место занимает отрицательное предикативное слово *юк*. Оно отличается разнообразием значений, морфологических особенностей, грамматических связей и функционирования в предложении. В научной литературе по тюркологии его определяют и как предикатив [4; 49].

Как известно, предикативные слова *бар*, *юк* произошли от имен существительных, поэтому они склоняются как имена: *юк-барга* ышану, *бары-югы белән*, *юкны сөйләү*, *юк өчен үртәлү*, *юкка чыгу*, *юктан бар булу* и т.д. Отрицание *юк* морфологически ориентировано на именные части речи, поэтому употребляется и в непредикативной функции.

В современном татарском языке отрицательное слово *юк* очень активно функционирует в качестве отрицательной и усилительной *частицы*. Такую функцию Н.К. Дмитриев определяет как функцию в качестве наречия [1; 60].

Функциональной особенностью модального слова *юк* является его употребление как нечленимого предложения при отрицательном ответе на вопрос, как бы замещая отрицательное высказывание [2; 40]: [Шакир:] кайтмадымы? [Мәгъруфә:] *Юк* (М.Ф.). Как нечленимое слово-предложение *юк* может передавать различные экспрессивные оттенки, сочетаясь с модальными словами: – Синең чыгасы жирең юкмы? – *Юк шикелле* (М.Ф.). Оно может сопровождаться усилительными частицами. Передавая категоричное возражение, несогласие: – Син миңа үпкәләмәгәнсендер бит? – *Һич юк!* (М.Ф.). Осложнение аффиксом *-тыр* наполняет слово-предложение семантикой неуверенности, сомнения: Тапкан да, Хәбиргә күренеп, аның жанын эрнетергә теләгәнме? *Юктыр, тәгаен юктыр* (Ш.Х.).

Широкое варьирование семантических значений отрицательного слова-предложения *юк* вызывает стилистический прием повтора. При этом значение отрицания выявляется только в тесном взаимодействии со всей структурой построения и его интонационным рисунком. Рассмотрим некоторые стилистические функции повтора отрицания *юк*. Повтор может эксплицитно резкое возражение, несогласие: *Юк, юк!* Аның бер сүзе дә дәрәс түгел! (Ш.Х.).

Обращение, включенное между повторами, вносит значение категоричности, выражая решительный и одновременно смягченный, нерезкий отказ: *Юк, абый, юк*, мин моны эшли алмыйм (Ш.Х.).

Усилители между повтором придают отрицанию значение категоричности: *Юк, юк, һич юк!* Моңың булуы мөмкин түгел (Ш.Х.).

Значение резкого возражения, категоричного отказа передается при повторе слова-предложения: *Юк! Юк!* В некоторых случаях повторение отрицательного слова может смягчить отказ, придать ему менее категоричный характер, чем при выражении его посредством одного *юк*: – Сабира туташ, мин сезне берэр комиссар белэн таныштырыйммы? – *Юк, юк, кирәкми!* (Ә.Е.).

Удлинение гласной в зависимости от интонационного оформления слова-предложения осложняет его либо значением удивления, либо категоричного отказа, несогласия: – Нишлэп, ишетмәденмени? – *Ю-у-у-к!* Каян ишетим (М.Ф.).

Повторение предикативного слова *юк* с синтаксическим распространением придает отрицанию конкретность, категоричность: Заһид: *Юк. Бернәрсә дә юк, азрак кәэфем юграк* (М.Ф.).

Предикативное слово *юк*, субстантивируясь, склоняется по падежам как имена существительные и выполняет роль различных членов простого предложения или же – сказуемого придаточного: *юк, юкның, юкка, юкны, юктан, юкта*. Слово *юк* с предметным значением легко сочетается и с послелогом. С их помощью передаются разные обстоятельственные и объектные отношения его с предикатом высказывания: *юк чакта, юк вакытта, юкка күрә, юк сәбәпле, юк өчен* и т.п. *Юк өчен* ачулану.

Юк употребляется в роли дополнения, реже подлежащего, функционируя как существительное. Например: Бай мактанса табылыр, *юк* мактанса чабылыр (Мәкаль). Мөршидә: Әнкәй, йөзләре үзгәрәп киткән. Нәгыймә: *Юкларны* юрама! (М.Ф.). *Юкны* сөйләп торма эле монда (Т.М.). *Юкка* мин дә тук (Әйтем). *Юк белән* мине борчымагыз, мин беркая чыкмыйм (Т.Г.).

Специфичной для *юк* является функция определения: *юк* эйбер, *юк-бар* сүз, *барлы-юклы* эшләр и т.д. В этих случаях грамматическое значение *юк* –выражать отрицание – ослабевает и *юк* передаёт определенное лексическое значение с семантикой мизерности, незначительности. Примеры: Я, куй син *юк* уйларыңны... (М.Ф.). Сездә дә *юк* нәрсә бар икән (Т.М.).

Предикативное слово в форме направительного и исходного падежей в предложении выступают в роли обстоятельства причины: Ачуны китермә *юкка* (М.Ф.). *Юктан гына* килеп чыкты бит бу (Ә.Е.).

Модальное слово *юк*, повторяясь, образует наречие времени и выполняет роль обстоятельства времени: Ул безгә *юк-юкта* килеп чыккалы иде (Ш.Х.).

Слово *юк* употребляется и в качестве частицы, союза и вводного слова: *Югыйсә*, яшәүдән дә туйган идем (Т.М.). *Әллә югыйсә* күзгә күренүче шәүлә генәме? (Ш.Х.).

Местоположение отрицательного слова *юк* относительно отрицаемой единицы варьируется в зависимости от синтаксической функции. При предикативной функции, согласно общему принципу, *юк* занимает постпозицию: Дәрес, ул үзе бу турыда миңа бервакытта да *әйткәне юк* (Г.К.). Үзенә

дә файда *юк* (М.Ф.). При атрибутивной функции *юк* стоит в препозитивном положении: *юк сүз, юк-бар сүзләр* и т.д. Если *юк* в функции дополнения или обстоятельства, то наблюдается и дистантное расположение: *Юкка гына чэй элек-электән мунчадан соң иң яхшы эчемлек булып саналмаган* (М.Х.).

В роли усилительной или отрицательной частицы *юк* стоит в препозиции предложения: *Юк, нигә ачуланыйм?* (Т.М.). *Юк, юк, берни дә әйтмәдем* (Ә.Е.).

На наш взгляд, можно судить о различном потенциале *юк* в реализации отрицательного значения. При предикативной функции отрицание *юк* полностью реализует свою грамматическую функцию, т.е. выражает отрицание. При непредикативной функции, мы полагаем, категориальное значение негатора ослабевает, объективируя чаще отрицательную характеристику явления, а не его отрицание или отсутствие.

ӘДӘБИЯТ

1. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 273 с.

2. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. – Саратов, 1986. – 122 с.

3. Татарская грамматика: в 3 томах. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1993. – 2 т: Морфология. – С. 97-99.

4. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя) – Л.: Ленигр. отд. изд-ва «Наука», 1977. – 192 с.

*А.Г. Шайхулов,
д. ф.н., профессор БашГУ (г. Уфа)*

КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В отечественной тюркологической науке, в отличие от славянского и индоевропейского языкознания в целом, проблемы идеографического описания лексического универсума начинают обсуждаться только лишь в последнее время¹³.

---

¹³ Шайхулов А.Г. Циркумуральский языковой союз: ареальные и типологические взаимоотношения (синхронно-сопоставительный аспект семантической реконструкции) – Дебрецен, Венгрия, 1990. С.211; **Его же**. Идеографическое описание лексики тюркских языков: к постановке проблемы – Человек. Язык. Культура. – Уфа, 1996, С.174-175; **Его же**. Идеографические словари односложных корней и основ тюркских языков Урало-Поволжского региона: проблемы и перспективы – Актуальные проблемы современной филологии. – Уфа, 1997. С.30-33; **Его же**. Идеографическая парадигматика односложных корней и основ в системе тюркских диалектов Урало-Поволжского региона – Образование, язык, культура на ру-

В последние два-три десятилетия тюркская диалектная лексикография, как известно, достигла значительных успехов: опубликованы и продолжают создаваться выпуски региональных словарей и готовятся новые словари, созданы десятки уникальных картотек диалектной лексики почти во всех научно-исследовательских центрах тюркоязычных республик Урало-Поволжья. Особенности созданных словарей лексики говоров указанного региона определяют и типы идеографических словарей. Прежде чем перейти к вопросу о классификации типов идеографических словарей тюркских говоров, необходимо заметить, что идеографический словарь, группируя лексические единицы по значениям, уже в своей структуре моделирует связи и отношения, объективно существующие в лексической системе языка (О.В. Востриков). Сами же принципы составления идеографических словарей пока не могут считаться отработанными, во всяком случае существующие идеографические словари даже русского литературного языка являются, по мнению ряда исследователей, ещё не слишком совершенным опытом. Тюркская же диалектная идеография пока вообще не представлена словарями, и актуальность задачи создания диалектного идеографического словаря тюркских (татарского, башкирского и чувашского) языков ощущается многими лингвистами региона.

Материальной основой для решения этой задачи являются достижения тюркской диалектной лексикологии и лексикографии: в словарях и различных исследованиях татарских, башкирских и чувашских лингвистов собрана и достаточно полно и многопланово описана богатейшая диалектная лексика такого огромного этнолингвистического региона, каким является Урало-Поволжье.

Мы, при классификации типов идеографических словарей тюркских языков исследуемого региона, опираясь на результаты предшествующих авторов (И.А. Попов, О.В. Востриков и др.), в зависимости от исходной базы выделяем такие их разновидности как 1) дифференциальный (т.е. включающий только диалектную лексику) – недифференциальный (включающий также общетюркскую лексику); 2) односистемный (по лексической системе одного говора или диалекта) – региональный (по лексической системе говоров одного региона) – сводный по всем тюркским говорам или диалектам); 3) синхронический (отражающий лексику одного современного синхронного среза) – диахронический (отражающий лексику в диахронии); 4) полный (включающий всю лексику) – неполный (включающий какой-либо определенный разряд лексики, например, какую-либо часть речи. К сожалению, это отмечают и другие авторы, ни один из вышеописанных типов (разновидностей) диалектных идеографических словарей на материале тюркских языков пока не реализован.

беже XX-XXI вв. – Уфа, 1998. С. 149-151 и ряд др.); Его же. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. – Уфа, изд-во БашГУ, 2005. т. I – части 1 и 2 (в соавторстве).

Как известно. В основе разработки материалов любого идеографического словаря лежит классификация системы понятий. На первом этапе, как известно, реализуется общее выделение наиболее широких тематических групп, которые постепенно сужаются в рамках более мелких подгрупп. Последним звеном этого деления является та или иная лексико-семантическая группа слов.

Таким образом, выявление и разработка многоаспектных лексико-семантических групп слов (микрочеловеческих) является очень важным (в плане методологическом) этапом в процессе закладывания основ идеографического словаря любого языка. Впрочем, сказанное выше относится к апеллятивным основам. Несколько иную, хотя и совпадающую в общих параметрах, методику имеет классификация диалектальных единиц близкородственных языков. Её конечная цель предварительно осмыслить общий лексический универсум говоров татарского, башкирского и чувашского языков в рамках идеографической их парадигматики. В связи с этим, в качестве классификационного подхода к описанию диалектального универсума указанных языков, нами использована идея, выдвинутая в своё время немецкими учеными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, осмысление которой на наш взгляд, всё больше и больше сторонников. Предложенную ими синоптическую схему а) «Вселенная», б) «Человек» и в) «Вселенная и Человек» мы изменили в определенной логической последовательности, что позволило, как нам кажется, построить достаточно универсальную и более или менее стройную систему для предварительной тематической классификации диалектальных единиц, которая может быть принята за основу характеристики их идеографической парадигматики. Предлагаемая нами схема описания диалектных лексических единиц [I. «Познание (а priori)»: II. «Природа (неживая и живая)», III. «Человек (как анатомо-физиологическое существо)», IV. «Общество (человек как социальное существо)»] может помочь определить в исследуемых языках слой лексики, специфичный только для отдельного (татарского, башкирского или чувашского) языка или же для определенных групп в рамках алтайской (возможно в перспективе и урало-алтайской) семьи языков.

Поскольку главная цель идеографического словаря языка заключается в логической классификации литературной лексики, облегчающей поиски наиболее адекватного слова по разделам, то и исследователи в области диалектной идеографии видят главной целью при составлении словаря в распределении слов по разделам, рубрикам, полям, субполям идеографической схемы. «В результате такой работы, словарь получает ещё один вход, а каждое слово исходного списка наряду с номером субполя (к которому относится) индекс соответствующей ячейки исходной схемы словаря». Такое решение вопроса «...позволяет поставить и приблизить решение ряда научных проблем, над которыми работают лексикологи-диалектологи: место «диалектного и общетюркского слова и диалектного слова-термина в

лексической системе говора в зависимости от особенностей их семантики, парадигматических и синтагматических связей; особенности диалектной синонимии и антонимии, полисемия слов в говоре и т.д.» (подробнее см.: Раков Г.А., 1984, С.151-152 и др.).

Рекомендуемая схема выявления идеографической парадигматики диалектной лексики, как и впрочем высказанные здесь соображения о методологических аспектах системного подхода к реконструкции диалектного фонда языков таксономического типа пока носит лишь предварительный характер. Только дальнейшие исследования могут наполнить её достоверным содержанием.

*Р.М. Юнусова,
магистрант БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПСАЛМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

Псалтырь занимала главенствующее положение в православном богослужении, была основным пособием при обучении грамоте. Специфика Псалтыри в том, что она является собранием молитв, обращений к Богу верующего человека, не находящего в мире успокоения.

Оказавшись у истоков формирования новой русской литературы, поэты избрали стиль Псалтыри образцом одического жанра. Подтверждением этому служит «поэтический турнир» Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, и то, что практически все поэты XVIII века ставили переложения псалмов первыми в своих собраниях сочинений. Закладывая основы дидактической поэзии на русской почве, Сумароков, Херасков и др. черпали вдохновение в божественных строках Священного Писания.

Стараясь приблизиться не только к смысловой, но и к поэтической стороне псалмов, переводчики экспериментировали с текстом. Добиваясь гармоничного сочетания, единства смысла и формы, поэты XVIII века учитывали особенности построения Псалтыри, поэтическая форма которой основывается на метрической организации стиха. Главным повторяющимся ритмообразующим элементом псалмов по определению Ш. Маркиша, выступают единицы смысла, а не формы - «отрезки» мысли, не стопы или икты, ударения. «Отрезки» складываются в разного рода параллельные конструкции, которые, в свою очередь, восходят к исполнению дуэтом. Фонетическая организация библейского стиха отличается обилием аллитераций, ассонансов, сложной, эффектной звукописью. [2; 13-14]

Обращение к Псалтыри как к источнику поэтического вдохновения не случайно. Перелагатели выступали в нескольких ипостасях: «Это и поэт прославляющий творца, и, главное, человек определенной биографии, судьбы, нравственного эмоционально-волевого склада, в котором выделе-

ны мужество, стойкость, верность своему призванию», - пишет В. А. Котельников. [3; 33]. Размышляя о мироздании, нравственном законе, человеческой сущности, поэт постоянно соотносит общепризнанные взгляды со своими собственными, и это приводит к проявлению в тексте собственно автора, что явно прослеживается в духовной лирике XVIII века. Переход от биографической личности поэта к воплощению лирического переживания не всегда возможен. В XVIII веке чувства автора, как правило, синтезировались, духовно обогащались и переходили в разряд общечеловеческих качеств.

Степень подобия образа автора и лирического героя обуславливается близостью психологического портрета, биографии, взглядов на жизнь, но при этом «восприятие лирического героя требует учета его эстетической «разыгранности» - его неразделенности с автором и неслиянности, несовпадения с ним», - замечает Бройтман [1; 143].

Ярким примером подобного творчества являются переложения псалмов М.В. Ломоносова. Среди парафразов Ломоносова есть как переложения, которые, по сути, не являются вольными, т. е., поэт просто интерпретирует текст Псалтыри в стихотворную форму. Это, например, переложение 26 псалма, которое практически целиком соответствует по смыслу библейскому тексту: *«Господь, спаситель мне и свет:/Кого я убоюсь?/Господь сам жизнь мою блюдет:/Кого я устращуся?/Во злобе плоть мою пожрать/Противны устремились;/Но злой совет хотя начать,/Упадши, сокрушились»* [4, 93].

В оригинале: «Господь просвещение мое и спаситель мой, кого я убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого устращуся? Внегда приближатися на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша» [21; 53].

Или: *«Хоть полк против меня восстань,/Но я не ужасаюсь./ Пускай враги воздвигнут брань;/ На бога полагаюсь»* [4; 93].

В оригинале: «Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю» [7; 53].

Даже при самом неглубоком анализе подобных переложений можно с уверенностью сказать, что автор старается здесь четко придерживаться сходства с образцом. Подобным примером также может служить переложение псалма 1, которое начинается так: *«Блажен, кто к злым в совет не ходит,/ Не хочет грешным в след ступать,/ И с тем, кто в пагубу приводит/ В едином месте заседать./ Но мысль и волю подвергает/Закону Божию во всем,/ И точно оный соблюдает/Во всем течении своем»* [5, 16].

Для сравнения, начало псалма звучит так: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь». [21; 13]. Следует отметить, что сам Ломоносов в некоторой степени чувствовал себя связанным необходимостью близко придерживаться ори-

гинала: *«И так злодеи не восстанут/ Пред Вышнего Творца на суд;/ И праведны не воспомянут/В святом соборе их отнюд./ Господь на праведных взирает/ И их в пути своем хранит,/От грешных взор Свой отвращает/ И злобный путь их погубит»* [5; 16], – читаем мы в переложении псалма 1, и эти строки могут служить подтверждением слов Ломоносова, настолько близко они находятся к строкам самой Псалтыри: «Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» [7; 13].

Однако у Ломоносова есть парафразы, которые до некоторой степени опровергают его же собственное мнение. На первый взгляд, мы можем поставить в ряд своих предыдущих примеров еще одно переложение: довольно близко к тексту переложен на стихи псалом 103. Однако здесь поэт дает уже большую волю своей художественной фантазии; это можно заметить, если как следует вчитаться в строчки парафразы и самого псалма: *«Да хвалит дух мой и язык/ Всесильного творца державу,/ Великолепие и славу,/ О боже мой, коль ты велик!! Одеян чудной красотой,/ Зарей божественного света,/Ты звезды распростер без счета/ Шатру подобно пред собой»* [4; 96].

Сравним с текстом Псалтыри: «Благослови душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велелепоту облеклся еси. Одеядся светом яко ризою, простираяй небо яко кожу» [7; 106].

Нетрудно заметить, что при сохранении основы библейского текста, его идейной и смысловой направленности, Ломоносов здесь избирает уже путь некоего преобразования псалма. Например, он применяет исключительно свои поэтические сравнения: «Одеядся светом яко ризою», «Одеян чудной красотой, Зарей божественного света» – налицо явная поэтическая переработка текста Псалтыри. В отличие от переложения псалма 26, где строки библейского текста просто переводились в стихотворную форму, причем построчно, едва ли не слово в слово, без всяких дополнительных и отличных от оригинала сравнений или метафор. Вот еще один пример: «простираяй небо яко кожу» – эта короткая строчка из Псалтыри соотносится в стихотворном переложении с оригинальным сравнением «Ты звезды распростер без счета Шатру подобно пред собой».

Таким образом, в этом парафразе мы уже имеем дело с творческим переосмыслением псалма. Содержание, смысл его при этом не меняется, но в переложении появляются художественные обороты, не свойственные библейскому тексту: *«Ты землю твердо основал,/ И для надежныхя окрепы/ Недвижны положил заклы,/ И вечну непреклонность дал»* [4; 96].

В Псалтыри: «Основаяй землю на тверди ея, не преклонится в век века» [7; 106]. Ни о каких «заклепах» в тексте псалма речь, разумеется, не идет.

Ломоносов начинает отступать от прямого библейского текста и вводить собственные художественные средства стараясь сделать стих более

музыкальным, мелодичным. Парафраз псалма 103 более мелодичен, чем псалма 26.

Ломоносов по-своему интерпретирует текст псалма уже не только в плане формы, но и в плане содержания. Тенденция к этому намечается уже в том самом переложении псалма 103. Кроме своих художественных средств поэт наполняет его подробностями, идущими от него непосредственно: *«Ты повелел водам парами,/Всходить, сгущаяся над нами,/Где дождь рождается и снег»* [4; 96].

Верность источнику очевидна, но заметны и особенности, внесенные поэтом. Пока это не более чем подробности, не в коей мере не противоречащие смыслу библейского псалма, а только дополняющие его. Но Ломоносов в своих переложениях продвигается еще глубже в смысл псалма: *«Склони, Зиждитель, небеса, /Котись горам, и воздымятся. /Да паки на земли явятся/ Твои ужасны чудеса. /И молнией Твоей блесни,/Рази от стран гремящих стрелы, /Рассыпь врагов Твоих пределы, /Как бурей, плевы разжени. /Меня объял чужой народ,/В пучине я погряз глубокой. /Ты с тверди длань простри высокой, /Спаси меня от многих, вод»* [4; 96].

В этом переложении псалма 143 Ломоносов позволил себе незначительное, на первый взгляд, почти незаметное отступление от исходного текста, но результаты его оказались значительными. В тексте подлинника стоит: «моих врагов», и стоит не прямым текстом, узнать об этом мы можем лишь контекстуально: «Блесни молнию, и разнежеши я, послы стрелы Твоя, и разнежеши я. Послы руку Твою с высоты, изми мя и избави мя от вод многих, из руки сынов чуждых...» [7; 106]. Автор ветхозаветного текста просит отмстить врагам, нанесшим обиду и вред ему. Ломоносовский герой прямо называет тех, с кем он борется, врагами самого зиждителя: «Это твои враги, я веду с ними смертельную борьбу; ты должен вступить, ибо, хоть я и родствен тебе своею нравственной и духовной природой, во мне бьется человеческое сердце, оно может не выдержать, жизни моей может не хватить, чтобы победить зло; «Простри длань», «Спаси меня», – говоря это, я не своего прошу, но твое отстаиваю; мне не защита, а правда нужна» [6; 34].

Как известно, переложение псалма 143 было своеобразным поэтическим состязанием, состоявшимся между Ломоносовым, Сумароковым и Третьяковским в 1743 г. Ломоносов сумел в переложимый псалом вложить и свои собственные переживания, свое возмущение хозяйничавшими в Петербургской Академии наук реакционерами, по большей частью иностранцами: *«Вещает ложь язык врагов,/ Десница их сильна враждою,/ Уста обильны суетою;/Скрывают в сердце злобный ков./...Избавь меня от хищных рук/ И от чужих народов власти:/ Их речь полна тщеты, напасти,/ Рука их в нас наводит лук»* [4; 96].

Мягко и незлобиво звучат с этими строфами стихи Сумарокова: *«Не приклони к их ухо слову:/ Дела их гнусны пред тобой,/ Я воспую тебе песнь*

нову,/ Взнесу до облак голос мой/И восхваляю тя песнью шумной/ В моей Псалтыре многострунной» [8; 87].

Тредиаковский также довольно мирно описывает врагов псалмопевца: *«Их сокровище обильно,/ Недостатка нет при нем,/ Льет довольство всюду сильно,/ И избыток есть во всем:/Овцы в поле многоплодны,/И волов стада породны...» [9; 29].*

Различия видны в самом тоне переложений. По сравнению с переложением Тредиаковского, написанного в духе народных песен, версия Ломоносова звучит более торжественно.

Эти три оды схожи правильной строфической стройностью, однако различаются размером: в оде В.К. Тредиаковского тринадцать строгих 10-строчных строф, у А.П. Сумарокова – одиннадцать 6-строчных, у М.В. Ломоносова – пятнадцать 4-строчных.

Таким образом, можно сказать, что М.В. Ломоносов в переложениях псалмов проделал огромный творческий путь: от поэтического осмысления псалмов и творческой переработки их формы путем добавления в переложения собственных художественных средств до вложения в псалмы собственных переживаний, до отступлений не только от формы, но и от содержания. В стихотворениях Ломоносова развивается мысль, ставшая впоследствии поэтической традицией для многих поэтов. Прежде всего – это идущий от Библии пафос справедливости и милосердия, неутолимая жажда познания, раздумья о сущности бытия, о месте человека в мире, о его отношении к Творцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины./ Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др. / Под ред. Л.В. Чернец. – М., 2000.
2. Гребнев Н. Книга псалмов./ Предисловие Ш. Маркиша, послесловие С.С. Аверинцева. – М., 1994.
3. Котельников В.А О христианских мотивах у русских поэтов. Статья первая //Литература в школе. – 1994. – №1
4. М.В. Ломоносов. Сочинения. – М., 1957.
5. Ломоносов М.В. Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е.Н. Лебедева. – М.: Сов. Россия, 1984.
6. Морозов А.А. Ломоносов. – М., 1965.
7. Псалтирь с поминовением живых и усопших. – М.: «Ковчег», 2001.
8. А.П. Сумароков. Сочинения. – М., 1999.
9. В.К. Тредиаковский. Сочинения. – М., 2002.

*И.Н. Ющенко,
магистрант БГПУ им. М.Акмиллы (г. Уфа)*

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В ПОЭМЕ А.АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»

Серебряный век сейчас является предметом многих исследований, в результате чего открыты новые грани развития и взаимодействия искусства, мифологии, религиозной, философской и научной мысли конца 19 – начала 20 века, когда происходило интенсивное развитие религиозно-философской мысли, шли напряженные мировоззренческие поиски во многих областях духовной жизни человека. В этот период формируется новое планетарное сознание человечества, и вопросы диалога культур, мировоззрений занимают ведущее место в искусстве, в частности в литературе.

Писатели и поэты XIX – начала XX веков в большинстве своем были людьми верующими, на высоком уровне владели учением православной веры и создавали на ее основе свои литературные произведения. Особое значение для писателей и поэтов в этом ключе имело Священное Писание.

Образы и мотивы Священного Писания становятся для Ахматовой средством художественного осмысления действительности, а картины Апокалипсиса – символом ее эпохи. Наиболее ярко они представлены в ее поэме «Реквием». Уже само название поэмы раскрывает возможность осмысления созданного поэтом художественного образа мира. «Реквием» – это заупокойное католическое богослужение, траурная месса по усопшему; более общий смысл этого слова – поминовение умерших, поминальная молитва. Весь «Реквием» буквально пронизан библейской образностью. На масштаб событий, о которых идет речь в поэме, указывают первые строки «Посвящения»: «Перед этим горем гнутся горы, / Не течет великая река...» [3] Эти строки, воссоздающие образ мира, вводят произведение в пространство библейского текста, заставляют вспомнить апокалиптические картины и образы: «Горы сдвинутся и холмы поколеблются...» (Ис.54, 10); «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Отк. 6, 14).

Знаком апокалиптического мира является образ застывшей «великой реки» – Невы. Нева в поэме – это и образ «Леты-Невы», «пропуск в бессмертие». За образом Невы в «Реквиеме» угадывается и библейский образ «реки Вавилонской», на берегу которой сидит и плачет разоренный народ, вспоминая о своем прошлом. Такие ассоциации возникают неслучайно: трагично звучит в «Реквиеме» главная тема 136 псалма «На реках Вавилонских...» – тема «пленения» народа-богоборца безбожной властью: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья...» (Пс.136, 1-3).

Если Нева в «Реквиеме» воспринимается как река Вавилонская, то естественно, что Ленинград может быть осмыслен как земля разоренная, «земля чужая». Эти библейские образы актуализируют в «Реквиеме» и еще одну отчетливо звучащую в псалме «На реках Вавилонских...» тему вынужденного молчания. В поэме Ахматовой эта тема приобретает особенную остроту.

Образ плененного города, в котором невозможно петь, сливается в «Реквиеме» с образом города «одичалого». Эпитет «одичалая» («По столице одичалой шли»), употребление которого по отношению к столице, городу, также отсылает к Библии. Вписываясь в контекст 136 псалма, образ одичалого города в то же время восходит к «Книге пророка Софонина»: «Горе городу нечистому и оскверненному притеснителю!.. Князя его посреди него – рыкающие львы, судьи его – вечерние волки, не оставляющие до утра ни одной кости... Я истребил народы, разрушены твердыни их; пустыми сделал улицы их, так что никто уже не ходит по ним; разорены города их: нет ни одного человека, нет жителей» (Соф.3, 1-6).

Годы, проведенные героиней в тюремных очередях, названы в "Реквиеме" "осатанелыми". В семантическом пространстве поэмы образ осатанелых лет и осатанелого города соотносится с одним из основных образов поэмы – образом звезды. Интересно, что сама близость этих образов оказывается обусловленной библейским текстом: под звездой в Апокалипсисе понимается Сатана, которого сбрасывают с неба на землю. Если Ангелы в библейском тексте уподобляются звездам (Иов. 38, 7; Отк. 12, 4), то Сатана, будучи архангелом, - "деннице", т.е. яркой звезде (Ис. 14, 12).

Образ звезды, огромной, застывшей и яркой, являясь в поэме главным символом наступающего Апокалипсиса, напрямую соотнесен Ахматовой со смертью, жестко вписан в картину вселенской катастрофы [4]. На то, что звезда в поэме - образ апокалиптический, зловещий символ смерти, красноречиво указывает, в первую очередь, тот контекст, в котором он появляется в поэме:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.
(3, 23)

И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда. (3, 25)

Ахматовский образ звезды, яркой и падающей, восходит к Библии, его символика оказывается напрямую соотнесенной с библейским осмыслением образа, причем переключки поэмы с Книгой Бытия порой достаточно выразительны: «...И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба...» (Мф. 24, 29).

Среди библейских образов, "архетипичных для ситуации "Реквиема" (Л. Кихней), главное место, безусловно, занимают образы распинаемого Сына и присутствующей при казни Матери.

Появление в тексте поэмы о смерти картины Распятия, центрального эпизода Нового Завета, получает на сюжетном уровне следующее объяснение. Картины и образы новозаветной трагедии возникают в сознании героини подобно видению на грани жизни и смерти, когда «безумие крылом души накрыло половину...»

Близость «Распятия» к своему источнику – Священному Писанию закрепляется эпитафией к главе: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи» (3, 28). Делая эпитафией слова из ирмоса IX песни канона службы в Великую Субботу, Ахматова соединяет страдания распятого сына и присутствующей при казни Матери в пронзительный художественный образ.

Ориентация на библейский текст чувствуется уже в первых строках фрагмента – в описании природных катаклизмов, сопровождающих казнь Христа. В Евангелии от Луки читаем: «...и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась посередине» (Лк. 23, 44-45). Адресованный Отцу вопрос Иисуса «Почто меня оставил?» также восходит к Евангелию, являясь почти цитатным воспроизведением слов распятого Христа: «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элон! Элои! ламма савахфани? – что значит: Боже мой! Боже мой! для чего ты меня оставил?» (Мк. 15, 34).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в тексте Евангелия слова Иисуса обращены не к матери, а к сопровождавшим его женщинам, «которые плакали и рыдали о Нем» (Лк. 23, 27). Адресуя слова Сына непосредственно Матери, Ахматова тем самым переосмысливает евангельский текст. Намеренное несовпадение с традицией, отступление от образца призвано выявить замысел автора, акцентировать в нем самое существенное.

Казнь Иисуса Ахматова называет «великим часом», потому что своей смертью Иисус искупил грехи людей и стало возможным духовное возрождение человечества.

А.Ахматова не изображает глумление толпы над Спасителем. Она передает сострадание тех, кто может взять эти муки на себя: «Магдалина билась и рыдала», «ученик любимый каменел» от горя, а скорбящая мать стояла молча, ведь страдание ее было велико...

Предлагаемое в «Реквиеме» осмысление новозаветной трагедии полностью в рамки канона не вписывается. «В новой, ахматовской трагедии смерть сына влечет за собой смерть матери», а потому созданное Ахматовой «Распятие» – это Распятие не Сына, а Матери. Именно так прочитывается эта кульминационная сцена Евангелия в «Реквиеме». Если говорить об ориентации на Священное Писание, то в своей трактовке центрального эпизода Евангелия Ахматова ближе к Евангелию от Иоанна. В нем обращается внимание на то, что «при кресте Иисуса стояла Мать Его...» (Ин.

19, 25), и рассказывается, как Сын Человеческий в минуту страшных мучений не забыл о Матери своей: «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя!» (Ин. 19, 26-27). Не может не поразить тот факт, что и Марк, и Матфей, и Лука, перечислив по имени некоторых женщин, присутствовавших при казни: «между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломня» (Мк. 15, 40), – ни слова не сказали о Матери.

Таким образом, переоценить роль «библейского» пласта в «Реквиеме» невозможно. Проецируя все произведение в пространство смерти, «вечные образы» культуры передают основное ощущение эпохи 30-х годов – ощущение призрачности, нереальности происходящего, межрубежья жизни и смерти, обреченности и духовной катастрофы – трагическое предчувствие конца эпохи, гибели поколения, собственной смерти. Через символику Апокалипсиса, через образы абсурдного и перевернутого бытия «вечные образы» Священного писания вели Ахматову к реконструкции целостной картины трагической эпохи кровавого террора, к воплощению образа мира иррационального и катастрофического, но главное – обреченного в беспасеяемого. Именно такой виделась Ахматовой современная действительность – «апокалиптическая эпоха, протрубившая боевой сигнал к охоте на человека».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собр. соч. – В 6 т. – М., 1998. – Т.3. – С. 22.
2. Эткинд Е. Г. Бессмертие памяти. Поэма Анны Ахматовой «Реквием» // О русской поэзии XX века. – СПб., 1997. – С. 358.
3. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой Тайны ремесла. – М., 1997. – С. 62.

Хазан В.И. Материалы к спецкурсу «Из истории русской поэзии серебряного века». – Вып. I. – Грозный, 1992. – С. 88.

Научное издание

**ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В КУЛЬТУРЕ
И ОБРАЗОВАНИИ**

Материалы

*VI Международной научно-практической конференции,
приуроченной к 180-летию со дня рождения М. Акмуллы
16 декабря 2011 года*

Публикуются в авторской редакции

Технический редактор И.В. Пономарев

Верстка О.С. Тарасенко

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 28.11.2011.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. –18,7. Уч.-изд. л. – 18,5.

Тираж 500 экз. Заказ №

ИПК БГПУ, 450000, г.Уфа, ул.Октябрьской революции, 3а